

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(РГГУ)

На правах рукописи

Асташов Александр Борисович

ФРОНТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКИХ СОЛДАТ,
АВГУСТ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава первая	21
Историографические и источниковедческие проблемы исследования	21
§ 1. Историография	21
§ 2. Источники	50
Глава вторая	
Мобилизация на Русском фронте	57
§ 1. Социальный состав русской армии	57
§ 2. Русский фронт в контексте социальной географии	74
§ 3. Мотивация и боевой дух русской армии	93
§ 4. Солдат-крестьянин на войне	109
Глава третья	
Историко-антропологические аспекты фронтальной повседневности	129
§ 1. Восприятие солдатами технического характера военных действий	129
§ 2. Фактор «чужой территории» на Русском фронте	135
§ 3. Тяготы повседневной службы в войне	149
§ 4. Солдатские массы и офицерский состав: кризис армейской иерархии	172
§ 5. Психопатология поведения солдатских масс на войне	184

Глава четвертая	
Дисциплина и мораль в русской армии	195
§ 1. Преступление и наказание в русской армии	195
1. Бегство в плен и борьба с ним	195
2. Дезертирство как «уход от войны»	202
3. Членовредительство и военно-медицинский контроль над телом	207
4. Преступление и проступок в контексте социальной истории войны войне	215
§ 2. Солдатские массы в информационном поле войны	227
1. Пропаганда на Русском фронте	227
2. Морально-религиозные аспекты антивоенных настроений в армии	238
Глава пятая	
Формирование гражданской позиции солдат русской армии	247
§ 1. Воюющий человек на Русском фронте и его связи с тылом	247
§ 2. Гендерные основания морального кризиса русской армии	255
§ 3. Русская армия в социально-политическом кризисе 1916-1917 гг.	267
§ 4. Моральный кризис русской армии и анатомия солдатского бунта	277
Заключение	298
Приложения	304
Список использованных источников и литературы	325

Введение

Актуальность темы исследования.

Первая мировая война оказала огромное влияние на судьбы всего человечества в XX века со всеми его трагическими коллизиями, последствия которых сказываются и по сей день. В одних странах она явилась проверкой нации к защите своих общественно-политических и социально-экономических ценностей, что сохранила историческая память этих сообществ. В других странах военное время положило начало масштабным преобразованиям существовавших и утверждению новых социально-политических институтов, как это произошло в России после 1917 года¹. Сегодня очевидно, что опыт войны, начавшейся более 100 лет назад, трудно переоценить. Многомиллионные массы обычных людей не были готовы к усвоению стратегий выживания в экстремальных обстоятельствах. Вместе с тем, представители различных социальных слоев и этносов по-разному адаптировались к неожиданным ситуациям. Полученный военный опыт изменил само мировосприятие человека того времени, что сказалось на его поведении в послевоенное время².

К сожалению, до последнего времени проблематика, связанная с войной и ее последствиями, не получила всестороннего изучения. В западной историографии больше изучается восприятие войны фронтовиками в нравственном, социально-психологическом отношении. Только в последнее время стали появляться работы о влиянии полученного опыта на социально-политические процессы, в том числе на рост насилия в послевоенной Европе.

¹ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015.

² Мировые войны XX века: В 4 кн. М.: 2002. Кн. 1: Первая мировая война. Ист. Очерк. С. 18–19; Leed E.J. No Man's Land: Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 1–12.

В отличие от западной историографии, военный опыт 1914–1917 гг. анализировался советскими и российскими историками весьма односторонне. Соответственно идеологическим представлениям значение мировой войны принижалось по сравнению с событиями революции 1917 г. Считалось, что именно она «до основания» потрясла капиталистический мир. По этой причине на протяжении многих десятилетий советские авторы полагали, что революция в России в том виде, в каком она произошла, отнюдь не включала в себя человеческую реакцию на бесчеловечную войну. До сих пор российские исследователи предпочитают оценивать эту войну преимущественно по геополитическим, политическим, экономическим и прочим «макро» показателям, оставляя в стороне ее социокультурное и морально-психологическое содержание³. Как результат, «человеческая», личностно-психологическая история войны остается представленной крайне бедно. Не удивительно, что на этом фоне возникают не только деформированные представления о ходе войны, но и всевозможные домыслы и фантазии относительно предреволюционного состояния российского общества. Между тем, изучение поведения человека на войне позволяет понять роль трансформации сознания и психики обычных людей, ставших в своей массе активными участниками как деструктивных процессов во время войны, так и социально-политических преобразований в послевоенное время.

Во время войны люди, представители самых различных социальных слоев не просто получали новый военный опыт – менялось все их мировоззрение, образ мысли и действий. Это сказалось не только на глубочайших социально деструктивных процессах, поразившей армию и страну, но и на последующих особенностях преодоления системного кризиса в России. В этом смысле изучение опыта войны, полученного широкими солдатскими массами в ходе фронтовой повседневности, актуально с точки зрения изучения назревания и преодоления кризисных ситуаций на

³ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014.

микроуровне человеческой психики. Война в случае России не только подготовила распадение старых государственных структур, но и активизировала поведение «среднего» – в прошлом косного и инертного – человека традиционного общества. Истоки этого процесса – во фронтовой, в том числе «окопной» жизни простых людей, оторванных от привычных занятий мирного времени⁴. Какова роль войны в формировании самого субъекта последующих грандиозных социальных и политических изменений в России является одной из важнейших проблем исследования.

Актуальное значение имеет и сравнение опыта европейских фронтовиков с опытом российских фронтовиков, принявшим активное участие не только в сломе военной машине, но и ставших важнейшими акторами революционных процессов в России во время самой войны. Это ставит вопрос о характере самой войны и полученном в ходе нее военного опыта для формирования гражданских позиций комбатантов различных стран. Такое сравнение военного опыта еще более актуализирует проблему использования общих подходов и методов, наработанных современной историографией в отношении армий всех участников Великой войны.

Объектом исследования является солдатские массы русской армии на Русском (Восточном) фронте в годы Первой мировой войны. В общей сложности на войну было призвано свыше 15 млн. человек, все они так или иначе вынуждены были приспособляться к условиям существования в непривычных обстоятельствах в ходе фронтовой, включая окопную, повседневности.

Предметом исследования является воздействие на солдат-фронтовиков военного опыта, полученного в рамках фронтовой повседневности во время войны, ведущейся с широким и длительным применением постоянно

⁴ Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 58–67.

совершенствующихся технических средств поражения и в силу этого требующей специфической организации ведения военных действий.

Хронологические рамки исследования охватывают события на Русском фронте с начала Первой мировой войны до Февральской революции 1917 г.

Географический ареал Русского фронта охватывает полосу противостояния передовых линий и ближайшего тыла русской армии и армий Австро-Венгрии и Германии. Учитываются и соответствующие перемещения войск.

Цель исследования – выявить особенности и результаты воздействия технической войны на ее участников, преимущественно выходцев из традиционных (крестьянских) слоев российского общества. Основное внимание уделяется анализу деформации прежнего социального (мирного) опыта в экстремальных условиях тотальной войны, трансформации ментальности солдатских масс под влиянием фронтовой повседневности и выработке новых настроений, нацеленных на решение широкого круга послевоенных – от социально-бытовых до социально-политических – проблем.

Задачи исследования

- проанализировать основные направления и состояние научной разработанности проблемы;
- выявить круг источников, позволяющих решить поставленные в исследовании задачи;
- охарактеризовать положение Русского фронта в качестве новой полосы обитания и труда солдатских масс с точки зрения его географо-климатической специфики, особенностей инженерного строительства,

боевого и материально-технического снабжения, организации солдатского быта;

- проанализировать особенности социального и морально-психологического состояния русской армии, меняющегося в ходе эскалации военных действий;

- исследовать приемы и эффективность действий военного командования для обеспечения боеспособности, поддержания боевого духа воинского состава российской армии в дисциплинарном, пропагандистском и морально-религиозном аспектах;

- выявить влияние тягот фронтовой повседневности на психологическую адаптацию и дезадаптацию, включая ее психопатологические проявления, солдат к современной технической войне как части военного опыта;

- выявить мотивацию и специфику «ухода от войны» на Русском фронте путем сдачи в плен, дезертирства, членовредительства и других воинских преступлений и девиаций, оценивая эффективность противодействия этим процессам со стороны командования;

- определить характер связей воющего человека, главным образом солдат-крестьян, с тылом: «малой родиной», крестьянским обществом, членами крестьянского хозяйства, большой и малой семьей;

исследовать гендерные аспекты жизнедеятельности солдатских масс в непривычных военных условиях в отрыве от семьи;

- проанализировать изменение настроений и формирование новых жизненных установок солдат-фронтовиков под влиянием практик выживания в экстремальных обстоятельствах;

- проанализировать истоки и направленность бунтарских и антивоенных настроений солдатских масс накануне Февральской революции как следствие военного опыта, полученного в рамках фронтовой повседневности.

Методология исследования

Первая мировая война рассматривается в исследовании как «современная» («индустриальная», «тотальная») война, противопоставляемая войнам «традиционным». Основными особенностями современной войны являются ее глобальный характер (мировой конфликт), высокая интенсивность военных действий, господство технических видов вооружений, защиты, коммуникаций и т.п., широкий территориальный размах, включающий как собственно линию огня, фронт, так и обширные районы с населением, воспринимающиеся как «чужие», всеобщая мобилизация гражданского населения для непосредственного ведения военных действий, а также оборонительных работ, взаимозависимость между фронтом и тылом. На макроуровне такая война тяготеет к всеохватности, тотальности, мобилизации всех материальных и моральных ресурсов общества. Эта тотальность возможна только при морально-политическом единстве комбатантов и гражданского населения, что предполагает наличие необходимого уровня образования, действенной пропаганды, поддержки всем населением господствующих в обществе общественно-политических ценностей и символов⁵. Человек в такой войне становится важнейшим соединительным звеном между фронтом и тылом. В качестве представителя тыла фронтовик несет на себе груз прошлого социального опыта, ментальности, производной от социально-политических факторов. С другой стороны, организация, индустриализация военных действий требует от фронтовика высокой степени дисциплинированности, соответствующей характеру военного производства. Следствиями такого способа ведения

⁵ Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 46–70; Строчков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. С. 23–40; Д. Байрау. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 28–48; Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16; John Bourne. The Great War; Mark Roseman. The Social Impact of Total War // *The Oxford History of Modern War*. Edited by Charles Townshend. New York, Oxford University Press Inc, 2000. P. 117–137, 208–302.

военных действий являются господствующая рациональность, отчуждение, «оповседневнивание» даже чрезвычайных событий – страданий, встречи со смертью и т.п. Ратный труд приобретает рутинный характер технологии производства в определенной среде и в привычном коллективе. Тем самым обнаруживаются серьезные противоречия между человеком, с его обычными представлениями, и требованиями войны, воспринимаемыми как бесчеловечные, нерациональные. Такая практика фронтовой повседневности характерна для любого общества, даже достигшего высокой степени индустриализации⁶. Тем большим был эффект фронтовой повседневности на солдатские массы, не имевшие опыта труда и борьбы в рамках индустриального общества.

Под повседневностью в данной работе понимается военно-хозяйственная деятельность по обслуживанию передовой полосы, рутинные практики ратного труда⁷ в отличие от праздников, парадов и т.п.; работа именно солдат-окопников по сравнению с деятельностью офицерства среднего и высшего звеньев или «элитных» армейских групп (авиаторов, пулеметчиков и т.п.); область обыденного, не идеологизированного (или ложно идеологизированного) сознания и чувствования (в отличие от пропагандистских штампов)⁸.

В центре настоящего исследования стоит понятие военного опыта. В западной историографии под «военным опытом» понимается преимущественно текущие военные субъективные переживания и представления, оказывающие влияние на последующую судьбу комбатантов и их социальное окружение, формирование исторической памяти,

⁶ *Leed E.J.* Op. cit. P. 1–12; *Leed E.J.* *Fateful Memories: Industrialized War and Traumatic Neuroses* // *Journal of Contemporary History*, Vol. 35, No. 1, Special Issue: Shell-Shock (Jan., 2000), pp. 85–100.

⁷ *Людтке А.* Указ. соч. С. 212–237.

⁸ *Кром М.М.* *Историческая антропология. Учебное пособие.* СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. С. 173–175; *Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* *Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии.* М.: ИРИ РАН, 2017. С. 9–11.

«историческое переживание»⁹. В случае России фронтовики не только являлись носителями «исторического переживания», но и применяли военный опыт для социально-политического переустройства в само военное время. Тем самым военный опыт являлся важным компонентом деятельности в ходе самой войны. Очевидно, что на войне происходит интенсивное взаимодействие прежнего (мирного) и нового (военного) опыта. Автор настоящего исследования поддерживает точку зрения Л.П. Репиной, которая считает, что категории «исторического переживания» и «исторического опыта» образуют основу внутренней связи субъекта истории и объективных (материальных и духовных) условий его деятельности. Исходя из аналогичных посылок, американский социолог и историк Ч. Тилли сформулировал главную задачу социальной истории как реконструкцию опыта переживания человеком крупных структурных изменений¹⁰. Такой подход вполне применим к исследованию феномена «человека на войне». Решение этой задачи, в свою очередь, предполагает трехступенчатую программу: 1) исследование крупных структурных изменений военного состояния общества (русской армии в боевой полосе); 2) описание жизни и настроений простых людей в ходе этих изменений; 3) нахождение связи между первым и вторым. Соответственно этому исследователь в ходе социально-исторического анализа призван сочетать структурный и антропологический подходы. Необходимо не только показать «картину мира», т.е. представления и ценности, которыми люди руководствовались в своей деятельности, но и выявить, чем определялось их изменение, т.е. внести в изучение ментальностей историческую каузальность. Необходимо

⁹ Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / Редкол: И.В Нарский и др. Челябинск, 2007. С. 28; Leed E.J. Fateful Memories: Industrialized War and Traumatic Neuroses // Journal of Contemporary History, Vol. 35, No. 1, Special Issue: Shell-Shock (Jan., 2000), pp. 85–100; Fussell P. The Great War and Modern Memory. Oxford University Press, 2003.

¹⁰ Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990 г. М., 1990. С. 167–181; она же: Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. (Образы истории). М.: 2011. С. 173.

рассмотрение исторической реальности во всем многообразии и единстве ее составляющих, в диалектической взаимосвязи объективных условий и субъективного фактора с учетом непрерывного изменения их соотношения. Это позволяет соединить структурный, антропологический (деятельностный) и психологический (личностный) аспекты изучения исторического прошлого. Таким образом, предстоит описание как объективных процессов, определяющих основы общественной практики, так и осознание их субъектами исторического действия¹¹.

Понимание исторической реальности в свете указанных подходов диктует и уточнение объекта исследования – человека на войне, носителя определенной ментальности и социального опыта, подвергающихся стрессовому воздействию в ходе технической войны. После войны мы имеем «измененного» человека, в котором старый социальный опыт дополнился (деформировался) под воздействием военного (по существу мобилизующего социального) опыта. Полученный на войне опыт помогает выработке новых установок мирной жизни. Предполагается, что таким образом может происходить тотальное изменение ментальностей. Рассмотрение экстремального взаимодействия новой (военной) реальности с прошлым (мирным) социальным опытом человека составляет центральную задачу исследования.

Для решения этой задачи автор использует, прежде всего, классические приемы исследования структур армейского организма методами военной социологии и психологии, представленными в работах Н.Н. Головина, В.И. Серебрянникова, И.А. Строкова¹². Вместе с тем, при анализе деятельности армейских структур и поведения солдатских масс использовались общенаучные методы исследования: эмпирический, историко-генетический,

¹¹ Tilly Ch. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. Russell Sage Foundation, New York, 1984; Tilly Ch. *Wiae Quacks // Rethinking Social Movements: Structure, Meaning, and Emotion*. Front Cover. Jeff Goodwin, James M. Jasper. Rowman & Littlefield, 2004. P. 31–39.

¹² Головин Н.Н. О социологическом изучении войны // Осведомитель. 1937, N 4. С. 1–13; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1–2. Париж, 1939; Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997; Строков А.А. Указ. соч.

сравнительный. При анализе массива писем и военно-цензурных отчетов (составивших основу источниковой базы исследования) применялся контент-анализ: подсчет упоминаний о тех или иных «настроениях», отношении к различным явлениям фронтовой жизни на различных фронтах на протяжении войны. Использовался также метод герменевтики: «вживание в текст» людей минувшей культуры, оказавшихся в «пограничной» (между жизнью и смертью) ситуации.

Войны составляют этапы экстремального опыта человечества. В силу этого при анализе военной повседневности приходится уделять существенное внимание проблемам напряженных состояний человеческой психики. В работе используются теории аномии общества (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон)¹³. При анализе психопатологического состояния комбатантов применяются концепции стресса и дистресса, адаптации и дезадаптации, а также понятие культурного шока¹⁴. Вместе с тем, человек склонен к преодолению ограничений, противостоянию давлению извне, прорыву всевозможных барьеров (как внешних, так и внутренних) посредством активизации своего поведения¹⁵. Поэтому в работе учитываются идеи социологов, посвященных «столкновению культур» и процессам аккультурации в ситуациях культурного шока¹⁶.

В работе используются также методологические принципы «новой локальной истории»: в пространстве войны на Восточном (Русском) фронте выделяются особые локусы, отмеченные специфическими особенностями ратного труда. При этом, как показывает опыт, необходим учет не только массовой психологии, но и их особой «психопатологии» военного времени.

¹³ Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313; Дюркгейм Э. Самоубийство, СПб., 1912; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 110–112, 179–180, 195–196 и др.

¹⁴ Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М., 2009; Хелл Д. Ландшафт депрессии / Пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М., 1999; Юрьева Л.Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев, 2002 и др.

¹⁵ Штомпка П. Указ. соч. С. 217, 218.

¹⁶ Там же. С. 111.

Учитывается при этом, что поведение человека на войне определяется также информацией, получаемой из прежней мирной жизни, бывшего социального окружения, прежде всего, из привычного семейного круга. В сочетании с непосредственным военным опытом получаемая «из дома» информация закладывает новые представления о гендерной иерархии в обществе.

При анализе социокультурных параметров «рабочего войны», его места в «социальной географии» использованы идеи Э. Юнгера. Построения последнего помогают осмыслить тот психосоциальный разрыв с требованиями современной, технической войны, который возник у российского представителя традиционного общества. При рассмотрении фронтовой повседневности учитываются теоретические наработки А. Людтке, особенно роли «практики» в формировании способов восприятия и активности, при характеристике ратного труда, его пространства, параллелей между войной и «сталеплавильным заводом», зависимость боевого духа от рабочей морали и т.д. Таким образом, в основе методологии данной работы лежит историко-антропологический подход, отдающий приоритет изучению истории «снизу»¹⁷. Он дополняется опытом изучения истории «сверху»¹⁸. В целом из этого синтеза складывается, как представляется, «история изнутри». Именно такой угол зрения способен обеспечить целостное понимание истории развития России в переломный для страны момент. При этом с особой отчетливостью встает важнейший вопрос: способствовала ли война модернизации российского общества (что в той или иной степени произошло в европейских воюющих странах) или, напротив, произошел социокультурный «откат» в прошлое? Какие последствия для XX в. имела милитаризация общественного сознания?

¹⁷ Людтке А. Указ. соч.; *Его же*. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. История повседневности. СПб., 2003; *Его же*. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999;.

¹⁸ Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 76; Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 9–10.

Первую мировую войну можно представить как фактор силовой глобализации. Но этот процесс не мог не затронуть глубинных основ жизни традиционных общества. В этом контексте в данной работе рассматривается жизнь «исторического человека» традиционного общества, поставленного войной в критическую ситуацию и вынужденного делать необходимый выбор между установками традиционного общества и новыми ценностями¹⁹.

Научная новизна исследования

– В работе впервые рассматривается проблематика обретения военного опыта на всем пространстве Русского фронта за весь период ведения боевых действий (до Февральской революции);

– оценивается социальный состав Русской армии по максимальному спектру характеристик с точки зрения его соответствия характеру тотальной войны;

– раскрывается пространственно-хозяйственный аспект военных действий на Русском фронте;

– на основе анализа впервые вводимых в исследовательский оборот источников оценивается эффективность пропагандистского и морально-религиозного обеспечения борьбы;

– осуществляется антропологическое измерение «человека на войне» на Русском фронте, включая анализ тягот боевой жизни и солдатской повседневности;

¹⁹ См.: Булдаков В.П. Революционная «солдатизация» России и власть, 1917–1920 гг. // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX века. Тамбов, 2001. С. 115–135; *Его же*. Первая мировая война и коллизии российских культурных иерархий, 1914–1916. (К постановке проблемы) // Вестник Тверского государственного университета. Серия история. 2012. № 1. С. 3–18; *Его же*. Мировая война, элиты и массовая культура в России // Славяните. Общество, религия, культура. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012. С. 353–370; *Idem*. Mass Culture and Culture of the Masses in Russia, 1914–22 // Cultural History of Russia in the Great War and Revolution, 1914–22. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, and M. Stockdale. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2014. Pp. 25–52.

- впервые применяется методика анализа массовых источников личного происхождения для характеристики динамики настроений широких солдатских масс и мотивация их участия в войне;
- на основе большого массива документов впервые предлагается углубленный анализ причин деструкции армейского организма и попыток борьбы с ней дисциплинарными методами;
- впервые анализируется гендерный аспект морального кризиса русской армии с учетом связей солдат с тылом, семьей;
- впервые анализируются психопатологические проявления в качестве важнейшей составляющей трансформации поведения комбатантов в тотальной войне;
- проводится целостный анализ причин и масштабов солдатского бунтарства.

В целом впервые привлекаемый ранее не вводившийся в научный оборот обширный документальный материал основных архивохранилищ России, а также периодика периода Первой мировой войны, позволяют во всей полноте провести необходимые исследования как внутренних (с точки зрения настроений, ментальности), так и внешних (структурных) процессов в русской армии.

На защиту выносятся следующие положения и результаты.

Первая мировая война являлась войной нового типа, первой тотальной войной, втянувшей в себя громадную часть мирного населения. Участие в войне, военный опыт фронтовиков, окопников стали важными факторами кризисного вхождения России в эпоху современности.

Характер войны, связанный с крайней напряженностью, самой организацией военных действий, широчайшим применением неизвестных ранее средств поражения, вызвал настоящий культурный шок у основной

массы ее участников. Приобретаемый военный опыт привел к глубокой трансформации прежних представлений основной массы комбатантов, вызвал деформацию традиционных ценностей, особенно среди выходцев из крестьян. Это привело к возникновению весьма разнообразных и болезненных деструктивных явлений в армейском организме. Испытала кризис вся система военной иерархии, разрушилась традиционная субординация между офицерством и солдатами.

Дисциплинарные практики в армии не соответствовали ситуации тотальной «народной» войны. Начальствующий состав не сумел обеспечить поддержание необходимого боевого духа. Пропагандистское и религиозное обеспечение войны также оказалось недостаточным для успешного ведения боевых действий. Эскалация в солдатской среде пацифистских и антивоенных настроений стала неизбежной.

Причины широкого распространения у комбатантов угнетенных и депрессивных настроений свидетельствуют о кризисе аккультурации, порожденном столкновением культур – в данном случае традиционалистской ментальности и машинного характера новейших военных действий. В конечном счете, это обернулось неприятием войны, массовыми нарушениями воинской дисциплины. В результате война стала важнейшим фактором революционизирования России.

Практическая значимость полученных результатов связана с использованием автором методики анализа «ненамеренных свидетельств». Это позволяет глубже прояснить скрытые движущие силы общественных трансформаций в кризисных условиях, прежде всего, определить значимость действий низовых акторов исторического процесса на поворотных этапах истории.

Разработка новых пластов источников периода Первой мировой войны может послужить опытом в подобном исследовании следующего масштабного испытания – Великой Отечественной войне.

Результаты исследования открывают возможность изучения роли вооруженных сил в модернизационных общественных процессах. Соответственно открываются возможности для выработки профилактических мер против социальных потрясений.

Выявленный документальный материал, анализ особенностей мобилизации широких масс населения в чрезвычайных обстоятельствах позволяет по-новому строить национальную «политику памяти», призванную укреплять патриотические основы российской гражданственности.

Теоретическое и научно-практическое значение диссертации заключается в возможности использования ее выводов при изучении социальной истории и военно-исторических антропологических исследованиях истории России начала XX в.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий и учебных курсов по истории России XX столетия.

Апробация исследования. Основные положения диссертации отражены в монографии, статьях, документальных публикациях (общим объемом свыше 120 п. л.). Результаты исследования были изложены в докладах на международных конференциях и «круглых столах» (Москва, 2002, 2004, 2008, 2011, 2014, 2015, 2017; Санкт-Петербург, 2011, 2013, 2015, 2017), всероссийских (Москва, 1998, 2008, 2013, 2016, 2017) научных и научно-практических конференциях. Многие положения диссертации используются в курсах по истории России.

По теме диссертации опубликованы монография, 2 сборника материалов и документов, свыше 50 статей, в том числе 15 статей в журналах, рекомендованных для рецензирования ВАК, в которых нашли отражение теоретические принципы и результаты работы.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав основной части, заключения и списка использованных источников и литературы. Во введении обосновывается актуальность, научная новизна работы, определяются предмет, объект, хронологические рамки, цели и задачи, методологические подходы исследования. Первая глава диссертация посвящена историографическим и источниковедческим проблемам. В ней рассмотрена степень изученности исследуемых вопросов, а также охарактеризована источниковая база работы.

Диссертация посвящена трансформации ментальных представлений солдатских масс русской армии через военный опыт и практику окопной повседневности в годы Первой мировой войны. Исходная позиция такой практики – социальный состав, прошлый социальный опыт русской армии, условия существования на Русском фронте в виде особенностей истории и конструкции оборонительной позиции, ее технического обеспечения, идейно-нравственные ресурсы противостояния в индустриальной войне.

Непосредственный военный опыт солдатской массы раскрывается через историко-антропологический анализ окопной повседневности. В третьей главе, посвященной этим вопросам пребывания в современной войне, рассматриваются восприятие и влияние тягот боевой жизни, многочисленные аспекты нахождения воюющего человека в полосе военных действий и тыловой службы, в ландшафте и территории Русского фронта, психология и психопатология индустриальной войны. В условиях столкновения традиционалистски настроенных солдатских масс с реалиями технической, тотальной войны ставится вопрос о влиянии дисциплинарных практик и морально-политических инструментов на поддержание боевого духа, что является темой четвертой главы. В завершающей главе исследования прослеживается социально-политические, экономические, гендерные основания трансформации ментальности солдатских масс, получивших военный опыт и искавших его применения в гражданской жизни после окончания войны.

В заключении сформулированы выводы по ключевым проблемам диссертации.

Глава первая

Историографические и источниковедческие проблемы исследования

§ 1. Историография

Изучение проблемы фронтовой повседневности, военного опыта солдат на Русском фронте в годы Первой мировой войны в большой степени зависело от пропагандистских (в российской печати), политических (западной печати), идеологических (советской историографии) задач. Большое влияние в историографии имело привлечение различных корпусов источников, той или иной научной методологии, а также зависимость описываемых эпизодов от главного события России этого периода – революции 1917 г., где история армии и роль солдатских масс была чрезвычайно важной.

Первым опытом анализа фронтовой повседневности солдатских масс русской армии являлись статьи в русской и зарубежной печати (иностранных корреспондентов на Русском фронте). При этом авторы старались часто рассмотреть «человека» в солдате и, как правило, в его «бодром» состоянии. Исследования являлись по существу всего лишь заметками, наблюдениями с попыткой обобщения, носившими в целом публицистический характер. Подчеркивались особые свойства русского солдата: незлобивость к врагам, добродушие, нехвастливость, незаметность подвига с одной стороны, а с другой стороны – его упорство, безропотность²⁰.

²⁰ *Иванов А.И.* Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914–18 гг.) // Вестник СамГУ. 2005. № 4 (38). С. 87–96; *Муйжель В.* С железом в руках, с крестом в сердце. Пг., 1915; *Степун Ф.А.* (Н. Лугин). Из записок

Другая группа современников, в основном из среды общественников-оппозиционеров подчеркивали «угнетенное» настроение, недовольство войной, или ее непонимание солдатами вплоть до ее неприятия. Такие выводы широко представлены в воспоминаниях. Гуманистический акцент здесь усиливается; за личностью солдата свидетели-общественники пытались рассмотреть не только «нравственное богатство» солдата-окопника, но и его социальные чаяния, меняющиеся установки, влекущие его с войны домой. Во время революции 1917 г. авторы статей в периодической печати поставили вопрос о ее причинах, в частности о дисциплине в армии еще в мирное время, были высказаны идеи о природе дореволюционной армии и причинах ее краха, которые были развернуты позднее в эмигрантской военной историографии²¹.

Заслуживает внимания и оценка социальных процессов в русской армии лидером леворадикальных сил, главой большевизма. Несмотря на то, что В.И. Ленин исходил из политических соображений, в его анализе социально-политической ситуации в годы войны были сделаны ценные наблюдения о характере современной войны, как небывалого конфликта, требующего тотальной мобилизации страны²².

После революции в отечественной историографии надолго, вплоть до 50-х гг. XX в. возобладали специфические взгляды на историю русской армии в период Первой мировой войны как войны «империалистической»,

прапорщика-артиллериста. Томск, 2000; *Кондурушкин В.* Вслед за войной. Пг., 1915; *Ксюнин А.* Народ на войне. Пг., 1916.

²¹ *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записки. Л., 1927. Т. 2. М.; Л., 1928. Т. 1.; *Федорченко С.З.* Народ на войне. Киев, 1917; *Фурманов Д.* Дневник 1914–1915–1916. М., 1930; *Шкловский В.* Революция и фронт. Пг., 1921; *Степун Ф. А.* «Из писем прапорщика артиллериста», 1917, 2-е изд., Прага, 1926 и др.; Старый служака. Причины упадка дисциплины // «Разведчик». 1917. № 1403–1404. 15.10.1917. С. 507–509; № 1405–1406. 30.10.1917. С. 524–525.

²² *Ленин В.И.* Крах второго интернационала. ПСС. Т. 26. С. 118. М., 1969; «Государство и революция» // Ленин В.И. ПСС. Т. 33; *Он же.* Положение и задачи социалистического интернационала // Там же. Т. 26. С. 36–42; *Он же.* Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // Там же. С. 1–7; *Он же.* Европейская война и международный социализм // Там же. С. 8–11; *Он же.* Война и российская социал-демократия // Там же. С. 13–23.

навязанной населению царским режимом и странами Антанты. Эти взгляды определялись общей установкой того времени на мировую революцию, которой якобы и должна была закончиться такая война. В работах историков этого времени прошлое страны однозначно трактовалось как негативное. Мобилизация населения, боеспособность армии, вообще патриотизм рассматривались как задачи, недостижимые для решения в рамках старого режима. Сама армия как институт представлялась как наиболее репрессивная часть самодержавного строя. Стужались краски в изображении порядков в армии. Широко воспроизводились нехватки продовольствия, снаряжения, амуниции. Советские авторы этого периода много места уделяли реакции солдатской массы на условия ведения войны, подчеркивая «сознательный», «революционный» характер их антивоенных выступлений. При этом описание указанных черт поведения комбатантов страдали безапелляционностью, были малоубедительны.

В ранней советской историографии Первой мировой войны рассматривались и вопросы «ухода от войны», в частности – проблема сдачи солдат в плен, дезертирства, братаний и т.п. Однако эти явления растворялось в общих «антивоенных» и «революционных» настроениях и действиях солдат. Авторы указанного периода историографии не склонны были анализировать каждое из явлений деструкции в армии, не выясняли их мотивацию, обстоятельства, динамику и т.п.

В историографии социальной истории русской армии указанного периода «человек» начал исчезать, а на первое место выходили общеполитические настроения и установки «солдат», «солдатской массы», исходя из социологических схем. Собственно анализ солдатских протестов был минимален: авторы ограничивались самими фактами солдатского бунтарства, подчеркивали их «революционный», «сознательный» характер. В целом ни поставленная задача «вскрыть классовую природу выступлений»,

ни попытки представить «подлинные мысли и чувства солдата в эпоху империалистической войны» не были выполнены²³.

Советская историография 30–50-х гг. опиралась на подборки материалов в соответствии с указанной направленностью исследований. Составители этих подборок документов в большинстве случаев были и авторами указанных выше исследований. Эти публикации были составлены с заданной политической целью, чтобы своим подбором материала подтвердить положения советской историографии этого периода²⁴.

В отечественной литературе 20–30–40-х гг. были и специальные исследования, посвященные боевым действиям, техническим вопросам обеспечения войны и т.п. Они, как правило, были написаны крупными деятелями, или даже руководителями соответствующих царских ведомств военного времени. В этих работах поднимались вопросы снабжения русской армии вооружением и материально-техническим имуществом, инженерного обеспечения военных действий, санитарной службы русской армии, работы тыла, что расширяет представление о войне как о масштабном военно-хозяйственном предприятии. К этим работам примыкают и статистические материалы, издававшиеся главным образом Отделом военной статистики Центрального статистического управления. Все эти работы носят высокоинформативный характер по названным вопросам, имеют ценные статистические приложения, не утратившие значение и до сих пор, несмотря на неполноту данных²⁵.

²³ История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 11–13, 34; *Чаадаева О.* Армия накануне Февральской революции. М., 1935. С. 3, 4, 5, 7, 9, 15–21, 23, 24, 64; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 5–7, 18, 35–36.; *Эйдеман Р., Меликов В.* Армия в 1917 году. М.: Л., 1927. С. 3, 31, 34.

²⁴ Солдатские письма 1917 года. Подготовлены к печати О.Н. Чаадаевой с пред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1927; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932 (далее: Царская армия...); *Ахун М., Петров В.* Голоса из окопов. (Солдатские письма 1915–1916 г.г.) // Красная летопись. 1928. № 1. С 112–118; Солдатские письма в годы мировой войны 1915–1917 гг.) // Красный архив. 1934. № 4–5 (65–66). С. 118–163; Разложение армии в 1917 году. М.: Л., 1925.

²⁵ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.». Ч. 1–7. М., 1920–1923; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. Составил Ф. И. Васильев. М., 1922;

В 60–80-х гг. в отечественной историографии истории русской армии периода Первой мировой войны стали преобладать научные, как они представлены в советском, марксистско-ленинском историческом знании, подходы. Ряд работ был посвящен истории армии как армейского организма с определенными социально-экономическими характеристиками. Здесь следует отметить работы Л.Г. Бескровного о военно-экономическом потенциале России в начала XX в., А.А. Строкова, Г.И. Шигалина. В них дается развернутая концепция Первой мировой войны как войны нового типа, которая предъявила ряд требований, которым царская армия не достаточно соответствовала²⁶.

Ряд работ поздней советской историографии был посвящен социальному составу русской армии. При этом проблемы традиционализма и современности растворялись в «классовом подходе» при анализе социальной истории армии. И все же в некоторых работах удалось преодолеть однозначность в характеристике социального состава армии, был сделан вывод об увеличении в составе армии крестьян, союз которых с рабочими и обеспечил победу в Февральской революции²⁷. В целом в рамках советской историографии позднего периода был сделан большой шаг вперед: расширена источниковая база, подверглись анализу различные стороны солдатского движения. Однако, оставаясь в плену марксистско-ленинских

Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924; *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1931; *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1–3. М., 1938; Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1919–1921; Военно-инженерный сборник. Материалы по истории войны 1914–1918 гг. Кн. 1. М., 1918–1923.

²⁶ См.: *Шигалин И.* Указ. соч. С. 46–70; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 28–43.

²⁷ *Гаврилов Л.М.* Состояние резервов фронта накануне Октября // История СССР. 1967. № 4. С. 18–29; *Гаркавенко Д.А.* Партия, Армия и флот в Февральской революции. Военная работа большевистской партии в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Ленинград, 1972; *Протасов Л.Г.* Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем // История СССР. 1977. № 1. С. 33–48; *Гаврилов Л.М.* Русская армия накануне Февральской революции // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 48–72; *Гаркавенко Д.А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 г. М.: «Наука», 1981. С. 36–38.

схем, советские историки суживали поле исследования, а собственно утверждаемые тезисы – о сознательности солдатского революционного движения, его руководстве большевиками – остались чрезвычайно уязвимыми для научной критики. Проблему влияния собственно мировой войны на развитие социальной жизни армии, последовавшие революционные события советские авторы в полной мере не ставили²⁸.

В постсоветской историографии обозначилось несколько направлений изучения социальной истории русской армии в годы Первой мировой войны. Очевидно, что постсоветская историография частично испытала влияние западной историографии Первой мировой войны, где широко изучается социальная история, антропология, и т.п. «гуманитарные» аспекты войны²⁹. Заметным шагом постсоветской историографии является исследования темы «человека на войне», которые проводятся с точки зрения психологии комбатанта российской армии в рамках «военно-исторической антропологии», широко представленной в работах Е.С. Сенявской и в руководимой этим историком ряда конференций и «круглых столов». Автор пытается решить проблему в рамках междисциплинарного подхода и соответственно – методов привлекаемых дисциплин – истории, психологии, социологии. Собственно Первой мировой войне автор уделяет немного внимания, круг источников по этой теме крайне ограничен, однако проблематика, поднятая в работах Е.С. Сенявской привела к появлению

²⁸ *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985; *Голуб П.А.* Советская историография о сломе старой армии и отвоевании солдатских масс под знамя Октября // Военно-исторический журнал. 1970. № 10. С. 113–121; № 11. С. 116–125; *Миллер В.И., Протасов Л.Г.* Революционное движение в армии // Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. С. 147–176; *Смольников А.С.* Армия победившей революции: Советская историография большевизации армии. М., 1984; *Борьба большевиков за армию в трех революциях.* М., 1969; *Голуб П.А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977; *Чаадаева О.Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. Исторические записки. М., 1955. № 51. С. 3–24; *Кочаков Б.М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // УЗЛГУ. 1956. № 205. С. Сер. Ист. наук. Вып. 24.

²⁹ *Мировые войны XX века* В 4 кн. М., 2002. Кн.1. Первая мировая война Исторический очерк. М., 2002. С. 14–15.

целого вала литературы по вопросам «военно-исторической антропологии», «военной психологии», вообще «человека на войне». Работы Е.С. Сеньявской не ограничиваются только проблематикой «психологией войны». Важна постановка этим автором и вопроса о значении фронтового поколения, его формирования, его послевоенной судьбы, правда, только на материале Великой Отечественной войны. В целом в работах Е.С. Сеньявской, историков военно-исторической антропологии остается еще ряд нерешенных задач этой важной проблемы: выявление социального происхождения различных слоев комбатантов, их прошлого, довоенного социального опыта, их групповой ментальности, возрастного состава, мотивации «героического» поведения и т.п. Очевидно, что поднятые автором вопросы являются чрезвычайно актуальными для решения проблемы влияния военного опыта любой из войн России на ее последующее социально-политическое развитие³⁰. Обобщающим теоретические и исследовательские результаты по военно-исторической антропологии трудом с участием Е.С. Сеньявской явилась монография о военной повседневности. Особенно нужно отметить очерк А.С. Сеньявского о значении истории военной повседневности для раскрытия проблематики развития общества в экстремальной ситуации с точки зрения обычного человека – солдата. В то же время в работе обозначены важные аспекты исследования военной повседневности, которые еще предстоит разрабатывать в конкретных исторических трудах³¹.

Среди работ, анализирующих проблему человека на войне с антропологических позиций, выделяются труды О.В. Поршневой. Автор поставила вопрос о социокультурных характеристиках солдатской массы, выводя ее ментальность из крестьянского самосознания, сходного, по ее

³⁰ Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999. С. 5–6, 89–90; Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке как историко-теоретическая проблема // Информационно-аналитический центр по теоретическим проблемам исторической науки. Выпуск 2. М., 1998; Сеньявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М., 1995.

³¹ Сеньявская, Е.С., Сеньявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7–25.

мнению, и для крестьян-солдат, и для крестьян, оставшихся вне армии. В целом автор вполне обоснованно отмечает такие нарастающие процессы в русской армии, как утрату веры в армейскую иерархию, ослабление ненависти к врагу, рост недоверия солдат к власти, как следствие затягивания войны, обострения экономических трудностей и т.п. Автор подчеркивает перенос комплекса отрицательных эмоций ненависти с внешнего на внутреннего врага – «внутреннего немца». Психологические переживания на войне определили тяготение к крайним силовым действиям, девальвацию ценности человеческой жизни, что и обусловило дальнейшие действия солдат в ходе революции 1917 г.³² Несмотря на новизну поднятой автором проблематики окопной повседневности и методологии исследования, следует отметить ряд пробелов, снижающих эффективность предпринятого анализа. Это касается как нехватки существенных сюжетов (анализ социального состава, прошлого социального опыта различных категорий солдат, дисциплины, связей с домом и т.п.) в исследовании, так и недостаточной источниковой базы.

Большинство представителей постсоветской историографии широко применяют новые подходы. Так в книге В.В. Серебрянникова автор прослеживает влияние войны на общество, ограничиваясь, однако, общетеоретическими положениями, избегая конкретно-исторического исследования, тем более по теме Первой мировой войны³³. В диссертации А.М. Маркевича, посвященной солдатским письмам в центральные органы Советов в 1917 г., на основе этого комплекса делается попытка изучить «взгляды и настроения широких солдатских масс»³⁴. На деле указанные письма представляют настроения всего лишь наиболее активной части армии, как и до революции составлявшей 2–5% ее состава. Эти настроения нельзя переносить на всю армию, основная часть которой отнюдь не

³² *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 176–186.

³³ *Серебрянников В.В.* Социология войны. М.: Научный мир, 1997.

³⁴ *Маркевич А.М.* Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г. Диссертация. М., 2002. С. 43–53.

участвовала в политических событиях, хотя пассивно поддерживала определенные процессы, чем и обеспечивала продвижение известных политических идей. Выяснение настроений основной части солдатских масс остается актуальным. Таким же подходом, исследуя небольшое количество факторов (недостаточное обеспечение солдат продовольствием и обмундированием, некоторые виды нарушения дисциплины) на узком источниковом материале (воспоминания и литература) отмечена и работа П.Г. Култышева³⁵, что не позволяет с достаточной полнотой исследовать столь обширную проблему как фронтовая повседневность солдатских масс.

Важная гуманитарная составляющая поведения человека на войне в последнее время разрабатывается с точки зрения психопатологических последствий для человека, прошедших войну. Так в своих работах В.П. Булдаков проявления социальной психопатологии солдат выводит из их военного опыта, что проявилось в «красной смуте», т.е. революции 1917 г. Автор пытается в войне обнаружить инструменты революционного действия в виде особенного психологического поведения, разнузданного насилия и т.п. Это насилие, по мнению автора, являлось не только разрушительным, но и созидающим началом для крушения старого и рождения нового общества. Особое внимание автор уделяет не структурам, а человеку, на себе вынесшему глобальный катаклизм. В этой связи логичным представляется метод анализа автора не того, что «хотели сказать», или о чем они «проговорились», а «что они чувствовали и как думали»³⁶. Поднятый В.П. Булдаковым вопрос о роли психопатологии в кризисных эпохах, к сожалению, рассматривается только по отношению к революции. Непосредственные же проявления психопатологии во время самой войны не анализируются. Социальные последствия военной психологии выпадают из поля зрения и в других работах отечественных исследователей. Влияние

³⁵ *Култышев П.Г.* Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект. Диссертация. Ростов-на-Дону, 2010.

³⁶ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 11.

военного опыта как привычки к насилию, определявшемуся «маневренным» по сравнению с Западом характером военных действий на Русском фронте, отмечает и В.И. Нарский, ссылаясь при этом на Д. Байрау³⁷.

Частью важной проблемы социальной истории человека на войне является проблема взаимоотношений между офицерством и солдатами, вообще иерархии на войне. Однако дело здесь сводится к социальному составу и облику офицерского корпуса без влияния этого фактора на солдат. Поднимается в отечественной историографии и вопрос о религии на войне. Проблема эта важна, поскольку церковь предприняла активные усилия по духовной мобилизации солдат в годы войны, а военно-церковные иерархи почти до самого конца войны не считали, что их труд пропал зря. Среди работ о положении духовенства в годы войны выделяются содержательностью и объективностью работы А.А. Кострюкова. Автор подчеркивает весьма сложное положение, в котором оказались церковные пропагандисты на фронте: между усиливающимся недоверием со стороны офицерства, особенно рядового, и ростом отторжения от него солдатской массы. Уделила проблеме духовной мобилизации русской армии в 1914-1917 гг. и О.С. Поршнева, согласно которой война принесла негативный опыт в религиозность человека, что привело к «зверствам», эгоизму и т.п. В целом проблематика религиозности на войне требует дальнейшего и углубленного изучения на репрезентативной источниковой базе³⁸.

На периферии исследований о Первой мировой войне находятся темы о гендерных проблемах. Авторы ограничиваются прославлением подвига женщин. Значительная часть из этих работ носит описательный, часто публицистический характер. Для этих работ характерно доверительное

³⁷ Нарский В.И. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтной опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488–502.

С. 494; *Beurau L.* Der Erste Weltkrieg als Bewaehrungsprobe // *Journal of Modern European History.* № 1. 2003. S. 96–123.

³⁸ Кострюков А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // *Церковь и время.* М., 2005. № 2. С. 143–198; Поршнева О.С. Указ. соч. С. 181–185.

отношение к официальным источникам военного времени³⁹. Оригинальным подходом к гендерной проблеме отличается работа Б.И. Колоницкого, где автор подчеркивает негативное отношение солдат к благотворительной деятельности представительниц романовской династии. Согласно Б.И. Колоницкому, эту неприязнь к присутствию царственных особ на войне солдаты распространяли на присутствие вообще женщин на войне⁴⁰. Однако вопрос об отношении солдат к участию женщин на Первой мировой войне в целом разработан недостаточно.

В отечественной историографии заметны работы, где изучается боевая деятельность армии практически с точки зрения повседневности. Эти работы отмечены широким привлечением архивных материалов, исследованием мало освещаемых периодов Великой войны на Русском фронте: Восточно-прусской операции, октябрьских 1914 г. боев в Польше, Брусиловского прорыва. Так, в работах Н.Д. Постникова упор делается на собственно боевых действиях, мужестве, проявленном солдатами. Повседневность здесь предстает в виде калейдоскопа перемежающихся обыденных и экстремальных событий: дождя, атаки, болезни. В работах автора постоянно подчеркивается эффект отчуждения на такой войне, причем для всех ее участников: для «героев» и «рядовых» бойцов. Эта равноудаленность комбатантов от реалий войны сказывается и в одинаковом отношении солдат враждебных армий к населению: то же мародерство, грабежи и т.п. Да и «бациллы» нарушения воинской дисциплины, кажется, не отличают одну армию от другой. Лишь в немногих аспектах автор однозначен – в подчеркивании «мужества» обычных солдат, в отличие от командования, не

³⁹ Августейшие сестры милосердия. М., 2006; *Иванова Юлия*. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002; *Дроков С.В.* Введение // Бочкарева М. Яшка. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001. С. 5–27.

⁴⁰ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

способного проявить ни воли, ни верности своему долгу. К сожалению, истоки этого «мужества» не выясняются⁴¹.

Много тем, сюжетов, аспектов военной повседневности содержится в работах видного военного историка С.Г. Нелиповича. Акцент делается на подробном анализе не только стратегических и тактических действий русской армии, но и их результатов, достигнутых крайне высокой ценой. Использование максимального количества источников, как правило, впервые привлеченного архивного материалов из центральных архивохранилищ России, Австрии, Венгрии, Германии, делает анализ боевой повседневности предельно достоверным, практически исчерпывающим. Особенно большое внимание уделяется потерям сторон, т.е. собственно цене успехов и неудач ряда важнейших операций русской армии: Варшавско-Ивангородской, Брусиловского прорыва и других⁴².

В отличие от Постникова, в своих работах Нелипович использует более широкую гамму красок для описания военных действий русской армии. Автор не выделяет какие-либо различия в различных слоях («рядовая масса» – «начальство»), группах войск в выполнении своего воинского долга. Речь в основном идет о повседневности усилий, которые успешны или неудачны в зависимости от упорства или явного преимущества противника, удачных тактических приемов, логистики движения различных частей, умения использовать погодный фактор и т.п. Особенное внимание автор обращает на характер военных действий в маневренный период войны (осенью 1914 г., в мае–июне 1916 г.), где и проявились характерные для русской армии качества: стойкость, выдержка, что даже повлияло на ухудшение морального состояния германских войск. Однако все изменилось, когда противник

⁴¹ Постников Н.Д. 1-ая армия Ренненкампа: битва за Восточную Пруссию. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 4, 11-12, 14, 23, 31, 54, 65, 70–71, 118–119. Те же подходы автор развивал в другой своей книге: Постников, Н.Д. Драма в Восточной Пруссии. Судьба 1-й русской армии генерала Ренненкампа М.: Вече, 2014.

⁴² Нелипович С.Г. Кровавый октябрь. 1914 года. М.: Минувшее, 2013; Нелипович С.Г. «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западном фронте в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006.

применил совершенно другие приемы, характерные для индустриальной войны. Здесь сказались преимущества германской армии, использовавшей дисциплину, лучшее вооружение, стойкость не как проявление мужества, а как следствие расчета на резервы, которыми не обладал противник – русская армия. Вывод автора закономерен: русские войска были измотаны многодневными боями еще осенью 1914 г. Высокая цена операции на Сане для русских войск была неоправданно велика. В конечном счете, тяжелые бои обеих сторон породили антивоенные настроения, выявили в перспективе долговременный характер войны, что и обусловило в целом падение морального духа русской армии, увеличение количества нарушений дисциплины и т.п. Для успеха в войне необходимо было подключить другие факторы: моральные, материальные, дисциплинарные, организационные. Это изменило всю повседневность военных действий, весь характер войны, поставило перед русской армией серьезные проблемы⁴³. Особенности боев отмечают автором и в Брусиловском прорыве: выигрыш при маневренных действиях и неудачи, или сверхзатратность усилий в ходе использования приемов, характерных для технической войны⁴⁴. Ценными для описания фронтовой повседневности являются и подсчеты автора о потерях за войну. Такая повседневность использования ресурсов включает, кроме потерь, их учет, сокрытие, что отражает отношение к важнейшему на войне человеческому фактору⁴⁵. В целом труды С.Н. Нелиповича отличаются широким охватом тематики, сюжетов человека на войне.

Есть в отечественной историографии работы, авторы которых отдают дань теме фронтовой повседневности в виде буквального изображения событий, день за днем. Как правило, эти работы посвящены жизни полков в годы Великой войны, отдельным персоналиям. К сожалению, подробное ежедневное перечисление сцен боевой жизни и быта частей на войне, часто в

⁴³ *Нелипович С.Г.* «Кровавый октябрь»... С. 97–98, 107–108, 547, 585, 633, 641.

⁴⁴ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв, 2006. С. 43–45.

⁴⁵ *Нелипович С.Г.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. М.: Квадрига, 2017.

контексте истории дивизий и корпусов, страдает крайней фактографичностью, что затрудняет возможность «распознавания» в этой гуще фактов объектов для обобщения и анализа. Впрочем, на это авторы не претендуют, что позволяет рассматривать эти работы как собрание весьма ценного материала по проблеме повседневности, но не претендует на ее решение⁴⁶.

Среди работ о военной повседневности есть охватывающие так сказать «сквозные» темы, посвященные различным, как правило, не собственно боевым аспектам. Так, например, в работе М.В. Оськина анализируются такие группы фронтовиков, как мародеры, дезертиры, военнопленные. Эти группы рассматриваются не как часть каких-либо общностей или институтов (армия, население прифронтовых территорий и т.п.), а как некие «парии войны» – обездоленные, оказавшиеся в особых обстоятельствах группы комбатантов и т.п. Автор в основном работал по воспоминаниям и литературе. Но и на этом узком источниковом пространстве были поставлены важные проблемы: воспитание воинов русской армии перед лицом угрозы попадания в плен, широкий сравнительный (с прошлыми войнами, армиями союзников и противников) анализ поднятых сюжетов. В то же время осталась за рамками такие важные аспекты, как динамика, количество, причины, борьба с проявлением сдачи в плен, дезертирства. С другой стороны исследуется мало сопоставимый опыт самого ухода в плен, борьбы с этим явлением, опыт военнопленных в лагерях, судьба пленных армий с подобным опытом противников России, что создает фрагментарную, мозаичную картину описываемых явлений, слабо поддающуюся

⁴⁶ *Козлов А.В.* 14-й Гренадерский Грузинский полк в Великой войне. 1915 год. М.: Спутник+, 2016; *Козлов А.В.* 14-й Гренадерский Грузинский полк в Великой войне. 1915 год. М.: Спутник+, 2017; *Григоров А.И.* Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том 1–3. Москва – Рязань, 2010–2016; *Нешкин М.С., Шабанов В.М.* (сост.) Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М.: РОССПЭН, 2006.

определенным обобщениям⁴⁷. В целом поднятые автором вопросы нуждаются в более подробном освещении.

В последние годы появились работы, затрагивающие разные виды деятельности армии, влиявшие на фронтовую повседневность. Так, А.В. Аранович, исследовавший довольствие армии в годы войны⁴⁸, не видит каких либо серьезных искажений в продовольственной политике властей, в целом справлявшихся с обеспечением армии, вопреки мнению В.П. Булдакова, полагавшего, что упущения в этом вопросе стоили созданию серьезного недовольства солдат. Этот вопрос также требует дальнейшей разработки на подлинных источниках.

Подводя итоги отечественной историографии проблемы фронтовой повседневности солдатских масс в тотальной, индустриальной войне, следует отметить значительный размах и широту, как поднимаемых вопросов, так и методологических установок и привлекаемых источников. В последние годы вышли ряд сборников в качестве материалов конференций и коллоквиумов, посвященных первой мировой войне⁴⁹. Наблюдения и

⁴⁷ *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011.

⁴⁸ *Аранович А.В.* Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2005.

⁴⁹ Важнейшие из них: Россия в первой мировой войне. Тезисы межвузовской научной конференции, 4–5 октября 1994 года. Рязань, 1994; WWI and the XX Century. Acts of International Conference of Historians. Moscow, 24–26 May, 1994. М., 1995; Первая мировая война и участие в ней России (1918–1918): Материалы научной конференции. Ч. 1–2. М., 1994; Первая мировая война: Пролог XX века /отв. Ред. В.Л. Мальков. М., 1999; Россия и первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). С.-Пб., 1999; Последняя война Российской империи: Россия мир накануне в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы международной научной конференции 7–8 сентября 1994 г. М., 2000; Человек и война (Война как явление культуры): Сборник статей / Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М., 2001; Мир и война: культурные контексты социальной агрессии / Отв. ред. И.О. Ермаченко, Л.П. Репина. М., 2005; Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта / Отв. ред. И.О. Ермаченко. М.; СПб., 2007; Опыт мировых войн в истории Росси: сб.ст. Челябинск, 2007; Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления опыта Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы Международной конференции, Москва, 8 декабря 2010. М., 2011; Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. СПб., 2012; «Великая и забытая» (сборник докладов научной конференции, 10–11 ноября 2012 г., Калининград – Гусев) / Ред.-сост. К.А. Пахалюк. Калининград, 2013; Россия в годы

выводы, поднятые в этих трудах, можно применять к решению проблематики данной работы. Так, поднятая в советской историографии проблема революционного сознания может быть переформулирована в проблему трансформации солдатского сознания от неприятия войны к социальному, антивоенному, а затем и революционному протесту. Решение проблемы сознательности участия солдат, или то, что именно ими двигало, требует углубленного анализа других факторов, определявших мотивации борьбы. Важнейшей проблемой остается анализ деятельности человека на войне, разных его групп комбатантов, как в социальном, так и в гендерном и возрастном планах. Мало исследуется проблема военного опыта фронтовиков, его влияния на последующее социально-политическое развитие России: как фактор взрыва традиционализма и архаики или как инструмент вхождения общества в современность. Остается не проясненной проблема особенностей войны, характеристика фронтовой полосы, различного поведения солдат в различных регионах театра военных действий. Наконец, неполно выявлена источниковая база, а многие методологические находки⁵⁰ требуют разработки на конкретно-историческом материале. Важны и вопросы особенностей войны в контексте способности нации к мобилизации в мировом конфликте. Пока эти вопросы больше разработаны в западной историографии Западного фронта Великой войны⁵¹. Не следует забывать необеспеченность (по сравнению с материалами социальной истории западных армий стран участниц войны) указанной проблематики источниками личного происхождения, в которых представлен военный опыт русской армии. Однако их вполне могут заменить сотни тысяч цензурных выдержек, а также и тысячи подлинных писем участников войны,

Первой мировой войны, 1914—1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.) / отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федеральное арх. агентство; Рос. ист. о-во. М.: [ИРИ РАН], 2014; Первая мировая война, Версальская система и современность. Выпуск 3: Сб. статей / отв. ред. А. Ю. Павлов, А. В. Бодров, А. А. Малыгина. СПб.: Издательство РХГА, 2015.

⁵⁰ *Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Указ. соч. С. 7–52.

⁵¹ *State, society and mobilisation in Europe during the First World War.* Cambridge, 1997.

сохранившиеся в архивах России. Разработка этого архивного богатства чрезвычайно продвинула бы развитие дальнейших исследований по социальной истории солдатских масс на Русском фронте Великой войны.

В массиве исследований по социальной истории русской армии периода Первой мировой войны значительных успехов добились зарубежные коллеги, прежде всего представители стран участниц Великой войны. И во время самой войны аналитики действий русской армии, чаще всего журналисты крупных газет и журналов, делали ценные выводы и наблюдения о боеспособности русской армии, ее боевом духе. Здесь сказались требования западных союзников к «паровому катку», каким представлялась русская армия во время войны. Представители Антанты живо реагировали на любые сведения о достоинствах (чаще в статьях и книгах периода войны) и недостатках (чаще в послевоенных работах) в организации русской армии. В работах западных журналистов большое место уделялось характеру русской армии в социальном отношении, ее настроению и духу. Так, например, американский журналист Стивен Барнес, находившийся в России четверть века, подчеркивал не только крестьянский характер русской армии, но и ее глубокую связь с глубинкой, своим домом. Отсюда, из крестьянского характера армии, автор выводил и морально-политические качества русского солдата: «буквально нерассуждающая машина, не думающая, но повинующаяся любому приказу без обсуждения», «мало восприимчивые к боли» и т.п. Другие авторы периодических изданий указывали, часто преувеличенно, на сознательный характер поведения солдатских масс, проявлявших «гордость и доверие к своей армии и к ее победам». Впрочем, официальные представители союзников в Русской армии, наоборот, подчеркивали техническую слабость русской армии. В их оценках превалировала негативная характеристика военных усилий России до войны: недостаточный патриотизм населения, нехватка честности и эффективности

бюрократии, что, по мнению авторов, и определило неудачи России в ходе самой войны⁵².

Многие частные проблемы социальной истории на Русском фронте (социальный состав армии, финансово-экономическое обеспечение военных действий, роль общественных организаций в военных усилиях России и др.) подняты в работах русских авторов-эмигрантов в рамках проекта фонда Карнеги об итогах Первой мировой войны на Восточном фронте. Практически все эти работы продолжают сохранять научную ценность⁵³, хотя и слабо (или вовсе) не используются в отечественной историографии⁵⁴. В подавляющем большинстве авторы указанных работ являлись практиками,

⁵² *Barnes W. Steveni*. The Russian Army from within. N. Y. George H. Doran Company, 1914. P. 25, 32–36, 46. *Vashburn Stanley*. Field notes from the Russian front. L., N.J., 1915. P. 34–35. *Stanley*. The Russian campaign, April to August, 1915. L., 1915. P. V–VI. *Vashburn Stanley*. Victory in defeat: the agony of Warsaw and the Russian retreat. N.J., 1916. P. XIV, 154–161. *Vashburn Stanley*. The Russian offensive period from June 5th to Sept. 1st., 1916. L., P. VII.

⁵³ *Gatrell Peter*. Russia's First World War A Social and Economic History Russia's First World War: A Social and Economic History. London: Pearson Education Limited. 2005. P. 6, 47, 66, 73, 94, 228, 235 etc.

⁵⁴ *Antsiferov A.N.*; *Bilimovich A.D.* and others. Russian Agriculture during the war. New Haven, 1930; *Florinsky M.T.* The End of the Russian Empire. New Haven, 1931; *Golovine N.N.* The Russian Army in the World War. New Haven, 1931; *Gronsky P. and Astrov N.J.* The War and the Russian Government. New Haven, 1929; *Ignatiev, Count P.N., Odinetz D.M. and Novgorotsev P.J.* Russian Schools and Universities in the World War. New Haven, 1929; *Kayden E.M. and Antsiferov A.N.* The Cooperative Movement in Russia during the War. New Haven, 1929; *Kohn S. and Meyendorff Baron A.F.* The Cost of the War to Russia. New Haven, 1932; *Lvov Prince G.E.*; *Polner T.J., Obolensky, Prince V.A., Turin S.P.* Russian Local Government during the War and the Union of Zemstvos. New Haven, 1930; *Michelson A.M., Apostol P.N. and Bernatzky M.W.* Russian Public Finance during the War. New Haven, 1928; *Nolde, Baron B.E.* Russian in the Economic War. New Haven, 1928; *Struve P.B.* (Editor); Food Supply in Russia during the World War. New Haven, 1930; *Zagorsky S.O.* State Control of Industry in Russia during the War. New Haven, 1928; *Antsiferov Alexis N. and others.* Russian Agriculture During the War. New Haven, 1930; *Florinsky M.T.* The End of the Russian Empire. New Haven, 1931; *Golovin N.N.* The Russian Army in the World War. New Haven, 1931; *Gronsky Paul P. and Astrov N.J.* The War and the Russian Government. New Haven, 1929; *Ignatiev P.N. and others.* Russian Schools and Universities in the World War. New Haven, 1929; *Kayden E.M. and Antsiferov A.N.* The Coöperative Movement in Russia During the War. New Haven, 1929; *Kohn Stanislav and Meyendorff A.F.* The Cost of the War to Russia: The Vital Statistics of European Russia During the World War, 1914–1917. New Haven, 1932; *Michelson A.M. and others.* Russian Public Finance During the War. New Haven, 1928; *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. New Haven, 1928; *Polner J.T.* Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. New Haven, 1930; *Struve P.B. and others.* Food Supply in Russia During the World War. New Haven, 1930; *Zagorsky S.O.* State Control of Industry in Russia During the War. New Haven, 1928.

крупными партийными и общественными деятелями либерального направления в тех областях, деятельность которых в годы войны они анализировали. В указанных трудах Россия предстает способной решить задачи, поставленные войной. Единственным недостатком военных, хозяйственных, административных усилий являлась, с точки зрения указанных авторов, неэффективная деятельность царских властей. Поднятые в указанных работах проблемы были развиты в западной историографии.

По-другому оценивают военные усилия России эмигрантские авторы из «нелиберального лагеря». С точки зрения этих авторов только революция не позволила России достойно завершить войну вместе с союзниками. Именно в этой среде широко развивались идеи «заговора», «немецких денег», «масонского» влияния и т.п. Так, главными причинами краха армейского организма А.И. Деникин считает не усталость, что было характерно для всех армий, не психологию неудач и поражений, а утрату религиозности в русской армии, моральное огрубение и ожесточение, «материальные предпосылки» поведения⁵⁵. Столь же ограниченным и по привлекаемым источникам, и по проблематике, и по подходам представляется анализ социального контекста истории русской армии в годы войны у А.А. Керсновского⁵⁶.

Для освещения социальной истории русской армии чрезвычайно важна, вплоть до нашего времени, проблематика, поднятая в работах «отца русской военной социологии» Н.Н. Головина, продолжавшего дореволюционные исследования о русском национальном характере на войне. В своем исследовании о социологии Первой мировой войны⁵⁷ Головин приходит к чрезвычайно важному выводу о корнях призывной системы со времени милютинской военной реформы, не позволившей создать необходимый запас нижних чинов, а также и офицерских кадров к началу войны. Затрагивались в эмигрантской литературе и вопросы военной психологии на Первой мировой

⁵⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921, Там же. С. 11, 14, 30.

⁵⁶ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 4. С. 238–242, 282, 283.

⁵⁷ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1–2. Париж, 1939.

войне. Однако для этих работ, полных конкретных примеров из боевых действий, не хватает исторической перспективы, анализа значения военного опыта для развития общества и страны в целом.

В западной литературе интересующие нас проблемы Восточного фронта Первой мировой войны получили подробное освещение только в последние десятилетия XX столетия. Здесь по охвату материала, постановкам вопросов выделяется книга патриарха истории России в годы Первой мировой войны английского историка Н. Стоуна. Основанная главным образом на опубликованной на Западе литературе, книга содержит много материала относительно экономического обслуживания войны на Русском фронте, вообще обеспечения существования человека на войне. Для автора главная слабость России была не в экономике, а в администрации. Автор много страниц уделяет социальным характеристикам армии, офицерству, уточняет, что еще до войны имело место понижение социального уровня офицерства, указывает на недостатки оборонительной полосы, нехватку материально-технических средств, неспособность Ставки, командования напрячься в сложных обстоятельствах современной войны⁵⁸.

Наиболее полную попытку проследить рассматриваемые проблемы социальной истории русской армии в годы войны предпринял американский историк А. Уайлдман⁵⁹. Мобилизовав всю имеющуюся на 70-е годы опубликованную литературу, а также некоторые материалы западных архивов, автор развивает традиционную точку зрения об отсталости русской армии, ее человеческого материала, структур, обеспечивавших военные действия. В поле зрения автора взрыв и исчезновение патриотизма, мобилизация солдата-мужика, кризис снаряжения, гибель регулярной армии мирного времени, Великое отступление 1915 г. и травма, нанесенная им армии, моральный кризис, бунт ратников, немецкая пропаганда и восстание

⁵⁸ *Stone Norman* The Eastern Front 1914–1917. England Penguin Putnam Inc., 1975. P. 16, 21, 25–28, 49, 161, 167–168.

⁵⁹ *Wildman A.* The end of the Russian Imperial Army: The Old Army and the *Soldiers'* Revolt. March to April 1917. Princeton, N.Y., 1979.

на фронте. Постоянным рефреном у автора проходит тезис об обусловленности самой революции реалиями войны. В то же время армия трактуется как организм, испытывавший влияние различных процессов, прежде всего модернизации в течение второй половины XIX в. – начала XX в. А. Уайлдман всегда подчеркивает роль традиционализма в русской армии довоенного времени. В отличие от Д. Кипа, он не рассматривает в совокупности массовую мобилизацию рабочих, крестьян и солдат как социальное основание русской революции. Он сосредотачивает внимание только на одной группе – солдатах. Автор не описывает военную историю, как это делает Н. Стоун. Для него главным остается социальный компонент, определение, регистрация глубоких структурных перемен в армии военного времени и влияние на фронтовиков собственно военного опыта. Именно соединение двух феноменов – социального кризиса и травмы войны – и породили кризис 1916 г., переросший в революцию, приведшую, в конечном счете, к гибели армии. Много места уделяет автор и Февральской революции, соединившей волнения военных и городских слоев. А. Уайлдман выступает против утверждения советской историографии о сознательной подготовке к восстанию, которое якобы возглавили большевики. Автор делает акцент на невозможности, неспособности находившейся в упадке бюрократии провести мероприятия, которых требовала война, проявив в решающий момент «безволие». При описании военного восстания в Петрограде автор отвергает теории внешних сил (Г. Катков), утверждая, что именно солдаты потеряли веру в царя, устали от войны и смогли преодолеть рубликон от повиновения начальству к отказу стрелять в граждан. Несмотря на масштабность исследования социальной истории русской армии А. Уайлдманом, его уязвимым местом остается нехватка первоисточников, прежде всего архивного материала. Многие из поднимаемых им сюжетов в этом случае предстанут ином свете.

Положения и наблюдения А. Уайлдмана в значительной мере дополняются и развиваются в работах М. Френкина о русской армии периода

Первой мировой войны и революции⁶⁰. В своих исследованиях, выполненных на основе как раз архивных материалов российских архивов, автор отмечает первостепенную роль в русской революции именно солдатско-крестьянской массы, изначальную пассивность рабочего класса. Автор настаивает на том, что сама революция была совершена солдатами Петрограда, главным образом, запасными. В соответствии с этим тезисом автор анализирует и социальные вопросы в русской армии в годы войны, проблемы обеспечения, эффективности военного руководства жизнью армии, бегство в плен, членовредительство, братания. Разлагающее влияние оказывала и национальная пропаганда еще до 1917 года, резко усилившаяся, ставшая чуть ли главной причиной краха армии во время революции. Автор категорически отвергает «фальсифицированные» версии об исключительной роли большевиков в армии, указывая, что армию привел к революции разнообразный сложный комплекс факторов. В силу специфики фронтовой жизни солдатская масса не могла первой выступить против царизма, но она, безусловно, была подготовлена к поддержке революции. Зато тыловые части в гарнизонах городов имели возможности для активного включения в революцию.

В работах А. Уайлдмана и М. Френкина подытоживается анализ социальной истории русской армии периода Первой мировой войны с использованием дискурсов, методов и источниковой базы, характерных для зарубежной и советской историографии эпохи политико-идеологического противостояния. Приблизительно с 80-х гг. начинается новый этап историографии на Западе, который характеризуется значительным расширением системы взглядов, методологии и источниковой базы. Впервые представители западной историографии получили широкий доступ в российские архивы. Исчезло идеологическое противостояние. Произошел

⁶⁰ *Френкин М.* Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен, 1978; *Френкин М.С.* Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии: подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917–1918 гг. Иерусалим, 1982. С. XXII–XXIV, 19, 25, 27, 30–31.

плодотворный обмен и взаимообогащение методами исследований. Основными направлениями, используемыми в этих исследованиях, являются «новая социальная история», историческая антропология, социокультурный подход, гендерные исследования и т.п.

Одним из традиционных вопросов является проблема социального состава русской армии в годы войны. Еще И. Башнел поднял вопрос о крестьянском составе армии⁶¹. Автор подчеркивает, что в быт, повседневность армии мирного времени были перенесены формы крестьянского труда, распорядка жизни. Вопрос о крестьянском составе русской армии в историографии превращается в проблему соответствия характера русской армии современной войне и стал частью полемики о судьбах русского крестьянства, его роли в модернизации страны. И здесь историки разделились. Часть их настаивает на важности традиционалистского груза, как самого крестьянства, так и армии, что и определило ее развал, готовность к революции. Другая часть историков подвергает критике взгляд на «отсталость» русской армии, пытается развенчать этот «миф»⁶².

В свете современных подходов пытается решить проблему традиционализма и современности России в Первой мировой войне американский историк Дж. Санборн. Автор полагает, что связь между «массовой политикой» и «массовым убийством» в годы войны была создана институционально через механизмы универсальной воинской повинности и более широко – идеологией нации. Частью названного проекта стали исследования формирования маскулинности в годы войны через физическое воспитание до войны и во время нее, национальные проблемы в армии в годы войны, вопрос об участии в военных действиях женщин, отказов от военной службы по религиозным соображениям и т.д. Автор широко использует

⁶¹ *Bushnell Y. Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society // Journal of social history. Summer 1980. V. 13. № 4. P. 565–576.*

⁶² См. указанную работу В.И. Нарского, а также: *Стариков Н.В.* 1917. Разгадка русской революции. М.: Питер, 2012; *Никонов В.* Крушение России. М.: АСТ: Астрель; Минск: Харвест, 2011 и др.

понятие «солдата-гражданина», формировавшегося, по его представлениям, уже на протяжении почти полувека, со времени милютинских реформ. Вывод, к которому пришел автор, сводился к определяющей роли насилия в формировании национального самосознания, которое предшествовало всей политике большевизма в формировании нового социалистического общества. С точки зрения автора, в течение Первой мировой войны и Гражданской войны Россия в целом вышла на необходимые высоты мобилизации, стала нацией, т.е. решила проблему соответствия своих усилий характеру современной, технической, войны. Тем самым автор пытается пересмотреть представления о традиционности русского общества, ее армии. Правда автор уточняет, что пик мобилизации, создания общества, готового к современной войне, Россия испытала только в годы Гражданской войны. Но этому помогли опыты по мобилизации в годы Первой мировой войны⁶³. Автор данной диссертации считает крайне ценной постановку Санборном указанных проблем, но полагает, что и источники, и материал, и анализ, использованный автором для их решения, не дает основания считать обоснованными итоговые выводы исследования.

Для освещения поднятой в нашем исследовании проблемы важны контексты военного опыта, трансформировавшегося в насилие после 1917 г., не только в пространстве Русского фронта, но и целой эпохе «войн и революций», имевшей и пространственное измерение. Так, П. Холквист, развивая подход об особой роли Первой мировой войны в истории советской России, помещает русское насилие в общий контекст целой эпохи, начавшейся с империализмом, широко применявшим колониальные методы завоевания территорий и подчинения населения⁶⁴. Холквист предлагает поставить вопрос о месте войны в порождении постреволюционного насилия. По мнению автора, методы для ведения внешней войны,

⁶³ *Sanborn J.A. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003. P. 6–8, 199–200.*

⁶⁴ *Холквист П. Россия в эпоху насилия, 1905–1921 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. Челябинск, 2007. С. 461–477.*

сложившиеся в 1914–1918 гг. в большинстве стран Восточной и Центральной Европы, оказались обращены внутрь и стали использоваться во внутренних конфликтах. Разделяя в основном высказанные Холквистом наблюдения над природой русского послереволюционного насилия, укажем, однако, на то, что насилие после революции совершалось не только как средство, обусловленное военным опытом, но и как единственно возможный инструмент осуществления социальных чаяний, достижения социальных целей, которые и позволяли принять идеологию насилия и использовать приобретенный военный опыт. Военный опыт, таким образом, не сводился только к насилию, а имел социальную нагруженность, являлся частью социального проекта, который реализовывался и защищался во время Революции и Гражданской войны военными методами. Тем самым актуализируется сущность военного опыта как условие формирования и реализации социальных чаяний фронтовиков.

Также из войны, военного опыта выводит природу русского послереволюционного насилия германский исследователь Д. Шуман⁶⁵. С его точки зрения, послевоенное насилие в России отличалось особенной жестокостью, что явилось следствием характера боевых действий на Восточном фронте Первой мировой войны. На Западном фронте господствовала позиционная война в ее «классическом варианте» (отсутствие прямых, лицом к лицу, столкновений противников, прежде всего), и боевые действия якобы не отличались ожесточенностью, в отличие от Восточного фронта, где имел место маневренный характер боевых действий. Таким образом, военный опыт не сам по себе породил «брутализацию» (*Brutalisierung*) политической культуры в России, а был обусловлен ее региональными, в том числе пространственными особенностями Русского фронта.

⁶⁵ *Schumann Dirk*. Gewalterfahrungen und ihre nicht zwangsläufigen Folgen. Der Erste Weltkrieg in der Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts; *Shumann D.* Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuität der VGewalt|| *Journal of Modern European History*. 1. 2003. S. 32. Взгляды Шумана полностью разделяет И.В. Нарский: *Нарский И.В.* Указ. соч. С. 493–495.

В проблематике роли пространства, вообще географической, вернее локальной составляющей военных действий на Западном и Восточном фронтах Мировой войны, следует, однако, учесть, что такие же различия, а возможно даже еще больше, существовали на самом Русском фронте между различными его регионами: Северным и Западным по сравнению с Юго-Западным и Румынским, и тем более Южным (Кавказским) фронтами. Вопрос этот крайне важный, серьезных исследований по нему не производилось. Это уже должно бы предостеречь от обобщенных высказываний и наблюдений о зависимости последующего послевоенного насилия в гражданской жизни от пространственных особенностей Русского фронта. Следует также учесть, что и Русский фронт далеко не представлял такого целостного (в смысле маневренного характера войны) впечатления, как это трактуют указанные историки. Тем более это касалось Северного и Западного фронтов, с осени 1915 года оказавшихся в условиях полноценной позиционной войны. Более плодотворным были бы наблюдения за реакцией различных группировок, даже родов войск на условиях позиционной войны.

Война и насилие на протяжении всего периода «эпохи войн и революций» (с начала XX в. о 20-х гг.) является темой очерков по истории России этого периода Д. Байрау⁶⁶. Насилие, «культуру насилия», как отдельных групп, так и всего общества, автор выводит из опыта Первой мировой войны, что, впрочем, являлось общим явлением для всех стран участниц Великой войны. Для России однако характерна преемственность насилия уже от Первой русской революции. Но главный опыт насилия был приобретен русской армией в ходе военных действий и их организации еще в период подавления восстаний в Польше с последующими «террором и репрессиями» в ходе «русификации» Западного края, а также Первой революции в России, но особенно в ходе Первой мировой войны. Далее этот опыт насилия обогащался в ходе Гражданской войны. Автор рассматривает

⁶⁶ *Beyrau D. Krieg und Revolution: Russische Erfahrungen. München: Brill Deutschland GmbH, Paderborn, 2017.*

причины насилия в рамках деятельности индивидуального субъекта, структур, контекстов и способов. Для Байрау совершенно очевидным является машинно-технический характер войны, с которым встретила в целом крестьянская армия. Необычный характер войны вызвал проблему привыкания к смерти «нормализации и тривиализации» ужасов войны, чередование со скукой, ленью и рутинностью военных действий. Война предстает как чередование взрывов насилия с попытками ухода из войны и сопровождающих ее ужасов путем достижение «манипулируемого счастья, второй жизни» – через алкоголь, молитву и видения». Большое значение для автора имеют материалы, представленные в известных произведениях С. Федорченко, Л. Войтоловского и Ф. Степуна, и послужившие материалом для наблюдений о смысле смерти, «как наслаждении», роли павших среди живых, войне и судьбе, отношении войны к сексу и душе и т.п.⁶⁷ В какой мере подобные мысли посещали массы рядовых солдат, насколько были распространены между ними аналогичные представления, остается вопросом, учитывая специфику указанных источников. В целом поднятые Д. Байрау проблемы нуждаются в подтверждении на более широком и репрезентативном материале.

Проблемы репрезентативности источников при анализе настроений солдатских масс поднимает и американский историк У. Розенберг. Автор ставит вопрос о «чувствах», «эмоциях» солдат, о трудности нахождения таких материалов, а главное – о том, насколько отраженные в письмах свидетельства солдат были искренними в выражении их подлинных настроений⁶⁸. Действительно, глубинные настроения встречаются крайне редко, в основном в немногих дневниках и воспоминаниях. Главная проблема в том, что подобные эго-свидетельства не достаточно отражают мнения широких солдатских масс, вообще являются плодом литературной обработки или являются выражением свидетельств солдат в изложении

⁶⁷ Ibid. S. 9, 18–19, 66–74, 116, 160–161, 151–179, 200, 201.

⁶⁸ *Rosenberg W.G.* Reading Soldiers' Moods: Russian Military Censorship and the Configuration of Feeling in World War I // *American Historical Review* 119, no. 3 (June 2014): 714–740.

интеллигентных лиц, что ставит вопрос об их достоверности. Однако Розенберг сомневается в возможности использовать письменные документы широких масс, как якобы не дающие объективной картины солдатских настроений, поскольку эти письма проходили цензуру ближайших командиров. В результате, по мнению автора, историки России, «оказавшиеся у себя в постсоветской суматохе эмоциональной и социальной дислокации», стремились добавить то, “как это действительно представлялось”, к традиционным исследованиям о том, “как это действительно было”⁶⁹. В целом мнение Розенберга поддерживает и Дж. Санборн⁷⁰. Подобные сомнения в научной обоснованности привлечения эго-свидетельств войны в виде солдатских писем высказываются и в отечественной историографии⁷¹. В реальности в попытках уйти от неприемлемых для этих историков источников массового вида, обращаются к крайне субъективным, в сущности единичным, хотя и затрагивающим широкую гамму «настроений» комбатантов, данным в указанных беллетризованных сочинениях у С. Федорченко, Ф. Степуна, Л. Войтоловского. Решение поставленной проблемы, однако, видится не только в широком привлечении массовых источников, прежде всего основной массы солдатских писем, но в анализе содержащихся в них ненамеренных свидетельств. Именно такая попытка анализа и будет предпринята в данной работе.

Ряд проблем человеческого измерения войны, вопросы дисциплины, социальной трансформации различных групп русской армии затронуты в работах Я. Пламмера, П. Гетрелла, А. Зумпфа⁷². В них поднимаются вопросы

⁶⁹ Там же. С. 715, 733.

⁷⁰ См. пост Санборна от 5 июля 2014 г. в Russian History Blog: <http://russianhistoryblog.org/2014/07/article-review-william-g-rosenberg-reading-soldiers-moods-russian-military-censorship-and-the-configuration-of-feeling-in-world-war-i-american-historical-review-119-no/> Дата обращения: 16.9.2018.

⁷¹ Нарский В.И. Указ. соч. С. 501.

⁷² *Пламмер Я.* Страх в русской армии в 1878—1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. Челябинск, 2007. С. 453—460; *Gatrell Peter.* Russia's First World War A Social and Economic History. Pearson Education Limited,

тягот войны: страхи, ранения, болезни, инвалидность, нехватка продовольствия и обмундирования. Причины стойкости русского солдата перед лицом тягот войны авторы видят в применении дисциплинарных мер, вере в царя, которая была утрачена после отречения Николая II. Большинство этих вопросов решаются, однако, на ограниченном документальном материале и требуют также дальнейшей разработки.

Главной проблемой историографии, как отечественной, так и зарубежной, несмотря на широкий круг вопросов, остается фрагментарность исследований. Не написано ни одной обстоятельной монографии по социальной истории солдатских масс, русской армии в годы войны, освещающей основные сферы жизни этого сложного общественного организма. Требуется дальнейшей разработки вопрос о методологии исследования проблемы вхождения в современность посредством военного опыта, фронтовой повседневности. Слабым местом западной историографии является неглубокая источниковая база, в определенном смысле иллюстративность наблюдений. И, наоборот, в отечественной историографии остается проблема разработки богатого архивного материала в свете заявляемых новейших подходов. Нынешний этап историографии темы социальной истории русской армии дает возможность вплотную поставить проблему влияния на солдатские массы военного опыта через фронтовую повседневность. Решение этой проблемы введет изучение военного опыта на Восточном (Русском) фронте в круг мировой историографии этого периода, что обогатит в целом мировую историографию Великой войны, где роль России выявлена весьма слабо⁷³.

2005. P. 22–25, 58, 65, 68–71, 79; *Sumpf Alexander*. La grande guerre oubliée. Russie, 1914–1918. P.: Perren, 2014.

⁷³ *Rosenberg W.G.* Introduction // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 9.

§ 2. Источники

В диссертации был использован широкий круг источников. По видам они подразделяются на законодательные материалы, включая подготовительные материалы к ним; делопроизводственную документацию; нормативные документы: приказы, циркуляры, инструкции и т.п.; статистические материалы; периодическую печать; документы личного происхождения (мемуары, дневники, переписка); публицистические сочинения и специально-научные, близкие по тематике исследования труды. По типу привлеченные источники подразделяются на письменные, изобразительные (карты, рисунки), вещественные (экземпляры материалов солдатской одежды, обмундирования и т.п.). Значительная часть указанных материалов, в основном законодательного и нормативного характера, опубликована. Однако подавляющая часть указанных источников хранится в архивных фондах России.

Анализ военного опыта широких солдатских масс в ходе фронтовой повседневности требует привлечения адекватной источниковой базы. Основными материалами для настоящего исследования явились документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Вопросы социальной истории армии в годы Первой мировой войны представлены в различного рода документах как делопроизводственных, так и личного происхождения, а также в различного рода отчетах, изоматериалах, циркулярах и приказах, статистических материалах. В нормативных документах – Полевом положении об управлении войск, уставах, положениях, инструкциях различного рода управлений, ведомств, служб русской армии – представлены не только требования к деятельности, господствовавшие до начала войны, но и изменения в этом направлении во время войны.

В отчетах министерств, управлений, штабов армейских войсковых единиц различного уровня, комитетов и т.п. представлены сводные

документы о количественных показателях обеспечения армии вооружением, военным снаряжением, снарядами, техникой, довольствием, статистические материалы о количественном, и частично о социальном составе армии, сводки потерь с указанием местности призыва, семейного статуса, характера потерь (сдача в плен, без вести пропавшие, ранение, смерть) комбатантов. Сводные статистические материалы по различным вопросам жизни армии опубликованы в известных сборниках⁷⁴.

В докладах министерств, управлений и воинских штабов различного уровня представлена обширная, часто обобщающая информация по конкретным вопросам социальной жизни армии: дезертирстве, сдаче в плен, санитарном состоянии войск, условиях жизни на фронте на передовой, в тылу, в запасных частях и т.п. Данные материалы часто представлены в печатном виде, но в ограниченном тираже. Большинство же из них в виде машинописных текстов отложились в соответствующих разделах фондообразователей: штабах частей и управлений полевой русской армии, канцеляриях военного ведомства (Главный штаб, Главное управление Генерального штаба, Военное министерство), а также штабах военных округов и канцеляриях центральных и местных органов гражданских ведомств.

В приказах воинских штабов различного уровня также отложились материалы по различным вопросам социальной жизни армии. В приказах содержатся как нормативная составляющая, показывающая требования армейского командования к решению тех или иных вопросов воинской

⁷⁴ См. напр. Пути сообщения на театре войны 1914–1918 г. Часть I. Краткий отчет Управления путей сообщения при штабе Верховного Главнокомандующего. Ч.1. М., 1919; *Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах)*. М., 1925; *Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Выпуск 1-й*. М. 1931; *Мировая война в цифрах*. М.; Л., 1934; *Статистический сборник за 1913–17 гг.* ЦСУ, 1922. Вып. 2; *Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.: Сб. документов*. Куйбышев, 1942 (далее: *Санитарная служба...*); *Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.* Вып. I. М.; Пг., 1927; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, изд. 2-е, в двух томах, переработанное и дополненное Е.З. Барсуковым. М., 1930; *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): В 4-х томах. М., 1948–1949; *Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г.* Москва, 1919. Выпуск I-й. и др.

жизни во время войны в дополнение к уставам, положениям и инструкциям, так и фактическая, где приводятся конкретные, порою редкие, свидетельства из социальной жизни армии. Часть из этих материалов также опубликована⁷⁵.

Особенно важны для анализа поднятой темы материалы цензурных управлений, в которых отложились сводки отчетов цензоров по фронтам, отчеты по армиям, корпусам, отдельным почтовым пунктам с приложением выдержек из писем военнослужащих, главным образом солдат. Всего за время войны из армии было отправлено свыше 1700 млн. писем⁷⁶. В целом и по армиям, и по военным округам цензора в течение войны проверяли 2–3% проходивших через цензурные пункты писем. Такая выборка является достаточно репрезентативной для выявления настроений в армии. Следует при этом учесть, что значительная часть писем, не прошедших проверку в одном цензурном пункте (например, фронтовом), проверялась в цензурных пунктах внутренних военных округов, вплоть до пунктов назначения писем адресатов. Это означает, что реальная выборка прошедших через цензуру писем была выше, чем указанные 2–3%. Это равнялось в целом цифре выборке, принятой во Французской армии 1,25–4%⁷⁷. Всего за время войны цензоры просмотрели свыше 20 млн. писем, сделали около 170–200 тыс. сохранившихся в архиве выдержек из писем, что составляет 0,1% всех писем во время войны. Кроме того в архиве сохранились и подлинные письма ориентировочно в количестве 50–100 тыс., главным образом в фондах военных округов, где они были на «разработке».

С лета 1915 г. и до лета 1917 г. военные цензора работали по широкой программе отслеживания настроений в армии, а также гражданского населения. Этой цели отвечали и множество рубрик мониторинга, включавшие данные о письмах с недозволенными сведениями (указанием места нахождения своей части, о военных действиях), с сообщением об

⁷⁵ Например: Военно-инженерный сборник. Материалы по истории войны 1914–1918 гг. Кн. 1–3. М., 1918–1920.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 4. Д. 120. Л. 1–2, 5–6, 13–14, 17–18, 83–96.

⁷⁷ *Cabanès Bruno*. «Ce que dit le contrôle postal» // Christophe Prochasson et Anne Rasmussen. *Vrai et faux dans la Grande Guerre*. P., 2004. P. 55–75.

уклонении от службы и членовредительстве; со сведениями о грабеже и насилии; носящих политический и агитационный характер; о распространении слухов; о военнопленных с описанием их жизни⁷⁸; общие сведения о настроении духа армии; о вооружении и снарядах; о немецком засилье; об отношении армии к внутренним делам и событиям и Государственной думе; толки об измене; письма «преступного, антидисциплинарного и социалистического характера»; о довольствии (пища, одежда, обувь); о характеристике офицерского персонала; о содержании в госпиталях и о болезнях эпидемического характера; о пьянстве; о неисправной доставке посылок, почты; о взяточничестве; разные⁷⁹. Мало этого, цензорам предписывалось в выборках из писем отражать именно те места, которые вымарываются военными цензорами, а в целом выборка писем должна была отражать наиболее характерные, встречающиеся чаще всего высказывания. В указанных выдержках писем исчерпывающе характеризуются настроения и установки не только армии, но часто и гражданского населения, как правило, родственников, знакомых, близких военнослужащих. В подавляющем большинстве цензурные выдержки из писем представляют ненамеренные свидетельства, т.е. высказанные случайно, вскользь⁸⁰, которые поддаются количественной обработке на разных уровнях: при фиксации настроений солдатских масс в сводных докладах по фронтам, армиям, корпусам, дивизиям, отдельным частям. Тем самым можно выявить динамику нарастания определенных явлений: изменений настроений солдат от бодрых до негативных, их отношение к офицерскому составу, политические настроения, озабоченность нарастанием дороговизны, отношение к семье, в целом к политической ситуации в стране и многое другое. Таким образом, в наличии есть выборка,

⁷⁸ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 145, 176–178; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1173. Л. 49–50.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Л. 203–203об.

⁸⁰ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т "Открытое о-во". М., 1998. С. 22, 141, 146, 165; Медушевская О. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 118-120.

которая представляется собой высокую репрезентативность всей генеральной совокупности изучаемых объектов (военнослужащих армии), а высокая частота (до 4 отчетов в месяц), а также географический диапазон данных (отчеты от фронтов до дивизий) представляет свойства изучаемых явлений в максимально возможном разнообразии. Все это позволяет провести качественное исследование по выбранным аспектам по отношению к генеральной совокупности⁸¹. Наибольшей разработке путем подсчета частоты тех или иных высказываний солдат в диссертации подверглись сводные отчеты по фронтам и армиям за период с июля 1915 по март 1917 г. (РГВИФ. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486). Наиболее полные данные за начало войны представлены в комплексе писем в сборнике Е.В. Молоствовой⁸². Отдельные вопросы повседневности анализировались на основе цензурных отчетов по различным цензурным отчетам армий (см. Приложение 2).

Много материалов, характеризующих настроения и поведение солдатских масс, содержится и в делах разведывательных и контрразведывательных органов, часто вынужденных входить в социальные вопросы: решение вопросов о дороговизне, вопросы дисциплины в частях, взаимоотношения военных с гражданским населением, вопросы преступности и т.п. Незначительная часть цензурных отчетов, включая выдержки из писем солдат, опубликована в соответствии с крайне тенденциозным принципом выборки, что не позволяет в серьезной научной литературе использовать подобные публикации⁸³. От подобного рода

⁸¹ *Константинов В.В.* Экспериментальная психология. Курс для практического психолога. СПб.: Питер, 2006. С. 139. Подробно об использованных письмах солдат, принципах обработки см.: Письма с войны 1914-1917 / Составление, комментарии и вступительная статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса / М.: Новый Хронограф, 2015.

⁸² *Молостова Е.В.* Солдатские письма. Казань, «Лито-типография «Умид», 1917.

⁸³ Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927; Царская армия...; *Ахун М., Петров В.* Голоса из окопов. (Солдатские письма 1915–1916 г.г.) // Красная Летопись. 1928. № 1. С. 112–118; Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 г.). Сборник документов. М.: Наука, 1968 (далее: Революционное движение в армии...).

публикаций отличаются публикации писем, предпринятые фактически во время войны с целью раскрыть нравственный облик русского солдата⁸⁴.

Значительная информация о социальной жизни армии представлена в делах судопроизводств, следственных и дознавательных инстанциях и т.п. Эти материалы содержатся в фондах судов и прокуроров корпусов и армий, а также в фонде Главного военно-судного управления, где представлен обобщающий материал по вопросам дисциплины в русской армии.

Газеты в работе привлекались весьма в небольшом количестве. Как правило, они служили лишь материалом для разработки того или иного вопроса, то есть в виде справки. В РГВИА сохранились материалы редакций фронтовых газет с гранками неопубликованных статей, а также с письмами в редакцию (неопубликованными в газете), по которым можно сделать анализ отношения солдат к фронтовой пропаганде.

Множество материалов по социальной истории воюющего человека и человека на войне содержится в материалах журнальной периодики периода войны. Эти материалы содержатся как в собственно военной периодике, а также в медицинских журналах, в журналах по социальному обеспечению, в журналах и сборниках общественных организаций на фронте: ВЗС, ВСГ и других. Особенно необходимо обратить внимание на периодику так называемой «общественной медицины», в которой часто поднимались вопросы не только медицинского характера, но и наблюдения, оценки, вскрывающие психологический, социальный характер процессов и событий на войне. Ряд исследований в такого же рода периодике был опубликован в послевоенное время. Они касались последствий войны для военного поколения в медицинском и социальном отношении.

В работе привлекались и документы фольклора для характеристики и анализа настроений различных слоев населения на войне. Предпочтение здесь отдавалось «сырым» материалам: сборникам песен, частушек, пословиц, поговорок, рассказов, авторы которых были прямыми или

⁸⁴ *Молоствова Е.В.* Солдатские письма. Казань, «Лито-типография «Умид», 1917.

косвенными (через родство или т.п.) участниками военных событий. Примером таких материалов являются собрание частушек В.И. Симакова, отложившееся в его личном фонде в РГАЛИ.

Также крайне осторожно следует принимать свидетельства участников войны, особенно солдат, оставленные в воспоминаниях, опубликованных после войны в Советской России. На всех них лежит печать серьезной редакторской правки, надо полагать, по цензурным соображениям. Как правило, они отражают негативные по отношению к царской армии, антивоенные, даже революционные настроения, которые, хотя и имели место в армии, однако разделялись далеко не всеми⁸⁵. В случае использования мемуаров предпочтение отдавалось тем из них, кто не проходил редакторской правки.

В целом объем, широта, разнообразие материалов по заявленной теме дают возможность провести качественное исследование.

⁸⁵ *Лезин М.* Воспоминания рядового. Горький, 1958; *Герасимов М.Н.* Пробуждение. (Воспоминания о первой мировой войне и революционных событиях 1917 г.) М., 1965; *Бородин И.С.* В запасном полку// Краеведческие записки Куйбышевского Обл. музея краеведения. 1963. Вып. 1. С. 29–42; *Кальницкий Я.И.* От февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика. Харьков. 1964.

Глава вторая

Мобилизация на Русском фронте⁸⁶

§ 1. Социальный состав русской армии

Социальный состав армии является важнейшей характеристикой качества русских солдат. В настоящей главе сделана попытка расширить указанные данные на основе привлечения материалов Ставки, ГУГШ, ряда армий за время войны. В работе анализируется социальное происхождение, занятия, уровень грамотности, проводится сопоставление этих данных с характеристиками социального состава армий других стран и армии России последующих периодов ее истории.

Основными источниками для анализа состава армии являются данные Ставки и ведомств Военного министерства периода самой войны, военно-статистического отдела ЦСУ, опубликованные в начале 20-х гг. прошлого века⁸⁷, материалы отчетов по Военному министерству за 1914–1917 гг., опубликованные в 1942 г.⁸⁸ Анализ данных по социальной истории русской армии предпринимался неоднократно. Фактически он свелся к вопросу баланса потерь⁸⁹. В данной работе используются официальные цифры

⁸⁶ Под мобилизацией понимается система мероприятий по организации призыва населения в армию наряду с постоянной армией, а также военно-хозяйственных мероприятий по обеспечению эффективных военных действий в тотальной войне: Horn John. Introduction: mobilizing for «total war», 1914–1918 // *State, society and mobilisation in Europe during the First World War*. Cambridge, 1997. P. 1–18.

⁸⁷ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

⁸⁸ Санитарная служба...

⁸⁹ Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Пг. 1923. Вып. I; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1–2. Париж, 1939; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 152, 381; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военного экономического потенциала. М., 1986. С. 15–17; Степанов А.И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 474–484; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М.

Военного министерства и Ставки периода самой мировой войны. В целом они показывают масштаб динамики потерь живой силы, привлеченной в русскую армию.

Военный опыт испытали далеко не все мужчины призывного возраста России. Их количество определялось особенностями возрастной структуры населения России как страны, испытывавшей демографический переход, где дети и подростки составляли 48% населения. Мобилизации подлежали 34,7 млн. чел. в возрасте 20–50 лет⁹⁰. Однако из планов мобилизации были исключены 7 млн. чел. ряда народностей России и некоторые категории русского населения (крайнего Севера и т.п.)⁹¹. Из 26 млн. военнообязанных 18–43 лет не попали на службу 2 млн. чел., оказавшихся на оккупированных территориях, а также 5 млн. чел., негодных по физическому состоянию, и еще 3 млн. чел., получивших бронь. Реально могло быть призвано около 16 млн.⁹².

В действующей армии накануне войны находилось, согласно различным данным, от 1284155 до 1423000. человек⁹³. В ходе всеобщей мобилизации предполагалось призвать 15 млн. чел. в возрасте от 20 до 43 лет⁹⁴. Уже в течение 1914–1915 гг. кадровая армия (то есть действующая армия на начало войны и запасники) насчитывала 4538 тыс. человек. Вместе с новобранцами (4200 тыс. человек) армия насчитывала 8738 тыс. человек, что делало ее самой крупной по составу из воевавших армий. Но в ходе крупных потерь к концу 1915 г. потребовался набор новых пополнений. Призваны были лица, которые в обычное время могли бы избежать мобилизации. Это ратники

Андроников, П.Д. Буриков и др. М., 2010. С. 89–93; *Нелипович С.Г.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. М.: Квадрига, 2017.

⁹⁰ Доклад по ГУГШ // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53. Л. 1об.; *Иванов В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг., 1916. С. 13.

⁹¹ *Протасов Л.Г.* Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем // *История СССР.* 1977. № 1. С. 35.

⁹² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53. Л. 1об.

⁹³ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1915 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1101. Л. 15об.; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 185; *Россия в мировой войне (в цифрах).* М., 1925. С. 17.

⁹⁴ *Добролюбовский С.А.* Мобилизация армии // *Военный сборник.* № 1. Белград. 1921. С. 93–94.

ополчения 1-го (3110 тыс. чел.) и 2-го (3075 тыс. чел.) разрядов, а также белобилетники, освобожденные ранее от военной службы (200 тыс. чел.). Всего в армию было призвано 15123 тыс. чел.⁹⁵

Для характеристики военного опыта и фронтовой повседневности важны цифры о потерях армии. В литературе называется огромная цифра потерь в 2–2,5 млн. чел. сверх указанных официальных данных царской армии. Исследователи таким образом пытались или показать героизм русской армии, указывая цифру убитых до 3 млн. чел. и раненых до 4,8 млн. чел., или наоборот – нежелание воевать, увеличивая число пленных до 3,9 млн. и дезертиров до 1,8 млн. тыс. чел.⁹⁶ Особенно неясен вопрос о количестве военнопленных Русской армии⁹⁷. Еще менее ясности по вопросу о потерях в Русской армии в зарубежной литературе⁹⁸.

Автор настоящей работы полагает, что данные материалов Ставки и Главного штаба показывают в достаточно верифицируемой форме динамику изменений состава и общих потерь, а следовательно и тягот русской армии. Так, в 1914 г. было убито и умерло от ран 53607 чел., ранено и контужено 260178, пропали без вести 131177 и оказались в плену 60832, а всего – 496377 чел.⁹⁹ В 1915 г. было убито и умерло от ран 273179 чел., ранено, контужено и отравлено газами 1273359, пропали без вести 383114, оказалось

⁹⁵ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) М., 1925. С. 17.

⁹⁶ Там же. С. 25, 30; Санитарная служба... С. 8, 11, 79, 92, 142–143; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 150–151; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 152, 381; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М., 2010. С. 90–91; Степанов А.И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 474–484; Jukes G. The First World War: The Eastern Front 1914–1918. Essential Histories 13, Osprey Publishing, 2003. P. 91.

⁹⁷ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 32; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т 1–2. Париж, 1939. Т. 1. С. 150; Санитарная служба... С. 7, 79, 92, 142; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военного экономического потенциала. М., 1986. С. 17; Нагорная О.С. Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. Челябинск, 2007. С. 535; Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 13.

⁹⁸ Jukes G. Op. cit. P. 90.

⁹⁹ Санитарная служба... С. 7, 92; РГВИА. ф. 2000. Оп. 2. Д. 6. Л. 122, 130.

в плену 982467, всего – 2916276 чел.¹⁰⁰. В 1916 г. убито и умерло от ран 269784, ранено, контужено и отравлено газами – 991526, пропали без вести 730 и попали в плен 1505092, а всего – 2768536 чел. Общие потери на 1 января 1917 г. составили 5840354 чел.¹⁰¹

К 1 января 1917 г. в списочном составе армии числилось 154916 офицеров, 48047 классных чинов, 6651993 солдат, а также 442627 солдат сверх штата, 2170000 солдат, входивших в 198 пехотных запасных полков, приданных дивизиям действующей армии и 30 пехотных запасных полков, предназначенных для общеармейского пополнения¹⁰². На апрель 1917 г. в действующей армии числилось 9050924 чел.¹⁰³, а на осень 1917 г. – около 8534511 чел.¹⁰⁴, включая 1,8 млн. чел. запасных войск на фронте и во внутренних округах¹⁰⁵.

Важным вопросом боеспособности армии является действительный состав бойцов, или «штыков» при реальных военных действиях. Н.Н. Головин полагал, что в русской армии количество «штыков» в несколько раз было меньше, чем в других действующих армиях. Из 6–6,5 млн. числившихся в армии в 1915–1917 гг. бойцы составляли всего 2–2,2 млн. чел. На одного бойца на передовой приходилось 3–4 чел. в тылу, по сравнению с французской армией, где на одного бойца приходилось 0,5 чел. в тылу¹⁰⁶. Архивные материалы о составе действительных «штыков и сабель» подтверждают данные Головина. На весну 1916 г. и осень 1917 г. их

¹⁰⁰ Санитарная служба... С. 8, 79.

¹⁰¹ Санитарная служба... С. 142; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 13.

¹⁰² Всеподданейший доклад по Военному министерству за 1916 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 3-6.

¹⁰³ *Сазонов Л.И.* Численность русской армии в войну 1914–1918 г. // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 г.г. Вып. первый. М., Петроград, 1923. С. 137.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142; Справка дежурного генерала от 7 октября 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 185.

¹⁰⁵ *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. С. 148; *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 87–91.

¹⁰⁶ *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 185, 194.

насчитывалось 27–28% состава всей армии¹⁰⁷. Это характеризует русскую армию как недостаточно боеспособную, вынужденную значительную часть своих ресурсов направлять на решение военно-хозяйственных задач помимо собственно военных действий.

Нехватка технологии выражалась не только в соотношении бойцов и обслуживающего персонала в армии, но и в составе отдельных категорий военнослужащих, образовывавших рода войск. До войны (на 1912 г.) соотношение родов войск по количеству военнослужащих было следующим. На пехоту приходилось около 70%, на артиллерию – около 15%, на кавалерию – около 8%, на инженерные части – около 4% личного состава¹⁰⁸. В 1915–17 гг. в пехоту пришли 92,95% от общего количества призванных в армию лиц, в кавалерию – 3,6%, в артиллерию – 1,95%, в инженерные части – 1,50% личного состава. Надо полагать, что в такой же пропорции происходили и пополнения запасных, новобранцев и ополченцев. В таком случае за годы войны в пехоте было 90,71% от всего личного состава армии, в кавалерии – 4,72%, в артиллерии – 2,39%, в инженерных войсках – 1,73%, и в остальных родах и группах войск – 0,45% из 15378000 чел., призванных на войну. Такое соотношение войск подтверждается и цифрами убитых и раненых, где на пехоту приходилось 95,42%, на кавалерию – 1,01%, на артиллерию – 1,44%, на инженерные войска – 0,25% личного состава¹⁰⁹. Эти сведения показывают серьезное отличие состава Русской армии от армий других воевавших стран по составу родов войск. Так, в Германии за годы войны число пехотинцев уменьшилось с 60,6% до 39,3% состава армии,

¹⁰⁷ Алексеев М.В – Иванову Н.И. от 5 февраля 1916 г. // РГВИА. Ф 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 96; Справка дежурного генерала от 7 октября 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 185–185об.

¹⁰⁸ *Строков А. А.* Указ. соч. С. 146; *Манакин В.* Организация и численность современной артиллерии (в связи с пехотой и конницей) // «Известия императорской Николаевской военной академии», июнь 1914, № 54, стр. 994–995. Согласно военно-статистическому ежегоднику армии за 1912 г., в пехоте было 68,48%, в артиллерии – 15,8 %, в кавалерии (с казаками) – 6,77%, в инженерных войсках 4,17%. См.: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. Спб., 1914. С. 375. Однако в том же справочнике, согласно списочному составу армии, на пехоту приходилось 63,13%, на кавалерию – 11,36%, на артиллерию – 14,79% и на инженерные войска – 3,78% войск. См.: Там же. С. 26, 27, 54, 55.

¹⁰⁹ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 20, 34.

кавалеристов – с 4,7% до 1,6%. И наоборот, в германской армии выросло число личного состава в технических войсках: в пулеметных – с 1,7% до 7,3%, в артиллерии – с 17% до 20,6%, в инженерных войсках – с 2,6% до 5,3%, в авиации – с 0,15% до 2,9%, в транспортных войсках – с 5,5% до 7,8%, в железнодорожных войсках – с 1,2% до 1,8%. Похожие изменения произошли во французской армии: число пехотинцев здесь уменьшилось с 71,8% до 50,5%, кавалеристов – с 4,8% до 4%. Личный же состав технических войск резко увеличился: в артиллерии – с 18,1% до 35,7%, в инженерных войсках – с 4,9% до 6,9%, в воздушном флоте – с 0,4% до 3%¹¹⁰. Указанные сведения показывают, что состав родов войск русской армии в годы войны не только не отвечал задачам современной, технической войны, но даже понижался по сравнению с армиями других стран.

Таковыми же чертами, как армия традиционалистского типа, отличался социальный состав всей армии в целом. В советской литературе социальный состав русской армии оценивался в категориях «классовости» для обоснования «широкой социальной почвы» в деле «подготовки революции»¹¹¹. Представители этого подхода, проанализировав данные о 2,2 миллионах новобранцев¹¹² и экстраполировав полученные результаты на всю армию, сделали вывод о рабоче-крестьянском характере. Согласно этим данным, солдаты-крестьяне составляли 66,16–66,52%, а «пролетариат» – 21% состава армии¹¹³. Однако собственно к «пролетариату» в качестве группы, имевших доход только в сфере промышленности, можно отнести лишь рабочих фабрично-заводской промышленности (4,8% новобранцев)¹¹⁴. При

¹¹⁰ Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Выпуск 1-й. М., 1931. С. 45–46.

¹¹¹ Гаркавенко Д.А. Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1981. С. 38.

¹¹² См.: Отчеты по призыву новобранцев, по данным местных бригад за 1915–1917 гг. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676–2680.

¹¹³ Протасов Л.Г. Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем. История СССР. 1977. № 1. С. 40; Гаркавенко Д.А. Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1981. С. 36–38.

¹¹⁴ Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 40.

этом занятия (а не специальности) строительные, чернорабочих, рабочих мелкой промышленности вряд ли можно отнести к пролетарским, так как они являлись лишь дополнительными к сельскохозяйственным работам. Но, главное, сведения о довоенных занятиях сообщались самими же солдатами, что повышало их шанс остаться на специальных работах, или в привилегированных родах войск и таким образом избежать отправки на передовую в качестве простых пехотинцев¹¹⁵. Впрочем и без специальных подсчетов на основе архивных источников известно из открытых статистических данных Военного министерства, что таким же был состав армии и до войны. Согласно этим данным, земледельцы составляли 61,17% новобранцев, ремесленники и мастеровые – 16,07%, чернорабочие – 10,51%, а фабрично-заводские рабочие – 3,35% состава армии¹¹⁶. Нельзя согласиться и с методом экстраполяции данных о новобранцах на всю армию. Ведь новобранцы являлись молодыми людьми и, следовательно, временно, до призыва, осваивали занятия, которые сами по себе не являлись «пролетарскими» – строители, домашняя прислуга, плотники, столяры, печники и др. К рабочим можно отнести всего лишь лиц, занятых в фабрично-заводской и мелкой промышленности, составлявших 12,3–13,6% новобранцев. Таким образом, исходя даже из приведенных Л.Г. Протасовым и Д.А. Гаркавенко данных, можно говорить о превалировании в Русской армии представителей крестьянского и мелкотоварного сообществ, для которых характерны такие черты традиционного хозяйства как патриархальность, недостаток инновационных технологий, локализм, зависимость от традиций семьи и корпорации (ремесленных цехов и т.п.)¹¹⁷. Крестьянско-традиционалистский характер Русской армии соответствовал

¹¹⁵ Сводка и выборка писем ВЦО Одесского военного округа от 10–20 августа 1916 г. // РГВИА Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 342; сводка писем Житомирского ВЦО от 5 ноября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 75; см. подобные высказывания: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 364об.–365.

¹¹⁶ Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 288.

¹¹⁷ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 116–117; Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 225–228.

структуре населения России перед войной: 85% населения жили в деревне¹¹⁸, на которых приходилось 91,5% пайков семьям призванных¹¹⁹.

Указанные архивные материалы о дают, однако, возможность проанализировать и другие параметры социальных различий между регионами, дававших свои контингенты в армию. Так очевидно деление на промышленные и сельскохозяйственные губернии, дававшие в армию, соответственно, больше рабочих или крестьян. К первым надо отнести северные губернии, дававших мало новобранцев-земледельцев: 23–32%, а ко вторым – южные и восточные губернии, дававших больший процент новобранцев-земледельцев: 57–87%¹²⁰.

В целом крестьянско-традиционалистской армия оставалась и после революции, уже под названием Красной армии (77% крестьян и 14,8% рабочих)¹²¹, и далее в 20-х гг. (71,3% крестьян и 18,1% рабочих)¹²². Наконец, даже в годы Великой отечественной войны доля крестьян, правда, прошедших школу «коллективизации», в армии составляла 75–80%¹²³.

Традиционалистский характер армии представлен и таким показателем, как грамотность солдат. До войны грамотные солдаты составляли 48% состава армии, малограмотные – 24%, а неграмотные – 28%¹²⁴. Таким образом, более половины солдат при поступлении в армию были неграмотны

¹¹⁸ Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 16.

¹¹⁹ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 87.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676. Л. 61об.–62об., 114об., 138, 151, 257, 281, 291, 296об.

¹²¹ X лет Красной армии. Альбом диаграмм. М.: Издательство «Военный вестник», 1928. С. 30. По данным переписи Красной армии от 28 августа, земледелием занимались 77,26% красноармейцев, а рабочих среди них было – 14,05%, из которых 6,19% работали в самом сельском хозяйстве и вряд ли могут быть причислены к «пролетариям». Собственно фабрично-заводские рабочие составляли всего 5,5% красноармейцев: См.: Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2). С. 143–144 // РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 72–72об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 105. Л. 143–144.

¹²² X лет Красной армии. Альбом диаграмм. М., 1928. С. 30. Согласно Ст. Ивановичу (В.И. Талину) (Красная армия. Париж, 1931. С. 65), цитируемому Рожковым (Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В двух томах. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002. Т. 2. С. 17), процент крестьян в Красной армии с 1924 по 1927 г. даже нарастал: с 81,7% до 83,1%.

¹²³ Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. Ярославль, 1998. С. 11, 29, 125, 144.

¹²⁴ Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 288.

или малограмотны, т.е. умели только читать¹²⁵. И здесь новобранцы, выходцы промышленных губерний (Ярославской, Московской, Владимирской, Костромской) давали наибольший процент грамотных в зависимости от процента занятых в промышленности, 87–94%. И наоборот, новобранцы из сельскохозяйственных губерний (Кубанской, Уфимской, Харьковской) чаще были неграмотны: 30–63%¹²⁶. На военной службе до войны солдаты обучались грамоте, хотя какая-то часть оставалась малограмотной. Но другой оказалась ситуация во время войны, когда образовался наплыв ополченцев, оказавшихся в своей массе неграмотными или малограмотными¹²⁷, что в целом понижало грамотность в армии в период войны и являлось условием широкого распространения на фронте различного рода представлений, характерных для малоразвитых слоев населения: паники, тревожности, невероятных слухов и т.п. В целом по грамотности русская армия периода войны значительно отличалась от армий развитых стран Европы, где население было полностью грамотным¹²⁸, а также и от Красной армии периода Гражданской войны, где на 1920 г. неграмотных и малограмотных было чуть выше 20%¹²⁹.

¹²⁵ Л.Г. Протасов утверждает, что русская армия на 1916 год была на 73,7% грамотной, не указывая среди них количество малограмотных, что, очевидно, снизило бы впечатление от «пролетарского», по его мнению, в своей основе состава армии: *Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 45.

¹²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676. Л. 61об.–62об., 114об., 138, 151, 291, 296об.

¹²⁷ Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. 1 отдел. Территория и население. С. 108, 126.

¹²⁸ В расчет принимается состав армии на 1916 г. из ополченцев и новобранцев, а также существовавшая в России неграмотность среди мужчин в 46%, и тот факт, что понятие грамотности для России означало только умение читать, то есть, в сущности – малограмотность: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 386.

¹²⁹ Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года: Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2. С. 78–79 // РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 39об.–40. Следует, однако, подчеркнуть, что Красная армия состояла в значительной степени из молодых людей (54% состава: РГАЭ. Ф. 1562. оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 4; Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. За пять лет работы центрального статистического управления. (Труды ЦСУ. Том XVII). М., 1924. С. 92; *Павлюченков С.Л.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 107–108. К тому же в Красной армии особенно сильно было представлено население северных промышленных губерний, где образование охватывало около 80–90% жителей. Не следует забывать и активную образовательную политику, проводившуюся в Красной армии с самых первых месяцев ее существования.

Важной социальной характеристикой армии является возраст ее различных контингентов. От возраста зависела стойкость и боеспособность солдат, их готовность к радикальным действиям в достижении социально-политических целей. В течение войны возраст армии менялся. Кадровая действующая армия имела в своем составе солдат в возрасте 20–22 лет. Добавка запасников 15-ти возрастов, а также ополченцев, значительно увеличила средний возраст личного состава. Однако какой именно по возрасту осталась армия в 1916 и тем более в 1917 г. довольно трудно подсчитать, для чего необходимо проанализировать возрастную структуру потерь. Так, учитывая кризис патриархальной семьи как раз на рубеже веков, можно предположить, что в плен попадали чаще семейные военнослужащие, не проявлявшие заботу за судьбу своей семьи, что и подтверждается данными о семейном положении военнопленных русской армии¹³⁰. Правда, призыв ополченцев 2-го разряда с осени 1916 г. увеличил возрастной ценз армии. Однако призыв 18-19 летних новобранцев вновь привел к омоложению армии¹³¹. В целом армия в результате выбытия старших возрастов (гибель, плен, ранения) омолаживалась к концу 1916 г.¹³², что подтверждается эмпирическими данными о потерях личного состава с указанием семейного положения солдат, где очевидным является почти двукратное увеличение холостых (т.е. молодых) по сравнению с семейными солдатами¹³³.

Некоторые данные о составе армии и ее готовности к современной войне могут дать сведения о внешнем облике солдат. До войны длина тела (в

¹³⁰ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 39.

¹³¹ Головин Н.Н. Указ. соч. Том 1. С. 85.

¹³² Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Истощение резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 154; Хрящева А. Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. Оттиск из Вестника Статистики. 1920. № 9–12. М., 1921. С. 12.

¹³³ РГВИА. Ф. 2126. Оп. 2. Д. 66. Л. 631–688; Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 288; РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 307. Л. 57–95, 102–114; Д. 556. Л. 13–18; Л. 33–38, 108–121, 128–161, 191–242, 301–378, 409–500.

среднем) солдат составляла 166,17 см.¹³⁴ С ростом кадровой армии в результате набора запасников длина тела увеличилась до 166,62 см.¹³⁵, что было близко длине тела солдат кадровой армии Германии – 166,51 см.¹³⁶ Однако с вхождением в ряды армии ополченцев длина тела солдат Русской армии должна была уменьшиться почти на 1 см¹³⁷. Это подтверждается и косвенными данными, встречающимися в письмах о физическом преимуществе, например, немцев, «здоровых чертей»¹³⁸. По длине тела солдаты русской армии уступали английской армии, где рост новобранцев к периоду Первой мировой войны был в среднем 168 см.¹³⁹, и американской армии – 172 см.¹⁴⁰ Врачи также насчитывали в русской армии значительное количество физически слабых воинов, процент которых увеличился к окончанию войны¹⁴¹.

Анализ пополнений, социального состава армии приводит к выводу о неоднородном ее составе в течение войны, о наличии в ней различных контингентов. Первый контингент состоял из действующей на начало войны армии и лиц, призванных из запаса. Этот состав армии был наиболее обученным, мало отличаясь от состава армий других воевавших стран.

¹³⁴ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 289.

¹³⁵ *Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я.* Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Куршакова Ю.С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 64–71. Данные цифры, однако, в литературе считаются завышенными, поскольку они относятся только к жителям городов центральной России, к тому же получены спустя несколько десятилетий после достижения контингентом указанных ростов: См. *М. Элман Витте, Миронов* и ошибочное использование антропометрических данных // *Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина.* Вып. 11. М., 2005. С. 159–165.

¹³⁶ *Twarog S.* Heights and living standards in Germany, 1850–1939: the case of Wurtemberg // *Richard Steckel and Roderick Floud, editors, Health and Welfare during Industrialization. National Bureau of Economic Research Policy Report. Chicago: University of Chicago Press, 1997. S. 296.*

¹³⁷ 165,3–165,7 см.: *Миронов Б.Н.* «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века». М., 2010. С. 213.

¹³⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 79.

¹³⁹ *Height, Health and History: Nutritional Status in the United Kingdom, 1750-1980 L.: Hardcover, 2006. P. 142–149.*

¹⁴⁰ *Body Composition and Physical Performance: Applications for the Military Services Publisher: National Academies Press, 1992. P. 32.*

¹⁴¹ Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 289; *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 13–14.

Именно этот состав принял на себя тяготы маневренной войны с ее начала до осени 1915 г. Основу другого состава армии представляли ратники 1-го и 2-го призывов. На них пришлись испытания упорных позиционных боев конца 1915 – 1916 гг. В последнем составе армии доминировали ратники 2-го призыва, «белобилетники» и молодые новобранцы. Этот состав армии испытал глубокий моральный кризис, закончившийся коллапсом военной машины.

Каждый из перечисленных трех контингентов армии имел свой социальный довоенный опыт, обусловивший восприятие и воздействие современной технической войны. Все эти контингенты по своему составу были в основном крестьянскими. Однако уже до войны они имели различный опыт соответствия современной войне. Казалось бы, ближе всего к такой войне были готовы солдаты-крестьяне действующей армии, еще в молодом возрасте испытавшие воздействие такого модернизационного института, каким замыслили его архитекторы пореформенной Русской армии и что было проведено в жизнь, согласно некоторым исследователям, основывающих свои заключения на логике и целях милютинских реформ¹⁴². Однако другие исследователи, изучавшие практику военной службы, взаимодействия различных групп довоенной армии пришли к другим выводам. Так, американский историк И. Башнел хотя и отмечает модернизационные усилия военных реформаторов в деле внедрения новой дисциплины и иерархии, привития «абстрактного порядка», вообще ориентации на «новизну», рассматривает как скромные усилия «подорвать традиционный менталитет солдат-крестьян» как раз в названных областях армейской жизни. Башнелл в своих работах настаивает, что даже пореформенная армия скорее «окрестьянивалась», нежели осовременивала солдат-крестьян¹⁴³. Другие исследователи также полагают, что русская армия

¹⁴² *Sanborn J. A. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003.*

¹⁴³ *Bushnell Y. Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society // Journal of social history. Summer. 1980. V. 13. № 4. P. 566–572.*

меньше способствовала переработке крестьянина в «русского», чем французская армия – во «француза»¹⁴⁴.

Другой довоенный опыт имели запасники, но особенно – ополченцы, вообще не проходившие военной службы. Их социальный довоенный опыт является частью большой проблемы: насколько русские крестьяне были затронуты модернизационными процессами. Среди проблем модернизации выделяют ощущение себя гражданами, успехи образования, урбанизации, миграции, организации военной службы по всеобщему призыву. Большинство западных историков не видят прогресса в этих областях жизни России и даже полагают, что крестьяне приспособили к себе, «окрестьянили» некоторые институты модернизации¹⁴⁵. Окрестьянивание затронуло даже города центральной России, железные дороги¹⁴⁶. Крестьяне оставались замкнутой группой среди городского населения даже в таких городах, как Москва и Петербург, в которых они составляли почти половину жителей. При этом крестьяне и оставались чужаками для негородского населения, и не становились «своими» для горожан, отличаясь собственной субкультурой¹⁴⁷.

¹⁴⁴ *Moon D.* Late Imperial peasants // *Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honour of R. B. McKean.* Ian D. Thatcher: Bonus ... Manchester University Press, September 2005. P. 121.

¹⁴⁵ *Lincoln W. B.* Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. N.Y., 1986. P. 47–48; *Seregny S. J.* Zemstvos, Peasants and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I Author(s) // *Slavic Review*, Vol. 59, No. 2. Summer, 2000. P. 290–291; *Moon D.* Op. cit. P. 122–124; *Sanborn J. A.* Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003; *Bushnell Y.* Peasant Economy and Peasant Revolution at the Turn of the Century: Neither Immigration nor Autonomy // *Russian Review*, 46. 1987. P. 82; *Johnson R.* Peasant and Proletarian; *J. H. Bater*, Transience, Residential Persistence, and Mobility in Moscow and St Petersburg, 1900–1914 // *Slavic Review*. 39. 1980. P. 239–254; *Korelin A.P.* The Social Problem in Russia, 1906–1914: Stolypin's Agrarian Reform // Т. Тарановски (ed.). Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge, 1995. P. 143,158; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 247.

¹⁴⁶ *Moon D.* Op. cit. P. 127.

¹⁴⁷ *McKean R.B.* St. Petersburg Between the Revolutions L. 1990. P. 16; *Bradley J.* Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1985. P. 4; *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 340–345; *Moon D.* Op. cit. P. 127.

Не наблюдают историки серьезных изменений и в деле образования крестьян. Б. Эклоф делает вывод, что не образование изменяло крестьян, но крестьяне «окрестьянивали» образование, школу, ограничивая пребывание детей в школе началами грамотности¹⁴⁸. Кроме того, в системе образования существовал глубокий раскол. В то время, как власти насаждали в школе стандарты государственного унифицированного обучения, деятели общественной педагоги углядывали в такой системе образования начала «милитаризации» и монархического воспитания детей¹⁴⁹. В целом учителям не удалось внедрить в крестьянской школе начала национальной идентичности¹⁵⁰. Такое утверждение оспаривает Санборн, видящий успехи государственного, национального, включая военного воспитания в царской школе¹⁵¹.

Стойкие крестьянские традиционные представления сохранялись и у русских рабочих, недавних крестьян и в системе труда, дисциплине и технологии производства, ритме отдыха и организации свободного времени. Б.Н. Миронов выявил влияние традиционализма на трудовую этику и обусловленное ею поведение масс крестьянства, проходивших школу индустриализации и модернизации на фабриках и заводах. Медленная трансформация трудовой этики рабочих, бывших или настоящих крестьян России, вызывала ломку стереотипов в их массовом сознании, создавала социальное напряжение, порождала конфликты и агрессию¹⁵². Можно

¹⁴⁸ *Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914* (Berkeley, CA, 1986), esp. pp. 70–119, 471–482 по: *Moon D. Op. cit.* P. 127.

¹⁴⁹ *Иорданский Н. Дети около войны // Для народного учителя. М. 1916. № 3. С. 19–26.*

¹⁵⁰ *Eklof B. Russian Peasant Schools. Berkeley, 1986. P. 70–119, 471–482 по: Moon D. Op. cit. P. 126–128; Seregny S. J. Russian Teachers and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905. Bloomington, IN, 1989; Seregny S. J. Zemstvos, Peasants and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I // Slavic Review. 59. 2000. P. 313–14.*

¹⁵¹ *Sanborn J.A. Op. cit. P. 97–99.*

¹⁵² *Миронов Б.Н. Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999. С. 243; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 70–96, 184–207; Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М, 1994. С. 12–20; Маркович Д. Социология труда. М, 1988. С. 502–551.*

предположить, что нечто подобное грозило бы солдатам, бывшим крестьянам, и при усвоении ими военного опыта индустриальной войны.

Исследователи не находят больших успехов в таком средстве модернизации крестьян, как приобщение их к политике. Русские крестьяне оставались под опекой, имели свою сословную администрацию и суд вплоть до конца монархии. Реформы, которые могли бы дать крестьянам больше прав (волостная, религиозная, местного управления) не были завершены¹⁵³. Попытки ликвидации общины наоборот, привели к ее консервации, ограничению в передвижении крестьян. При этом историки подчеркивают опасения чиновников со стороны крестьянского мира, покушавшегося на только еще зарождающуюся гражданскую культуру. Это приводило к сдерживанию процесса предоставления политических прав крестьянам¹⁵⁴.

Социальный опыт русских крестьян, основной массы русской армии, в значительной степени определялся пребыванием в крестьянской общине, испытывавшей серьезные перемены в предвоенные годы¹⁵⁵. В общине сохранялись пережитки средневековья, традиционализм¹⁵⁶. С другой стороны, в годы столыпинской аграрной реформы обострились отношения между общинниками и собственниками в деревне, которых поддерживали власти. Особенно это проявлялось в промышленных губерниях¹⁵⁷.

¹⁵³ *Popkins G.* Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, Provincial Boards and the Legal Appeals Process, 1891–1917 // *Slavonic and East European Review*. 2000. P. 113–114; *Burbank J.* A Question of Dignity: Peasant legal Culture in Late Imperial Russia // *Continuity and Change*. 10, 1995, P. 391–404 по: *Moon D.* Op. cit. P. 129–131; *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии: Монография. Ростов-на-Дону, 2000; *Moon D.* Op. cit. P. 130.

¹⁵⁴ *Moon D.* Op. cit. P. 130–134; *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* Спб., Дмитрий Буланин, 1996. С. 611–612.

¹⁵⁵ *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 3–4.

¹⁵⁶ *Yaney G.* The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930. London, 1982. P. 6–9, 168–170, 172, 173, 182, 561 по: *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 19.

¹⁵⁷ *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 102–104, 124, 140–143; *Moon D.* Op. cit. P. 127; *Moon D.* Peasants and agriculture // *The Cambridge History of Russia. Volume 2. Imperial Russia, 1689–1917.* Cambridge, 2006. P. 369–393.

В русской армии, основным контингентом которой являлось крестьянство, вопрос о борьбе традиций и современности приобрел решающее значение именно в годы Первой мировой войны. Это было обусловлено особенностями призывной системы России, где существование «льгот по семейному положению» привело к тому, что действительную военную службу проходили всего 29% от населения, подлежащего призыву, по сравнению с 40–80% в других воевавших странах. Нехватка призывного контингента привела к понижению порога выбраковки по физическому составу, обусловила слабость русской армии по физическому состоянию¹⁵⁸. Попытка изменить закон о призыве в 1912 г. положение не исправила, так как было упущено время для создания запасного контингента¹⁵⁹. В мирную эпоху, и даже во время Русско-японской войны, в России было достаточно людей призывного возраста. Однако ситуация серьезно изменилась во время мировой войны, когда был исчерпан запас прошедших службу в действующей армии мужчин и власти были вынуждены обратиться к ополченцам, никогда не проходившим военную службу¹⁶⁰. Практически, к участию в современной войне были призваны миллионы необученных солдат-крестьян. По существу, Россия не справилась с задачей создания «народной армии», что является важнейшим условием для ведения современной, индустриальной войны, что отразилось на качестве наличной армии военного времени.

В многочисленных документах, воспоминаниях зафиксированы множество негативных высказываний о солдатском контингенте запасников уже в первые месяцы войны. Отмечались их низкая боеспособность, привязанность к своей крестьянской семье больше, чем фронтовому братству, недисциплинированность, трусость, распущенность, прямо преступное поведение по отношению к мирным жителям, отсутствие

¹⁵⁸ Редигер А. Указ. соч. С. 92, 136–139; Иванов В.В. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁵⁹ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 1. 36–38, 44–45.

¹⁶⁰ Редигер А. Указ. соч. С. 96; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военного экономического потенциала. М., 1986. С. 11.

«воинского духа», паникерство, желание мира «с нетерпением» и т.п.¹⁶¹ Еще больше жалоб на качество солдат началось со второй половины 1915 г. Это касалось в основном ополченцев, не прошедших службу в действующей армии. Начальство вплоть до командующих армиями, жаловалось на их трусость, неопытность, желание сдаться в плен, ожидание мира, недисциплинированность¹⁶², потерю боеспособности¹⁶³.

Социальный опыт последнего контингента, значительную часть которого составляли солдаты-новобранцы 18–19-летнего возрастов, отмечен участием молодежи в «хулиганском» движении в общине в годы столыпинских реформ. В основном это движение охватило центральные великорусские губернии, крупные торгово-промышленные села, в целом регион отходничества. Как правило, движение молодежи было направлено против традиционных порядков в деревне, часто против помещиков, духовенства, чиновников, хуторян¹⁶⁴. Основой движения являлся конфликт поколений¹⁶⁵, при котором хулиганствующая молодежь порою диктовала свои порядки на сходе, в деревне, терроризировала местные сельские власти, которые проявляли слабость в борьбе с нарушителями спокойствия на селе¹⁶⁶. Участие молодых призывников, испытавших опыт «хулиганского движения», непосредственно или косвенно ставит остро вопрос о воздействии на них военного опыта¹⁶⁷.

¹⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 124, 153, 155, 450, 454.

¹⁶² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 11; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 5, 341об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 166; РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 72; *Брусилев А.А.* Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 124.

¹⁶³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 312; *Брусилев А.А.* Указ. соч. С. 124..

¹⁶⁴ *Frank Stephen P.* Op. cit. P. 286, 290.

¹⁶⁵ *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 248–251; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. СПб., 1999. С. 245–250; *Щекин М.В.* Как жить по новому. Кострома, 25. С. 15–16; *Внуков Р.* Указ соч. С. 4–5, 17–18; *Frank Stephen P.* Op. cit. P. 303–304; *Weissman N.B.* *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // *Slavic Review*. Vol. 37, № 2. June 1978. P. 240; *Neuberger J.* Hooliganism: crime, culture and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, CA, 1993.

¹⁶⁶ *Weissman N.B.* *Weissman N.B.* Op. cit. P. 228–240.

¹⁶⁷ *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 244–246, 249; *Внуков Р.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 19, 23; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 279; Докладная по ВЦО 5-

Различие в социальном опыте указанных контингентов групп повлияло на их взаимодействие и динамику развития армейского организма во время войны. Первая группа, кадровики, задетые процессами модернизации, постоянно уменьшалась. Группа же ополченцев, не прошедшая школу стандартизации, трудно осваивавшая опыт современной войны, наоборот, постоянно нарастала. Наконец последняя группа новобранцев молодежи, впитавшая в себя протестный настрой предвоенной деревни также не прошла необходимую школу модернизации и составляла значительную часть армии на завершающем этапе военных действий. В целом по социальному составу армия являлась средоточием социальных сил, по разным причинам отвергавших саму индустриальную войну, и существующие порядки, связанные с мобилизацией для ведения эффективных военных действий. Необходимость окончания войны все указанные группы военнослужащих связывали с продолжением того социального опыта, который был ею прерван¹⁶⁸.

§ 2. Русский фронт в контексте социальной географии

Повседневность русских солдат протекала в определенных условиях, задававшихся пространственной средой технологией ратного труда, зависевшего от технических средств, которыми располагала армия для ведения военных действий. Рассмотрение этих условий ратного труда анализируется с позиции новой локальной истории и социальной географии¹⁶⁹.

й армии за март 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 11, 13, 76; *Нарский И.В.* Указ. соч. С. 376–377, 497–498.

¹⁶⁸ Подробно о социальном составе русской армии периода войны см.: *Астахов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: «Новый хронограф», 2014. С. 16–62.

¹⁶⁹ См.: *Маловичко С.И., Булыгина Т.А.* Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Выпуск 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. Ставрополь, 2003. С. 15–16; *Маловичко С.И.* «Пространственный поворот» в историографии и новая локальная

Принципиальным новшеством театра военных действий в пространственном отношении являлась позиция как новая временная искусственная урбанистическая в значительной части среда. Она задавалась в свою очередь особенностями Первой мировой войны, господством защитных средств обороны по сравнению с наступательными и выражалась в строительстве долговременных сооружений, что и являлось феноменом «позиционной войны». Однако именно в России концепция позиционной войны утвердилась далеко не сразу. Сам вопрос о ней был поставлен только с осени 1915 года¹⁷⁰. До этого на Русском фронте вообще не существовало единой непрерывной оборонительной позиции. Ей противопоставлялась концепция «групповой обороны», сторонники которой исходили из необходимости экономии средств на громадном участке фронта¹⁷¹. Многие командиры к тому же считали саму концепцию сплошной оборонительной линии вредной, ведущей к потере активности солдат, нежеланию идти вперед, оправдывающей их трусость¹⁷².

Подход к концепции позиционной войны стал меняться после провала наступления в декабре 1915 – марте 1916 г. на Северном и Западном фронтах, когда фронтовое начальство поставило вопрос о переходе к «активной обороне»¹⁷³. В новом понимании позиции был выражен опыт войны, который требовал совершенно новых оборонительных сооружений в полевой армии, позволявших вести другой ритм ведения военных действий. Новая концепция военных действий предусматривала такую организацию атаки, которой предшествовало бы сохранение живой силы при максимальном ослаблении противника, чтобы впоследствии эффективно

история // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Часть II. М., 2008. С. 439–442.

¹⁷⁰ Яковлев В.В. Позиционная война и краткие сведения о крепостях и их атаке и обороне. Пг., 1916. С. 2.

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 74–75, 176.

¹⁷² Яковлев В.В. Указ. соч. С. 20; РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 8а., 174, 175, 175об.

¹⁷³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 320–321, 397об.

распорядиться резервами для уничтожения сил противника¹⁷⁴. Это означало постоянную готовность к длительному противостоянию. Эта концепция позиционной линии была скопирована с планов ведения войны Франции и Германии, доработана подполковником В. Замбрицким и применена впервые на Северном и Западном фронтах¹⁷⁵. Согласно этой концепции, позиция состояла из 2–3 укрепленных полос, располагавшихся друг от друга через 5–8 верст. Ее задача состояла в том, чтобы вызвать полное истощение как материальных, так и моральных сил противника в ходе ее обороны¹⁷⁶. В каждой полосе в свою очередь предусматривалось три линии. В первой линии стояли охраняющие войска, во второй, в 150–200 шагах от первой, находилась главная, основная часть войск¹⁷⁷. В третьей линии, в 400–1000 шагах от второй, стояли резервные войска¹⁷⁸. Связь линий в первой полосе обеспечивалась огневой поддержкой передних окопов и системой ходов сообщений между оборонительными узлами¹⁷⁹. Новой конструкции позиции соответствовало и расположение артиллерии для поражения противника в глубину¹⁸⁰.

Позиционная линия в западной части Русского театра военных действий постоянно нарастала по своей длине. В 1914 г. она составляла 1030 в., к концу отхода в 1915 г. – 1120 в., а на начало 1917 г. – 1740 в. (390 в. на Северном, 480 на Западном, 470 в. на Юго-Западном и 400 в. на Румынском фронтах)¹⁸¹. На каждую роту приходилась линия обороны фронта в 300–500

¹⁷⁴ Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47. Л. 22–23об.

¹⁷⁵ Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 300.

¹⁷⁶ Наставление по укреплению позиций войскам армий Западного фронта. 9 января 1916 г. Секр.: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 217. Л. 64; Указания по инженерной подготовке атаки неприятельской позиции. (Устройство инженерного плацдарма). Штаб Верховного Главнокомандующего, 1916. С. 3–8.

¹⁷⁷ *Замбрицкий В.* Наставление для борьбы за укрепленные полосы. Часть I. Типо-Литография Штаба Особой армии, 1917. С. 9.

¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 35об.; *Замбрицкий В.* Указ. соч. С. 8–9.

¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 27об.–28.

¹⁸⁰ *Замбрицкий В.* Указ. соч. С. 49–50; *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Позиционная война. Пг., 1917. 10–11.

¹⁸¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 290, 297об.–298об.; Приложение: Таблица протяженности фронтов и военно-технического обеспечения в сравнении сил России и противника.

шагов, на батальон – 1, на полк – 2, на дивизию – 8 версты¹⁸². Реально это расстояние было большим для полков и дивизий¹⁸³. На фронте постоянно проводились масштабные работы по строительству оборонительных полос в глубину. Так на лето 1916 на Северном фронте таких полос строилось на протяжении 2500 в., на Западном – 2300 в., на Южном – 2500 в., т.е. они превышали общую фронтную полосу по длине более чем в 4 раза¹⁸⁴.

В течение войны существенно увеличилась глубина позиций корпуса, дивизии и полка. До войны она составляла соответственно 3–4; 1,5–2; около 1 версты. К 1917 она составляла 10–12; 7–8; 2–3 верст¹⁸⁵. При этом на каждый корпус приходилось около 1 тыс. кв. в. боевого района, включая площадь непосредственно боевых позиций и ближайшие тылы. Вся оборонительная позиция Русского фронта насчитывала свыше 70 тыс. кв. верст¹⁸⁶.

Громадный размах оборонительных работ вызвал нехватку рабочей силы, военных инженеров, технического персонала и средств. Оказалось невозможным одновременно развивать работы на всех намеченных участках позиции. Это привело к серьезным недостаткам уже на начальной стадии построения позиции. Сами правила построения позиции часто не соблюдались, не определены были точно количество полос и линий в них: на одних участках возводили одну, на других две полосы¹⁸⁷. В результате возникла путаница, какая из полос является главной. В январе 1916 г. начальство констатировало, что войска концентрируются в первой полосе в ущерб укреплению второй, основной. Фронтное начальство требовало разъяснить войскам необходимость развивать позицию в глубину фронта, а

¹⁸² Пасынкин Е.А., Калишевский В.А. Указ. соч. С. 50–51; Замбржицкий В. Указ соч. С. 168.

¹⁸³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 8–8об.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 10. Л. 125об.

¹⁸⁵ Гордеев Ю.Н. Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами в первой мировой войне 1914–1918 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. М., 1999. С. 15.

¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 68.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 7.

не держаться первой полосы¹⁸⁸. Вопрос, какая из полос является главной, продолжал оставаться и в конце 1916 г., вызывая путаницу в оборонительных порядках и продолжавшихся работах¹⁸⁹.

Особенно остро вопрос в определении важности полос позиции проявился на Юго-Западном фронте. На многих участках фронта образовался серьезный сбой в инженерных работах, что привело к неэффективному размещению войсковых частей на позиции¹⁹⁰. Попытка фронтового начальства навести порядок в деле возведения правильной позиции, т.е. хотя бы двух полос, натолкнулась на сопротивление и даже полемику с нижестоящим начальством: армий, корпусов и дивизий¹⁹¹. Главной причиной доминирования первой полосы в позиции армейское командование называло нехватку рабочей силы. Так, командующий 8-й армии А.А. Брусилов вообще считал невозможным придерживаться трехполосной системы позиции из-за нехватки рабочих, подвод и материалов¹⁹². С другой стороны, командование Юго-Западного фронта, все еще преданное идее маневренной войны, полагало, что при продвижении вперед войска должны будут бросать окопы, что делало излишним их усиленное укрепление¹⁹³.

К концу войны значение инженерного строительства все более влияло на составление стратегических планов. Начальник штаба Алексеев отмечал в начале 1917 г., что в будущем прорывы, подобные Брусиловскому, возможны только при широком участии наряду с войсковыми массами инженерных, артиллерийских и железнодорожных средств. Алексеев требовал, чтобы стратегические планы составлялись «снизу кверху», поскольку в позиционной войне «тактика владеет стратегией, а не наоборот»¹⁹⁴. Но

¹⁸⁸ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 506–506об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 35–35об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 217. Л. 182.

¹⁹⁰ Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 54. Л. 140, 200–202.

¹⁹¹ Там же. Л. 218, 219об.

¹⁹² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 157. Л. 276–284.

¹⁹³ Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 54. Л. 135–136об.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. д. 63. Л. 210об.–211об., 323–325об.

претворение этого плана в жизнь в годы войны удалось лишь на отдельных фронтах и участках.

Существовало несколько причин недостатков в организации позиционной борьбы. Так, даже в Положении о полевом управлении недостаточно были прописана роль инженерного ведомства в организации обороны¹⁹⁵. Ситуация стала изменяться только с весны 1916 г., когда началась реорганизация инженерных управлений. Но и далее в армии относились с пренебрежением к деятельности инженерного руководства, занимавшего, как казалось, слишком требовательную позицию к организации обороны¹⁹⁶. В результате наблюдалась потеря опыта позиционной войны как собственного, так и союзников и противников¹⁹⁷, что часто приводило к распылению в оборонительных действиях¹⁹⁸.

Недостатки позиционной линии приводили к массе трудностей по ее обслуживанию в ходе войны, к напрасным жертвам людьми, облегчали противнику овладение русскими позициями. На Северном фронте это было следствием невозможности обстрела впереди лежащей местности, слабости проволочных заграждений. В феврале 1916 г. отмечалось отсутствие необходимых убежищ, невозможность укрыться в них от огня не только тяжелой артиллерии, но и пулеметов¹⁹⁹. Иногда командование вообще отмечало «отсутствие кордона» с противником²⁰⁰. Даже в конце 1916 г. на Северном и Западном фронтах ряд позиций не считались законченными²⁰¹. В результате страдала оборона, не хватало оперативного простора для войск²⁰².

Некоторые недостатки оборонительной полосы имели, однако, объективные причины. После летнего отступления 1915 г. русская армия была вынуждена занять крайне невыгодные позиции. К концу войны

¹⁹⁵ Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 68.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 18. Л. 38об.

¹⁹⁷ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 176об.

¹⁹⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 51об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 1–2, 3, 36об., 46, 54, 57–57об., 79.

²⁰⁰ Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 82. Л. 14.

²⁰¹ Там же. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–5.

²⁰² Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 58, 61–61об., 381–382об.

ситуация в оборонительных порядках даже ухудшилась. Нередко передовые линии были видны для просмотра и обстрела противником, вообще были отрезаны от тыла. Для исправления такого положения войска проводили множество оборонительных ночных, крайне изнурительных работ, перемещение частей²⁰³. Войска, затратившие массу средств на оборону позиций, не хотели переходить на новые участки, поскольку это требовало дополнительных работ²⁰⁴. Против изменения боевых участков выступали и соседние части, или даже более высокое командование, не желавшее перекройки линии обороны²⁰⁵.

Недостатки в развитии оборонительной полосы обусловили массу бытовых неурядиц на передовой линии. Вплоть до конца войны невозможно было избавиться на позиции от воды, которая осенью и весной заливала окопы, так что приходилось пользоваться для перемещения на боевых участках лодками. Зимой вода замерзала, что уменьшало возможность не только сидеть, но даже лежать в окопах. Переносить это русским солдатам было обидно, слыша, как на позиции противника работали машины, качавшие воду, которая стекала в сторону русских окопов²⁰⁶. Недостатки русских позиций сыграли особенно плохую роль зимой 1916–17 гг. в ходе обострившейся «малой войны», «поисков», приводивших неизменно к значительным потерям со стороны оборонявшихся, поскольку противник имел легкий доступ в русские окопы²⁰⁷.

Следуя представлениям о войне как о промышленном предприятии, а о боевой полосе как о производственной площадке²⁰⁸, необходимо поставить вопрос о соответствующей для такого производства технике, инструментах,

²⁰³ Там же. Л. 95–97, 100–100об.; Д. 217. Л. 97.

²⁰⁴ Там же. Л. 59об., 60об.

²⁰⁵ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 217. Л. 84.

²⁰⁶ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 60об.

²⁰⁷ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 31об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 64; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 404, 405; Д. 156. Л. 176–176об.

²⁰⁸ Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. С. 59–62, 219–223.

сырье и технологии труда. Прежде всего, в армии остро не хватало снарядов для тяжелой артиллерии²⁰⁹, которые составляли всего 3% от их общего количества, по сравнению с 25–50% в других армиях²¹⁰. Дело, правда, было не столько в отсутствии этих снарядов, сколько в невозможности их своевременно подавать на позиции, как это было у противника²¹¹. Нехватка снарядов для тяжелой артиллерии сказалась и в ходе «Брусиловского прорыва». Немцы перебрасывали войска в нужном направлении, не реагируя на «демонстрации» средствами легкой артиллерии русских²¹². «Снарядный голод» серьезно влиял на ведение операций в течение всей войны, являлась важнейшим фактором потерь в живой силе в русской армии²¹³.

Россия значительно отставала и в обслуживании боевой полосы военным имуществом²¹⁴. По самолетам отставание было в 4–7 раз от других воевавших стран²¹⁵, а имевшиеся аппараты обладали серьезными недостатками в их использовании и снабжении²¹⁶. Россия так и не смогла овладеть газовым оружием²¹⁷, за исключением эпизодических применявшихся атак с химическими снарядами. Для эффективной противогазовой обороны не хватало и универсальных противогазов²¹⁸, существовали и проблемы с использованием их солдатами²¹⁹.

Существовали серьезные трудности в обеспечении линии фронта проволочными заграждениями, что вызывалось нехваткой их запаса, малой

²⁰⁹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 114, 115, 125; Гордеев Ю.Н. Указ соч. С. 11.

²¹⁰ Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Выпуск 1-й. М., 1931. С. 101, 109, 111; Сулейман Н. Тыл и снабжение действующей армии. Часть вторая. Фронт и армия. М.; Л., 1927. С. 479.

²¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 5; Сулейман Н. Указ. соч. С. 117; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 157. Л. 184.

²¹² Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 45–46, 85.

²¹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 13об., 199; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 85.

²¹⁴ Сулейман Н. Указ. соч. С. 530, 532–533.

²¹⁵ Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 31.

²¹⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 496–503об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2897. Л. 36; Д. 2899 Л. 3, 108, 114–114, 346, 355, 503, 504.

²¹⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 375. Л. 16, 242, 247, 375, 769–772об.

²¹⁸ Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 375. Л. 10.

²¹⁹ Там же. Л. 400–401об.; Михеев С. Военно-исторические примеры. М.; Л.: Госиздат, 1928. Л. 153.

производительностью собственных предприятий, трудностью доставки из Америки²²⁰. Были и проблемы в эффективном использовании, современном развитии сетей: взрывных, электризованных заграждений²²¹. Даже в обеспечении шанцевым инструментом существовали значительные проблемы: его было мало, особенно – киркомотыг для работы в тяжелых породах²²². Не хватало средств защиты. К тому же войска отказывались хранить и перевозить щиты из-за их несовершенства и излишней громоздкости. С другой стороны, внедрение новых щитов-лопат сдерживалось опасением, что это сделает солдат боязливыми²²³. По этой же причине русская армия воевала без касок²²⁴.

Крайне негативно и в стратегии, и в тактике, и в жизни войск сказывалась проблемы транспортного сообщения. Большинство операций планировалось с учетом возможности железнодорожного сообщения²²⁵. Экономия в этом деле приводила к переброске войск пешим порядком на значительные расстояния²²⁶, что сказывалось на боеготовности солдат²²⁷. Не спасало положение и использование автомобилей, которых едва хватало для обслуживания штабов армий, корпусов и дивизий²²⁸. Важнейшие для современной технической войны средства связи – телеграф, телефон,

²²⁰ Захаров М. Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну // Война и революция. 1931. Книга. 1. С. 52, 53.

²²¹ Гордеев Ю.Н. Указ. соч. С. 20.

²²² То же. С. 53, 55.

²²³ РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 32. Л. 40, 55об., 62–62об., 63.

²²⁴ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 3. Л. 159, 183; Д. 36. Л. 19; Ф. 499. Оп. 13. Д. 1187. Л. 15.

²²⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 146об.

²²⁶ Там же. Д. 87. Л. 222; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 97–98об.

²²⁷ Сулейман Н. Указ. соч. С. 475.

²²⁸ Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в Мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М., 1926. С. 13; Статистический сборник за 1913–17 гг. ЦСУ, 1922. Вып. 2. С. 226; Сулейман Н. Указ соч. С. 472; Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Выпуск 1-й. М., 1931. С. 128.

радио, светящиеся ракеты – были мало развиты, не обеспечивали необходимую для боевых действий эффективность²²⁹.

Нехватка разрушительных средств для уничтожения проволочных заграждений не позволяла обеспечить штурм и быстро захватить окопы противника²³⁰. Начальство пыталось в этих случаях использовать комбинированные средства разрушения с одновременным участием артиллерии и пехоты²³¹, что вело к большим потерям в живой силе, психологической боязни перед атаками²³². В результате количество успешных атак уменьшилось с 35 до 10% за годы войны²³³.

Кроме обильного обеспечения техническими и боевыми средствами, ратный труд в современной войне являлся высоко технологичным, обладал сложным характером взаимодействия войск, техники и самого бойца. Технология труда в позиционной войне должна была обеспечить эффективное противостояние площадей для организации наступления или обороны от противника²³⁴. Организация наступления предполагала массу боевой работы, особенно разведки: как фронтовой и войсковой, так и артиллерийской и минной. Разведка постоянно вела к стычкам с противников, так называемым «поисками», которые и составляли значительную часть фронтовой повседневности, «малой войны»²³⁵.

Важной частью подготовки атаки была артподготовка, как правило, тяжелой артиллерией, которая длилась от нескольких часов до 1–1,5 суток. Целью артподготовки было деморализация противника, терроризирование тыла, систем снабжения и обеспечения противника. На артиллерию

²²⁹ *Абаканович Н.В.* Исторический обзор организации и устройства проволочной связи во 2-й армии в войну 1914–1918 г. // Военно-инженерный сборник. Книга 1. М., 1918. С. 274, 280, 288–292; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 19об.–20; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 714. Л. 364.

²³⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 82. Л. 322–322об.

²³¹ *Замбржицкий В.* Указ. соч. С. 72; Указания по преодолению искусственные препятствия при атаке укрепленной позиции: РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47. Л. 38–40об.

²³² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 173, 301–304об.

²³³ *Гордеев Ю.Н.* Указ. соч. С. 27.

²³⁴ *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 3.

²³⁵ То же. С. 2, 17–18, 45–46.

возлагалась и борьба с воздушными силами противника, чтобы не дать ему возможности вести разведку и корректировку стрельбы²³⁶.

Сама же атака являлась сложной операцией, требовавшей организованности, взаимовыручки, синхронности, умения отреагировать на нестандартные ситуации каждой группы участников. Все элементы атаки (занятие окопов противника, захват ходов сообщения, закрепление, установление связи назад и т.д.) были жестко хронометрированы²³⁷. Атаки предусматривали и возможность перемешивания войск, что требовало готовности людей подчиниться чужим начальникам, даже не своей части. Особенно были сложными ночные атаки, проведение которых было возможно только отлично обученными и дисциплинированными войсками²³⁸.

Важную задачу выполняли охранные части²³⁹. Их работа предусматривала наблюдение за противником, поимку шпионов, отражение мелких операций, охрану своих оборонительных пунктов, а также рабочих, находившихся впереди своей линии на окопных работах. Главной целью охраны было сдерживание первоначального натиска неприятеля, предупреждение о его газовых атаках и т.п.²⁴⁰

Сложнейшим мероприятием в ходе обороны была и смена позиций. Она проводилась в сжатые сроки, как правило, ночью, и требовала строгого и четкого порядка, при обязательном сохранении боевой готовности данного участка²⁴¹.

Большая часть фронтовой повседневности приходилась на время затишья, которое было различным на разных фронтах. На Северном и Западном фронте за 40 месяцев борьбы на атаки и оборону приходилось

²³⁶ То же. С. 17, 33, 37.

²³⁷ РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47. Л. 61.

²³⁸ Пасынкин Е.А., Калишевский В.А. Указ. соч. С. 36–43; Указания по инженерной подготовке атаки неприятельской позиции. (Устройство инженерного плацдарма). Штаб Верховного Главнокомандующего, 1916. С. 5–6.

²³⁹ Замбржицкий В. Указ. соч. С. 147.

²⁴⁰ Пасынкин Е.А., Калишевский В.А. Указ. соч. С. 43, 47.

²⁴¹ Замбржицкий В. Указ. соч. С. 173; Пасынкин Е.А., Калишевский В.А. Указ. соч. С. 12–15.

соответственно 6% и 18%, а на «бездействие» – 76%. На Юго-Западном фронте на атаки и оборону приходилось соответственно 27% и 18%, а на «бездействие» – 55%²⁴².

Основная часть периода «бездействия» приходилась на работу по инженерному усовершенствованию позиций. Виды работ постоянно расширялись и проводились как на передовых позициях, так и на тыловых укрепленных полосах. На долю тыловых армий и служб военных сообщений приходилось 45% работ. Остальные оборонительные работы проводились в тылу фронта с помощью гражданских лиц, требовавших от 740 тыс. до 1 млн. рабочих²⁴³. В тылу армий работали, таким образом, сотни тысяч солдат. Эти работы были менее определены и подчинялись конкретным задачам обороны, которые ставились широко. Любые продвижения, выигрыш пространства, захват новых рубежей влекли за собой новые оборонительные работы силами личного состава²⁴⁴. В целом необходимость занятия войск хозяйственными работами вытекала из особенностей русского театра военных действий, являвшегося средоточием военно-хозяйственных работ, в отличие от театров войны других стран, где тыл в достаточной мере обеспечивал нужды фронта²⁴⁵.

Обеспечение оборонительной полосы различалось на различных фронтах русского театра военных действий. В большей мере отвечал характеристикам позиционной войны район Северного и Западного фронтов, поскольку он был призван непосредственно защищать жизненные центры страны. Но это потребовало чрезвычайных оборонительных и трудовых усилий, что привело к изнурению войск уже к лету 1916 г. Вероятно по этой причине командование этих фронтов играло пассивную роль во время

²⁴² Гордеев Ю.Н. Указ. соч. С. 3–4.

²⁴³ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–14, 236; Ф. 2006. Оп. 1. Д. 18. Л. 314.

²⁴⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 133–135.

²⁴⁵ Глубина французского театра военных действий составляла 150 км, и редко доходила до 300, а в России она доходила до 800 км. Общая площадь театра военных действий достигала на Русском фронте ок. 1,400 млн. в., что составляло почти три территории всей Франции. См.: Сулейман Н. Указ. Соч. С. 18–19, 104, 115, 211, 215.

Брусиловского прорыва, не желая рисковать уже готовыми оборонительными сооружениями, в отличие от начальства Юго-Западного фронта, таких сооружений не имевшего и искавшего счастья в маневренной войне. Сочетание напряженной обороны и военно-хозяйственных усилий на Северном и Западном фронтах определило и характерные для этой части фронта нарушения дисциплины в виде «бродяжничества», вместо прямого дезертирства, как это было на Юго-Западном фронте. Эти же общие для войск и гражданского населения военно-хозяйственные практики на указанных фронтах сыграли немалую роль в соединении солдатского и городского протеста, приведшие, в конечном счете, к революции.

Анализ мобилизации боевых сил позволяет прийти к следующему выводу. Русский фронт представлял временную инфраструктуру, представлявшую собой средоточие материальных и технических сил, а также практически все мужское боеспособное население в составе армии. Во время войны русская армия постоянно испытывала нехватку вооружений и техники, необходимых для ведения современной войны и от чего были избавлены армии союзников и противников. Технология ратного труда при нехватке средств снабжения²⁴⁶ диктовали крайне сложный ритм военных действий на Русском фронте, что ложилось тяжелой ношей на армию, по сравнению с армиями других театров войны²⁴⁷.

Кроме собственно боевой позиции армия имела дело на фронте с населением и территорией прифронтовой области. Среди них выделялись прифронтовые города как средоточие мест отдыха и мобилизации военных сил. В литературе об управлении и повседневности жизни населения различных регионов в годы Первой мировой войны мало внимания уделяется прифронтовым городам. Как правило, деятельность городских структур и населения рассматривается в составе более общих региональных

²⁴⁶ Сулейман Н. Указ соч. С. 4, 5, 8, 103, 208.

²⁴⁷ Усталость от войны сказывалась и в армиях других стран, однако, значительно позднее на год–полтора, чем в России. См.: *Watson Alexander. Enduring the Great War: Combat, Morale and Collapse in the German and British Armies 1914–1918. Cambridge, N.Y., 2008. P. 234–237.*

образований: областей, краев, страны в целом, или территорий с этнически доминирующим населением (Беларусь, Украина, Западный край в целом). В данной главе предлагается рассмотреть деятельность прифронтовых городов как крупных центров военно-гражданской организации обороны в тылу армии с точки зрения особенностей управления и повседневности жизни фронта. Главной целью прифронтовых городов было подготовка пополнений для фронта; лечение и релаксация прибывающих с фронта; решение социально-экономических проблем, вызванных плотным сосуществованием пришлого элемента с тыла и фронта с довоенными социальными группами и порядками в городе.

По соображениям не только стратегического, но и политического характера 9 губерний Царства Польского и 26 губерний остальной России находились на военном положении. Вся эта территория делилась на войсковой и тыловой районы. В первом районе располагались войска, а во втором вся остальная часть театра военных действий. Войсковые районы по своему назначению всегда состояли на военном положении, вводившемся властью соответствующего главнокомандующего армиями фронта, командующего армией или отдельной армией и командиром корпуса²⁴⁸. Прифронтовые города входили в состав прифронтовых губерний, руководили которыми главные начальники военных округов (Варшавского, Петроградского, Двинского, Минского, Киевского, Одесского). Округа подчинялись главному начальнику снабжений фронта. Крупнейшими прифронтовыми городами являлись Петроград, Новгород, Псков, Минск, Гомель, Брест, Киев, Ровно, Холм, Ковель, Ивангород, Кобрин, Бердичев, Житомир, Винница, Черкассы²⁴⁹. Военная власть в городах принадлежала начальникам гарнизонов, а гражданская – губернаторам, градоначальникам, полицеймейстерам или полицейским исправникам.

²⁴⁸ Положение о полевом управлении войск в военное время. Ст. 8, 97, 144, 145, 147, 415, 416; Правила о местностях, состоящих объявленными на военном положении. Ст. 19 // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1888. Л. 179; Д. 2250. Л. 17об., 21.

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1464. Л. 84–92, 131–36, 227об., 234–234об.

Главная задача военной власти заключалась в подготовке формирований силами местной бригады (здесь готовили к фронту новобранцев, запасников, ратников ополчения, выздоровевших) или переотправке пополнений на фронт в виде маршевых рот, присланных из запасных батальонов тыловой России. Напряженная работа прифронтовых городов, пропускавших в день около 10 эшелонов с маршевыми ротами, усилилась особенно осенью 1915 г. В 1915 г. проходили через прифронтовые города 1200–1600 маршевых рот (240–320 эшелонов) ежемесячно. В 1916 году в армию было отправлено 9344 маршевых рот, т.е. около 800 эшелонов ежемесячно²⁵⁰. Часть пополнений, отправлявшихся на фронт, формировались на распределительных пунктах из числа отставших, выздоровевших и т.п. Через прифронтовые города двигались значительные людские массы и в противоположном направлении: из фронта в тыл. К 1917 г. было эвакуировано в тыл около 6 млн. больных и раненых воинов. При этом большая часть из них, около 60%, оставалась для выздоровления в прифронтовых городах²⁵¹. Громадная часть из 2,1 млн. австро-венгерских и 170 000 немецких военнопленных также прошла через прифронтовые города²⁵².

Военную власть в городах осуществлял начальник гарнизона, которому подчинялись все учреждения и лица воинского звания, находившиеся в данный момент в городе, включая и командировочных, отпускников и больных. На начальников гарнизонов возлагалась ответственность за порядок при прохождении поездов с маршевыми ротами. Их необходимо было расселить, накормить, проследить за порядком²⁵³. В прифронтовых городах находилась также масса учреждений: окружные управления и суды, технические войска, запасные батальоны, ополченские части, продовольственные армейские магазины, инженерные и артиллерийские склады и парки, военно-санитарные учреждения, интендантские вещевые и

²⁵⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 10, 13; 2000. Оп. 3. Д. 1367. Л. 39–41.

²⁵¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1210. Л. 13, 37–39; Ф. 1759. Оп. 3. Д. 186. Л. 79, 102, 103об.

²⁵² *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 143.

²⁵³ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 186. Л. 58.

инные склады, конские запасы, а также уездные воинские начальники, этапные участки, команды выздоравливающих, реквизиционные и ликвидационные комиссии. Прифронтовые города являлись также головными этапными участками для фронтов²⁵⁴.

Важнейшей частью военной власти в городе было наведение порядка среди многолюдного гарнизона. Этим занималась комендатура, имевшая в своем распоряжении отряды, практически являвшиеся военно-полицейскими формированиями. Военные власти действовали на основании уставов, а также специальных инструкций по вопросам размещения, посещения, передвижения солдат и офицеров в городах.

Военное начальство прифронтовых городов столкнулось с многочисленными воинскими преступлениями. Особенно важной была борьба с дезертирством из числа прибывающих пополнений, местного гарнизона, беглых и бродяжничавших с фронта. Именно в прифронтовых городах, в запасных батальонах, на сборных пунктах и распределительных пунктах происходил активный обмен между городскими дезертирами и вновь прибывшими о способах ухода от войны. Уже осенью 1915 начался кризис с дезертирами в прифронтовых городах. На городских гауптвахтах была загруженность, трудно было определить виновность, идентифицировать дезертиров. Прифронтовые города первыми стали освобождать явных дезертиров, отправляя их в армию и оставляя возмездие на послевоенный период²⁵⁵. С дезертирством связана и проблема «промотания» имущества, когда на этапы приходили солдаты «чуть не голыми»²⁵⁶. С 1915 г. постоянно понижалась и общая дисциплина среди военных. Имели место бесчинства маршевиков в Киеве, Львове, других городах²⁵⁷. В Киеве солдаты бродили по

²⁵⁴ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 84. Л. 166–166, 298; Ф. 1759. Оп. 3. Д. 186. Л. 57–57об.

²⁵⁵ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 186. Л. 1–5, 83–84; Оп. 4. Д. 1673. Л. 763–764об., 768.

²⁵⁶ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 186. Л. 38, 78об.

²⁵⁷ РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 301. Л. 414–416.

бульварам, матерились, приставали к прохожим, просили милостыню. В Сарнах солдаты громили городские сады, парки²⁵⁸ и т.д.

В прифронтовых городах велась борьба и со шпионажем. Для этого контрразведка вела активное наружное наблюдение за прибывающими военнослужащими, прослушивала телефонные переговоры, имела агентуру в гостиницах. Для охраны военных тайн среди командированных с фронта офицеров, чиновников, солдат велась разъяснительная работа о поведении в гостиницах, на улицах, в ресторанах. Под особый контроль попали интимные отношения приезжающих. Для этого на учет были поставлены практически все жрицы любви (например, в Петрограде, в Витебске)²⁵⁹. Частью борьбы с враждебным влиянием был запрет употребления немецкого, венгерского и турецкого языков, «как оскорбляющих национальные чувства русского народа». Власти отвечали и за культурную, духовную жизнь прифронтовых городов. Все общественные культурные, духовные, просветительские (лекции, диспуты) мероприятия подвергались строгой цензуре²⁶⁰.

Много проблем военной полиции прифронтовых городов доставляло поведение фронтовиков, окопников, на отдыхе, на лечении. Часто офицеры с передовой были замечены в вызывающем поведении в обществе, в прямом разврате, пьяных дебошах. Особенно острой была проблема пьянства. Солдаты пили самогон, «ханжу», денатурат. Кроме разложения дисциплины, такое времяпровождение вело к нарушению военной тайны, провоцировало вражеских агентов, поощряло массу преступлений (воровство, дезертирство, продажу казенных вещей и т.п.).

Кроме военных и людских ресурсов в прифронтовых городах были сосредоточены громадные материальные ресурсы. Это были машины, сельскохозяйственные орудия, а также множество вещей, конфискованных по праву войны у владельцев, ушедших вместе с армией противника. Предполагалось использовать это имущество для военных нужд, но на самом

²⁵⁸ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Дл. 186. Л. 19–20об., 42, 78–79об.

²⁵⁹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 186. Л. 19.

²⁶⁰ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 45. Л. 132–133; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л. 273.

деле много имущества попало самым различным организациям, частным лицам. В городах свозились также множество имущества, реквизированного у обычного населения при «великом отступлении»: машины, сырье, колокола, скот, лошади и т.п. Часто в этих случаях назначались аукционы, порою для того, чтобы это имущество не досталось по дешевке спекулянтам, дельцам.

Громадные задачи стояли и перед гражданским управлением прифронтовых городов. Обязательные постановления, издававшиеся губернаторами, регулировали снабжение, санитарное состояние, цены на продукты, помещения, порядок на улицах и в помещениях. Главным инструментом наведения порядка в городах были наказания за нарушения обязательных постановлений. В городах им подверглось около 20% всех наказанных жителей губерний. Уже с весны 1915 г. усиленно велась борьба против дороговизны. Много сил власти тратили на борьбу с пьянством. Особенно это касалось городов с развитым производством вина частным способом: Каменец-Подольска, Могилева, Жмеринки, Винницы и др. Власти принимали дополнительные распоряжения о запрете продажи и распития крепких напитков. Другой проблемой для властей была борьба с членовредительским промыслом, широко развитым среди населения в прифронтовых городах, в местах работы призывных комиссий²⁶¹.

Особенностью прифронтовых городов были частые столкновения офицеров, вообще окопников, с лицами, которые в городе занимали определенную социальную нишу (полиция, жандармы, дворники, чиновники)²⁶². Это усиливало социальную напряженность в прифронтовой области, порождало антивоенные и антиправительственные настроения.

Революция значительно изменила ситуацию в прифронтовых городах. Это вызывалось резким нежеланием частей пополнений отправляться на

²⁶¹ РГВИА. Ф. 1932. 12. Д. 84. Л. 135–135об., 201об., 182, 235; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л. 1, 6–9, 326, 412, 507, 664–666, 690.

²⁶² РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 492. Л. 3–6, 15, 17; Д. 256. Л. 182; Д. 257. Л. 164; Д. 252. Л. 98–98об., 112–112об., 140, 265–266, 281; Д. 263. Л. 48; Д. 257. Л. 6–7, 30–32, 37–38, 48–48об.

фронт. Они искали защиту у местных Советов рабочих и солдатских депутатов. Серьезное влияние революционные события оказали на управление военной частью городов. Начальники гарнизонов должны были организовать порядок в городе, согласовывая свою линию с многочисленными революционными организациями – Советами, комитетами, и т.п. В результате образовалась большая текучесть начальников гарнизонов, постоянно увольнявшихся и назначаемых, часто под влиянием тех же революционных организаций²⁶³.

Под давлением новых центров власти в прифронтовых городах стала ломаться система иерархии. Резко усилились нарушение дисциплины со стороны солдат, желание любой ценой избежать отправки на фронт. В конце 1917 г. стали обычными применение угроз, требования снять неугодных начальников гарнизонов. К обычным функциям прифронтового города добавились и функции организации возвращения беженцев на свои места. Часто это порождало инциденты, характерные для периода уже Гражданской войны: этнического противостояния и т.п.²⁶⁴

Таким образом, если прифронтовые города по мере затягивания войны первыми обнаружили проблемы в управлении и повседневной жизни внутренней России в деле организации обороны в тылу, то эти же прифронтовые города к концу 1917 г. стали превращаться в анклав будущих столкновений, характерных уже для Гражданской войны²⁶⁵.

Из анализа материала данной главы можно сделать следующие выводы. Конструкция оборонительной полосы на Русском фронте и ее обеспечение определили в большой степени и стратегию, и боевую работу и феномен

²⁶³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 295. Л. 157.

²⁶⁴ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 295. Л. 84–84об., 145, 157, 363–363об., 395–397, 413.

²⁶⁵ Подробно анализ некоторых сторон повседневности армии в прифронтовых городах см.: *Асташов А.Б.* Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 1. Серия: «История». С. 17-38; *Асташов А.Б.* Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции // Вестник РГГУ. История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 5. 2017 г. С. 71–91.

развала армии. Для Русского фронта было характерно превосходство живой силы над противником, чем начальство пыталось возместить нехватку вооружений и техники²⁶⁶. Это привело к смещению всех оборонительных усилий именно на театр военных действий, а внутри него на первую боевую полосу. Кроме боевой деятельности войска вели обременительные оборонительные работы²⁶⁷. Русская армия страдала как от крайне изнуряющего ритма военных действий, так и от недостатков в обеспечении ратного труда. В результате происходил сбой деятельности войск, как в ходе атак, так и в повседневной ратной службе. Эти факторы сыграли важнейшую роль в сумме военных тягот, выпавших на русскую армию²⁶⁸.

§ 3. Мотивация и боевой дух русской армии

Сохранившиеся цензурные отчеты свидетельствуют о наличии «бодрых», т.е. воинственных, нацеленных на победу, настроений солдат с первых дней войны и которые сохранялись до конца существования цензуры летом 1917 года. В отчетах до середины 1915 г., когда установилась правильная система цензурного мониторинга, настроения солдат показаны как крайне неровные. При этом они оставались постоянно бодрыми, хотя и снижались до 10–15% из всех писем с осторожной характеристикой настроения как «спокойного» и «бодро-уверенного»²⁶⁹. Колебания бодрости

²⁶⁶ РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 54. Л. 220–223, 233–234.

²⁶⁷ См., например, описание позиций Одоевского полка: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8. Не случайно, что именно в этом полку произошли одни из самых крупных беспорядков до начала революции.

²⁶⁸ Подробно о строительстве и обеспечении оборонительной полосы на Русском фронте см.: *Асташов А.Б.* Русский фронт... С. 64–113; *Асташов А.Б.* Боевая позиция как фактор социальной истории Русского фронта Первой мировой войны // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 63–75.

²⁶⁹ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 114; Ф. 2139. Оп. 1. 1670. Л. 83–83об.; Д. 1671. Л. 4об.–5об., 13–14об., 16, 22, 31–33об., 38–39, 46, 64, 73об., 76об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 146.

зависели от новых призывов в армию, от утомленности на отдельных участках фронта (особенно Северном летом 1915 г.)²⁷⁰.

С поздней осени 1915 г. цензурные отчеты отмечали неизменно «бодрое» настроение в русской армии²⁷¹. И далее в отчетах постоянно фиксировалось превышение числа «бодрых» писем над «угнетенными», а подавляющая часть писем характеризовалась как «безразличные». При этом общая оценка настроений давалась исходя из 5-10% писем, в которых затрагивались вопросы войны, мира, обеспечения и т.д.²⁷²

В течение всей весны, вплоть до Брусиловского прорыва, количество бодрых настроений на Северном фронте продолжало нарастать. Правда, на отдельных участках, такое настроение понижалось до 10–20% от общего количества писем. Но в целом настроение продолжало подаваться в отчетах как бодрое, хотя уже в это время появились случаи отказа идти в бой²⁷³. На Западном и Юго-Западном фронтах бодрое настроение составляло 50% до 92% всего количества писем²⁷⁴, с некоторыми исключениями в тылу, где чаще отмечалось «утомление от войны»²⁷⁵.

Наиболее бодрым за все время войны на Русском фронте настроение было во время Брусиловского прорыва в конце мая – начале июня 1916 г. По Северному и Западному фронтам оно составляло 60–90% от общего числа писем²⁷⁶. Настроение же в войсках Юго-Западного фронта, непосредственно

²⁷⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 21; 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 41об., 52; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 182, 190.

²⁷¹ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 238, 241об., 248, 269об., 273об., 289; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. 96, 134, 154, 175, 177–177об., 262; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2.

²⁷² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 15; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 43, 49об.–50, 53; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 218, 257, 295, 301, 312, 326, 342, 358, 364, 368–368об., 385; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1643. Л. 14; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179. Л. 64; Д. 1181. Л. 40–42об.; Д. 1205. Л. 203; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 73об., 83об., 84, 88об., 97, 100, 106об., 107, 116, 113об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 95–95об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 118, 309.

²⁷³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 77об., 95, 122–122об., 135, 146, 164, 186, 200–206об.

²⁷⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 144, 161, 172, 175об.–176, 180об., 182об., 186; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 21об., 36об.; Д. 3856. Л. 114об.; Д. 2934. Л. 13, 45.

²⁷⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 118–118об., 135–136об.; Д. 3856. Л. 17, 25–26об., 48–48об., 62, 22, 146–149; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 212, 231, 254, 261, 271, 298, 302, 337, 355, 393, 412.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 212, 231, 254, 261, 271, 298, 302, 337, 355, 393, 412.

осуществлявшего прорыв, характеризовалось в отчетах как чрезвычайно «высокое», «радостное», «блестящее» и т.п.²⁷⁷

И только с августа 1916 г. количество бодрых писем по отчетам стало уменьшаться вплоть до 13, 10 и даже 5% по некоторым армиям. И все же при наличии подавляющего числа «безразличных» писем, количество «бодрых» всегда превышало количество «угнетенных» писем²⁷⁸. И далее в январе и феврале 1917 г., хотя цензура отмечала увеличение количества «угнетенных» писем, они все же никогда не превышали количества писем бодрого содержания²⁷⁹. Та же ситуация была на Юго-Западном фронте, где даже явные беспорядки (в январе 1917 г.) не помешали утверждать, что настроение в армиях «высокопатриотическое». Правда, цензора все больше стали обращать внимание на характер «безразличных» писем, которые по существу являлись письмами «мирного» настроения, хотя и с верой в конечную победу. Порою, в цензуре отмечали, что «настроение бодрое, хорошее, но хочется домой», но не видели в такой характеристике двусмысленности²⁸⁰.

И в предфевральские дни, и даже в последовавшее после революции время почти до самого окончания существования цензуры, настроение в армии оценивалось неизменно как «бодрое». Только с апреля цензора стали признавать уменьшение писем, «выражающих крепость духа», хотя в целом

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. Д. 1349. Л. 6; Д. 2934. Л. 46, 58, 99, 108об., 109, 110, 262, 271, 381, 411, 446, 480; Д. 3845. Л. 92; Д. 2935. Л. 52, 268об.; Д. 3856. Л. 261–261об., 286об.; Д. 3863. Л. 254.

²⁷⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 605–606об.; Д. 1184. Л. 352, 389, 409, 430; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 273; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 170, 202, 300об., 318, 356; Д. 2935. Л. 263, 449; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 25–25об., 54; Д. 1184. Л. 428–428об., 473, 477, 509, 512–514об., 516, 530, 534, 541–543, 545, 574–575об., 578, 608об.–609..

²⁷⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 42, 150, 150об., 161, 171, 193об., 215; Д. 1184. Л. 204, 635–635об.; Д. 1232. Л. 65об.–66, 89об.–90. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 285об.–287, 292, 294, 300, 310об., 312об., 319, 321об.–322, 326об., 333, 337об., 339об.–340, 349, 357, 362об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 285об.–287, 292, 294, 300, 310об., 312об., 319, 321об.–322, 326об., 333, 337об., 339об.–340, 349, 357, 362об.

²⁸⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1673. Л. 309; Д. 3845. Л. 378; Ф. 3863. Л. 2. 142, 159об., 169, 183, 183об., 185, 197об.–198, 203, 224, 242, 260об., 261, 269, 278–279, 282об., 287, 309, 330, 333, 340, 458; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 129, 308, 367об., 388; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 719, 755, 816, 881; Д. 1674. Л. 7.

оно все же характеризовалось как «в общем бодрое» с перерывами в период провала Июньского наступления 1917 года²⁸¹.

Краткий обзор динамики настроений в русской армии²⁸² приводит к заключению, что они оценивались все время войны в целом как бодрые, даже несмотря на очевидные их спады летом 1915 г. и осенью 1916 – зимой 1917 г. Несоответствие общих характеристик солдатских настроений с развитием «негативных», а также антивоенных и революционных к 1917 г. установок, ставит вопрос о смысле оценок, даваемых в цензорами, которые руководствовались штампами официальной идеологии мотивации борьбы русских солдат.

Характеристика настроений основной массы солдат присутствует в различных комплексах документах. Во время самой войны в общественном сознании доминировали пропагандистско-идеологические образы «русского воина», заданные господствовавшей православно-монархической идеологией и распространявшейся в печати и публицистических брошюрах, а также в песнях, авторство самих солдат которых сомнительно. Согласно этой мифологии, мотивация борьбы русского комбатанта вытекала из нравственных качеств русского воина, которое являлось выражением психологических свойств вообще русского народа²⁸³. В эти свойства входили знание «нравственного закона и справедливости», «жизнерадостный фатализм», «добровольное признание социальной дисциплины», что проявлялось в самопожертвовании. Предполагалось, что русский солдат не ищет войны, но принимает ее как «сокровенную правду», как путь к достижению мира, а победа над врагом для него – «божья месть». В целом война для русских солдат и вообще людей является «священной», за «святое

²⁸¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 205, 228, 247, 330; Д. 1232. Л. 122–123; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 375, 392, 411, 421, 431, 440, 468об., 481, 537, 566об., 583, 589, 600об., 654, 670, 677, 684, 703, 704, 712–716, 724, 727.

²⁸² Статистические материалы, характеризующие настроения солдатских масс, представлены в Приложении 2.

²⁸³ Попелищев В.Е. Душа русского воина (историко-психологический очерк). Посвящается русскому юношеству. Пг., 1917. С. 5–12, 17–19, 22–24.

дело». Облик солдата-воина предстает в этой мифологии высоконравственным, полным «душевной бодрости»²⁸⁴. Однако цензурные отчеты, а главное многочисленные выдержки из писем, практически не дают примеров настроений, характерных для подобной мифологии, или наоборот опровергают ее²⁸⁵.

Наиболее частыми мотивами в идеологических произведениях военного времени указывается стремление солдат служить «царю православному» «верой-правдою». Это представлялось как наказ родителей, которым солдат и отдаст отчет, придя с фронта с победой²⁸⁶. Другим популярным мотивом отмечается защита пространства и веры («Руси родной, веры во Христа»). Нередкими в мотивации борьбы являются темы защиты конкретной земли, «отцовского дома», или необходимости воевать «за славу старую», или, в качества хтонического символа, призыв отдать «дань земле»²⁸⁷. Порою желание защитить родину выражается в показной воинственности к врагу, стремлении продемонстрировать ему «мощь России», «проучить врага». Иногда в песнях военного времени говорится о необходимости воевать «за правое дело», «за правду»²⁸⁸, без уточнения смысла этих ценностей. Столь же неясным представляется и необходимость борьбы за «братскую любовь», «за славян». В печати, в военном фольклоре были и вовсе экзотические примеры мотивации борьбы в защиту жителей Бельгии и Эльзаса и т.п.²⁸⁹, однако в письмах самих солдат примеров этого не обнаружены.

Мотивы поведения самих солдат на войне следует искать в их письмах, главные выдержки из которых сохранились в цензурных отчетах. В них зафиксированы многочисленные высказывания, которые самими цензорами

²⁸⁴ Преображенский И.В. Указ. соч. С. 2, 13,14, 16–18, 20, 21, 25, 26; Попелищев В.Е. Указ. соч. С. 26–27.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 535–535об.; Д. 2935. Л. 174об., 624об.

²⁸⁶ Симаков В.И. Новейший военный песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 8–9.

²⁸⁷ Преображенский И.В. Душевная красота и доблесть русского солдата. Пг., 1916. С. 8, 43, 44, 46.

²⁸⁸ Преображенский И.В. Указ. соч. С. 44, 46; Симаков В.И. Указ. соч. С. 4, 49, 101; Андрианов П. Клятвенное обещание. Одесса. 1915. С. 16.

²⁸⁹ Преображенский И.В. Указ. соч. С. 14, 43; Симаков В.И. Указ. соч. С. 101.

характеризуются в качестве выражения «патриотических» настроений. Эти настроения основаны на мотивации безопасности, как более важной, чем опасения репрессий за нежелание воевать. Но в этих высказываниях можно выделить и внутренние, рационалистические, осознаваемые солдатами представления о мотивации их участия в войне, а также неосознанные, инстинктивные настроения. Для выяснения значимости данной мотивации используется подсчет частоты этих высказываний на протяжении исследуемого периода.

Наличие внутренней, осознанной мотивации борьбы на фронте отмечали как корреспонденты, свидетели таких настроений у других солдат, так и само цензурное ведомство на протяжении всей войны²⁹⁰. Однако проявления такой сознательности в самих письмах солдат редко фиксируются, или представляются неразвернутыми, или являются кратковременными, нестойкими, ситуативными, сменяясь другими мотивационными установками.

Редким примером патриотизма, и только в солдатских песнях, являлся мотив борьбы «за царя», который, как правило, представал нераздельным с понятием защиты «царя православного», или же необходимостью борьбы «за царя, за кров, за родину», «матушку Русь»²⁹¹. В цензурных сообщениях мотив борьбы за царя есть только лишь в аналитических, итоговых выводах о настроениях войск²⁹². Высказывания самих солдат о борьбе за царя не приводятся, хотя и отмечается взрыв «патриотических» чувств в армии при ее посещении царем²⁹³. Также редкими в письмах являются и свидетельства мотивации борьбы за родину, что чаще подменялось выводами самой цензуры о готовности войск «постоять за царя и Родину».²⁹⁴ Еще менее представлены в письмах мотивы «борьбы за братьев славян», о

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 204; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 252, 356.

²⁹¹ *Симаков. В.И.* Указ. соч. С. 4, 6, 9; РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 288.

²⁹² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 354об. –355, 485.

²⁹³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74об.; Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1486. Л. 12а.

²⁹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 67об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 325, 485; Д. 3863. Л. 335; *Симаков В.И.* Указ. соч. С. 45; Царская армия... С. 18–19.

необходимости воевать «за правое дело» и т.п. И только во время Брусиловского прорыва появились единичные высказывания о необходимости «умереть за свободу славян»²⁹⁵.

В письмах солдат мало представлен мотив возвращения захваченных территорий²⁹⁶. В письмах с фронта совершенно отсутствуют параллели с прошлыми войнами, периода Смуты нашествия Наполеона, хотя подобные аналогии были нередкими в письмах из тыла²⁹⁷. Патриотический настрой имел место во Февральской революции²⁹⁸, что связывалось с победой над «внутренним немцем», как залог скорого конца войны.

И все же в солдатских письмах присутствуют патриотические высказывания. Но практически все они окрашены страдательной интонацией. Среди солдат господствовало представление о том, что «суждено», «угодно господу», «надо», «пришлось», «судьба» оказаться на военной службе, защищать свою родину и Царя-Батюшку²⁹⁹ «и дорогую Веру и Родину»³⁰⁰. Элементы вынужденного, пассивного патриотизма встречаются и в солдатских песнях. Тот же страдательный мотив представлен и в похоронках, где смерть солдата подавалась как «участь складывать голову на поле сражения» за «Царя, родину, за Святую Правду»³⁰¹. Пассивный компонент, размывающий личную мотивацию борьбы, представлен и в таких понятиях, как долг, повинность, служба³⁰². Порою этот «долг» объяснялся

²⁹⁵ Симаков. В.И. Указ. соч. С. 101; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 206, 252; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 303.

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 82; 124об., 157; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 2об., 142; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 136об.

²⁹⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 39–39об., 247, 362.

²⁹⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 326.

²⁹⁹ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 603об.

³⁰⁰ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 490; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 18, 583; Царская армия... С. 18–20; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 545; Д. 1673. Л. 490; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 490; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 603об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 545; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 888–889; Симаков. В.И. Указ. соч. С. 9; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 193; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 578.

³⁰¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 444.

³⁰² Симаков. В.И. Указ. соч. С. 9; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 29, 196; Д. 3856. Л. 30; Д. 3863. Л. 258об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 332–332об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 22об

как личный долг царю за землю³⁰³, или как долг перед «перед родиной и народом»³⁰⁴.

При анализе проявлений мотивации борьбы у комбатанта бросается в глаза взаимоисключающие проявления духа: солдаты одновременно выражали бодрые настроения и проявляли стремление к миру. Эти же противоречие фиксировали цензоры, отмечая соседство «вполне бодрого» состояния солдат и желание большинства из них вернуться домой, наличие «высокого боевого духа армии» и одновременно «настроения грустного, тоски по родным местам»³⁰⁵. Ситуация, при которой очевидное страдание не является поводом к рефлексии, не приводит к моральному кризису, а констатация «бодрого настроения» не учитывает наличия страданий, ставит вопрос о неучтенных цензурой нравственных ресурсах массы русских солдат в годы войны.

Одним из условий сохранения боеготовности солдат являлось «упование на Бога», который помогал пережить страдания, мог послать «свою великую милость». Упование на бога проявлялось и в необходимости «драться до последнего солдата». Бог же обеспечивал храбрость, от него ждали не только спасения в войне, но и победы, и прекращения самой войны³⁰⁶.

Важнейшим мотивом, помогавшим солдатам переживать тяжелые фронтовые условия, показывать пример боевого упорства и даже героизма, представлялось терпение. Данный моральный ресурс представлялся национальной чертой русских, что отражено в десятках писем. Терпеть в надежде, что враг будет скоро разбит, призывали солдат родственники, что

³⁰³ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Д. 542.

³⁰⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 801; Царская армия... С. 18, 20; *Симаков В.И.* Указ. соч. С. 9.

³⁰⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 188об.; Д. 3863. Л. 307, 318–318об., 344; Д. 2935. Л. 863; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 894–894об.; Д. 1671. Л. 554об., 545об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 264; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16, 22, 39об.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 82; Д. 2937. Л. 94об.; Д. 2935. Л. 311об., 888–889; Д. 2934. Л. 8, 208об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 113.

вызывало ответные призывы солдат к родственникам также терпеть, поскольку настало «такое тяжелое трудное время»³⁰⁷.

Даже чаще всего упоминаемое слово на войне «мир» иногда трактовалось, как необходимость мириться с трудностями и лишениями³⁰⁸. Терпение представлялось хоть и дорогой, но оправданной ценой победы, как философия послушания начальству, обеспечивающая успех по службе. Терпение солдата подкреплялось верой. В терпении солдат проскальзывали и мотивы безысходности, обреченности «вечно страдать и мучиться по Господней воле». Но в этом случае терпение рассматривалось как «послание Господа», чтобы «переносить все и терпеть до время». Терпение вместе с тем предполагало и определенный срок, до которого «надо переждать», и, следовательно, полагало предел этому ресурсу мотивации борьбы³⁰⁹.

Цензура признаки и призывы к терпению рассматривала как проявление «бодрого духа»³¹⁰. Терпение, выносливость считались важнейшей отличительной чертой русского воина, как, возможно, главный моральный запас, недоступный противнику, поскольку враг считался «народом более изнеженным»³¹¹. Такие представления укладывались в широко распространенные перед началом и в начале самой войны войны концепции, согласно которой в высокотехнологичной войне выиграют те страны и армии, где инфраструктура слабее, а дух, терпение выше³¹².

³⁰⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 369; Д. 2935. Л. 583; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 247; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 199об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 88; 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 776–776об.; Д. 2937. Л. 200об.; Д. 3863. Л. 355об.

³⁰⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 583, 817; Д. 3863. Л. 162, 404–404об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47, 307об.

³⁰⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 204, 264; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 168; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 215, 3об.; Д. 3863. Л. 51; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 883об.

³¹⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41, 257об., 263, 287об., 288. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 9, 386об.; Д. 3863. Л. 320об., 362об.; Д. 2935. Л. 583; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 357об.

³¹¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 53, 344; Д. 2937. Л. 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 296; См. таблицу «ненамеренных свидетельств» в Приложении 1.

³¹² *Китатина Т.М.* Россия в первой мировой войне, 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. С. 61; Русская военная мысль, конец XIX–начало XX в. М.: Наука, 1982. С. 98; Стенограммы бесед представителей ГУГШ с представителями печати о положении в России и

Среди моральных ресурсов, позволявших переносить тяготы войны, была и элементарная привычка. Она была предлогом для бравирования перед снарядами, давала шанс на победу, удерживала от возможности дезертировать из родной части. Она же, по мнению цензуры, была показателем солдатского духа, «твердого и уверенного»³¹³.

Боевой настрой на фронте поддерживался также трудами и заботами военной жизни, мечтой возвратиться домой со славой, отдохнуть после войны и т.п. Некоторые солдаты даже видели в своем положении некоторые выгоды по сравнению с положением дома. А некоторым удавалось хорошо устроиться и на фронте, иметь достаток и т.п.³¹⁴ Военные трудности не казались непреодолимыми, а опасности неизбежными³¹⁵. На переживания и настроения даже пассивного содержания оказывало влияние время боевых действий. Возможность отдохнуть после отступления летом 1915 г., успех Брусиловского прорыва, смена командования, прилив свежих сил, новости об успехах на соседних фронтах или у союзников, смена погоды, начало нового года, который рассматривался как последний год войны, неизменно повышали настроение. Порою настроение в армии рассматривалось как бодрое по сравнению с периодом упадка накануне. Влияли на рост если не боевого духа, то хотя бы бодрого настроения улучшение продовольственного и пищевого снабжения, проявление заботы со стороны начальства³¹⁶.

Иногда как бодрость, невозмутимость, рассматривалось поведение откровенно каратаевского свойства, когда солдаты не обращали никакого внимания на любые трудности. Цензура в этом углядывала «философское, эпическое

иностраных государствах и о боевых действиях. 3.08.1914–1.1916 // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900–4912.

³¹³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 257об., 296; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 386об.; Д. 3863. Л. 203, 224об.

³¹⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 19об.

³¹⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 335об.

³¹⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 3; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 720; Д. 3863. Л. 278, 287, 335об.

настроение»³¹⁷. Часто бодрые настроения, окрашенные в пассивно-страдательные тона, соседствовали с пониманием необходимости вести войну до конца, который казался близким³¹⁸.

Обычно сознательную, активную мотивацию проявляли офицеры или представители технических частей: артиллеристы, пулеметчики, разведчики, а также горожане. Пассивной же мотивации придерживались, как правило, рядовые пехотинцы, жители деревень и сел³¹⁹.

Кроме личной, активной мотивации, на русском фронте наблюдались и ситуационные проявления бодрого настроения. Чаще всего оно проявлялось в ожидании успеха предстоящего наступления, желании реванша, например за понесенное летнее поражение 1915 г.³²⁰ Такие ожидания подкреплялись сообщениями о больших пополнениях, хорошо одетых и снаряженных, громадном подвозе снарядов, новых винтовок и т.п. Как правило, такие ожидания оказывались необоснованными³²¹.

Наступательное настроение нарастало в армии и всю весну 1916 года. От него ожидали конца от «сидения в окопах», неременной победы и возвращения на родину³²². Максимального уровня бодрости войска испытывала во время Брусиловского прорыва, причем на всех фронтах, хотя и выделялся Юго-Западный фронт. И опять, хотя цензоры видели в этом переживание «счастья войны», однако подчеркивали ожидание победы как залога приближения мира³²³.

³¹⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 105; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 320об.

³¹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 263, 287об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 144; Д. 3863. Л. 320об. 287.

³¹⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 20.

³²⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87, 89; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 20.

³²¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 119, 263об., 371об.; Д. 2937. Л. 422об.; Д. 3863. Л. 248; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 39–39об., 41об., 48, 68, 87об., 89, 102, 113, 124об., 157, 160об., 178об., 179, 229об., 296.

³²² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74, 74об., 105об., 109, 113, 134, 138, 151, 157об., 160–160об., 171, 174, 189об., 202об.–203, 219, 221.

³²³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 21об., 189об., 274об., 278, 297, 308–308об., 411, 501.

Тем острее переживались неудачи, связанные с вступлением в войну Румынии³²⁴. Наступательные настроения, предвещавшие скорый конец войны, сохранялись в армии вплоть до начала 1917 г. и соседствовали с сообщениями, что «настроение скверное»³²⁵, ожиданием мира³²⁶. Таким образом, «бодрость» настроений диктовалась не столько их воинственностью, сколько стремлением положить конец тяготам войны³²⁷.

Важным ресурсом сопротивления русских солдат, их высокой боеспособности, проявлением маскулинности являлись удаль, ухарство, в отдельных случаях даже бравада и хвастовство, свойственные молодым людям. Некоторым солдатам на войне вообще было «весело». Были солдаты, выражавшие желание попасть в «поиск», чтобы «быть героем», и таким образом быть замеченным на родине. Часто подобные настроения облекались в стихи³²⁸. Характерны для таких настроений и насмешки над противниками, представлявшимися как «забияки» и «трусы». Подобные настроения можно рассматривать как готовность к своеобразной инициации, которой подвергалась молодежь в горниле сражений. Правда, этот комплекс патриотических стихов³²⁹, широко распространявшийся именно накануне революции, заметно отличается от общего унылого содержания цензурных отчетов этого периода, что заставляет предположить или намеренную пропаганду, или наличие таких настроений только среди новобранцев юного возраста – 18–19 лет. Подобное «военное ухарство» осуждалось некоторыми старыми солдатами, и даже цензорами, видевшими в нем «несознательное отношение» к войне³³⁰.

³²⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 251–252, 254, 255, 318.

³²⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 159об., 187об., 344.

³²⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 328, 330, 340.

³²⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 258об., 354.

³²⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 71, 193, 344, 369об.; Царская армия... С. 17.

³²⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 282; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 8об.–9, 15, 19, 21 71, 89, 178, 718; Д. 3863. Л. 46; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 632–632об.

³³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 40–40об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 652–653; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 262, 345об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 360об.

Русская армия периода Первой мировой войны знала немало патриотов, добровольцев разных возрастов и слоев³³¹. В сводках писем указывалось, что высокий уровень патриотизма показывали горожане, например бойцы 43-го армейского корпуса, укомплектованные жителями Петроградской губернии, показывавшие 45–46% бодрых писем осенью 1916 г. по сравнению с соседними корпусами с 7–8% подобных писем³³². В официальной пропаганде часто отмечался высокий процент бодрых настроений такой группы, как казаки, показывались их подвиги, мученическая смерть и т.п. Следует, однако, отметить особые полномочия казачьих отрядов и соединений, широко выполнявших военно-полицейские функции на фронте, что давало им определенные льготы и преимущества по сравнению с обычными воинами на передовой позиции³³³. Подобные же льготы по продовольствию, обеспечению, постановке службы имели и русские войска во Франции, что являлось причиной также господства там бодрых настроений³³⁴.

Среди мотивов обычного, житейского ряда можно упомянуть своеобразную «спортивную злость», которая овладевали солдатами в моменты борьбы с определенным противником, которому хотели отомстить³³⁵. Для других солдат война являлась «закалкой характера» и поэтому «помышлять о конце войны грех»³³⁶. На бодрости солдат сказывалось и воспитание в полковых традициях, гордость за принадлежность к прославленным полкам. Важны были и меркантильные соображения – награды и денежные вознаграждения, с ними связанные, бравада перед односельчанами и родственниками³³⁷.

Упоминаются в письмах солдат и многочисленные моменты стойкости в течение всей войны. Это имело место как во время отступлений (1915 г.), так

³³¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2916. Л. 82; Д. 2934. Л. 540.

³³² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 79, 88; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 39.

³³³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 168, 207, 347; Д. 3845. Л. 35; Ф. 2118. Оп. 1. Д. 681. Д. 103.

³³⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. 54об.

³³⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 305об.

³³⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 330об., 213, 258об.

³³⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246, 330об.; 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 283, 343–343об.

и наступлений и тяжелых боев 1916 г.³³⁸. Частично бодрость в настроении можно отнести объяснить стремлением хоть как-то кончить войну, в которой уже принесены большие жертвы. Воинственные настроения, желание драться «до конца», как правило, совпадали с ожесточением военных действий, но затихали с прекращением боев. Судя по письмам солдат, множество проявлений воинственного настроения, отчаянной храбрости связано с индивидуальными особенностями корреспондентов и трудно подвести под общее, свойственное всей армии поведение³³⁹. В целом всеобщего настроения биться до конца в цензурных отчетах не отмечалось.

Среди ситуационных всплесков настроения необходимо указать на сообщения об успехах на отдельных фронтах: взятие в Эрзеруме в феврале 1916 г.³⁴⁰, Брусиловское наступление³⁴¹, удачные операции на Северном фронте в конце 1916 г. Влияли на подъем духа и сообщения о действиях союзников, в частности об упорной обороне Вердена, о боях в Галлиполи³⁴². Чрезвычайно радостно воспринимался переход Румынии на сторону союзников. Солдата видели в этом чуть ли не решающий поворот в войне, в чем сказывалась неосведомленность о действительной мощи Румынии. И наоборот, вступление в войну США на фронте практически не было замечено, на что, возможно, повлиял энтузиазм после Февральской революции³⁴³.

Одним из мотивов, помогавшим солдатам воевать, было нежелание попасть под иго иноземной, «дьявольской» силы³⁴⁴, от которого ожидали

³³⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 41об., 52; Ф. 2067. Оп. 1. 2934. Л. 199об.–199а; Д. 3863. Л. 142, 203.

³³⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 652, 725об.; Д. 3863. Л. 335, 335об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41, 160, 222об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 244, 375; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 134, 568.

³⁴⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 102, 109, 113, 130.

³⁴¹ РГВИА. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 178, 199, 202, 221, 225, 228, 262, 296; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133, 422.

³⁴² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 134, 182, 179, 202, 257об., 291об., 299, 348.

³⁴³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246, 255, 260, 262, 263об., 289, 296.

³⁴⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 219; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 227–228; Д. 2935. Л. 121; Д. 3850. Л. 451–451об.; Д. 3856. Л. 36.

возвращения крепостного права, несчастий для конкретных родных мест³⁴⁵, массовых высылков в Сибирь³⁴⁶, изгнания и разорения³⁴⁷. Подобные настроения действительно имели место в войсках, но относились больше к уроженцам местностей, близких к фронту.

Некоторую долю воинственного настроения создавала официальная пропаганда «зверств»³⁴⁸. Однако в самих корреспонденциях подобных случаев, т.е. конкретных встреч со «зверствами», вообще не зафиксировано³⁴⁹. В целом опыт пропаганды «зверств» противника на солдат русской армии следует признать неудачным³⁵⁰.

Определенную роль в поддержании боеспособности, воинственности играла особая связь в первичных группах бойцов (*primaries groups*), «фронтовом братстве», являвшемся важным ресурсом боевого противостояния в Первой мировой войне³⁵¹. Официальная русская пропаганда также постоянно твердила о необходимости воевать «за други своя», имея в виду под этим в целом необходимость участия в войне для православных воинов. В зафиксированных цензурой высказываниях солдат есть немногочисленные свидетельства проявления верности к своим боевым товарищам, к полковому братству, которое «принютило и дает частичку счастья». Особенно эти чувства обострялись после кровавых атак и

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 41, 142об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 123об.

³⁴⁶ Дневник Штукатурова // Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. М., 1919. Выпуск I-й. С. 159.

³⁴⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 6, 20, 170об., 188, 350; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 894–894об.

³⁴⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111, 202, 290об., 296об., 297об., 346; Листовка «Братский привет дорогим защитникам родины» // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3850. Л. 451–451об.

³⁴⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2916. Л. 43, 56, 114–115.

³⁵⁰ Подробно вопрос об эффективности пропаганды «зверств» противника проанализирован в статьях: *Асташов А.Б.* «Зверства» войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда // *Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей.* СПб.: СПбГУ, 2014. С. 65–73; *Асташов А.Б.* Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // *Новая и новейшая история.* 2014. № 2. С. 35–46.

³⁵¹ *Comaroff J.L., Stern P.C.* (Eds.). *Perspectives on nationalism and war.* International Studies in Global Change, vol. 7. Amsterdam: Gordon & Breach Publishers, 1995. P. 113.

выражались в долге перед павшими³⁵². Однако эффективность фронтового братства на Русском фронте проявлялась не для успешного ведения войны, а наоборот, для ухода с нее.

Большую роль в подкреплении, удержании боеспособности играли личные контакты солдат с высшим военным руководством. Огромной популярностью пользовался среди солдат первый главковерх в.к. Николай Николаевич, в котором солдаты видели пример неподкупности, заботы о солдатах. После отставки в 1915 г. его авторитет даже поднялся, а некоторые солдаты и далее считали, что он продолжал командовать армией³⁵³. Тем более значимым для солдат было общение с царем. Постоянные напоминания императора об отказе заключать мира, пока «последний неприятельский воин не будет изгнан из пределов нашей родины», служили солдатам мерилom преданности ценностям, во имя которых шла война. Широко приветствовалось в армии назначение царя на пост главковерха, в чем видели поворот в подъеме духа армии после тяжелых испытаний 1915 года. Авторитет государя при отказе от мирных инициатив Германии в 1916 г. играл важную роль в попытках сохранить боеготовность армии в предреволюционный период. Большую популярность имел среди солдат главком армий Северного фронта А.Н. Куропаткин, в котором солдаты видели бесстрашного воина, «отца солдатам» и хорошего товарища³⁵⁴. В письмах есть другие свидетельства проявления почти братских, трогательных чувств между солдатами и командирами, что позволяло поддерживать боеспособность армии, сказывалась во время упорных боев³⁵⁵.

Определенную патриотическую мотивацию солдат рождала и оказывавшаяся помощь фронту со стороны многочисленных общественных, корпоративных и частных организаций, сообщения о помощи фронту с заводов, мастерских, учреждений. Солдат радовали сообщения о

³⁵² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 188об., 258об., 532об.

³⁵³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 256; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73об.

³⁵⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52, 100; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 31; Д. 3856. Л. 30; Д. 3845. Л. 128; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 187об.; Д. 1673. Л. 357об.

³⁵⁵ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 248.

развертывании множества лазаретов внутри страны, проявляемая в тылу забота о раненых и увечных, присылка подарков в армию³⁵⁶. Однако свидетельств о влиянии именно этих акций тыла на формирование патриотических чувств в армии в переписке не сохранилось, и больше оставалось способом мобилизации самого тыла в годы войны.

Таким образом, во время войны мотивация борьбы была крайне разнообразна. В ней варьировались широкая гамма доводов и аргументов: от «сознательных» мотивов (в меньшей части случаев), часто шаблонно повторявшей пропагандистские штампы, до доводов, отражавших ситуативные, традиционные для различных возрастных и социальных групп армии влияния. Большинство таких мотивов были крайне изменчивы, нестойки и не могли в целом стать основой для длительного проявления моральной стойкости армии в современной технической войне.

§ 4. Солдат-крестьянин на войне

Война не требовала каждый день героизма, доказательства патриотизма и т.п. Главным в войне нового типа является способность к длительному ратному труду, что определяется повседневным поведением в ходе выполнения своих обязанностей в армейском коллективе, основную часть которого в русской армии составляли солдаты-крестьяне, мало обученные и наиболее приверженные традиционным взглядам. Надо предполагать, что именно отношение к войне этой группы являлось определяющим во фронтовой повседневности, сформировавшей их военный опыт.

В ходе войны трансформации подверглись основные ценности солдат-крестьян, сформированные крестьянским менталитетом, т.е. сознательным отношением к своей деятельности, определявшейся характером крестьянского труда. Центральным понятием крестьянского мироощущения является чувство локализма, привязанности, неразрывности с местом

³⁵⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 180; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 262.

рождения, включая связь с конкретным ландшафтом, что выражается в сакрализации земли, «малой родины»³⁵⁷. Эти представления солдат-крестьянин пытался перенести и на фронт. Семье, хозяйству, малой родине посвящено до 90% так называемых «безразличных» писем. Образы земли, родины, подвергшихся испытаниям, лишенных их главного защитника, крестьянина-хозяина, являются центральными в солдатском фольклоре времени войны³⁵⁸.

В соответствии с локалистскими представлениями солдаты часто идентифицировали себя как представители своей малой родины по сравнению с чужой территорией, где им предстояло воевать³⁵⁹. Эти представления сказались в повседневном ощущении, даже прямом названии по месту рождения: «вятские», «калужские» и т.п.³⁶⁰. Сам «патриотизм» солдат-крестьян зависел от степени опасности для своей малой родины³⁶¹ и значительно слабел у солдат, родина которых далеко отстояла от линии фронта, давая им уверенность, что «йон» не достанет³⁶². Эти же ощущения диктовали нежелание воевать «за польские земли»³⁶³.

Защита малой родины иногда оправдывалась защитой своей семьи, ее, родственников наказом, сливаясь с общими ценностями, за которые солдат шел на войну: «За царя, за кров, за Родину»³⁶⁴. Ощущение неразрывности со своей родиной не оставляло солдат-крестьян со времени ухода на войну, куда он стремился перенести милые его сердцу образы полей, лесов, дома и что

³⁵⁷ Данилова Л.В., Данилова В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XX XIX вв.). М., 1996. С. 22–35.

³⁵⁸ Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. Л., 1927. Т. 2. С. 87; Федорченко С.З. Народ на войне. Фронтовые записки. Киев, 1917. С. 99; Федорченко С.З. Народ на войне. М.: 1990. С. 82. Войтоловский Л. Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 263.

³⁵⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 12.

³⁶⁰ ВМВД. 1915. № 23. С. 717.

³⁶¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2031. Л. 170об.

³⁶² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2031. Л. 188.

³⁶³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16–17; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 20; Д. 3863. Л. 22, 224об., 363, 689.

³⁶⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 6, 188, 350; Симаков В.И. Указ. соч. С. 4; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Спб., 1912. Т. 2. Стб. 502; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955. С. 196; Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.; Л.; 1956. Стб. 1673.

запечатлено в сохранившихся фронтовых дневниках³⁶⁵. В письмах солдаты постоянно сравнивали ландшафт, особенно землю на поле борьбы со своей землей, лишенной хлебороба-хозяина³⁶⁶.

Любые перемены в окружающем ландшафте по пути продвижения на фронте, авторы солдаты-крестьяне отражали также в своих письмах, что составило головную боль для цензоров и командования, видевшего в этом нарушение воинской тайны. Феномен указания непозволительных сведений касался любой армии из воевавших стран, особенно ее крестьянского контингента. Но нигде, кроме России, это явление не было столь распространено, касаясь громадного количества писем с первых же дней начала войны и до ее конца и достигало 40% писем целых корпусов. Запрещенные сведения передавались родственникам на родину, друзьям на фронте, и даже знакомым военнопленным за границу. Авторы осознавали, даже сами указывали на прямой запрет сообщать такие сведения, и тут же эту информацию помещали. Для указания этих сведений корреспонденты шли на любые хитрости, используя шифр, невидимую бумагу и т.п. Цензура порою прямо обвиняла солдат-крестьян³⁶⁷, часто крестьян-новобранцев³⁶⁸ в нарушении военной тайны в переписке, но полагала, что такие письма были написаны «по наивности»³⁶⁹.

Предположение, что именно солдаты-крестьяне давали запрещенные сведения в письмах, вызвало «сомнения» в литературе³⁷⁰. Действительно, порою офицеры, кавалеристы также в этом были отмечены. Однако

³⁶⁵ Дневник Штукатурова... С. 134.

³⁶⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73, 121; Д. 3856. Л. 157об.

³⁶⁷ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1643. Л. 121.

³⁶⁸ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 72об., 73, 157–157об., 159.

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 3–3об. 16–17, 23, 43об.–44, 47об., 52, 157; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 298об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 248об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74об., 79об., 87об., 105, 105об., 202об. 203, 220; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 116об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 216; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 125, 128, 151, 200, 202об., 262, 263, 283; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 684об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 216; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 330; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 271, 363, 370об.; Д. 2935. Л. 93; Д. 2937. Л. 77, 106об.–107; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 761, 970; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 116об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 157, 160, 116об., 171об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 620об., 684об.

³⁷⁰ Нарский И.В. Указ. соч. С. 493.

логичным объяснением этому является свидетельства, согласно которым точное указание местности необходимо было для посещения военнослужащих, как правило, офицеров, в случае ранения, или тем более смерти – для отправки тела на родину. Сведений о такой заботе со стороны родственников в отношении павших или раненых солдат в письмах нет³⁷¹. Попытки заменить закрытые письма открытками, чтобы пресечь практику передачи запрещенных сведений, натолкнулись на сопротивление тех же солдат-крестьян, защищавших тайну переписки уже от деревенских соседей³⁷². Это привело к нараставшему контролю со стороны ближайшего начальства за сообщаемыми сведениями, что к концу 1916 г. вызвало резкое снижение вообще объема информации о настроениях солдат и было немедленно отмечено в цензурных отчетах, авторы которых полагали, что солдаты «затаились»³⁷³. Попытки же установить плату за закрытые письма путем введения марок на них, замедлить вообще оборот писем, чтобы военная информация перестала быть актуальной, стали одной из причин солдатского недовольства накануне революции.

Еще в большей мере переживали солдаты-крестьяне разрыв с родными, семьей, даже с умершими родственниками. Причиной являлся семейный характер крестьянского производства и вытекавшие из него локализм и автаркизм³⁷⁴. Это выражено как в дневниках³⁷⁵, так и в письмах и фольклоре³⁷⁶. Цензура постоянно подчеркивала интимный, семейный

³⁷¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74, 74об., 105об., 111, 157, 289об.

³⁷² РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Ч. 1. Л. 136–137, 720, 721об., 724, 823, 942–942об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1174. Л. 126–127об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 345об.

³⁷³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 185об.; Д. 2931. Л. 369, 388; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 146об., 462.

³⁷⁴ Данилов Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 22, 26.

³⁷⁵ Дневник Штукатурова... С. 136.

³⁷⁶ Симаков В.И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, казаков... Пг., 1915. С. 8. См. также варианты этой частушки: «Из-за вас из-за подлецов, / Идем от маток и отцов; / Гонят с немцем воевать, / Отец с мамкой гореват» // Там же. С. 13. О тоске по родным см. также: Федорченко С.З. Указ. соч. М.: 1990. С. 70; Войтоловский Л. Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 134–135, 259.

характер подавляющего большинства солдатских писем³⁷⁷. Даже выраженный в них патриотизм и воинственность являлись всего лишь неизменным условием возврата в родную семью³⁷⁸.

Надо полагать, что именно образы семьи, трудности разрыва с нею при уходе на войну были в основе многочисленных побегов призывников солдат с поездов. Сохранилось множество указаний в переписке инстанций, отвечавших за пересылку пополнений, что непроизвольные, массовые спрыгивания с поезда происходили именно в момент проезда будущих солдат через родные селения, чтобы последний раз повидаться с родными³⁷⁹. В этом случае не действовали ни запреты, ни выстрелы конвоиров. Иногда были даже побеги из частей на передовую в другие части к землякам. Образ малой родины настолько притягательно действовал на солдат-крестьян³⁸⁰, что офицеры опасались селить солдат на стоянках в деревнях, чтобы не напоминать им прошлый быт³⁸¹.

Связь с родиной и семьей явственно видна в самые главные моменты для солдата, перед боем, когда родных просили помолиться, прислать благословенье. Солдаты-крестьяне ощущали не только нравственную поддержку, но и ответственность перед односельчанами, пославшими их на войну. Верность своим землякам видна из стремления солдат-крестьян всегда воссоединиться после ранения с частью, которая, как правило, набиралась из родных мест. В такие части сбегали из запасных батальонов, рвались даже на фронт, на передовую. В этом смысле фронтовое братство превращалось в

³⁷⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2–2об., 44, 58, 79, 105, 312; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 39об., 170, 177об., 188об.; Д. 2934. Л. 435; Д. 2937. Л. 431–432об.; Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 67; Дневник Штукатурова... С. 146, 150.

³⁷⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 105; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 578; Д. 1673. Л. 396об.

³⁷⁹ Приказание армиям Юго-Западного фронта № 50 от 29 февраля 1916 г. // РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 297; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4393. Л. 131; Ф. 2070. оп. 1. Д. 365. Л. 55–56.

³⁸⁰ Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 67.

³⁸¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2930. Л. 65об.

братство земляков, как бы «миром» на фронте, который являлся неразрывным с «миром» в тылу³⁸².

Война воспринималось как «мирское» дело, что облегчало и страдание солдата-крестьянина, растворяя его в общих тяготах. Война воспринималась в качестве крестьянской повинности, санкционировалась «господней», «божией волей», вписывала солдата-крестьянина с его интересами в общее целое, в «крестьянский мир», который требовал защиты³⁸³. Но из этого вытекала необходимость воевать только в той мере, в какой были гарантированы, защищены семейно-хозяйственные интересы солдат-крестьян. Это ставило серьезный предел мотивации борющегося комбатанта в современной войне.

Семейно-мирской характер мотивации солдат-крестьян подкреплялся их непрерывной заботой о своем хозяйстве, что являлось центральной темой солдатских писем. Солдаты себя и на войне рассматривали как хозяева, постоянно давали советы о посевах и уборке урожая, волновались в связи отсутствием рабочих рук, советовали родственникам не продавать скот и хлеб в ожидании хороших цен и т.п.³⁸⁴

Преданность солдат своему дому, семье, хозяйству проявлялась в стремлении получить отпуск³⁸⁵. Для этого солдаты готовы были лишиться раз пойти на опасное задание, обмануть начальство трудностями дома, подкупить низовое командование³⁸⁶. С другой стороны, одним из самых

³⁸² РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 170. Л. 12–12об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 48, 157; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 6. 350; Д. 2934. Л. 188об.; Д. 3856. Л. 20; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 883об.; Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 69; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 257. См. подобное письмо с требованием к супругу вернуться домой, потому что «мы за Вас платим»: Там же. Л. 204.

³⁸³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 273об., 304об.; Д. 2935. Л. 888–889; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 45об.

³⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2, 6, 8; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 79, 154, 246об., 247.

³⁸⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296об., 309об., 360; Д. 905. Л. 14, 23, 28; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 285.

³⁸⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39, 39об., 61; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 20, 289об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 585, 420об., 424; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 354; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 117; Д. 2934. Л. 117, 176.

действенных наказаний являлось лишение солдат отпуска³⁸⁷. Требование отпусков было нацелено на решение главных интересов солдат-крестьян. Цензора писали, что «главная тема писем – дороговизна, мир, отпуск»³⁸⁸. Само ожидание отпусков совпадало с сезонными циклами крестьянского труда, да и отвечало сложившейся практике учета крестьянских интересов еще в довоенной армии, когда солдат отправляли из строя на сельские работы домой. На начальство оказывалось громадное давление фактом распространения угнетенных настроений, что солдаты связывали с задержкой отпусков³⁸⁹. Само же начальство в желании поехать в отпуск, повидаться с семьей видело проявление патриотизма, но также и способ повлиять на повышение бодрости, особенно накануне крупных операций³⁹⁰. Практически все требования солдат-крестьян в отношении отпусков удовлетворялись³⁹¹.

Начиная с осени 1915 г. в армии началась широкая практика выдачи отпусков солдатам, для чего были составлены особые правила³⁹², вполне учитывавшие желания солдат-крестьян. В этих правилах прямо указывалось, что отпуска, сроком до одного месяца, даются «для устройства домашних дел и свидания с родными», а также «для участия в полевых работах» и наконец «для участия в работах по размежеванию селений на хутора»³⁹³. Отпуска, таким образом, являлись важными проблесками событийности, прерывавшими тяжелую фронтовую повседневность. Требования отпусков

³⁸⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39об. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 153. 196об.

³⁸⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16, 22, 23, 41об.

³⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 3, 39, 68об., 79, 87об., 296, 308об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 114, 212. 305; Д. 2934. Л. 374об.

³⁹⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16–17, 78об., 246, 299; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2832. Л. 308.

³⁹¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 329; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 8об–9; Д. 3863. Л. 196об.

³⁹² Генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевич – Генерал-квартирмейстеру 5-й армии 8 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 84–84об.

³⁹³ Приказание армиям Северного фронта № 240 от 10 сентября 1916 г. Печатный экз. // РГВИА Ф. 2031. Оп. 1. Д. 553. Л. 676–677; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 51об.; Д. 1184. Л. 80; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 138; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 151об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 25.

образовали с другой стороны серьезный рычаг давления на начальство, наряду с требованиями хорошей пищи, снабжения. Начальство часто было вынуждено давать отпуска, боясь побегов, прямого неповиновения, отказов идти в бой³⁹⁴. Солдаты-крестьяне постоянно расширяли свои требования отпусков³⁹⁵, часто не возвращались из них вовремя, превращая их, таким образом, в форму легального дезертирства³⁹⁶. В конечном счете именно с проблемы отпусков началось снижение боеспособности армии, что приняло громадные размеры уже во время революции³⁹⁷.

Представления о ратном труде как разновидности труда крестьянского сказывалось в самых разных формах повседневности. Внешне это проявлялось в том, что солдаты кололи штыком снизу, как при уборке снопов, а не вперед с выпадом, как требовалось по уставу. В свободное от боев и учебы время солдаты охотно помогали жителям в полевых работах. Цензоры сообщали об интересе со стороны солдат состоянием посевов и травы в месте расположения войсковых частей³⁹⁸.

Некоторые образы крестьянского труда у солдат-крестьян были неразрывными в ходе труда ратного. Одним из элементов такого труда была косьба, занимавшая важное место в цикле сельскохозяйственного труда. Солдаты сравнивали время жатвы на родине с периодом ожидаемых боев, когда пойдут в Германию и начнется жатва, и «увидит немецкая колбаса какая могучая русская коса». Тяжелые бои крестьяне сравнивали с косовицей

³⁹⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 51об.; Д. 1184. Л. 49об., 80; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 289об.

³⁹⁵ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 399об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 173об., 193, 207; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52, 160, 262, 289об., 296, 291, 312, . Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 263; Д. 2935. Л. 209, 305–305об., 478об.

³⁹⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 277–277об., 413, 420об., 424, 585; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52, 256об.; Д. 905. Л. 23, 28; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 114об., 810–810об.; Д. 3845. Л. 265; Д. 3863. Л. 157об., 256об., 271; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 51об.; Д. 1486. Л. 193; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 114, 305; Д. 2934. Л. 345; Д. 2937. Л. 420.

³⁹⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 14, 44, 246, 247, 309об., 584; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 585; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 248; *Степун Ф.* Указ. соч. С. 285.

³⁹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 220; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 135; Л., 1927. Т. 2. С. 34, 201.

дома, ожидали «свою жатву» на фронте, радовались, что убрались с хлебом дома и обещали, что скоро «уберут врага к месту»³⁹⁹.

Наиболее сильно традиционалистские представления о крестьянском труде сказывались в сезонности трудовых усилий. Все циклы природы, так или иначе, присутствовали и в ратном труде. Весной на селе это проявлялось, как и среди крестьян во время посева в апреле-мае, в особенно приподнятом настроении, «мечтаниях», хороших видах на урожай⁴⁰⁰. На фронте подобная приподнятость проявлялась в воинственности, ожидании успешной компании, под которой, в соответствии с крестьянскими представлениями, понималась летняя страда. Таким представлениям отвечали и обычные весенне-летние кампании в прошлых войнах. Солдаты-крестьяне считали наступление весной залогом успешного окончания войны осенью⁴⁰¹. Весенний период боевого цикла в глазах крестьян начинал «правильный» ход ратного труда, где переходы увенчиваются генеральным сражением, означающим конец военной кампании. Это отвечало принятым крестьянским понятиям размеренности, упорядоченности ратного труда сельскохозяйственного цикла. Именно весной широко распространялись ожидания непременного мира осенью⁴⁰². Особенно волнующими были ожидания весной 1916 года. Этому способствовало прибытие на фронт значительного числа солдат-ополченцев, наиболее прочно связанных с землей и сезонными природными циклами. Подобные же ожидания охватили армию и весной 1917 г., которые расценивались как проявление бодрого настроения, а на самом деле отражали уверенность солдат в скором окончании войны.

³⁹⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 220; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 111об.; Д. 2935. Л. 206, 560об., 656.

⁴⁰⁰ *Энгельгардт А.И.* Из деревни. 12 писем 1872–1887. М., 1987. С. 55.

⁴⁰¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 70, 75–75об., 92; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 105, 127, 138, 160об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 458.

⁴⁰² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 134, 151; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 28об., 58–61, 94–101об., 111; Д. 2935. Л. 65. Д. 3863. Л. 283, 330, 375.

Летние боевые действия солдаты сравнивали со «страдой», писали на родину, что не приедут к уборке, так как «подскочила своя жатва. Бои летом всегда сопровождалась упорством, бодрым духом, несмотря на поражения (1915 г.), или победу (в мае–июне 1916 г.), или ожесточенный характер боев (в июле–августе 1916 г.)⁴⁰³. Этот размах трудовых дел вполне соответствовал периоду крестьянского сельскохозяйственного цикла с его особенной интенсивностью летом. Цензура характеризовала летом настроение солдат как «великолепное», а сами солдаты воспринимали жизнь как «хотя и опасную, но веселую»⁴⁰⁴.

Заканчивался трудовой год на фронте, как и крестьянский дома, ранней осенью, в сентябре, после которого солдаты непременно ожидали мира в виде множества «точных» известий о его наступлении⁴⁰⁵, что являлось загадкой для цензоров, но вполне отвечало солдатско-крестьянской ментальности⁴⁰⁶.

Другим элементом крестьянского миропонимания является полезность, с точки зрения которой солдаты-крестьяне не видели оправдания своих усилий в ходе фронтовой повседневности. Так, они отказывались понимать нужность земли, так как она представлялось, непригодной для хлебопашества, но ради которой им приходилось воевать. Исключением были казаки, для «патриотизма» которых важна была земельная подкладка, поскольку сама их служба ассоциировалась с земельным наделом. Однако обещания передать солдатам землю немцев-колонистов так и не были претворены в жизнь в течение войны⁴⁰⁷.

⁴⁰³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 4, 71об.–72; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 281.

⁴⁰⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 131об., 132об., 137об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 111об.; Д. 2935. Л. 49, 357.

⁴⁰⁵ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 117, 193; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 22об; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6,31.

⁴⁰⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 368об.; Д. 3856. Л. 54; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1868. Ч. 1. Л. 56.

⁴⁰⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 35, 364; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 362об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 131.

Чаще полезность своего пребывания на фронте оправдывалась возможностью приобрести вещи, ценности у противника, жителей завоеванных территорий. Практика мародерства была широко распространена в первое время войны, отличавшейся маневренным характером⁴⁰⁸. Особенно пострадали от мародерства территории Восточной Пруссии и Восточной Галиции⁴⁰⁹. Следует, однако, отличать мародерство от военной добычи, которая считалась законной и распределялась в собственность в России в связи с военной необходимостью. Однако на деле собственность предприятий, поместий, а также простых граждан оккупированных территорий часто переходила различным обществам, или даже частным лицам и мало подходила под требования «военной необходимости»⁴¹⁰. Имел место также прямой грабеж жителей захваченных городов, что сопровождалось уже массовой отправкой имущества в тыл, причем как офицерами, так и простыми солдатами. И опять же, наиболее часто в этих акциях принимали участие казаки, крестьянские интересы которых обуславливались самим характером этой социальной группы⁴¹¹. Но кроме населения стран противника, грабежу часто подвергалось и население собственной территории, в частности поляки, евреи и др. Военные власти понимали, какой моральный вред самой армии наносит мародерство, пытались бороться с этим явлением, но, скорее всего, были вынуждены мириться с ним, особенно на низовом уровне – полков, этапных частей⁴¹². Мародерство процветало и на Кавказе, где военные действия полностью соответствовали войнам старого, традиционного типа⁴¹³.

⁴⁰⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 298об.

⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 15, 26, 27, 136, 141, 295, 401.

⁴¹⁰ См. списки имущества, захваченного в Восточной Пруссии, и его распределение: РГВИА. Ф. 2932. Оп. 9. Д. 29, 40; Ф. 2020. Оп. 1. Д. 15, 136.

⁴¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 113; *Ляхов М.Н.*. По Галиції, три года назад. Казань, 1917. Б.м.; Ляхов Ю.Б., 2002. С. 17.

⁴¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 23, 46, 49, 320, 350, 557; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 364об., 385об.; Д. 2935. Л. 298об., 466.

⁴¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 54, 88об., 105, 115, 188; Д. 561. Л. 144.

Другая сторона «полезности» на войне проявилась в массовых реквизициях в ходе «Великого отступления» лета 1915 г. Объявленная как массовая акция по изъятию ресурсов у населения⁴¹⁴, чтобы оно не попало к противнику, летом 1915 года эта кампания переросла в конфискацию продуктов, повозок и т.п. имущества самозванными командами пехотинцев, фуражиров, санитаров, починочных мастерских, не имевшими права на такие реквизиции. Часто изъятия происходили по социальному принципу, т.е. «излишков» у богатых, или помещиков⁴¹⁵. Сами солдаты, в целом войска, рассматривали реквизицию как важный ресурс пополнения войсковых запасов, что помогло сгладить впечатление от летних потерь и в какой-то мере оправдывало в глазах солдат-крестьян «полезный», «вещный» характер военных действий⁴¹⁶.

С усилением позиционного характера войны мародерство, реквизиции, как важный мотив участия в войне начал угасать. Во время Брусиловского прорыва эти действия уже носили единичный характер, иногда принимая прямо преступную форму в виде грабежа своими санитарями русских мертвых солдат на поле боя, с чем командование активно боролось⁴¹⁷.

Своеобразным аналогом мародерства, правда, по отношению к государству, являлось «промотание» вещей солдатами. Речь шла о продаже обмундирования, вещей, обуви населению, испытывавшему нехватку предметов первой необходимости, с умыслом вновь их пополнения за государственный счет. Эта практика стала широко распространяться в предреволюционное время, напоминая сцены мешочничества периода

⁴¹⁴ См. подробно об этой акции: *Асташов А.Б.* Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия // Первая мировая война: взгляд спустя столетие, 1915 год: доклады и выступления участников V Международной научно-практической конференции. М., Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 298-309; *Он же.* Русская армия и реквизиции в 1915 году: борьба за ресурсы // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 47-55.

⁴¹⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 31. Л. 272, 365, 475об., 495-496, 509-510, 521-523, 527об.; Д. 32. Л. 370, 343об., 373; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 303. Л. 34, 37-40, 43, 46, 48-52, 58-60, 430, 451.

⁴¹⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 385об., 433; Д. 2935. Л. 66, 298об.; *Оськин Д.* Записки прапорщика. М., 1931. С. 53-56; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 80.

⁴¹⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 116, 274, 432-432об., 543об.; Д. 2935. Л. 204, 699об.; Д. 3863. Л. 4; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 368. Л. 2-3, 6-61.

Гражданской войны. В некоторых случаях масштабы расхищения государственной собственности были значительными среди солдат, составляя существенную прибавку к их обеспечению⁴¹⁸.

Полезность в войне многие солдаты видели и в наградах и причитающихся за это дополнительных денежных выплатах, на порядок превышавших обычное солдатское жалование в 75 копеек в месяц. Такие солдаты хорошо устраивались в условиях фронтовой повседневности, не испытывали никаких трудностей ни с едой, ни со снабжением, ни с возможностью получить дополнительный отпуск⁴¹⁹.

На войне солдаты-крестьяне ожидали проявления представлений об иерархии начальства, знакомых по прежним войнам. Они отвечали крестьянской ментальности об упорядоченности мироздания и включали иллюзию безопасности, освобождали от личной ответственности. Эти представления о гармонии начальников и подчиненных в ходе военных действий достигались доверием подчиненных к лицам, стоявшим выше их в этой иерархии, полной им преданностью. С другой стороны, от начальства ожидалось, кроме исполнения своих прямых функций, решение повседневных забот солдат. Достигались эти цели посредством неизменности иерархического состава офицерства и следуемым из этого постоянным с ним, офицером, начальником, контактом, достигаемостью. Так на войне солдатами-крестьянами достигались важнейшие ценности их жизненного мира – стабильность и упорядоченность.

В письмах солдат, в цензурных отчетах немало свидетельств о стремлении и солдат, и начальства поддержать привычные формы военной иерархии, подчинения младших чинов старшим. Цензура отмечала, что «беспредельная преданность» своим офицерам служит решительности солдат поразить врага, вдохновляет на новые подвиги. Ценили солдаты и

⁴¹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 587; Д. 2937. Л. 75; Д. 3863. Л. 47; Дневник Штукатурова... С. 144.

⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 116; Дневник Штукатурова... С. 153.

непосредственные контакты с начальством при посещении окопов, получении наград от высокопоставленных особ, смотрях. Это давало силу «проливать кровь свою». Зримый контакт на смотрах и парадах солдаты пытались дополнить контактами, которые должны были продлить и упрочить отношения с начальством: ставили свечи для молебнов о здравии начальству и т.п.⁴²⁰ Офицеров они называли «родителями», «отцами родными», как они называли глав семейств, проявлявших «заботу» и «любовь» к членам крестьянской семьи⁴²¹. Солдаты ценили равное отношение с ними офицеров и в бою, личное проявление начальством доблести. В цензуре в специальной рубрике вплоть до конца войны отношения нижних чинов к начальству характеризовались как «хорошие, добрые, сердечные»⁴²².

Крестьянская ментальность основного состава армии проявилась и в отношении к технике, ведущему инструменту индустриальной войны. Несмотря на относительное привыкание, на солдат производило тяжелое впечатление сам звуковой ряд технической войны, «трясение земли и молний»⁴²³. Войну характеризовали как механическую и машинную бойню, от артиллерийского обстрела испытывали ужас. Война без видимого врага теряла в глазах солдат-крестьян свой естественный характер, подчеркивала отсутствие зримого, тактильного характера происходящего. Орудия войны представлялись враждебными человеку⁴²⁴, что сказывалось в полном

⁴²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 46; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 78об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 128; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73об., 187об., 248; Д. 1673. Л. 357об., 542; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 361. Царская армия... С. 18, 20; *Симаков В. И.* Указ. соч. С. 9.

⁴²¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87об., 230, 256, 230 Л. 256.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 283об., 444.

⁴²² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 82, 87об., 263об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 10об.; Д. 2935. Л. 620об.; Д. 3863. Л. 143об., 331; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Л. 123.

⁴²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 298об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 28.

⁴²⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 412об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 147об., 182, 224об.; Д. 3863. Л. 94, 186; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 70; Л., 1927. Т. 2. С. 93, 184, 202–203, 244; *Солдатские письма 1917 г.* Сборник. М.; Л., 1927. С. 135.

отсутствии их поэтизации в отличие от других армий⁴²⁵, представлении их в качестве посланцев чужого, злобного мира⁴²⁶. То же относилось и к аэропланам, называвшимся солдатами «воздушными птицами», «бесовскими творениями». Солдаты, особенно новобранцы, постоянно их расстреливали, не разбираясь, свои ли они были, или чужие, несмотря на категорическое требование не открывать с земли огня по каким-либо самолетам⁴²⁷. Подвергались атаке и пленные авиаторы, даже свои, воспринимавшиеся, в своих кожаных черных костюмах, очках представителями чуть ли не потустороннего мира⁴²⁸.

Неприятие техники солдатами-крестьянами выражалось в порицании как запрещенных, так и вообще новых видов вооружений противника – пулеметов, огнеметов, самолетов, которые солдаты также считали незаконными, «варварскими». Но и к собственной технике солдаты относились пренебрежительно: постоянно теряли винтовки, патроны, щиты, плохо обращались с противогазами⁴²⁹.

Крестьянский менталитет большинства солдат-пехотинцев сказывался и на их враждебном отношении к другим, главным образом техническим, родам войск: артиллеристам, пулеметчикам, летчикам. Пехотинцы обвиняли артиллеристов в недостаточной поддержке, те, в свою очередь, обвиняли пехотинцев в «непонимании чего они хотят»⁴³⁰. Технические войска всегда были инициаторами наступления. Пехотинцы же были недовольны артобстрелами противника в периоды затишья, что вызывало ответный огонь по окопам. Особенно были неприемлемы обстрелы пехотинцев в период

⁴²⁵ Osborne E.B. (Ed). *The Muse in Arms*. L., 1917. P. 109–111, 267–268; Leed E.J. *Op. cit.* P. 150; Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 42–45

⁴²⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 258; Костромская деревня в первое время войны. Кострома. 1916. С. 111, 117; Войтоловский Л. Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 203.

⁴²⁷ Фурманов Дм. Указ. соч. С. 140–141.

⁴²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 25, 70; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 440. Л. 156; Д. 2897. Л. 13, 16, 45–46, 159; Д. 2899. Л. 164–165. Д. 2937. Л. 141; Ляховъ М.Н. Указ. соч. С. 37.

⁴²⁹ Михеев С. Военно-исторические примеры. М.; Л.: Госиздат, 1928. Л. 153; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 248, 252, 274; Д. 3863. Л. 134.

⁴³⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 28; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 127.

братаний, что приводило к прямым столкновениям между пехотинцами и артиллеристами⁴³¹.

Между различными родами войск проявлялось неодинаковое отношение к современной войне. Как правило, настроение в технических войсках было бодрым, в отличие от пехотинцев, где преобладали «мирные настроения»⁴³². В специальных войсках (пластуны, разведчики) настроение также было «спокойное». Давали себя знать элитность, относительная безопасность, ощущение конкретного результата своих действий и т.п. Контингент в этих войсковых группах мало менялся, что поддерживало полковое братство. В технических войсках была больше возможность воспользоваться добычей из-за наличия транспорта, что также мирило с трудностями войны⁴³³.

Малограмотность, характерная для солдат-крестьян, сказывалась на их, как правило, угнетенном настроении. И наоборот, чем грамотнее и развитее были бойцы, тем бодрее было настроение. В этом проявлялось подбадривающее влияние газет, устной пропаганды⁴³⁴. Та же разница в настроении была и между нижними чинами, прошедшими армейскую выучку, и нестроевыми, как правило, малограмотными запасниками, особенно пожилыми. Последние вообще были озабочены исключительно «домашними обстоятельствами», тосковали по семье и хозяйству. Еще более угнетенным было настроение в письмах пожилых солдат⁴³⁵.

Крестьянские представления солдат просматривались и в понятиях о враге, сложившихся в течение веков. Восприятие врага как азиата, мусульманина отразилось даже в фольклоре. Немцев так и называли: «германцы-азиаты», «немцы-азиаты», а про мадьяр говорили, что они дрались «как самураи». Враг противопоставлялся и по вере, как якобы

⁴³¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 229–229об.; Д. 3863. Л. 662, 663об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 157–157об., 288об., 595об., 612., 614, 646, 693–693об., 716, 727об.

⁴³² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 102, 138, 151, 202об., 230, 230, 252об., 255об., 289, 291об., 296, 299, 307, 422об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 658; Д. 2937. Л. 422об.

⁴³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 56об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87об.; Д. 905. Л. 55об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 229–229об.; Д. 3845. Л. 150об.

⁴³⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 82, 90, 97.

⁴³⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68, 90, 160.

безбожный, «некрещеный». «Бусурманство» немцев объясняло их особенную жестокость, «нехристианские» методы борьбы⁴³⁶.

Так же, по-крестьянски, враг рассматривался как чужак, покусившийся на крестьянский мир, разрушивший семьи. Разрыв со своим привычным миром был одним из сильных мотивов ненависти к противнику, доходившей иногда до жестокости⁴³⁷. Привычные представления о противнике оказались востребованными только на Кавказском фронте против традиционного врага – турок. Это подтверждали «бодрые» письма с Кавказского фронта, где солдаты сообщали, что «с турком воевать, что с хорошей барышней танцевать». Традиционный способ военных действий определялся здесь зависимостью от ландшафта, практически отсутствием искусственной позиционной линии, господствовавшей в западной части Русского фронта.

Представления русских солдат о противнике с наибольшей силой проявились в ходе братаний. В отличие от доминировавшей в историографии точки зрения о братаниях, как сугубо антивоенной и даже чуть ли не революционной деятельности солдат⁴³⁸, в настоящем разделе феномен братания рассматривается как воплощение крестьянской ментальности. Братания в годы войны имели и объективную причину, объединявшую перед лицом индустриальной войны солдат воюющих сторон, вызывавшую ряд действий, диктовавшихся гуманными соображениями: совместные уборка трупов, поиск раненых, сбор фруктов на «ничейной земле»⁴³⁹. Это вызывало

⁴³⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 563об.; Симаков В.И. Частушки // РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 60 (Кострома), 80, 105 (Калуга), 230; *Смирнов В.* Отношение деревни к войне // Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С. 111; ВВМД. 1915. № 23. С. 718.

⁴³⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 259; Д. 2935. Л. 230. *Смирнов В.* Указ. соч. С. 111; Костромская деревня в первое время войны. Кострома. 1916. С. 14–15, 112; *Симаков В.И.* Частушки // РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 105.

⁴³⁸ *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 37; *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество, 1900–1941 годы: Статьи, документы. М., 1999. С. 51–76; *Бахурин Ю.А.* О первых братаниях с противником в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 167–168; *Ferro M.* Russia: Fraternization and Revolution // Meetings in No Man's Land: Christmas 1914 and Fraternization in the Great War. L., 2007. P. 212–233.

⁴³⁹ *Leed E.J.* Op. cit. P. 208.

уже в первые дни войны ряд договоренностей с противником⁴⁴⁰. Впоследствии братания, особенно со времени рождественских праздников 1914–15 гг., стали распространяться по всему фронту⁴⁴¹. Особенно большие волны братаний охватили фронт в Пасху 1915 г., и еще больше в Пасху 1916 г.⁴⁴² Только после Февральской революции 1917 г. братания, принявшие невиданный размах, стали проявлением и инструментом антивоенных и революционных настроений, хотя и сохранили в значительной степени дореволюционные особенности⁴⁴³.

В братаниях на Восточном фронте проявились некоторые черты, характерные для православно-крестьянской ментальности России. Среди них – представления о значимости православных праздников в социальных отношениях у крестьян, во время которых богатые поддерживали бедных односельчан подарками, угощениями. На фронте место «бедных односельчан» заняли солдаты армии противника. Им русские солдаты, «размягченные» приливом религиозных чувств, несли хлеб, угощение, превращая общение с противником в акцию всеобщего примирения⁴⁴⁴. Сказывалось и характерное для крестьянско-общинной ментальности неприятие долгого соперничества с соседом, стремление скорее пойти на мировую⁴⁴⁵. Частично это объяснялось и славянским, а в некоторых случаях

⁴⁴⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 172; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 969. Л. 8аоб.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2908. Ч. 1. Л. 46.

⁴⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 13–14, 308, 157об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 160–160об., 168.

⁴⁴² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 111, 112, 113, 116, 117боб.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 169–170; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 35; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 969. Л. 8а.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 122.

⁴⁴³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 82об.; Д. 3863. Л. 251об.–252, 436об., 525–528, 577об., 584, 587об., 590, 592об., 595об., 597об., 608об., 612, 613, 661об., 662, 673об.–674, 693, 698, 727, 757; *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции: Брестский мир. М., 1992. С. 42–45, 64; *Френкин М.* Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 273–275, 679.

⁴⁴⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 51об., 62, 66, 68, 253об.; Д. 2934. Л. 81; *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 342; *Максимов С.В.* Крестная сила. Нечистая сила. М., 1998. С. 104–105.

⁴⁴⁵ *Громыко А.А.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 53–55; *Гагиева А.К.* Крестьянское правосознание и его отражение в архивных документах XVIII – первой половины XIX в. // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 11.

и православным (сербы, русины, румыны) составом армии противника⁴⁴⁶. В пасхальных братаниях нашел себе применение уходящий своими корнями в древность обычай побратимства, также имевший место в крестьянской жизни славян. С другой стороны, во время братания ярко выявилось незлобная, невоинственная по существу сторона ментальности, когда солдаты, в сущности, не видели врага в противнике. Это проявилось в многочисленных радостных сообщениях с фронта о проявлениях «дружества», «полной дружбы» и т.п. между бывшими противниками⁴⁴⁷.

Проявилось в ходе братаний и стремление восполнить потерю «полезности» войны, что так важно для крестьянского менталитета. Это проявилось в большом размахе меновой торговли бывших противников. Особенно ценными подарками русские солдаты считали губные гармошки, перочинные ножи, электрические фонарики и т.п. редкие на фронте предметы солдатского обихода⁴⁴⁸.

В ходе братаний большое место заняло употребление алкогольных напитков, что являлось непременной частью крестьянского проведения Пасхи. Это помогало вывести праздник на уровень формального прощения противника, намерения уладить с ним конфликт⁴⁴⁹.

Особенности братаний на Русском фронте сыграли свою роль во время выхода России из войны. «Неорганизованные», «несознательные» братания, в

⁴⁴⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Ч. 1. Л. 171–171об., 173, 179–180об.; Д. 3856. Л. 60об., 62; Д. 3863. Л. 584; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Л. 935; Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии.). СПб., 1993. С. 273; *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 126–129.

⁴⁴⁷ *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 73, 75, 82, 84–85, 89–90; *Она же.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 139, 141–142; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 177; Д. 2946, ч. 1. Л. 184об.; Д. 3856. Л. 50, 51об., 60–60об.

⁴⁴⁸ *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. М., 1984. С. 20; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 162, 167; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 528.

⁴⁴⁹ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1999. С. 457; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 169, 170, 172; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 51, 53, 66, 79, 81; Д. 2946. Ч. 1. Л. 173, 179–180об., 185об.; Д. 3856. Л. 51об., 58об., 60–60об., 62, 66, 68, 86; Д. 3863. Л. 584, 662; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Л. 659; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 526об., 536, 537об., 577об., 580об., 592об., 597об., 608, 673об., 674, 693, 757; *Френкин М.* Указ. соч. С. 676.

основе которых были неясные крестьянские представления о всеобщем «замирении и прощении», подкрепленные меновой торговлей и сопровождавшиеся обильной выпивкой, заставили лидера большевиков В.И. Ленина отказаться от использования «крестьянской армии» в качестве инструмента революции⁴⁵⁰ и пойти на сепаратный мир с Германией⁴⁵¹.

Исследование о роли и влиянии крестьянского менталитета, форм поведения на различных этапах современной войны на Русском фронте позволяет сделать ряд выводов. В войне нового типа, современной, технической по своему существу, участвовала армия, большинство которой составляли солдаты-крестьяне, основные характеристики которых как бойцов были сформированы традиционной крестьянской ментальностью на протяжении долгого времени. Они являлись производными от крестьянского сельскохозяйственного трудового цикла, поддерживались крестьянским семейно-общинным социумом и состояли в приверженности таким ценностям, как локализм, полезность, предметность, сезонность, гармоничность всех социальных и трудовых отношений. Эти ценности солдаты-крестьяне пытались воспроизвести в боевых действиях, в отношениях с противником, во фронтовой повседневности. Эти ценности питали мотивацию борьбы, они рассматривались как основной ресурс длительного противостояния с противником в годы войны. Фронтовая повседневность войны нового типа представила, однако, серьезный вызов ценностям крестьянского мира, которые солдаты-крестьяне пытались отстоять, и с помощью которых они хотели противостоять в современной войне.

⁴⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 164, 180–181; Т. 31. С. 114, 203–204, 264–265, 293–296, 326–327, 336, 352–353, 398–400, 450–451, 459–461; Т. 32. С. 104. С. 241–242, 273; Т. 35. С. 61. 248, 250.

⁴⁵¹ Хмелевская Ю.Ю. Британская армия в 1914–1915 гг.: от эйфории патриотизма к психологии большой войны // Из британской истории нового и новейшего времени. Челябинск, 1992. С. 64; Ashworth T. Trench warfare, 1914–1918: The live and let live system. L., 2000. P. 220–221.

Глава третья

Историко-антропологические аспекты окопной повседневности

§1. Восприятие солдатами технического характера военных действий

Наибольшую опасность испытывали солдаты от огневого характера военных действий, что обеспечивалось явным преимуществом противника, в основном немцев, в артиллерии, пулеметах, самолетах, химическом вооружении. Особенно страдали пехотинцы от тяжелой артиллерии 6-и 8-дюймового калибра. «Чемоданы» весом «по 30 пудов» вызывали панику, приводили к сумасшествию; от них глохли, теряли сон⁴⁵². Непереносимым казался сам грохот орудий, производивший особенно сильное впечатление на молодых солдат. Оказывал вред и пролет снарядов, сопровождавшийся непереносимыми запахами газов, удушьем от дыма, воздушным ударом. В совокупности поражающие факторы артиллерии оказывали крайне угнетающее действие на солдат⁴⁵³.

Русская армия не раз испытывала воздействие артиллерии противника. Однако в наибольшей степени огневой фактор сказался в ходе боев под Луцком и Ковелем летом 1916 г. Солдаты эти бои воспринимали как «ад крошечный», «страшный суд», считали невозможным остаться человеком даже для вышедших из огня⁴⁵⁴. Кроме артиллерии величайшую опасность для солдат оказывали пулеметы, огонь которых пришлось испытывать в ходе

⁴⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 1об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 64, 180об.–181, 292, 871, 902; Д. 2937. Л. 14об. 126–126об., 426, 428.

⁴⁵³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 291, 303об., 374, 485; Д. 2937. Л. 21; Д. 2935. Л. 609; Д. 3856. Л. 264об.

⁴⁵⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 181, 375, 541, 725, 739, 841, 888–889; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 4., 321об., 333.

безуспешных контратак, особенно – осенью 1916 г. Пулеметный огонь казался всепроникающим, от него нельзя было уклониться⁴⁵⁵. Не случайно, что именно пулеметы явились частью армейской мифологии, согласно которой ими вооружались все внутренние враги: офицеры в своих штабах на передовой для подавления солдатских бунтов и жандармы с полицейскими внутри России в борьбе с городскими бунтарями. Другим труднопереносимым фактором войны представлялись налеты немецкой авиации, от которой нельзя было укрыться ни на передовой, ни в тылу⁴⁵⁶. Особенно угнетающее впечатление эти налеты производили своей безнаказанностью в течение всей войны. В целом опасность представляли не конкретные виды вооружений, но вся полоса огня, где «всех переколечат и перебьют». Наиболее же вредной, центром «ада», считалась атака, средоточие всех видов опасности. Даже бывалые фронтовики, имевшие георгиевские кресты, привыкшие рисковать жизнью, испытывали моменты «страшной дрожи» за свою жизнь. Но и вне полосы непосредственного боя, сама позиция, представлялась местом, где убивают и калечат всех людей, и мирных, и военных⁴⁵⁷. Уже в начале войны, когда немцы не позволяли убирать свои и чужие трупы, некоторые поля сражений производили тягостное впечатление. Всего в 300–400 шагах от окопов, ночью и днем, слышались вопли и стоны несчастных раненых. Считалось, что таким образом немцы затрудняли противнику из-за горы трупов вести огонь по своим окопам. Еще большие нравственные страдания вызывали непосредственные картины смерти в виде искаженных муками лиц и поз своих и чужих тел. Ужас от чужих страданий рождал желание самому быть раненым или убитым. Тягостно было и физически переносить по многим дням соседство гниющих трупов, наблюдать повсюду могилы, из которых были видны руки и головы. Ужас от гибели товарищей усиливался от

⁴⁵⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246, 294; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 180об.–181, 485, 488, 888–889.

⁴⁵⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 614; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 228, 262, 256, 294; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 274об.; 2935. Л. 504об.; Д. 3863. Л. 67.

⁴⁵⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133; Д. 2935. Л. 180об.–181, 841; Д. 3863. Л. 307.

собственных тяжелых ощущений: холода, голода, боли ран на плечах и в пояснице из-за тяжести боевой амуниции⁴⁵⁸. Особенность переживавшихся страшных картин состояла в том, что они затрагивали массы солдат, чего не было в других войнах, представлялись нескончаемыми, казались неминуемыми для каждого солдата. Оставшихся в живых ожидала судьба раненых, которых часто не было возможности убрать с поля боя, что вело к плохо поставленной эвакуации, переполнению госпиталей и в конечном итоге к «увечной хирургии»⁴⁵⁹.

Вызывали ужас и случавшиеся упорные рукопашные бои, сопровождавшиеся «зверствами и человеческим одичанием». Правда, собственно описаний зверств в письмах немного. Чаще это касалось нежелания брать пленных, казней малых их партий и т.п. Больше описаний зверств на Кавказском фронте⁴⁶⁰. Трудно согласиться с утверждаемыми в литературе мнениями о зверствах, как порождении встреч с противником «лицом к лицу». Эти утверждения выводятся из особенностей военных действий на Восточном фронте мировой войны⁴⁶¹, где они чаще имели маневренный характер, в отличие от Западного фронта, где господствовали позиционные бои, дававшие мало возможности личному противостоянию и развитию жестокости у противников⁴⁶². Данные взгляды представляются, однако, умозрительными, не находят подтверждения в документах. Наоборот, ситуация, в которой противники оказывались «лицом к лицу», чаще приводила к взаимной сдаче их в плен, как это было в маневренных боях конца 1914 года. С другой стороны, именно позиционное сидение рождало стремление в конкретном сражении ощутить врага наяву, отомстить ему за невыносимые страдания, вызывавшиеся бессмысленным анонимным

⁴⁵⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 52; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 377; Д. 2935. Л. 726об., 303, 374, 714об.; Д. 2937. Л. 183об., 247.

⁴⁵⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 64. 60–60об., 649; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 293об.489об. 766.

⁴⁶⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 187, 714, 882; Д. 2937. Л. 247; Д. 3856. Л. 256.

⁴⁶¹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 493–494.

⁴⁶² *Shumann D.* Op. cit. S. 32.

противостояниям. Выходом из этого и были ожесточенные рукопашные стычки, являвшиеся, таким образом, дополнением позиционной войны, а не противопоставлением ей. В письмах эти стычки вообще не описываются как тягостные, негативные моменты боевой повседневности, а представляются как имеющие смысл и пользу, что вполне укладывается в представления солдат с точки зрения крестьянской ментальности. Ожесточение со стороны русских солдат скорее вызывалось нетерпением окончить войну, чему как раз мешало упорство противника. Сами «зверства» виделись противниками по-разному. Для русских они заключались в методичном применении техники, новых видов вооружения. Немцы же усматривали варварскую жестокость русских в чрезмерном использовании живой силы в виде рукопашных боев, штыковых атак и т.п.

На войне нового типа по-другому воспринималось ожидание смерти. Она уже не носила упорядоченный характер, как это было в прошлых войнах, с их размеренностью и определенностью опасностей в минуты довольно редких «дел» или известных дней в периоды генеральных сражений. Теперь опасность подстерегала ежеминутно, в любой момент. В ожидании, что «вот-вот пуля воткнется» жизнь называли «минуточной», а себя сравнивали с «разбойниками». Особенно боялись наступления, где возможность выжить была «что двести тысяч выиграть»⁴⁶³. Но и после боя возможностей погибнуть было немало: от холода, голода, болезней или случайных пуль⁴⁶⁴. Каждодневная опасность представляла непереносимой для привычного сознания, с его представлением о времени как «правильном», оставляющем место для геройства. Смерть стала неявной, неожиданной, к ней нельзя было подготовиться, она не вписывалась в общий распорядок существования человека, и поэтому казалась неестественной⁴⁶⁵.

⁴⁶³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375, 725.

⁴⁶⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 291, 292, 616об., 863, 887; Д. 2937. Л. 38, 419; Д. 3856. Л. 59, 73об., 263об.

⁴⁶⁵ Данилова Л.В., Данилов В.П. Указ. соч. С. 22–23; Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992. С. 41–42, 49–50, 496–

В такой войне резко увеличивалась сумма страданий, как от боевых ран, так и от болезней. Боялись быть ранеными уже при приказе об отправке на позицию. В случае ранения начинался тягостный цикл мучений от боли, вызываемых тяжелой дорогой, перевязками, которых ожидали по 5–6 дней. Была высокая вероятность подвергнуться эпидемии на эвакуационных пунктах из-за несоблюдения санитарных мер. Непомерные страдания вызывали и частные контузии, которые, как правило, не давали право оставить фронт и отдохнуть в госпитале⁴⁶⁶.

Множество болезней не имели ярко выраженных причин и развивались на почве сонма физических и нравственных страданий. Среди них были желудочные болезни от плохой и недостаточной пищи, болезненные проявления в руках и ногах от физического напряжения, особенно от тяжелых, иногда по несколько дней, переходов. Порою обострялись старые болезни, такие как ревматизм, болели зубы, появлялись фурункулы и грибки, которые врачи за болезни не считали. Физические недомогания усугублялись тяжелой обстановкой на фронте вследствие угнетенного настроения⁴⁶⁷.

Большое место на фронте занимали эпидемические заболевания. Среди них частой была цинга вследствие недоедания, плохой пищи. Таких случаев стало особенно много к концу 1916 года. Другой распространенной болезнью был тиф вследствие слабой постановки санитарного дела в армии. В некоторых частях ежедневно заболевало до 100 человек. К концу 1916 года число заболевших уменьшилось в два раза, однако возрос процент смертности. Порою смертность от тифа была больше чем от боевых потерь. Борьба к тифу не всегда вела к успеху. Солдаты в прививки не верили, считали, что они сами являлись причиной болезни. На фронте были

497; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОСПЭН, 1998. С. 569.

⁴⁶⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 290; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 164; Д. 2936. Л. 101; Д. 2937. Л. 267.

⁴⁶⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 219об., 221об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 857; Д. 2937. Л. 87, 279; Д. 3863. Л. 286.

распространены и другие болезни: чесотка, холера, дизентерия⁴⁶⁸. Болезненные ощущения приносили не только бои, но и бездействие. Дело было в отсутствии системы развлечений, снабжения книгами, газетами. Бездействие вело к ощущению полной бессмысленности пребывания на фронте, поэтому многие требовали наступления, радовались даже артиллерийской перестрелке. Это чувство усиливалось накануне весны, которую ждали как вестницу перемен⁴⁶⁹.

Представления о смерти и боли позволяют поставить вопрос о страхе и ужасе русских солдат в годы войны. Еще до войны русские военные психологи разрабатывали способы воспитания в русском солдате стойкости перед страхом путем выработки индивидуальной самоотверженности, которая обеспечила бы выживание в бою всей части⁴⁷⁰. В последнее время в литературе этот вопрос обсуждается как часть проблемы «медиализации страха»⁴⁷¹.

Судя по письмам, русские солдаты проявляли страх в том случае, когда под ним понимался конкретный физический ущерб в виде раны. Возможно, здесь проявлялись опасения быть покалеченным и вследствие этого стать ненужным членом крестьянского мира. Испытывали страх уже при гуле артиллерии, предвестнике физических страданий. Возникло желание вообще не идти на позицию. Тем более страшно было при получении приказа идти в атаку, что неминуемо влекло физические страдания⁴⁷².

Под «ужасами» солдаты понимали шокирующие, крайне неприятные впечатления от военной обстановки в целом, а не случайные опасности,

⁴⁶⁸ Доклад по Военному министерству за 1916 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 39; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 157, 199, 256; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 108об.; Д. 2935. Л. 115, 282, 363–363об., 588; Д. 2937. Л. 366., 400об.; Д. 3863. Л. 17, 28, 127, 156об., 228, 256об., 342, 348, 351, 381, 407, 427, 442об., 453об., 454, 580об., 665об., 686; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 19.

⁴⁶⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 89, 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 378.

⁴⁷⁰ *Дмитревский А.* Страх и борьба с ним. СПб., 1913; *Дмитревский А.* «За» и «против» психологии г-на Ш-а. // Военный сбурник. 1912. №11. с. 91–97.

⁴⁷¹ *Плампер Я.* Указ. соч. С. 453–460.

⁴⁷² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 38, 37; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133; Д. 2935. Л. 164, 766, 823, 841, 889; Д. 2937. Л. 38.

грозившей в каждом бою. «Ужасным» солдаты считали не ту или иную степень страха, а непонятную для них в целом систему военной службы, неминуемо приводившая ко всей сумме страданий. Эти представления об «ужасе» стали широко распространяться со второй половины 1916 г., т.е. после Брусиловского прорыва. Ужасной была непереносимость страданий, их закономерность и бесконечность. Особенно тягостными казались душевные переживания при виде зверств, «человеческого одичанья». «Ужас» относился к душевной усталости, которая вызывалась всем комплексом отрицательных эмоций, сопровождающих человека в современной войне⁴⁷³. Влияние ужаса было сильнее, чем страх перед смертью⁴⁷⁴. В целом русский комбатант признавал возросшую степень смертельной опасности, но она не являлась преобладающей в сумме эмоций, которые вызывала война. Страху боя противопоставлялся ужас войны в целом. Такой подход предполагает рассмотрение всей совокупности нелетальных факторов, которые были характерны для Восточного фронта и составляли основную часть тягот современной войны.

§2. Фактор «чужой территории» на Русском фронте

Одним из феноменов Первой мировой войны являлся фактор «чужой территории», что обуславливалось как самим размахом войны, так и ее коалиционным характером. Армии противников длительное время находились на занятой территории противника, или на территории союзных в мировом конфликте государств, или на территории собственного государства, население которой было слабо интегрированным в национальное целое. В отличие от традиционной, главным образом

⁴⁷³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 258об.; Д. 2935. Л. 187, 375, 739, 863, 881, 910; Д. 2937. Л. 126; Д. 3863. Л. 146.

⁴⁷⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 160об.; Д. 2934. Л. 274об.; Д. 2935. Л. 704, 917; Д. 2937. Л. 68.

маневренной войны, в мировой войне армии не только «встречаются» с противником во время боевых действий, но и постоянно взаимодействуют с населением во всей зоне фронтовой полосы, являвшейся в рамках столкновения разных культур зоной фронта. Тем самым в ходе борьбы, а не просто «восприятия противника», ощущается территория как пространственное выражение власти, требующая защиты и обеспечения суверенного над этим пространством народа, нации⁴⁷⁵. Значительную роль фактор «чужой территории» играл не только в ходе военных действий, но и в целом в деле мобилизации, организации своей страны для обороны. Особенное значение этот фактор имел на «Восточном фронте» мировой войны, где национальная идентификация ряда стран, в том числе и России, стояла еще в ряду задач модернизации.

Образ врага активно изучается в отечественной историографии⁴⁷⁶. При этом акцент делался на противнике как представителе этнически чужого. В данной главе противник рассматривается в свете теории индустриализации. Русская армия имела дела с противником, разные контингенты которого использовали различные приемы военных действий в соответствии с определенным уровнем современной войны.

В наиболее развитой степени современная война велась германской армией, что отразилось и в восприятии немцев как основных противников русскими солдатами. В русской армии резко разделяли германцев от австрийцев⁴⁷⁷. Германцев узнавали по расчетливости, точности немецкой артиллерии, организованности, порядку. Даже в заботе о павших воинах немцы выделялись, в отличие от русских, не всегда отдававших должное товарищам, погибшим в боях. Храбрость, упорство немцев удивляли и в

⁴⁷⁵ *Deborah Cowen, Emily Gilbert. The Politics of War, Citizenship, Territory // War, Citizenship, territory. Edited by Deborah Cowen and Emily Gilbert. New York; London: Routledge; Taylor & Francis Group, 2008. P. 1–32.*

⁴⁷⁶ *Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 1. / Отв. ред. А.В.Голубев. М., 2000; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006 и др.*

⁴⁷⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 252об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 330, 506, 579.

первое время объяснялись якобы подгонявшими их заградотрядами, спиртными напитками⁴⁷⁸. Русские считали немцев «ужасным врагом», отмечали их умение маневрировать, хвалили качества их командиров, подчеркивали их стойкость в бою, нежелание сдаваться в плен даже в безнадежных ситуациях⁴⁷⁹. Этого врага боялись и одновременно уважали, удивлялись его способности и изощренности в способах убийства, называли его «хитрым и сильным врагом рода человеческого»⁴⁸⁰.

Производили впечатление оборонительные сооружения немцев, особенно по сравнению со слабо эшелонированными укреплениями русских позиций. Восхищала техническая насыщенность линии обороны немцев, их изобретательность в применении наступательной техники. Даже взяв неприступные позиции, отдавали должное врагу в способности обороняться, ожидая еще больших трудностей для конечной победы со столь сильно укрепившимся врагом. Немецкие проволочные заграждения трудно было преодолеть даже с помощью артиллерии. Иногда безуспешные попытки взять линию обороны немцев вызывали отчаяние⁴⁸¹.

Сильное впечатление производило техническое оснащение германцев, особенно артиллерия. Ее мощь воспринималась как свидетельство вооруженного превосходства. Кроме эффективности артиллерии, солдаты отмечали способность немцев не жалеть снарядов даже в периоды затишья, чего русские войска совершенно не могли себе позволить⁴⁸². Удивляло

⁴⁷⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 294, 532об.; Д. 2935. Л. 506, 615об., 881, 882; Д. 2937. Л. 129, 202; Д. 3863. Л. 90.

⁴⁷⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 122; Д. 561. Л. 1об., 3; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 199аоб., 274, 415об., 497, 537; Д. 2935. Л. 315об., 442об., 506, 615об., 736; Д. 2937. Л. 95; Д. 3863. Л. 90; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 131, 191об; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 865.

⁴⁸⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6, 90; Д. 561. Л. 227–227об.; Д. 561. Л. 1об., 217, 227об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 192, 192об., 733–734, 826, 881.

⁴⁸¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6; Д. 561. Л. 3, 39; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 255об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 22, 66; Д. 2935. Л. 192, 733–734, 828; 862об., 881, 893; Д. 3856. Л. 139.

⁴⁸² РГВИА. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6, 33, 33об., 210; Д. 561. Л. 1об., 227об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 898; Д. 2937. Л. 321; Д. 3856. Л. 50об.; Д. 3863. Л. 67.

применение немцами нового, невиданного оружия – авиации, причем не только для разведки, но и для простой, как казалось, демонстрации своего превосходства путем «бесцельной» бомбардировки повозок, отдельных солдат. Огромное впечатление производила и остальная боевая техника, которую видели впервые: немецкие газы, огнеметы. В целом для русских солдат именно превосходство немцев в технике делало их непобедимыми⁴⁸³.

Дополнительными к «машинным» свойствам немцев русские солдаты считали их жестокость, хитрость, нечестность, неверность, способность на разные изобретение для убийства людей. Хитрость видели именно в применении немцами техники, в отличие от русских, готовых вести «честный» бой, штыковые атаки⁴⁸⁴. Продолжением жестокости немцев представлялся их внешний облик с духом озлобленности, когда «страшно задумчивы и молчат». Русские солдаты боялись самого нечеловеческого облика врага, говорившего «по сабачему»⁴⁸⁵.

На немцев возлагали все несчастья и трудности солдат, разорение мирных жителей, считали, что немец «всю жизнь нашу заел». Их характеризовали как злых, лично желающих каждому русскому солдату несчастий. Это объясняло, что солдаты называли войну «адам немецким». «Злость», «жестокость» немцев виделись в беспричинных, как казалось, методичных обстрелах и бомбардировках «беззащитных» людей, проявлялись и в их поведении в плену, где они вели себя гордо и высокомерно⁴⁸⁶.

Раздражала и демонстрация со стороны немцев особого вида морального превосходства в виде помощи русским пленным и раненым солдатам. Солдаты отмечали «небывалую добродетель» немцев, когда их сестры

⁴⁸³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 614; Д. 561. Л. 123; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 296; Д. 2935. Л. 824, 893; Д. 2937. Л. 33; Д. 3856. Л. 142об.; Д. 3863. Л. 30, 142.

⁴⁸⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 192об., 247об., 302, 615; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 127.

⁴⁸⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246об., 307; 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 274об.; Д. 2935. Л. 107об.–108, 563об., 823; Д. 3856. Л. 29об., 292об.; Д. 3863. Л. 336.

⁴⁸⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 42, 831, 834; Д. 3856. Л. 50об., 56; Д. 3863. Л. 343об.–344.

милосердия во время боев под Ковелем делали перевязки русским пленным, поили кофе и вином, а затем желающих отпускали обратно⁴⁸⁷. Порою опыт боев на германском фронте заставлял русских солдат думать о непобедимости врага. Такие суждения все чаще высказывались в 1916 году, приводили к мирным настроениям, сопровождалась сомнением и в силе союзников⁴⁸⁸.

Среди солдат существовало различие между «германцами», и «немцами». Первые олицетворяли боевого противника, но именно вторые, представители «немецкости», являли собой все негативные черты врага. Это видно и по частоте высказывания о «германцах» в начале войны. Во время Брусиловского прорыва упоминание этого термина несколько увеличилось, а в конце 1916 – начале 1917 г. уменьшилось вдвое по сравнению с первым годом войны. И наоборот, «немецкость» в начале войны редко упоминается, или является синонимом «германства». Но в 1916 г. частота упоминаний этого термина возрастает втрое, а перед революцией в 4–7 раз. Несмотря на рост высказываний о непобедимости немцев на поле боя, возрастали враждебные чувства к «немцам» внутри России. Их происки видели в спекуляции, дороговизне, усиленном требовании дисциплины на фронте и в тылу. К концу 1916 г. стали широко распространяться представления о предательстве «немцев» среди начальства. Возрастало желание «расплатиться» с немцами в тылу. В результате противник внешний и внутренний полностью уравнились. При этом «внутренний немец» считался более опасным врагом, так как не позволял организоваться для борьбы и ставил под угрозу материальное существование семей⁴⁸⁹.

⁴⁸⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6, 401; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 271, 506, 582об.

⁴⁸⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 204об.–205; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 61; Д. 2934. Л. 305об.; Д. 2935. Л. 414, 720об., 738, 739, 749, 822, 823, 892, 893; Д. 2937. Л. 474; Д. 3856. Л. 54; Д. 3863. Л. 142, 146об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 59, 117; То же. Л., 1927. Т. 2. С. 70, 126, 127, 240, 248, 262; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 20; *Царская армия...* С. 26.

⁴⁸⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 252об., 318; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 274, 537; Д. 3856. Л. 54; Д. 2935. Л. 860, 862об.; Д. 2937. Л. 100, 115, 160об.–161; Д. 3863. Л. 255–256, 321, 335, 345, 365об.

Представления об австрийцах варьировались от уважения к ним как к сильному противнику до уверенности в полном преимуществе над ним. Австрийская армия в некоторых чертах отвечала уровню индустриальной войны. Это подтверждалось наличием мощной системы укреплений, продержавшейся вплоть до Брусиловского прорыва и вызвавшей крайнее удивление взявших ее русских солдат. Усиленная система проволочных заграждений в 30 рядов с железными столбами, насыпи, валы, бетон, все это резко контрастировало с малоразвитыми русскими оборонительными сооружениями, земляным бруствером, слабыми убежищами, редкими заграждениями в 2-4 ряда и т.п.⁴⁹⁰ Еще большее удивление вызывало внутреннее благоустройство позиции австрийцев, с бассейнами для купанья и рыбы, палисадниками и цветниками, мебелью в блиндажах, снабженных электричеством и водопроводом⁴⁹¹. Так же хорошо был благоустроен тыл с узкоколейными дорогами, проведенными к самым окопам, домами с балконами, парниками с застекленными крышами и посаженными овощами и т.п. Впечатляла и богатая экипировка противника, масса вещей и денег у плененных⁴⁹².

В некоторые периоды войны противник представлялся трудным из-за преимущества технике, применения партизанской тактики налетов «из леса». Серьезность австрийцев подчеркивалась в ведении им запрещенных методов войны: применении разрывных пуль, изуверств над ранеными. Указанные свойства противника в целом приводили к выводу о его трудолюбии, подготовленности к военным действиям. Однако отмечались и слабые стороны австрийцев, особенно по сравнению с немцами. Так, храбрость австрийцев объяснялась в глазах русских большим количеством вина, выпивавшегося перед боем. Уже зимой 1914-1915 г. поступало много сведений о готовности австрийцев к сдаче в плен. Во время летних 1916 г.

⁴⁹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 42; *М.Н. Ляховъ*. Указ. соч. С. 30.

⁴⁹¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 94–94об. 128, 134, 193, 194об., 214об., 256, 258; Д. 2935. Л. 315об.

⁴⁹² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 93об.–94, 193, 194, 199об.–199а; Д. 2935. Л. 66.

таких случаев стало очень много, отмечался страх австрийцев перед штыковыми боями, отсутствие упорства и т.п.⁴⁹³ Как «любезный народ» представлялись австрийские солдаты в ходе братания весной 1916 г. Они постоянно готовы были сдаться, объясняя это нехваткой еды, малой мотивацией, стремлением к миру. Это вызывало со стороны русских выражение презрительной снисходительности. Австрийцам всегда противопоставлялись немцы, «лютые звери», которые не заслуживали пощады⁴⁹⁴. Такое отношение к австрийцам прекратилось, однако, с осени 1916 г., когда те усилили свои позиции и в целом стали проявлять упорство наподобие немцев⁴⁹⁵. И здесь сказывалось общее превосходство противника в организации и готовности вести длительное противостояние в ходе современной войны.

Неожиданным противником оказались для русских солдат венгры. Их мотивация состояла в территориальных притязаниях на обладание Трансильванией и части сербских земель и Румынии. Националистически настроенные венгры в бою оказывали сравнимое с немцами упорство. Так же они редко сдавались, и так же, как немцы, зло и надменно, вели себя в плену. Мадыяры проявляли жестокость к местному населению, заподозренному в сношениях с русскими войсками, часто применяли партизанскую тактику в тылу русских войск. Только зимой 1917 г. мадыяры стали проявлять демонстрировать настроения и больше сдаваться в плен⁴⁹⁶.

Еще более неожиданным соперником оказались родственные по славянской принадлежности болгары. Считалось, что они вообще не будут воевать против русских. На самом деле национализм, пропаганда превратили

⁴⁹³ РГВИА. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 24, 115; Д. 561. Л. 24, 123, 217; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 72, 199аоб.; Д. 2935. Л. 814об.; Д. 3856. Л. 257, 259об; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 34.

⁴⁹⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 17об.; Д. 2935. Л. 116; Д. 3856. Л. 292об.; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 34, 35.

⁴⁹⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 12; Д. 2937. Л. 200, 419.

⁴⁹⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 206, 264, 651; Д. 3863. Л. 291об.; Циркуляр генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта ген. М.К. Дитерихса штабам армий Юго-Западного фронта от 11 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2908. Ч. 1. Л. 301–302; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 12.

этого противника в одного из самых злобных врагов на фронте против русских войск. Усиливали упорство и храбрость болгар немецкая техника, в частности авиация⁴⁹⁷. Болгары в борьбе с русскими войсками проявляли жестокость, доходя до «зверств» над пленными, а также мирным населением⁴⁹⁸. Поведение болгар в бою, их злобность по отношению к русским солдатам породили ответную реакцию со стороны русских солдат, привели к невиданному на других фронтах ожесточению с обеих сторон. Это было редким случаем активной борьбы русских солдат с противником при фактическом отсутствии пропаганды, используя внутренние порывы отомстить «изменникам болгарам»⁴⁹⁹. Такой взрыв воинственности русских солдат, уставших от войны, можно объяснить слишком очевидной ясностью отрицательного образа врага, ощущением справедливости. Противоборство с болгарями имело своим следствием и возникновение представлений о фронтовой «измене» бывшего соратника по борьбе, появлении внутреннего врага в самой России, который подлежал уничтожению⁵⁰⁰.

Война нового типа показала пример трансформации образа врага. Так, в начале войны турки рассматривались как противник, полностью соответствовавший привычным, традиционалистским представлениям солдат русской армии о враге, как о «чужаке», «азиате», «басурмане». Поведение турок, их жестокости, подтверждали такую характеристику. А успехи русской армии на Кавказском фронте дополняли такие представления о противнике конкретными победами над ним. Однако в конце войны поведение этого традиционного соперника изменилось. С осени 1916 г. неожиданно турки стали проявлять упорство, не уклонялись от штыкового

⁴⁹⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 289об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 610, 635, 745, 881об.; Д. 2937. Л. 313; Д. 3863. Л. 59.

⁴⁹⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 28, 239, 280, 305, 317, 325, 323, 324, 365, 366, 497; Д. 3863. Л. 14, 59, 132, 133, 134, 139.

⁴⁹⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 361об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 3, 201, 232об., 201, 302; Д. 3863. Л. 14, 132.

⁵⁰⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 53об., 284, 305; 3856. Л. 2, 82.

боя, как австрийцы или германцы, что признавали русские солдаты в письмах⁵⁰¹.

Фактор чужой территории проявлялся кроме соприкосновения с армиями противником и в восприятии местности, ландшафта, климата театра военных действий. Трудности представляла территория Карпат с непривычным горным пейзажем, неустойчивым климатом, особенно в зимнее время года со снегом и ветром. В Карпатах обострялось чувство заброшенности, солдаты чаще мечтали об окончании войны⁵⁰².

Кроме «враждебной природы» и население оказалось враждебным к русской армии. Существовали различия в восприятии населения разных территорий западных окраин России. Отношение русской армии к населению Восточной Пруссии формировалось в зависимости от успеха или неуспеха военных действий с Германией. Первоначально армия пыталась показать образцы учтивости в отношениях с гражданским населением в условиях пропаганды противника, обвинявшего русских в «варварстве». К тому же и представления о немцах были в пользу Германии. Это объяснялось удивлением перед богатством, в котором жило обычное немецкое население⁵⁰³. Ситуация однако испортилась вследствие партизанских действия со стороны пруссаков, тем более, что солдаты в каждом мирном жителе видели шпиона. Последовавшие акции устрашения местного населения, попытки выселения внутрь России русскими переросли вскоре в грабежи, что подстегивалось развязанной внутри России антинемецкой пропагандой⁵⁰⁴.

Подобным образом развивались и отношения русской армии с местным населением в Австрии. И здесь солдаты были впечатлены богатством, в котором жило простое сельское население: «как помещики». Это стало причиной мародерства, куда большего масштаба, чем это было в Восточной

⁵⁰¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 535; Д. 2935. Л. 562об., 814об., 897; Д. 2937. Л. 32.

⁵⁰² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 16; Д. 3863. Л. 39, 93, 162об., 163об., 262.

⁵⁰³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6, 401; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 271, 506, 582об.

⁵⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 33, 105; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 308–309.

Пруссии. Жители австрийских территорий были более воинственной настроены, чувствуя близость своей армии. Население отказывалось предоставлять ночлег, продовольствие даже за деньги. Враждебность населения чувствовалась даже по взглядам местных жителей. Русская армия ощущала нехватку продовольствия в Австрии. В результате русские солдаты чувствовали себя отрезанными от родины, у них обострялась ностальгия. Возникали вопросы о смысле войны, необходимости биться «за чужие земли»⁵⁰⁵.

Недоброжелательным к русской армии являлось и венгерское население⁵⁰⁶. Впрочем, казалось, что все мирные жители смотрели на русских солдат «как на разбойников»⁵⁰⁷. Но тем более на «чужой территории» солдат русской армии возмущало поведение населения союзных с Россией стран и местностей: Галиции, Молдавии, Румынии. Солдаты, присланные с «германского фронта», тяжело воспринимали такое «многонародье» в захваченных территориях Австрии. Происходили постоянные конфликты солдат с населением на почве квартирования, запасаения продовольствием. В целом население оценивалось как «дикое», и относилось к русской армии не как к союзникам, а как к врагам. Правда, солдаты русской армии давали много поводов к указанному к себе отношению разбоем, хулиганством и мародерством. И все же поражало, что «русское» население в Галиции принимало русские войска хуже, чем нерусские галичане (поляки, евреи).

Практически такое же недоброжелательство ощущали русские солдаты в отношении с молдавским населением, широко представленным на Румынском и Юго-Западном фронтах. Враждебность проявляли не только простой люд, но и интеллигенция, выражавшая протест против присутствия русской армии, заявляя, что они «сами здесь управятся». Здесь также возникали конфликты на почве обеспечения армии квартирами,

⁵⁰⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1 Д. 2935. Л. 66, 330, 305, 378; Д. 2937. Л. 313; Д. 3863. Л. 354.

⁵⁰⁶ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 715–715об.

⁵⁰⁷ *Войтоловский Л.* Указ. соч. М., 1927. Т. 2. С. 249; РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 534; Д. 1671. Л. 474об., 514, 514об.; Д. 1672. Л. 700, 715–715об., 723; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 137.

продовольствием. В ответ армия упрекала молдаван в «непатриотизме», «лени», нежелании производить окопные работы даже за деньги. При этом солдаты невольно сравнивали местное население с собственным внутри России, где также «не имеют понятия о патриотизме». Но и украинское население враждебно относилось к русской армии, «обдирали» солдат при продаже им продуктов питания. Солдаты считали даже поляков более дружественными, чем украинцы⁵⁰⁸.

Самое отрицательное впечатление оказали на русских солдат население и армия Румынии, которых сначала считали за ближайших союзников, и на помощь которых надеялись после летних боев 1916 г.⁵⁰⁹ Однако румынская армия показала в ходе совместной борьбы свои слабые стороны: отказывалась согласовывать планы с русским командованием, неожиданно покидала позицию. Поражение же румынской армии произвело прямо гнетущее впечатление. Солдаты обвиняли румын чуть ли не в предательстве, их представляли плохими воинами, к ним стали относиться крайне презрительно, называли их «музыкантами», готовыми только «на скрипке играть», а не воевать. Опыт отношений с Румынией поставил под вопрос все контакты с союзниками, на помощь которых уже не могли положиться. Не ждали особенных успехов даже от вступления в войну США⁵¹⁰, о которых у русских солдат имелось весьма смутное представление. В этом случае новый союзник уже не воспринимался как «свой».

Помощь Румынии рассматривалась в русской армии как возможность доказать необходимость воевать за «друзья своя», за союзника, наконец, за православный народ. Однако на деле армия испытала большие разочарования от общения с самим румынским населением. В письмах солдат говорилось о Румынии как «подлой стране», и о народе как о «плохом, скупом и не

⁵⁰⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. Л. 33об.–34, 529об.; Д. 2937. Л. 318, 361, 407об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 474об., 514–514об.; Д. 1673. Л. 284об.

⁵⁰⁹ *Сенявская Е.С.* Румыния в мировых войнах XX века // *Обозреватель / – Observer.* 2010. № 2. (Т. 241) С. 116–118.

⁵¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 302, 562об., 635; Д. 2937. Л. 54, 227–227об.; Д. 3863. Л. 46, 62, 197об., 272.

воинственном», не любящем русских, нещадно обирающем их, встречающем не гостеприимно⁵¹¹. Вражда с населением приводила даже к ожиданию нападений с его стороны. По мнению солдат, среди православных румын там было больше германофилов, чем среди униатов в Галиции. «Жаль, что приходим сюда не врагами» – делали вывод солдаты⁵¹².

Порядки в Румынии давала повод русским солдатам сделать выводы об ее бытовом неустройстве, нехватке продовольствия, дороговизне. Особенно ухудшилась ситуация в конце 1916 года, когда напряженность боев была отягощена враждебностью населения⁵¹³.

Присутствие русских солдат в Румынии, опыт общения с местным населением приводил их к широким выводам о смысле войны и их месте в ней. Пространственное, ландшафтное осознание отрезанности комбатанта от остального мира в Румынии дополнилось географическим ощущением его оторванности от родины. Остро вставал вопрос о смысле войны за страну, беспорядочную и враждебную русскому солдату. Невольно приходили к сравнению Румынии и с самой Россией, за которую, столь же неорганизованную, русскому солдату приходилось вести бесконечную войну⁵¹⁴.

Но как чужую территорию солдаты иногда воспринимали и земли собственно России: Прибалтику и Финляндию. Здесь, как и в Австрии и Германии они встречали богатые хозяйства крестьян (в Финляндии) и обширные поместья немецких баронов (в Прибалтике), которые они должны были защищать. Такое неприятие «чужого» в социальном плане на своей территории привело к постоянным нападениям на собственников в ходе каждодневных актов мародерства, что перерастало в прямые бесчинства, а в

⁵¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 256; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 635; Д. 2937. Л. 107об., 227–227об., 313, 317, 385об.; Д. 3863. Л. 2об., 8, 133.

⁵¹² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 318, 361–362; Д. 3863. Л. 9, 56, 62, 257.

⁵¹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 239, 283, 326; Д. 3863. Л. 2об.–3, 9, 10, 55, 56, 62, 135.

⁵¹⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 318, 389; Д. 3863. Л. 19, 62, 293.

1917 году – в прямые столкновения с местным населением, что уже расценивалось как проявление революционной борьбы⁵¹⁵.

Трансформацию восприятия «чужой» территории как «своей» претерпел и опыт общения русских солдат во Франции. Первоначальные сообщения солдат в письмах о жизни в стране-союзнице, как «веселой» и «прекрасной»⁵¹⁶, сменились сообщениями о многочисленных конфликтах с местным населением, не терпевшим пьянства, воровства, необоснованных претензий на «права» в воинской иерархии. Для солдат опыт жизни во Франции привел к размышлению о ценности культуры, образования, напряженной работе, которые смогли бы обеспечить такой же уровень жизни, как у французов⁵¹⁷. Правда, русские солдаты, в сущности, мало участвовали в военных действиях. Ситуация стала меняться в 1917 году, когда солдаты стали проявлять недовольство и начальством, и условиями службы, доведя дело до бунтов.

В целом же пребывание на «чужой стороне» воспринималось солдатами русской армии крайне тягостно. Солдаты страстно хотели «вернуться по своим местам в знакомые страны». Враждебность противника, населения, самого ландшафта обостряло чувство отчужденности. Тяжело было не только защищать, но и жить, и умирать на чужой земле, в «неизвестной стране и в горькой солдатской военной жизни»⁵¹⁸.

Приведенный материал позволяет прийти к выводам о проблеме фронтовой повседневности на «чужой территории» театра военных действий. Русская армия в годы Первой мировой войны столкнулась не просто с «противником», а с более целым, что следует понимать под противником – чужой территорией, где господствовали, кроме географо-климатического

⁵¹⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 359, 363об., 586.

⁵¹⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 362–363, 466–471; Д. 3863. Л. 301, 308об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 62об., 92об., 99, 175.

⁵¹⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 22об., 63, 77, 77об., 92об., 176.

⁵¹⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 305; Д. 3863. Л. 12, 262; Д. 2937. Л. 304, 313; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 72об.; Федорченко С. Указ. соч. М., 1990. С. 76; то же. Киев, 1917. С. 96.

ландшафта определенные военно-хозяйственные, социальные, культурные и иные практики в пространстве фронтовой полосы. Их носителями являлись культурно-антропогенный ландшафт (позиция), вооруженные силы противника, а также и население. Такой подход отражает восприятие индустриальной войны, где наличествует единство фронта и тыла, включая ближний тыл. Пространство «противника», таким образом, расширяется до понятия «территории», военно-хозяйственного ландшафта, освоенного вооруженными силами и населением противника (или воспринимавшегося таковым). В этом случае образ врага, с которым столкнулась русская армия, составлял не только сумму образов конкретных врагов (немцы, австрийцы, мадьяры, болгары, турки), а обобщался в представление о «чужой территории», куда включались и вооруженные силы противника, и население, и самый ландшафт ареала военных действий.

Но в эту «чужую территорию» входила и территория союзников, а также и освобождаемая территория, где существовали значительные проявления враждебности со стороны населения, осуществлявших тоже свои военно-хозяйственные, социальные и культурные практики, часто враждебные по отношению к русской армии. Мало этого: даже свою внутреннюю территорию русский солдата все чаще, ближе к 1917 году, рассматривал как грозящую стать «чужой» ввиду опасности, исходящей от внутреннего врага, «внутренних немцев».

Вся совокупность и последовательность восприятия противника, населения, ландшафта на «чужой территории» сыграли важную роль в формировании образа внутреннего врага, наделенного многими характеристиками, почерпнутыми из общения с врагом внешним. В этом образе проявились черты сформировавшегося жестокого и коварного представителя современной войны (германцы, венгры), трансформировавшегося поведения «слабых» (австрийцы, турки) в упорных противников, «настоящего» врага-предателя (болгары), «жалкого» союзника (Румыния), не способного ни помочь на поле боя, ни оценить жертву

дружественного народа, ни побороть собственную расхлябанность и неорганизованность. Но и в самой России у населения на собственной или освобождаемой территории (Галиция, Украина, Молдавия, Прибалтика) ощущалась нехватка патриотизма и доверия к русской армии, засилье «внутреннего врага». Представления о «внутреннем враге», ставшем более важным, чем враг внешний, являлись следствием кризиса национальной идентичности. Сомнения в нужности защищать свою территорию были порождены не боязнью врага, не его превосходством, не усталостью, а отсутствием идентичности со «своей территорией», зоной военно-хозяйственных практик, вмещающей социально-политических, культурных ценностей, требующих защиты. Именно столкновение, взаимодействие с «чужой территорией» в ходе современной войны выявило отсутствие этой идентичности русского солдата, стало частью кризиса русской армии, сделало ее важнейшим субъектом революционных процессов в 1917 г.

§3. Тяготы повседневной службы в войне

Русские солдаты испытывали огромные тяготы в ходе фронтовой повседневности, сумма которых была чрезвычайно разнообразна. Среди них выделялись даже не собственные боевые тяготы, а трудности, сопровождавшие само нахождение в зоне боевого противостояния. Это ощущалось уже в самых первых рядах противоборства. Солдаты всегда опасались, что противник сможет забросать окопы гранатами, что сильно нервировало части. На Юго-Западном фронте, где правильная оборонительная линия стала возводиться только осенью 1916 г., солдаты часто жаловались на протекание, обвалы в окопах, нахождении в них воды, так как они были сделаны «из песка», а их укрепление не улучшало ситуации. Надо было постоянно укреплять участок, рыть лисьи норы, вести непрерывные саперные работы. Это создавало большое напряжение из-за отсутствия материала на месте, требовало транспортных усилий и т.п. В

плохих окопах тяжело ощущалась жара, холод и осадки. Нехватка дров не позволяла готовить и полноценную пищу. Солдаты страдали также и от нехватки питьевой воды, которая «доставалась ценою жизни»⁵¹⁹.

Многие позиции находились в виду неприятеля. К тому же часто просто отсутствовали убежища, даже землянки, что обуславливалось постоянными наступлениями и отступлениями. Впрочем, и существовавшие укрытия вызывали множество нареканий из-за опасений, что долговременные сооружения не смогут выдержать артиллерийский обстрел, что вело к неминуемым высоким потерям. Но и вне передовой, «на отдыхе», солдаты продолжали страдать от бытового неустройства, холодных и мокрых землянок, переполненности мест расположения, ощущения нечистоты и т.п.

520

В частях оборонительной полосы существовали большие проблемы с обеспечением теплом⁵²¹. Но особенной острой была проблема с водой в окопах вследствие дождей и мокрого снега. Солдаты были вынуждены выливать воду из окопов ведрами, так как насосов практически не было. Особенно страдали от сырости войска в Полесье с его болотистыми почвами⁵²². Вода, сырость в окопах, невозможность обсушиться, холод по ночам рассматривались как тяжелейший фактор войны наравне с постоянными обстрелами со стороны противника. При долгом сидении возникало убеждение, что не огонь противника, а именно сырость, наличие воды и грязи в окопах, при постоянном холоде, делали невыносимым нахождение на передовой. Солдаты даже были готовы на ранение, но только не находиться на позиции⁵²³.

⁵¹⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375; Д. 3863. Л. 4, 70.

⁵²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 135об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 89; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 292, 302об., 881об.; Д. 2937. Л. 73, 79, 126–126об., 243–244.; Д. 3863. Л. 48, 58, 263.

⁵²¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 36об.

⁵²² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47, 68об., 78, 100, 225; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 14об.; Д. 3863. Л. 17–18, 58.

⁵²³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125, 225; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 76; Д. 2935. Л. 338, 478, 504об., 682; Д. 2937. Л. 80, 257, 379; Д. 3856. Л. 22.

Сырость и холод в окопах были причиной существования постоянной грязи, что сказывалось на облике солдат, грязных, «как свиньи». Ощущение нечистоты усиливалось из-за отсутствия смены белья по неделе и больше. Кроме физических лишений, окопная жизнь рождала ощущение пребывания в глуши, в полном отрыве от родины, в заключении⁵²⁴.

Для смягчения ощущения тягот, вызывавшихся окопной жизнью, власти пытались организовать развлечения. В полках заказывали музыкальные инструменты, устраивали пляски, танцевальные вечера, рассказывали сказки и т.п. Особенно радостно встречали солдаты праздники, скрашивавшие фронтную повседневность. Приветствовали получение подарков от фабрик и заводов, школ, целых сел, различных обществ, частных лиц, в том числе «полковых дам», и т.п. Наиболее радостно проходили праздники Рождества и Пасхи. В это время устраивались игры ряженых, солдатские спектакли и национальные танцы. Впрочем, такие картины были довольно редкими, зависели от обстановки на фронте, совпадения праздников с такими же периодами у противника⁵²⁵.

Крайне негативное значение для физического и морального состояния солдат имел климат. Сказывалась непривычка к переменной погоде с дождями, морозом, снегом, оттепелью в отличие от длительной определенности погодных явлений, характерных для основной полосы России с ее континентальным климатом. Тяготило не просто наличие дождей, грязи, холода или отсутствие света, а не совпадение с сезонными климатическими явлениями ритма боевой работы⁵²⁶.

Именно погода являлась важнейшим индикатором перемены настроения. Как только погода портилась, ухудшалось настроение солдат,

⁵²⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 188, 307об. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 72; Д. 2935. Л. 8, 9, 682; Д. 2937. Л. 32об., 298, 292, 461; Д. 3799. Л. 130. Д. 3856. Л. 50об., 82, 257; Д. 3863. Л. 283об.

⁵²⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 9, 9об.; Д. 3863. Л. 17–18, 188об., 195, 196, 262, 287, 290, 325.

⁵²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 188; Д. 561. Л. 39, 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 420; Д. 3863. Л. 195.

падала дисциплина, на что прямо указывали цензоры. Погода занимала чуть ли не ведущее положение в комплексе негативных ощущений на войне. Даже свое настроение солдаты порою характеризовали в метеорологических терминах⁵²⁷.

Первая зимняя кампания 1914–15 гг. проходила во время маневренной войны и не сильно отразилась на настроении солдат, хотя и запомнилась климатическими трудностями. Но с осени 1915 г., в страхе перед трудностями новой зимней кампании началась серьезная перемена настроения. Погода крайне ухудшала состояние и без того слабой сети прифронтовых дорог, сказывалась на резком увеличении количества больных, приводила к нехватке или сбою поставок продовольствия для частей⁵²⁸. Еще большую роль погода сыграла в нарастании тревожных, негативных настроений после безуспешных боев лета 1916 г., когда солдаты с тревогой начали говорить о зимней кампании. Ухудшение погоды зимой 1916–17 гг. совпало с перебоями в поставках продовольствия, ожиданием мира⁵²⁹.

Среди важнейших тягот на войне были пешие переходы. Причина была в слабости дорожной системы, а часто и в отсутствии самого транспорта: вагонов, автомобилей, повозок. Солдаты во время пеших переходов вынуждены были преодолевать по 200–300 верст в несколько дней, после чего их ждала боевая позиция. Во время этих переходов солдаты теряли обувь из-за налипания грязи на сапоги; многие заболели и даже умирали. Переезды в поездах приносили также много страданий: из-за скученности приходилось ехать стоя, часто в холоде⁵³⁰. Тяжесть переходов усугублялась недостаточным питанием, нехваткой обуви, холодами, ночевкой – часто под

⁵²⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 2, 36об., 99об., 200, 419; Д. 3863. Л. 163об., 189об.

⁵²⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 449–450; Д. 2935. Л. 776об.; Д. 2937. Л. 115, 253, 369.

⁵²⁹ РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 275–276; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 188об.; Д. 2935. Л. 53, 583, 917; Д. 2937. Л. 216, 461об.; Д. 3863. Л. 195, 253.

⁵³⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 222; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 642; Д. 2937. Л. 157–158, 279, 282, 339, 366, 420; Д. 3856. Л. 17об., 23об.; Д. 3863. Л. 28, 134, 298, 372, 396; Д. 3867. Л. 23об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 414об., 531–531об.

открытым небом, в грязи. Переходы делали крайне неблагоприятным режим пребывания на фронте: то наступление, то отступление, затем затишье, сменяемое ожесточенными боями. Для солдат переходы составляли важную часть фронтовой повседневности и одновременно причину недовольства «скитальческой жизнью», а вследствие этого и самой войной⁵³¹.

Тяжелым фактором войны являлись многочисленные оборонительные работы. Большая часть работ на Северном и Западном фронте пришлось на зиму–весну 1916 г. в основном силами гражданского населения. На Юго-Западном фронте работы развернулись частично весной 1916 г.⁵³², но основная часть их пришлось на осень 1916 г. Главная тяжесть этих работ пала не на гражданское население, а на войска. Работы казались тем более непосильными, что проходили после тяжелых летних боев и во время интенсивной «малой войны», навязанной противником по всему фронту. Работали часто и днями и ночами, порою под обстрелом, с переходами по 10–15 верст до передовой и обратно⁵³³. В целом сочетание боевой и окопной работы с учениями, в условиях нехватки еды и снабжения резко увеличили усталость русской армии накануне Февральской революции.

Угнетали солдат и многочисленные занятия, казавшиеся совершенно бесполезными и тяжелыми для солдат-запасников, никогда ранее не проходивших воинскую службу. В ходе занятий возмущали строгость, «издевательство» и «мучения» со стороны начальства, повод чему давали низкий уровень запасников. В основе неприятия занятий был необычный ритм службы, столь отличавшийся от привычного хода сельскохозяйственных работ, а также дисциплинарные требования⁵³⁴.

⁵³¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 331; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 598об.; Д. 2937. Л. 68, 99об., 109, 217, 267, 271, 272, 279, 324, 420; Д. 3863. Л. 273об.

⁵³² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125, 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 22.

⁵³³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125, 171, 178об., 318; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 749, 910, 917; Д. 2937. Л. 9, 25об., 73, 312, 336; Д. 3856. Л. 22; Д. 3863. Л. 44, 103, 107; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 690об.; Д. 3856. Л. 264; Д. 3863. Л. 103, 321.

⁵³⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 136, 186, 187об., 189; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 200, 237, 369об., 749; Д. 2937. Л. 200; Д. 3856. Л. 288об.; Д. 3863. Л. 51, 188, 290, 415–415об.

Большое влияние на боеспособность и морально-психологическое состояние воинов русской армии оказывало положение с продовольственным обеспечением. Трудность в объективном анализе эффективности снабжения состоит в чрезвычайном разнообразии оценок, дававшихся солдатами в письмах на протяжении всей войны для частей, находившихся в одних и тех же крупных соединениях и практически в одинаковых условиях. С начала войны деятельность интендантства оценивалась положительно, что считалось следствием генеральной чистки этого ведомства после турецкой и японской «грабировки». Но уже тогда появились единичные свидетельства о плохом продовольственном снабжении в ряде частей. А с зимы 1916–17 гг. количество писем о плохом довольствии стало превышать 80% в некоторых частях, при наличии одновременно писем о хорошем довольствии⁵³⁵. Нарастание озабоченности солдат довольствием подтверждается ростом количества писем на эту тему в предфевральский период в 20 раз по сравнению с началом войны⁵³⁶.

В литературе существует большой разброс мнений и оценок о довольствии солдат в годы войны. Согласно одним исследователям, опиравшимся на официальные нормы снабжения армии⁵³⁷, солдаты получали достаточное количество продовольствия для ведения активной службы. Всего каждый солдат получал питание в 4400 ккал, что было несколько ниже, чем в английской армии, но выше, чем в американской и французской армиях⁵³⁸. Постоянное повышение солдатских норм довольствия отмечает и Н.Д. Кондратьев. В любом случае, даже в условиях продовольственного

⁵³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 40, 255; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 424об.; Д. 3863. Л. 3.

⁵³⁶ См. приложение 1.

⁵³⁷ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1916 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 27об.; *Бонч-Бруевич М.* Указ. соч. С. 162–175.

⁵³⁸ *Бонч-Бруевич М.* Интендантское довольствие действующих войск. СПб., 1913. С. 80–82; *Биншток В.И., Каминский Л.С.* Народное питание и народное здравие. М., Л. 1929. С. 37, 42–43; *Аранович А.В.* Система продовольственного довольствия войск накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых. 2005. № 1. Серия: Исторические науки. 2005. № 1. С. 18.

кризиса, интересы армии были на первом месте⁵³⁹. Согласно другим исследователям, существовавшие продовольственные нормы для солдат в годы войны понижались или не выполнялись, как в ходе боев, так и вследствие «дезорганизации снабжения и интендантского воровства»⁵⁴⁰.

Действительно, во время боев наблюдались сбои со снабжением. Однако это не приводило к уменьшению рациона. Даже для солдат, подозреваемых в бродяжничестве, выдавалось довольствие, равное с тем, которое выдавалось нижним чинам, различаясь лишь в даче мяса и сахара. Хотя и отмечались в цензурных отчетах случаи нехватки провианта, но они не носили тревожащего характера, не требовали кардинального преобразования в деле доставки продовольствия. По существу нормы выдачи мало изменились за годы войны вплоть до 1917 г., в то время как жалобы на нехватку еды были с начала военных действий. Ситуация в вопросе довольствия в армии была похожа с хлебным кризисом в стране, когда продовольствия в России в 1915–1916 гг. было достаточно, но при этом была масса жалоб на голод⁵⁴¹. Положение с довольствием в армии трудно объяснить и неспособностью аппарата снабжения обеспечить подвоз продуктов. К таким трудностям в будущей войне в армии усердно готовились, включая и возможные трудности доставки продуктов во время боев и т.п. Сбои в поставках были только по причине нехватки нужного числа подвижного состава или срыва заготовок продуктов Министерством земледелия. В целом интендантство справлялась с задачей довольствования русской армии⁵⁴².

⁵³⁹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 160, 291–292; Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 71–74; Аранович А.В. Указ. соч. 18, 20.

⁵⁴⁰ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 27; Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 56.

⁵⁴¹ Начальник штаба Северного фронта – дежурному генералу при ВГК 4 ноября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 290–291; Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 160; Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 56.

⁵⁴² Бонч-Бруевич М. Указ. соч. С. 80; Аранович А.В. Указ. соч. С. 25; Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2005. С. 345.

Цензурные отчеты по фронтам показывают ровную картину хорошего питания почти в течение всей войны. Немало сообщений о еде даже лучшей, чем была в деревне. Кроме того, солдаты сравнивали свое положение с ситуацией у противника, где остро не хватало даже хлеба, что приводило их к выводу о нормальности собственного питания, даже при отдельных его нехватках. Частично качество и обилие довольствия зависело от конкретного начальства части, осуществлявшего заготовки⁵⁴³. Но главная составляющая хорошего питания была в возможности достать продукты вне норм интендантства, что зависело от общей продовольственной ситуации в стране. С лета до зимы 1915-16 гг. армия получила множество продуктов в ходе широких реквизиций, вызванных необходимостью не дать возможности противнику получить продовольствие в ходе наступления⁵⁴⁴. В 1916 г. войсковые части частично пополнялись продуктами путем мелкого мародерства на месте стоянок в деревнях, помещичьих усадьбах. Кроме того, дополнительные продукты получались от населения в дни праздников⁵⁴⁵. Важны были и индивидуальные, как правило, денежные выплаты за награды некоторой категории отличившихся в боях солдат. Но главное военнослужащие, отдельные части могли покупать в свободной продаже продукты за наличные деньги. Вместе с интендантскими нормами довольствия вся эта система получения продуктов давали благоприятную картину продовольственного снабжения в армии, что и фиксировала цензура⁵⁴⁶. Но с обострением продовольственного кризиса в стране осенью 1916 г. эти добавки к довольствию прекратились. В результате власти перешли к особой продовольственной политике в стране, ставя на первое

⁵⁴³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 110, 125, 188, 230; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 31; Д. 3863. Л. 291об.

⁵⁴⁴ Астахов А.Б. Русская армия и реквизиции в 1915 году: борьба за ресурсы // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 47-55.

⁵⁴⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 500; 2937. Л. 120–121об.; Д. 3856. Л. 56об., 57об.; Д. 3863. Л. 265об., 266, 276об.–277, 294, 358.

⁵⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 219; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 464об., 466–468; Дневник Штукатурова... С. 139, 140, 142, 144, 146, 148, 149, 170, 181, 186, 188, 189.

место интересы армии, а в ней самой – обеспечение частей, принимавших непосредственное участие в боях.

Прежде всего, следует отметить, что только в армии было введено нормирование, аналог карточной системы, которой не было в стране в годы войны. Тем самым армии уже была лучше обеспечена, нежели гражданское население, особенно в городах. В деле продовольствия власти различили снабжение частей, выполнявших разные задачи. Прежде всего, лучше обеспечивали части, непосредственно стоявшие на позиции, в отличие от запасных частей во внутренних округах, частей на отдыхе и в резерве непосредственно на фронте⁵⁴⁷. Лучше снабжавшиеся солдаты делали продовольственные накопления и запасы, которые порою использовались для спекуляции, посылок домой и т.п.⁵⁴⁸ Особенно хорошее продовольственное снабжение было в специальных командах: электротехнических, авиаторов, пулеметных, телефонных, автомобильных⁵⁴⁹.

Динамика продовольственного дела показывает колебания в поступлении жалоб в связи с активностью военных действий и общим продовольственным положением в стране. Так в течение 1914–15 гг. было зарегистрировано всего несколько жалоб в отчетах, что практически равнялось количеству сообщений о хорошей пище. Но с осени 1915 г. количество жалоб возросла до 10–15 за каждый месяц. Во время Брусиловского прорыва количество жалоб резко стало меньше, до трех в месяц. Однако уже с конца июня 1916 г. количество таких жалоб стало

⁵⁴⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 341–344; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171–219об., 225, 246, 296, 308об., 348об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 108об., 237, 240, 241, 242, 269об., 288, 290об., 304, 362об., 372, 378, 409–409об.; Д. 2935. Л. 114, 237, 239, 261, 261об., 267, 344–345, 426, 428, 479об., 580, 630, 716, 917; Д. 2936. Л. 10–11об.; Д. 2937. Л. 118–118об., 429об.; Д. 3856. Л. 21об., 22, 30об., 56об., 76об., 288об.; Д. 3863. Л. 104, 111, 113, 154, 254, 282, 294, 294об., 306об., 366об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 18об., 76, 239, 241; Д. 2935. Л. 115, 363–363об.; Д. 3863. Л. 228, 342, 665об., 686; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 19.

⁵⁴⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 256; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 238, 267–268; Д. 2935. Л. 238, 346. 479об., 580, 584, 630; Д. 2937. Л. 118; Д. 3856. Л. 31об., 85об.; Д. 3863. Л. 113, 269, 273, 320.

⁵⁴⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 114об.; Д. 3863. Л. 113, 116, 380, 380об.

превышать количество сообщений о недостатке пище⁵⁵⁰, дойдя до полутора десятков в месяц на каждом из фронтов. Дальнейшая динамика жалоб на пищу показывает их неуклонный рост, вплоть до пика в январе 1917 г., дойдя до 53 сообщений только по Юго-Западному фронту⁵⁵¹. Большое недовольство вызывала также замена полноценных продуктов горохом, чечевицей и селедкой. Это воспринималось тяжело на фоне усиления холода, усиленных работ, большого количества занятий⁵⁵². А сознание, что тыл тоже голодает, объединяло солдат с населением России в протесте против войны⁵⁵³.

Другим негативным аспектом пребывания солдата на фронте был недостаток и плохое качество одежды. Как и в случае с продовольствием, интендантство уверяло, что заготовленного снаряжения вполне хватит на нужды армии⁵⁵⁴. Однако сведения о нехватке необходимого обмундирования и снаряжения появились уже с начала войны. С позиций поступали сообщения о нехватке теплой одежды или отсутствии, плохом качестве одежды⁵⁵⁵. Проблемы с вещевым обеспечением также объясняли скорым ожиданием окончания войны, неспособностью интендантства сделать необходимые поставки в армию в связи с маневренными действиями войск. Но с затяжкой войны проблемы с одеждой только обострились. Вопрос о снабжении корпусов теплыми шинелями был поднят даже в Особом

⁵⁵⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 30, 238, 240, 242, 282–282об., 290об.–291; Д. 3856. Л. 139, 148об., 253–254об., 270об.

⁵⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 1, 38, 47, 88, 198, 207, 290, 291; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29, 78, 89, 100, 138, 151; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 142; Д. 3856. Л. 22, 30об., 56об., 62об., 64, 67, 76об., 84–84об., 121–121об.

⁵⁵² РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 93об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 273об., 285, 297, 307, 312–312об., 373об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 103, 107, 109, 119.

⁵⁵³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299, 308об., 318, 326; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 814, 901. 917; Д. 2937. Л. 42, 45, 64об., 69об., 72об.–73, 115, 118–118об., 126, 204, 216об., 217, 335, 336, 339, 340, 341, 343, 415, 419, 420, 420об., 423, 466–469об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 337, 348об.–349, 354, 367, 412.

⁵⁵⁴ Аранович А.В. Система вещевого довольствия русской армии накануне и в Первой мировой войне // Доклады академии военных наук СГУ. 2006. № 5. С. 90.

⁵⁵⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15 Д. 544. Л. 1, 19, 38, 198; Д. 561. Л. 39, 227–227об., 290.

совещании по обороне⁵⁵⁶. Проблемы с одеждой касались нехватки сменной одежды, исподнего белья, что объяснялось плохой организацией стирки белья и одежды⁵⁵⁷. С осени 1915 г. проблема вещевого довольствия в войсках обострилась. Согласно данным полной ревизии всех частей Северного фронта жалобы на недостатки в одежде и обуви заняли второе место после жалоб на нехватку или качество продовольствия. Солдаты жаловались на нехватку зимней одежды при поступлении в караулы, что в некоторых полках «все босые и голые». Объяснялись такие жалобы, скорее всего, случаями выдачи лучшей одежды и обуви для смотровых частей за счет других частей, вынужденных сидеть по землянкам раздетыми⁵⁵⁸.

Подсчеты данных об обеспечении одеждой войск не дают ясной картины. За декабрь 1915 по январь 1917 отмечено фактически равное количество упоминаний как плохого, так и хорошего снабжения одеждой в частях⁵⁵⁹. Однако по данным сплошного осмотра с Западного фронта на январь 1916 г. нехватка одежды отмечалась почти в каждом письме на родину. В целом, хотя одежды не хватало в определенные периоды войны, солдаты не считали эту недостачу определяющей, доминирующей в числе тягот войны⁵⁶⁰.

Куда чаще солдаты жаловались на нехватку сапог, их плохое качество. Особенно часто такие жалобы были зимой, причем они фигурировали в отчетах сразу по целым армиям. В письмах с Юго-Западного фронта сообщалось, что «много в роте есть босых», или что сапоги выдают только на

⁵⁵⁶ М.В. Родзянко – М.В. Алексееву от 18 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 51об.

⁵⁵⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296., 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 293об., 759, 887; Д. 2937. Л. 420об.; Д. 3856. Л. 82.

⁵⁵⁸ Начальник штаба Западного фронта – командармам 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 10-й армий. Ноябрь 1915 г. // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29.

⁵⁵⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 296, 307об., 318, 331; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 166, 282об.; Д. 2935. Л. 114об.; Д. 2937. Л. 204об., 424об.; Д. 3863. Л. 116, 142об., 154, 269, 273об., 337, 373об.

⁵⁶⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 39–39об., 68об., 296, 307об., 318, 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 166, 239–240; Д. 2935. Л. 592об., 669, 757, 759, 887; Д. 2937. Л. 347, 420об., 424об., 429, 460об.; Д. 3856. Л. 82; Д. 3863. Л. 154.

позицию. На занятиях замечали целые «босые команды» и т.д.⁵⁶¹ Особенно страдали солдаты от нехватки обуви летом и осенью 1916 г. на Юго-Западном фронте, где постоянно велись бои с непрерывными пешими переходами. Отмечалась даже нехватка портянок. Дело мало исправили поступавшие в армию башмаки и обмотки. К тому же их поступление запаздывало, а солдатам приходилось приобретать обувь на собственные деньги. Сообщения о нехватке обуви особенно участились с ухудшением погоды и усилением окопных работ⁵⁶². Солдаты относили недопоставки обуви на «воровство» интендантов, но таких сведений в архивных источниках автором данной работы не обнаружено⁵⁶³.

Много беспокойства солдатам приносили непрерывные спутники войны вши. Причиной этого являлась недостаточная организация смены белья, его дезинфекции, стирки, помывки солдат и вообще условия жизни в оборонительной полосе. О том, что «вши заедают», сообщалось с самого начала войны. Особенно эта проблема обострилась во время позиционной войны. Солдаты часто вынуждены были сами стирать, так как не хватало денег на стирку. С осени отсутствие бань, сырость и грязь в землянках привели к засилью насекомых. Наличие вшей у солдат являлось и причиной редких контактов офицеров с рядовым составом, что усиливало кризис армейской иерархии. В целом наличие вшей являлось тягостным и унижительным фактором в ряду других трудностей на передовой в виде тоски, скуки, холода вплоть до начала 1917 г.⁵⁶⁴

⁵⁶¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 89, 78, 110, 125, 151, 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 71, 239, 240; Д. 2935. Л. 237, 260.

⁵⁶² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 289об., 296; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 690об., 759, 810об., 850; Д. 2937. Л. 109, 200, 337, 347, 355, 408об., 420; Д. 3863. Л. 119, 237, 373об.

⁵⁶³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. 52об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 38. Л. 216.

⁵⁶⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 38, 251, 561; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287, 306, 307об., 332; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 293об., 390, 478, 801об., 864; Д. 3856. Л. 21об., 50об.; Д. 2937. Л. 152, 202, 267, 419, 420об.; Д. 3863. Л. 41.

Большой проблемой на передовой являлось отсутствие света в убежищах, землянках, порою даже в помещениях для офицеров⁵⁶⁵. Это было вызвано дороговизной, а порой и отсутствием керосина и свечей. Отсутствие света приводило к прекращению занятий, делало невозможным чтение газет, писем, что ограничивало возможности общения солдата с далекой родиной, усиливало власть слухов, индуцирование любых аномалий, вообще оказывало крайне тягостное воздействие на психологическое самочувствие солдат. Особенно отсутствие света сказывалось негативно на Северном фронте с его ранними осенними закатами. И наоборот, наличие света в окопах и блиндажах противника являлось одной из причин тяги русских солдат к сдаче в плен⁵⁶⁶.

Недовольство у солдат во время войны вызывали многочисленные злоупотребления на почте. Согласно письмам, озабоченность этим вопросом возросла за время войны почти в 9 раз по сравнению с ее началом. Уже в конце 1915 г. письма шли на фронт до трех недель или вообще не приходили. Причиной этому была работа цензура, долго проверявшая письма, возможно и намеренно, чтобы сделать часто содержавшиеся в письмах военные тайны неактуальными для вражеских дознавателей. По той же причине, а также в связи с помещением в письмах крайне негативных сведений, цензура просто уничтожала солдатскую корреспонденцию. Особенное недовольство вызывало требование властей отправлять письма с маркой, что солдаты считали дополнительным налогом. Косвенно жалобы на медленную доставку корреспонденции вызывались вообще строгостями цензуры в 1916 г.⁵⁶⁷

⁵⁶⁵ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 19.

⁵⁶⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 7, 8, 99об., 415об., 424; Д. 3863. Л. 104.

⁵⁶⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 111, 135об., 151об., 186об., 189об., 289об., 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 136; Д. 2935. Л. 249; Д. 2937. Л. 384; Д. 3863. Л. 197об., 205об. Подробно о военной почте, работе военной цензуры над солдатскими письмами см.: *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Письма с войны 1914–1917. М.: Новый хронограф, 2015. С. 48–95; *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Военная цензура и настроения солдат русской армии накануне Февральской революции // *Русский сборник: Исследования по истории России.* № XVIII. М., 2015. С. 423–442; *Асташов А.Б.* Русский фронт 1914–1917 гг.: военные письма // *Исторический вестник.* История – свидетельница времен. М., 2014. Т. 9 (156). С. 148–167.

Еще больше возмущение солдат вызывали задержки или пропажи или повреждение посылок. Вместо высланных из дома белья и съестных припасов солдаты получали хлам. Денежные вложения из писем с родины и обратно часто изымались. Многие посылки приходили с опозданием в 4–6 месяцев, а высланные в них продукты портились⁵⁶⁸. В целом жалобы на доставку писем и посылок отражали недовольство солдат цензурой, непорядками внутри страны, а также и лишение их возможности нормально питаться и одеваться с помощью родных посредством посылок⁵⁶⁹.

Но и вне позиции, резервных стоянок, находясь на лечении, солдаты испытывали немалые страдания. Следует, однако, отделить трудности организации санитарной службы в начале военных действий от негативного восприятия мест лечения в целом в годы войны. В начале войны существовали большие проблемы в транспортировке раненых. Иногда госпитали находились под обстрелом в 1–2 версте от боя, вместо положенных 6 верст. В этой обстановке лазареты теряли свои обозы, попадали в плен, оказывались без необходимых лекарств и инструментов, а раненые своим ходом добирались до мест лечения или лежали днями без ухода на вокзалах, часто без перевязки⁵⁷⁰.

Но и после нормализации системы организации лечения раненых и больных отзывы о нахождении в госпиталях оставались разноречивы. Так в многочисленных положительных отзывах сказывалось отсутствие занятий, регулярная, иногда хорошая пища, спокойный сон, порядок, мягкие постели и т.п. Сообщали о заботливом отношении медперсонала, особенно сестер милосердия, которые обучали солдат грамоте, водили в театр. Нравилось, что вообще «следили за здоровьем», относились к болезни «серьезно». Особенно

⁵⁶⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29, 78, 87об., 209, 219об., 222; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 249; Д. 2937. Л. 384–384об.; Д. 3863. Л. 238, 274об.

⁵⁶⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29, 68об., 78, 87об., 111, 135об., 186об., 209, 219об., 222, 289об., 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 136; Д. 2935. Л. 249; Д. 2937. Л. 384–384об.; Д. 3863. Л. 197об., 205об., 238, 274об.

⁵⁷⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 31, 62, 63; Д. 561. Л. 6.

хвалили солдаты уход в частных, а также в госпиталях, принадлежащих общественным организациям, Земского и Городского союзов⁵⁷¹.

Однако есть немало свидетельств о плохом отношении к госпиталям, вообще системе помощи раненым. Жалобы поступали уже на санитаров на поле боя, которые якобы не знали своих обязанностей. Солдаты заявляли о невнимании врачей, скученности больных и раненых в палатах, плохом питании, грязи. Служители госпиталей объясняли эти жалобы преувеличенной раздражительностью самих пациентов вследствие усталости и боевых ощущений от ран и эвакуации. Правда, иногда недостатки госпиталей Военного ведомства подтверждались внутренними расследованиями. Но начальство объясняло их переполненностью госпиталей, малым окладом медперсоналу и т.п. Нехватка же пищи воспринималась остро при невозможности покупкой ее на стороне из-за постоянно увеличивавшейся дороговизны⁵⁷².

Чаще всего солдаты жаловались на медперсонал, воспринимавшийся в качестве «начальства» и настаивавший на соблюдении дисциплины, от которой, как полагали пациенты, они должны быть избавлены, будучи вне позиции. Медицинских работников обвиняли в пьянстве, невнимательности, грубости, в применении в качестве «лекарственных средств» плетей и палочных ударов. Но эти жалобы, скорее всего, исходили от пациентов, стремившихся продлить свое пребывание в госпитале как можно больше, чтобы вновь избежать передовой и были направлены против требований военных врачей, действительно применявших особые методы для выявления случаев членовредительства и симуляции. Но с осени 1916 г. стали поступать много сообщений о плохой пище и в госпиталях общественных организаций. Жалобы были на большую смертность, плохую одежду и обувь, наличие вшей, отсутствие книг, дров и т.п. Возмущали действия фельдшеров, которые

⁵⁷¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 353, 409, 409об.; Д. 3863. Л. 156, 197об., 205, 226об., 238, 273об., 342.

⁵⁷² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 20; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 144, 147, 150–153, 154–155, 161, 163–163об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 144об., 342.

за взятки давали отпуска⁵⁷³. В этом случае возросшее количество жалоб на пребывание в госпиталях свидетельствовало о подавляющем нежелании вообще оставаться на фронте, на позиции или в лазарете.

В госпиталях было много проблем и с дисциплиной. Пациенты отказывалась слушаться врачей, формально подчинявшихся военному начальству, часто тем же прапорщикам, по мнению солдат, уклонявшимся от военной службы. Солдаты нередко нарушали больничные правила, играли в карты, уходили в самоволку, продавали больничное белье, обувь (сапоги). В ответ начальство выдавало им лапти и плохую больничную одежду, применяло наказания вплоть до арестов. Но в этом случае на сторону солдат становился медицинский, как правило, интеллигентный, персонал, часто вообще пацифистски или даже оппозиционно к властям настроенный, видевший в солдатах жертв несправедливой войны, что приводило их к конфликту со строевым военным начальством⁵⁷⁴.

Осенью – зимой 1916–1917 гг. неблагоприятные отзывы о госпиталях значительно увеличились. Больные и раненые солдаты уже мало отличали свое положение от нахождения на позиции. Для них госпитали представляли такую же дисциплинарную структуру⁵⁷⁵, что и сама армия, или даже тотального института, осуществлявшего предписания, медицинский контроль любых физиологических отправок⁵⁷⁶. Для солдат такие регулирующие мероприятия представлялись тягостными, поскольку свое пребывание в госпитале они рассматривали как заслуженный отдых от страданий на передовой линии. Госпитальная же дисциплина приносила дополнительные мучения на фоне нарастания минорных чувств угнетенности, размышлений о цене своей жизни, соотношении целей войны с

⁵⁷³ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 399об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 2; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 189об., 220, 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 588; Д. 2937. Л. 65, 409об.–410; Д. 3863. Л. 156об., 238, 244, 255, 295, 350.

⁵⁷⁴ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 163–163об., 174, 395, 401, 411–412об., 414–429, 450об.

⁵⁷⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 37, 238, 255, 313об.

⁵⁷⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 202, 205.

потерями для себя лично и неясными перспективами своего будущего. Эти мрачные настроения усиливались горестными переживаниями других больных. Отсюда эффект недовольства общим госпитальным режимом именно в условиях отсутствия реальных опасностей, но при рефлексии о своем утраченном здоровье и дальнейшей судьбе.

Но даже и прекращение боли и страданий, сама смерть, казалось, не выпускали солдат из круга несчастий, порожденных войной. Возмущало обирание трупов санитарями, долгое оставление тел на поле боя. Для солдат была неприемлема форма, в которой отдавались почести умершему человеку. Возмущали и похороны в общих могилах по 500 человек, или в госпиталях без присутствия священников непосредственно у могилы, или без отпевания, в гробах плохого качества, перевозка которых происходила на ломовых извозчиках безо всякого соблюдения приличий и т.д.⁵⁷⁷ Не случайным представляется попытка восстановить хотя бы символически справедливость последних почестей над погибшими при похоронах жертв восстания Петроградского гарнизона в марте 1917 г.⁵⁷⁸

Реалии современной войны противоречили в целом ментальным установкам солдат-крестьян, входили в длинный ряд тягот на войне. Полезность ратного труда в виде возможности поживиться вещами или противника, или граждан постоянно утрачивалась из-за господства позиционности военных действий, нараставшего уровня контроля начальства над любыми проявлениями повседневной службы. С другой стороны, обладание имуществом или продуктами, доставшимся от противника в ходе кровавых боев, теряло смысл и ценность из-за восприятия вещей в абсурдной, психологически невыносимой ситуации боя в окружении частей

⁵⁷⁷ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 70–72об., 75–76об., 473–474об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 400об., 518; Д. 2935. Л. 204, 456, 563; Д. 2937. Л. 92; Д. 3856. Л. 256об.; Д. 3863. Л. 158.

⁵⁷⁸ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России. 2012. С. 19, 36–52; *Чертилина М.А.* Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в фотодокументах РГАКФД // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 45–52.

тел, крови и т.п.⁵⁷⁹ Так же, без пользы и «толку» солдаты воспринимали бесконечные земляные окопные работы. Но и саму войну солдаты называли бесцельной, бестолковой, бесполезной, лишенной всякого «интереса», заключающейся в бессмысленном избиении, не дающей никакого «фактического результата». Мрачным представлялось и будущее выжившим⁵⁸⁰.

Война приносила и нравственные страдания, увеличивая бесправие человека. Система бесконечных переходов и занятий, все более строгая дисциплина, ухудшение пищи и вещевого довольствия представлялись как полное лишение «справедливости», «свободы», места для личного пространства. Осуждалась и сама военная служба, «мир военных», с его подавлением обычных человеческих чувств, обидами и унижением. Возмущало отношение начальства к защитникам родины, жизнь «в берлоге», вся война, делавшая из «защитника родины» «собаку». Казалась непереносимой сама дисциплина строя в военных условиях, работа на войне за «пресловутое фальшивое спасибо»⁵⁸¹.

Непереносимость «ужасов войны» основной массой солдат ставила вопрос о ее длительности⁵⁸². В начале войны надеялись на ее быстрое окончание. Но уже осенью 1914 г. трудности военных действий, упорство противника, слабые пополнения привели к выводу, что война приняла затяжной характер⁵⁸³. Новые ожидания скорого конца войны были связаны с призывом осенью 1915 г. запасников, ранее службы не проходивших и считавших свое нахождение временным. Однако уже с весны 1916 г. стали широко распространяться настроения усталости, вызванные разлукой с

⁵⁷⁹ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 46об.; Д. 2935. Л. 374; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 375.

⁵⁸⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 25об., 115, 419, 419об.; Д. 3863. Л. 30, 70, 85, 190; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 46об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 902.

⁵⁸¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 188, 652–653, 727, 749, 810–810об., 917об.; Д. 2937. Л. 80, 200, 298, 308; Д. 3856. Л. 56; Д. 3863. Л. 38, 356об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 259–259об.

⁵⁸² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 218; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 102; Д. 1673. Л. 848об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 74.

⁵⁸³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 83, 292; Д. 561. Л. 6.

родными, беспокойством за свое хозяйство. Усилились ощущения затянутости войны во время Брусиловского прорыва, особенно у тех солдат, кто находился на службе уже два года. Все чаще в письмах встречались жалобы на «надоевшую службу», «кровопролитную войну». Вместе с тем появились прямые вопросы, «почему не кончают воевать», опасения, что придется и далее терпеть и страдать. С конца лета появились высказывания о невозможности терпеть «тревоги жизни», которым нет конца⁵⁸⁴. Осенью среди солдат-запасников, считавших срок своего пребывания истекшим, распространились пожелания о необходимости окончания войны, об усталости, о нехватке терпения. Еще более отчаянными были переживания солдат, находившихся на фронте третий год⁵⁸⁵. Острое ощущение затянувшейся войны, страстное ожидание конца «ада», создало ощущение времени как застывшего, неподвижность которого нельзя было преодолеть терпением⁵⁸⁶.

В представлениях солдат тяготы пребывания на войне характеризовались понятием трудной, невыносимой службы. Цензоры этому не верили, полагая, что солдаты в своих сетованиях пытаются разжалобить своих родных, чтобы те им выслали деньги, съестное. Но динамика писем, нарастание жалоб и малая польза от родных в преодолении невзгод службы не может поставить под сомнение общий смысл просьб солдат. Ход поступления жалоб повторяет нарастание угнетенных настроений, хотя несколько и отстает от них. Так, большая группа писем о лишениях, трудностях службы вообще, а не о конкретных, частных ее проявлениях, появилась только весной 1916 г. В трудностях службы солдаты подчеркивали одновременно и ее условия, и опасность на передовой позиции, и дисциплинарную ответственность за нарушения порядка службы. Главное в

⁵⁸⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 420; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 189об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133, 188об., 257, 375, 482; Д. 2935. Л. 303об., 374, 375; Д. 3856. Л. 63.

⁵⁸⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 598; Д. 2937. Л. 126, 135. 390; Д. 3863. Л. 190, 307. 355об., 363об.

⁵⁸⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 616об., 739, 841, 902, 918; Д. 2937. Л. 79об., 420об.; Д. 3863. Л. 4, 91; Д. 3863. Л. 346об., 75, 82, 85, 208, 224, 321, 355об

жалобах – объем работы, на передовой или в тылу. В целом характеризовали службу как «трудовая солдатская жизнь» и призывали родных всеми силами ее избежать⁵⁸⁷. Зимой 1916–1917 гг. на фронте господствовало общее мнение о службе как о «великом горе», мучениях, которых солдаты стремились избежать любой ценой – даже ценой смерти⁵⁸⁸.

Тяготы войны обостряли вопрос о ее смысле и цели. Так, солдаты-украинцы удивлялись войне в Галиции, где враги, военнопленные и население говорили на одном языке. Солдаты считали, что война выгодна только удачливым, кто сумеет нажиться добром, устроить личную жизнь на фронте, и к тому же получить награду. Другие солдаты были в недоумении, «за что льется кровь рекой», были готовы даже пострадать, но с условием, что им расскажут, «за какую свободу подготавливают к гибели». Одно из распространенных предположений смысла войны заключалось в желании правительства «перебить больше народу», «подавить чувство самосознания» и т.п. Другим казалось логичным, что в такой войне «бог карает», но при этом было неясно, «за какой грех мучают?». Тема смысла войны проникла даже в солдатский песенный фольклор. Но чаще всего объяснения заканчивались претензиями к неясным силам, которые войну «затеяли», «всех сгубили» и т.п.⁵⁸⁹

Тягость страданий на войне вызывалась и отчуждением от самой военной обстановки, враждебность к которой ощущал солдат-крестьянин. Отчуждение является привычным ощущением человека индустриального

⁵⁸⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 43об.–44, 189; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 282об.; Д. 2935. Л. 652, 695; Д. 3856. Л. 76, 149.

⁵⁸⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об., 307об., 312; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 726об., 727, 801об., 887, 917; Д. 2937. Л. 420; Д. 3863. Л. 73, 189об., 224, 344; Стенографический отчет 1-го съезда Юго-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3799. Л. 130.

⁵⁸⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 38; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 254; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 55, 340; Д. 2932. Л. 18; Д. 2935. Л. 592, 599, 609, 614, 677, 749, 902, 918; Д. 2937. Л. 27об.–28, 38, 87, 115, 246, 267, 271, 292, 419, 419об., 431–432об., 462об.–463; Д. 3863. Л. 6, 73, 59–50, 153, 304об.–305, 355об.; Д. 4100. Л. 322; Революционное движение в армии... С. 293; Царская армия... С. 28. Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 80.

общества⁵⁹⁰. Тем резче воспринималось отчуждение от целей, условий, характера, ритма современной войны солдатом-крестьянином. Солдат на такой войне категорически отвергал абстрактный труд, службу и саму жизнь не для себя, погружение «во все казенное», когда «понятие утеряно» и нельзя было «себя найти»⁵⁹¹.

Индустриальная война оказывала воздействие на саму душу, которая «обмокла кровью», «оторвала от людей», в том числе от семьи, превратила человека с ружьем в «разбойника»⁵⁹². Солдаты ощущали себя оторванными ото всех, «что в гробу». Себя характеризовали как похожих «на чорта», свою жизнь «собачьей» и т.п.⁵⁹³

Демонстрацией отвращения от целей войны было нарастание так называемых безразличных писем. Такое безразличие, по мнению цензоров, было даже более серьезным показателем упадка духа, чем «угнетенное настроение». Бывшие ранее споры между сторонниками мира и готовыми воевать до конца, представлялись как показатель заинтересованности солдат в делах войны. Однако с весны 1916 г. цензора отмечали, что солдаты свыклись со своим положением, в их письмах появилось полное отчаяние достичь победы, мира, вернуться домой. С осени 1916 г. чувства безразличия к войне стали широко распространяться в письмах, главной темой которых были «домашние дела». Солдатам теперь было все равно: наступать или ждать дальше на позиции, пока всех не «потравят газами». Поставленная в тупик цензура выходила из положения тем, что объявляла все безразличные письма «бодрыми», поскольку в них была надежда остаться живым и

⁵⁹⁰ Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии» // Вопросы философии, 1967. № 7. С. 114–124.

⁵⁹¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 327; РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Д. 12. Л. 2, 3, 6; Федорченко С.З. Указ. соч. Киев, 1917. С. 96, 127, 132; В нашу гавань заходили корабли. Вып. 2. М., Стрекоза, 2000. С. 17; Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 73, 81; Войтоволский Л. Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 11, 133; Л., 1927. Т. 2. С. 70; Царская армия... С. 32.

⁵⁹² Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 75; Революционное движение в армии... С. 296.

⁵⁹³ Революционное движение в армии... С. 294.; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 263об.; Д. 3856. Л. 288об.; Д. 2935. Л. 188, 917; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 218; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 115, 389об.; Д. 3863. Л. 85.

заняться своим хозяйством. В отчетах так и писали: «Настроение хорошее, спокойное, очень безразличное». К февралю 1917 г. такие настроения охватили все фронты, жизнь на передовой казалась бесцельной, ждали любого конца, но в основном – мира⁵⁹⁴.

Небольшое место в письмах, обычно 2–4% занимали письма с «угнетенным» настроением. В них был представлен широкий аспект военных тягот, тревоживших солдат. Это были жалобы на недостатки в пищевом и вещевом довольствии, на грубость офицеров, утомительную и бесполезную работу по рытью окопов, невозможность одолеть «коварного немца»⁵⁹⁵. Часто причину негативных настроений цензора видели в неблагоприятных семейных и домашних обстоятельствах, что остро переживалось в дни праздников. Количество негативных настроений особенно увеличивалось в зимнее время, когда замирали слухи о мире, угасали надежды на скорое окончание войны, возрастала тревога за семьи, хозяйство, в целом увеличивалась усталость от войны⁵⁹⁶.

Количество негативных писем постоянно усиливалось, нарастая к концу 1916 – началу 1917 г. Но появились такие письма еще в конце 1915 г. В них были жалобы на жизнь в плену, а также сведения о расположении частей. Весной 1916 г. цензура фиксировала нарастание разговоров о мире, усталости. При этом различались письма о мире любой ценой, характерные для тыла, и письма с ожиданием мира, но только после победы, что было характерно для войск на позиции. С июля 1916 г. отмечался «естественный упадок сил», который цензура объясняла тяжелыми летними боями. Осенью цензура продолжала осторожно указывать на усталость войск. А с конца сентября цензура с тревогой отмечала в настроении духа войск «какой-то весьма сложный психологический процесс», «не то сдвиг, не то перелом» в сторону «недовольства войной», причем с «всевозрастающей прогрессией».

⁵⁹⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 323, 904. Л. 262, 299, 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 29; Д. 2937. Л. 99; Д. 3863. Л. 263.

⁵⁹⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 47об., 186; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 303об., 801, 917; Д. 2937. Л. 9об.; Д. 2935. Л. 918; Д. 2937. Л. 25об. 215.

⁵⁹⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 43об.–44, 74, 308об.

Причину «сдвига» цензоры видели в прекращении успехов на фронте, а с другой стороны в «расстройстве жизни в тылу», т.е. дороговизне⁵⁹⁷.

С поздней осени цензура стала все больше констатировать широкое развитие угнетенных настроений, согласно которым «война страшно надоела, утомила, а конца войне не видно». В некоторых почтовых конторах (Казатинской) процент таких писем доходил до четверти общего числа. Но все негативные настроения отмечались в тыловых учреждениях: лазаретах, транспортах, обозах, в то время как на позиции такие настроения были редкими. Цензура продолжала настаивать, что только меньшинство армии находится под воздействием угнетенных настроений, одновременно сообщая, что «целые воинские части отказываются идти в наступление и согласны только “фронт держать”». Усталость солдат, желание мира подчеркивалось в отчетах многих почтовых контор. Особенно много писем с «пониженным настроением» было в октябре 1916 г. По данным, например, Одесского военного округа, они составляли до 50%. Об усталости, редкости «патриотических писем» сообщалось в цензурных отчетах ряда армий⁵⁹⁸.

И все же до конца 1916 г. в характеристике настроения армии были серьезные разногласия. В одних случаях, настроение подавалось как бодрое, «не оставляющее желать ничего лучшего», а в других случаях, наоборот, отмечался полный упадок духа, желание заключить мир любой ценой. Но при этом общая оценка была довольно мягкой, с констатацией духа армии «не на должной высоте», с «пониженным настроением»⁵⁹⁹. Главными причинами упадка духа, согласно отчетам по армиям за октябрь 1916 – январь 1917 г., солдаты называли продолжительность войны (55–70% писем), лишения (около трети писем), «службу» (10–25% писем). И лишь на последнем месте недовольство войной объясняли плохой пищей (2–3%

⁵⁹⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 50об.; Д. 2935. Л. 177об., 178об., 477, 674, 726, 767об., 886–886об., 917, 731; Д. 2937. Л. 25, 113–114.

⁵⁹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 2об., 254об., 428; Д. 2935. Л. 2, 259об., 767об., 710, 776, 731, 766об., 860–860об., 917; Д. 2937. Л. 97, 375, 122, 2, 195, 158, 213, 214, 215, 195об.

⁵⁹⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 386, 398, 412, 412об., 417; Д. 3863. Л. 2, 242.

писем), жалобами на начальство и боевыми неудачами (около 1% писем). То есть, в сущности, солдаты могли бы и дальше бороться, терпеть лишения, но при этом крайне тягостно переносились сама война и служба⁶⁰⁰. К 1917 г. таким настроениям были подвержены не отдельные чины армии, как это раньше указывалось в цензуре, а целые части, корпуса, армии. Но и в этом случае цензура не спешила констатировать какого-либо развала в армии, настаивая в целом на «бодром» настроении, хотя и подчеркивая тенденцию к его ухудшению. Даже в 1917 голу цензура все еще не могла определить грань, когда количество негативных писем перешло в качество, свидетельствующее о прямом развале армии⁶⁰¹.

§4. Солдатские массы и офицерский состав: кризис армейской иерархии

Современная война в значительной степени нарушала сложившиеся еще в традиционных войнах систему отношений между офицерами и солдатами, основанную на постоянстве, несменяемости состава, строгой иерархии, беспрекословном послушании солдат и заботе офицеров об их материальном достатке⁶⁰². Причиной этого были перемены в составе офицеров. Уже на июль 1915 г. из насчитывавшихся на начало войны 73 тыс. офицеров-кадровиков выбыло 57%⁶⁰³. Для восполнения потерь за годы войны было произведено 220 тыс. офицеров, свыше 60% из которых составляли прапорщики. К концу войны всего, без учета потерь, в офицерском корпусе

⁶⁰⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 212об.; Д. 3863. Л. 201об., 279об., 333, 417об.

⁶⁰¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 189об.

⁶⁰² *Bushnell Y.* Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society // *Journal of social history*. Summer. 1980. V. 13. № 4. P. 569–572.

⁶⁰³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 58; Справка о некомплекте офицеров в действующей армии на 1 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 110–113; *Волков С.В.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // *Военно-историческая антропология*. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 173–174.

служили 236–242 тыс. чел. А вместе с врачами и военными чиновниками в армии было 380 тыс. чел. начальствующего состава⁶⁰⁴.

Начиная с зимы 1915–1916 г. подавляющее большинство офицеров в полках составляли прапорщики, при наличии 5–7 кадровых офицеров на полк. Среди командования возникли опасения, насколько прапорщики, как офицеры военного времени, окажутся на высоте своего назначения при наступательных действиях⁶⁰⁵, сумеют заставить сражаться и жертвовать собой личный состав, значительно ухудшившийся также к этому времени. Впоследствии присутствие прапорщиков в командовании частями стало возрастать, они стали занимать ряды среднего офицерства, т.е. командовали даже батальонами; в некоторых частях нехватка кадровых офицеров привела к отмене судов чести⁶⁰⁶.

Потери и новые вливания в армию кардинально изменили структуру самого офицерства и характер его отношений с солдатским составом. За годы войны офицерский корпус сменился на 7/8, в пехотных частях – в пятикратном размере, в кавалерии и артиллерии – от 15% до 40%. Большой вред принесла и частая смена полковых командиров, незнакомых со строем, чуждых полку и часто смотревших на вверенную им часть лишь как на средство сделать карьеру и получить прибыльную статутную награду. Во многих частях младшие офицеры даже не знали своих подчиненных, что сказывалось во время атак, особенно в темное время суток.

Потери и пополнения в офицерской корпорации серьезно изменили ее характер, как потомственной военной профессиональной группы. По социальному происхождению офицеры военного времени резко отличались

⁶⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 58; Волков С.В. Указ. соч. С 173–174; Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1915 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1101. Л. 10.

⁶⁰⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 28; Рапорт командарма 12-й армии ген. В.Н. Клембовского Главкому армий Северного фронта ген. Н.В. Рузскому о приведении армии в полную боевую готовность от 16 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 146а; Брусилов А.А. Указ. соч. С. 130.

⁶⁰⁶ Дежурный генерал Ставки ген. П.К. Кондзеровский – начальнику штаба Юго-Западного фронта ген. В.Н. Клембовскому от 10 февраля 1916г. // РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1035. Л. 200а; Волков С.В. Указ соч. С. 172–173.

от кадровых офицеров, выходцев, как правило, из дворянского сословия. Правда, и до войны происходил процесс размывания дворянского состава офицерского корпуса. Так, на 1912 г. дворяне среди офицеров пехоты составляли 53,6%, а во время войны не больше 10%, при этом свыше 60% выпускников пехотных училищ 1916–17 гг. были из крестьян, в то время как в самой армии их было 70–80% от офицерского состава⁶⁰⁷.

Более важными, однако, представляются не социальные, а социокультурные характеристики новых офицеров, в частности, довоенные занятия. Согласно свидетельствам современников, в офицеры попадали не просто представители низших слоев общества, «мужиков», но из их самой активной части: приказчиков, портных, сапожников, поваров, извозчиков, швейцаров. Были среди прапорщиков и разночинцы: агрономы, следователи, сельские учителя, мелкие служащие железных дорог. Как правило, эти люди получили начальное профессиональное образование, закончили бухгалтерские, кондукторские и т.п. курсы⁶⁰⁸. Но подавляющая часть новых офицеров были из народа, неожиданное и быстрое превращение которых в командиров отразилось в фольклоре военного времени: «Который был дворник Володя, а сейчас Ваше благородие»⁶⁰⁹.

Сословная принадлежность кадровых офицеров и офицеров военного времени обусловила их взаимоотношения, полные претензий, непонимания и упреков. Это «неудовольствие» проявлялось в «пренебрежительном отношении» к прапорщикам со стороны кадровых офицеров, которые легче и быстрее получали награды, выдвижения по службе, в отличие от офицеров нового времени. Командование также благоволило к кадровым офицерам, держа прапорщиков «в черном теле». Даже в ходе самой службе кадровые

⁶⁰⁷ Волков С.В. Указ. соч. С. 174; Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 217.

⁶⁰⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 217об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 811об.; Д. 2937. Л. 409; Д. 3863. Л. 244–244об.; Войтоловский Л. Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 70–71; Черепанов А.И. Указ. соч. С. 7.

⁶⁰⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 266об.; Степун Ф. Указ. соч. С. 303; Симаков В.И. Частушки // РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 21. Л. 78, 79об.; Д. 22. Л. 31.

офицеры имели возможность избегать трудных поручений, получали привилегии, мало занимаясь с личным составом⁶¹⁰.

Офицеры военного времени давали повод составить о себе плохое мнение. Это объяснялось невысоким образовательным цензом, необходимым для получения звания прапорщика – не менее 5-го класса гимназии. Но свидетельство о получении такого ценза многие будущие прапорщики просто покупали за деньги, иногда в отдаленных округах⁶¹¹. Поступив в школу прапорщиков, будущие новые офицеры часто обращали внимание на поверхностное образование, проявляли внимание только к мелочам военной жизни, а действительные знания не ценили, что сказывалось на низком уровне их по выходе в армию⁶¹². В армии видели низкий уровень прапорщиков и пытались их доучивать на фронте. Но существовали и мнения, что было бы куда эффективнее произвести в прапорщики всех старослужащих унтер-офицеров и взводных⁶¹³.

Необразованность прапорщиков была одной из проблем плохого к ним отношения со стороны кадровых офицеров, часто поднимавших на смех безграмотную речь, грубые манеры и поведение «офицеров нового времени». Резкое неприятие кадровыми офицерами вызывал моральный, нравственный облик прапорщиков. Их называли «малоинтересными и малоинтеллигентными», невоспитанными, хамоватыми, обвиняли в отсутствии «рыцарства», «цинизме». Часты были среди прапорщиков случаи пьянства, разврата, буйства, «безобразий» на людях, в общественных местах. Они не стеснялись проигрывать большие суммы и потом брать деньги в долг у извозчиков, лавочников, швейцаров, нижних чинов, включая под залог

⁶¹⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 42, 579; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 364; Д. 3845. Л. 237об., 240; Д. 3863. Л. 155об.–156; *Черепанов А.И.* Указ. соч. С. 5.

⁶¹¹ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1915 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1101. Л. 10; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 354; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 29об., 170об.

⁶¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 163; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 78об.–79; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 281. Л. 2, 45–48.

⁶¹³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 11; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 125; Д. 2935. Л. 162; Д. 3845. Л. 339об.

оружия. Для упрощения разбирательства по подобным случаям в январе 1917 г. дежурный генерал штаба Главковерха разрешил начальникам частей на время войны разжаловать прапорщиков в рядовые без предания их суду⁶¹⁴.

Особенно важно было отношение «зеленого прапорщичества» с солдатами, которые не доверяли молодым офицерам, обвиняли их в «незнании службы». С другой стороны, полковое командование полагало, что новые офицеры не способны как следует обучать новый контингент, выйти из тяжелого положения в бою с наименьшими потерями, привести в повиновение дрогнувшую часть⁶¹⁵. При этом прапорщикам не отказывали в патриотизме, «умении умереть», но ставили в упрек непрофессионализм, непонимание основных положений военного законодательства, вообще узкий кругозор, неумение применить даже полученные знания к практике⁶¹⁶. Оценка общественно-политической позиции офицерства нового времени в историографии противоречива. Согласно Волкову, офицеры военного времени не обладали «офицерской идеологией и понятиями», были не просто случайными, но совершенно чуждыми и даже враждебными бывшему офицерскому корпусу, вообще российской государственности. Однако, согласно Головину, именно интеллигенты из прапорщиков, пришедшие на фронт, были наиболее патриотичны⁶¹⁷.

Как в характеристике русского солдата нельзя объяснить неудачный военный опыт его «отсталостью», так не следует видеть основную причину

⁶¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4744. Л. 1–2, 6, 12–17об. 35–36об., 39–39об., 40–42; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–62; Ф. 1932. Оп. 4. Д. 103. Л. 38, 52; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 54об., 699об.; Д. 2937. Л. 400, 409. 410; Д. 3845. Л. 237об., 240; Д. 3863. Л. 358об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1040. Л. 182–183.

⁶¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 133; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 146а; Д. 369. Л. 78об.–79; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 11об., 110, 134об., 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 125; Д. 2935. Л. 54об., 60, 162, 175об.–176; Д. 2937. Л. 29; Д. 3845. Л. 295об.; Д. 3863. Л. 294об.–295; Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 22.

⁶¹⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 78об.–79, 81–81об; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 125; Д. 2935. Л. 175об.–176; Д. 2937. Л. 29.

⁶¹⁷ Волков С.В. Указ. соч. С. 174–176; Кочаков Б.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 205. Вып. 24. С. 80; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов: 1917–1920 гг. М., 1988. С. 27; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Кн. 1. Париж, 1937. С. 86.

кризиса армейской иерархии в отрицательных качествах офицеров военного времени. В ходе их обучения отмечалась большая восприимчивость и чуткость к сведениям общеобразовательного характера и технике. С напряженным вниманием эти люди слушали изложение даже сухих предметов, но доступно и талантливо излагаемых. По существу, прапорщики военного времени представляли выдвинутых из народа, для которых армия представлялась «социальным лифтом». Однако такой эксперимент во время мировой войны оказался неподготовленным и в целом неудачным. Опыт привлечения «из низов» их активной части к новым социальным практикам повторился в Красной армии только в 20-х гг. и был в целом успешен⁶¹⁸.

Социокультурные различия в полковом офицерстве дополнялись и расколом во всей офицерской корпорации, чтобы было, правда, традиционным состоянием русской армии. Существовало неравенство, взаимное пренебрежение, даже вражда между армейскими и гвардейскими, столичными и провинциальными офицерами, полевой и крепостной артиллерией и т.п. А во время войны возникла вражда между офицерами разных родов войск на почве элитности, привилегий, жалования, количества рабочего времени, даже успеха у женщин (летчики, артиллеристы, связисты). Взаимная неприязнь доходила до вооруженных стычек⁶¹⁹. В частях замечали, что утрата полкового братства начиналась с офицеров, отсутствие необходимой «спайки». Появились даже проблемы в общении начальства с офицерами в ходе военных действий⁶²⁰. В Ставке обращали внимание, что старшие начальники избегают общения с младшими офицерами, ограничиваясь приказаниями по телефону, вообще находятся далеко позади войск, редко видят своих начальников выше командиров полка. Это вело к

⁶¹⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 81–81об.; Рожков А.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 23–26, 37, 188–189; *его же*. «Казарма хуже тюрьмы»: Жизненный мир красноармейца 1920-х годов // Военно-историческая антропология: Актуальные проблемы изучения: Ежегодник 2005/2006. М., 2007. С. 257–284.

⁶¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 14–15; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 136об., 201об.; Ф. 2067. Оп. 1. 3845. Л. 372об.; Д. 3863. Л. 335.

⁶²⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 78об.–79; Д. 1184. Л. 42; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 27об. 451; Д. 3845. Л. 300об.

утрате влияния начальства на подчиненных, уменьшению духовной связи, угасанию веры в общее дело⁶²¹.

Существовали и проблемы в проведении досуга. Офицеры жаловались на однообразие жизни, скуку, недостаток книг для чтения. Вместо серьезной литературы читали эротические романы Вербицкой, Куприна и т.п.⁶²² Отмечали отсутствие в частях доброжелательства, а вместо этого приводили примеры «произвола, неорганизованности, грубости удивительной». В результате многие офицеры старались остаться в «тылах», на лечении, вообще «устроиться потеплее»⁶²³.

Были большие проблемы у офицеров и в материальном обеспечении, что не возмещалось их жалованием. Уже с начала зимы 1915–1916 г. были зафиксированы сетования младших офицеров на нехватку содержания в связи с дороговизной. Это приводило к обвинениям администрации в соучастии с мародерами, лихоимстве, упрекам в попустительстве и бессилии власти, критике военного начальства⁶²⁴. Офицеры военного времени имели стеснения и в продвижении по военной службе⁶²⁵. Материальные условия младших офицеров объединяли их с солдатами в проявлении недовольства порядками в армии и политикой в стране. В результате офицеры ощущали «нравственную усталость», отсутствие бодрости и подъема духа, желание отдохнуть, уехать в командировку и т.п.⁶²⁶

⁶²¹ Циркуляр начальника штаба Ставки ВГК ген. М.В. Алексева от 15 октября 1915 г. // Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 252–252об.

⁶²² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 123об., 201об., 205–205об., 206об., 261об., 352; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 43об.–44.

⁶²³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 25–27; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 142; Д. 2935. Л. 265об.; Д. 2937. Л. 92об., 111; Д. 3845. Л. 335об.; Д. 3863. Л. 124–125, 733об.–734.

⁶²⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 111–111об., 301об., 356, 440, 527, 552об., 554об.–555, 574об., 584; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 272, 769об.–770.

⁶²⁵ Дежурный генерал Ставки ген. П.К. Кондзеровский – начальнику штаба Юго-Западного фронта ген. В.Н. Клембовскому от 10 февраля 1916 г. // РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1035. Л. 200а; Отчет ген. К.А. Кондратовича об осмотре передовых позиций // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 33об.

⁶²⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 328; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 303об., 305.

Особенно напряженными были отношения офицеров с солдатской массой. Солдаты сразу отличали «настоящих» офицеров, «покинувших позиции», от офицеров нового времени, с которыми им суждено было воевать. Их молодость и неопытность рассматривалась как основная причина, почему приходилось «погибать напрасно». К осени 1916 г. недоверие к прапорщикам все более усиливалось среди солдат, отдававших предпочтение старым, кадровым офицерам. Доходило до того, что в атаку посылали людей без офицеров только с унтер-офицерами, что создавало почву для отказов идти в наступление⁶²⁷.

Важнейшей проблемой, тягостно отзывавшейся на отношениях солдат с офицерами, были побои командиров. Почти все факты о таких отношениях приводились из сборников подобранных писем солдат о том, что «впереди немцы, а сзади бьют», о «палочной дисциплине, мордобитии, порке, об издевательствах офицеров над солдатами. Конкретные факты избиений и издевательства заменялись общими выводами, якобы исходивших от солдат и приводимых в основном в воспоминаниях Л. Войтоловского, литературных «свидетельствах» С. Федорченко⁶²⁸.

В то же время в архивных документах о повседневной жизни русской армии достаточно материала об этой стороне социальной истории на Русском фронте. Частично они подтверждают выводы того же Л. Войтоловского, объясняющего применение насилия в армии в качестве средства социального контроля и заменявшего собственно дисциплинарные методы: «Надо бить! Только страхом все держится»⁶²⁹. Уже в начале войны некоторые офицеры считали необходимым «бить морды ежедневно», чтобы заставить солдат уважать себя, поддерживать ротное хозяйство, бороться с «жуликами». Одновременно для поддержания боевой дисциплины начали широко

⁶²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97об., 102об., 150, 226; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9об.–10, 323, 331об., 354; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 285об.; Д. 2935. Л. 692об., 695; Д. 2937. Л. 267, 409; Д. 3863. Л. 244, 336об.–337, 534об.

⁶²⁸ Царская армия... С. 51, 57, 267; *Войтоловский Л.* Указ соч. 1928. Т. 1. С. 131, 334; то же. Л. 1925. С. 347–348, 362–363; *Федорченко С.* Указ. соч. 1990. С. 44–45, 54, 65.

⁶²⁹ *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л. 1925. С. 362–363.

применяться (в сущности – незаконно) телесные наказания: 50 плетей за потерю пулеметов. По мере развертывания военных действий на широком фронте от Восточной Пруссии до Галиции офицеры, чтобы подчинить себе солдатскую массу, для недопущения массовых случаев паники, все чаще относились к ней как «к стаду животных» и применяли репрессии вплоть до побоев и пыток⁶³⁰.

Главной причиной широкой практики применения рукоприкладства и телесных наказаний была, по мнению офицеров, «некультурность», «неразвитость», «непонятливость» солдат. Имела место и неэффективность существовавших наказаний, поскольку все солдаты предпочитали гауптвахту боевой позиции⁶³¹. По мнению солдата Штукатурова, битье солдат имело целью утратить солдат, чтобы поднять их боеспособность⁶³². Широко применялось насилие, запугивание при атаке на противника. В русской армии именно палки офицеров заменяли заградительные отряды⁶³³. В целом рукоприкладство вместе с ставшей в 1915 г. законной практикой телесных наказаний являлись важным инструментом в руках военных властей для поддержания дисциплины, соответствующей методам организации армии в современной войне. В глазах же солдат, сопротивлявшихся наступлению самой этой дисциплины, эти методы исходили исключительно от злой воли начальства. Сообщений на эту тему в письмах было множество⁶³⁴. «Порют за всякий пустяк» (на самом деле за то, что съел неприкосновенный запас)⁶³⁵, «бьют и на работе убивают», – писали солдаты-гвардейцы⁶³⁶. Били, не разбирая образования или социального статуса. Били только по подозрению в умышленном саморанении. «Бьют и плакать не дают», – жаловались

⁶³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 16–16об.; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 68, 209об.; Д. 561. Л. 113.

⁶³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 119, 190об.; Дневник Штукатурова... С. 147.

⁶³² Дневник Штукатурова... С. 155.

⁶³³ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 547. Л. 5, 128–130, 154а.

⁶³⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 27; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 299.

⁶³⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 20об., 218.

⁶³⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 190.

солдаты. Особенно много сообщений об избиениях стали приходиться с осени 1916 г., правда, в основном из тыловых или запасных частей⁶³⁷.

С зимы 1916 – 1917 г. для солдат избиения, телесные наказания, вообще «мучения» со стороны офицеров составляли неотъемлемую часть ужасов войны наряду с холодом и голодом⁶³⁸. В некоторых случаях это были настоящие избиения, а не простое рукоприкладство. Их были замечены не только младшие командиры, но и начальство ротного и батальонного уровня. Били и чтобы «поднять боевую дееспособность русского солдата», чтобы быстрее выполняли приказы (это относилось к малоразвитым солдатам), и просто, чтобы утратить солдат. Возмущало битье со стороны «с иголки одетых» офицеров «чем попало», «по-свински»⁶³⁹.

Особенно возмущались избиениями со стороны молодых офицеров прапорщиков, что воспринималось солдатами как их стремление походить на кадровых офицеров. Л. Войтоловский оставил немало заметок с высказываниями солдат о прапорщиках, рукоприкладстве офицеров, особенно прапорщиков и т.п.⁶⁴⁰ Эти свидетельства подтверждаются письмами солдат, сообщавших, что «прапорщики и фельдфебеля очень прытко бьют солдат за каждое малое дело»⁶⁴¹, «прапорщики бывшие студенты ведут себя хуже действительных офицеров»⁶⁴². Особенно было обидным, когда избивали солдат прапорщики, произведенные из нижних чинов. В результате свидетели констатировали «дикую ненависть прапорщиков к солдатам»⁶⁴³. В этом отношении к избиениям со стороны прапорщиков надо, однако, видеть и некоторую снисходительность по

⁶³⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 175об., 315об., 721об., 727; Д. 2937. Л. 27об., 111, 149; *Черепанов А. И.* Указ. соч. С. 9

⁶³⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 254об., 307, 350.

⁶³⁹ *Дневник Штукатурова...* С. 147, 155, 170, 162; РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 796об. –797.

⁶⁴⁰ *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1925. С. 70-71; Указ. соч. М., 1928. Т. 1. С. 132.

⁶⁴¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 117.

⁶⁴² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 353об., 387.

⁶⁴³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 21; Д. 1184. Л. 620; *Войтоловский Л.* Указ. соч. 1928. Т. 1. С. 213.

отношению к кадровым офицерам, которые «имели право» на рукоприкладство в старой системе отношений солдат и офицеров.

Нельзя сказать, что в армии приветствовали такие явления. Первоначально они вызывали протесты на самом высоком уровне. Так, в циркуляре начальника штаба ВГК в июле 1915 г. осуждалось «учащение случаи побоев нижних чинов и телесных наказаний, приобретающих характер явления постоянного», что угрожало деморализации войск. Верховный Главнокомандующий в.к. Николай Николаевич полагал, что телесные наказания допустимы исключительно в отношении «особо порочных нижних чинов» и в исключительных случаях, не терпящих отлагательства. Необоснованные порки, избиения солдат со стороны начальствующих лиц предлагалось даже пресекать, предавая эти случаи «законной ответственности»⁶⁴⁴. Однако практика рукоприкладства офицеров в отношении солдат продолжалась, что вызвало, в частности, другой секретный циркуляр Главнокомандующего армиями Юго-Западным фронтом Брусилова о недопущении «случаев кулачной расправы офицеров с нижними чинами». Брусилов полагал, что такие меры ведут лишь к ослаблению дисциплины, в то время как существует достаточно законных мер для ее поддержания, в том числе и телесными наказаниями⁶⁴⁵.

Кризис армейской иерархии сказался и отношениях между солдатами и офицерами в целом. Правда, масса напряженных моментов между солдатами и офицерами возникла с начала войны. Об этом писали сами офицеры в письмах, в которых высмеивали газетные очерки о наилучших отношениях солдат и офицеров, что офицеры спят в палатках вместе с солдатами и чуть ли не едят из одного котелка и одной ложкой. В письмах содержатся взаимные обвинения офицеров и солдат в трусости во время атак. Попытки офицеров заставить солдат идти в бой под угрозой расстрела, побоями

⁶⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 203–204.

⁶⁴⁵ Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта – Главному начальнику снабжений Юго-Западного фронта от 12 ноября 1916 г., №14401. (секретно). // РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 602–602об.

приводили нередко к случаям прикалывания штыком командиров во время атак. Особенно резко ухудшались отношения вне позиции, когда миновала общая опасность, нивелировавшая разногласия, спланивавшая начальство и солдат. Здесь офицеры относились к солдатам «как к стаду животных», применяя «репрессии до мордобития включительно»⁶⁴⁶. Недовольство офицерами выливалось в уверенность, что все начальство немцы, предатели и т.п.⁶⁴⁷, что, по мнению солдат, подтверждалось сдачей позиций и крепостей летом 1915 г.⁶⁴⁸ С зимы 1916 г. появляются сообщения, что «начальство нехорошее просто так мучат как иудей Христа так они нас мучат»⁶⁴⁹. С осени 1916 г. жалобы на начальство усилились, появляются и угрозы расстрелять офицеров. Но основная часть недовольства солдат выпадает на осень 1916 г. и связана с самыми разнообразными претензиями солдат к офицерам. Среди них много сообщений о грубости, злости офицеров, в том числе как педантов, «тяжелых психопатов» и т.п.⁶⁵⁰ При этом начальство обвиняли вообще во всех бедах: в недостойном званья офицеров поведении, в желании избежать участия в наступлении, в недостаточной пище и т.п.⁶⁵¹ С октября появились сообщения о резкой критике начальства, попыткам оказывать давление на офицеров перед началом наступления⁶⁵².

Далее осенью 1916 г. антиофицерские настроения в армии нарастали⁶⁵³. Солдаты с явным оживлением, если не с одобрением, встречали сведения о расстреле казаками офицеров во время беспорядков во внутренней России и т.п.⁶⁵⁴ Появились даже редкие сообщения о злости на «высших начальников»,

⁶⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. 68, 618, 618об.; Д. 505. Л. 360; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 2–3об.

⁶⁴⁷ *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1928. Т. 1. С. 20; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–9об.

⁶⁴⁸ *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 35, 100, 112, 242, 283; Т. 1. Л., 1928. С. 58.

⁶⁴⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 19об.

⁶⁵⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 695, 720об.–722, 749; Д. 3863. Л. 341об., 349об.

⁶⁵¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 55.

⁶⁵² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 104; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 218.

⁶⁵³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 5; Д. 2935. Л. 810–810об.

⁶⁵⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 92об., 268.

особенно в сравнении их с начальством немецким⁶⁵⁵. В целом на предфевральские месяцы можно отнести множество весьма резких высказываний солдат в отношении офицеров⁶⁵⁶, что свидетельствовало о глубочайшем кризисе армейской иерархии накануне революции 1917 г.

§ 5. Психопатология войны на Русском фронте

Фронтная повседневность определяла не только изменение настроений солдат, но и их формы, вплоть до психопатологических проявлений. В западной литературе эти настроения изучаются как пограничное, пороговое состояние личности в ходе тотальной войны⁶⁵⁷. В отечественной литературе тема психопатологии на войне рассматривается только в рамках военной психиатрии, ограничиваясь лишь вопросом психогенных реакций комбатанта⁶⁵⁸. При этом историки проявления общественной патологии избегают специальных медицинских терминов, а в медицинской литературе описание девиаций периода войны и революций лишены исторической составляющей⁶⁵⁹. В данной главе исследуется влияние военного опыта на

⁶⁵⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 90.

⁶⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Д. 12. Л. 3, 6; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1925. С. 334–335; То же. 1927. Т. 2. С. 64, 85, 251; То же. 1928. Т. 1. С. 334–335; *Федорченко С.* Указ. соч. М., 1990. С. 46, 49, 50, 53–54, 160.

⁶⁵⁷ *Leed E.J.* *Fateful Memories: Industrialized War and Traumatic Neuroses* // *Journal of Contemporary History*, Vol. 35, No. 1, Special Issue: Shell-Shock. Jan. 2000. P. 85–100.

⁶⁵⁸ *Военная психиатрия.* СПб., 2001. С. 193–215; *Кутаев-Смык Л.А.* Указ. соч.; *Сенявская Е.С.* *Психология войны XX века: исторический опыт России.* М., 1999.

⁶⁵⁹ *Прозоров Л.* Душевные заболевания и империалистическая война // *Известия Народного Комиссариата Здравоохранения.* 1925. № 1. С. 19–25; *Иванов Ф.И.* Реактивные психозы в военное время. Л., 1970; *Фриндлендер К.* Несколько аспектов Shellshock,а в России // *Россия и первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума).* СПб., 1999. С. 315–325; *Sirotkina I.* *The Politics of Etiology: Shell Shock in the Russian Army, 1914–1918* // *Madness and the Mad in Russian Culture.* Angela Brintlinger and Илья Vinitsky, eds. Toronto: University of Toronto Press, 2007. P. 117–129; *Плампер Я.* Указ. Соч.; *Сенявская Е.С.* *Психология войны в XX веке. Исторический опыт России.* М., 1999. С. 54–58; *Поршнева О.В.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 183–185; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 118, 121, 122; *Аксенов В.Б.* «Революционный психоз»: Массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917

психологическое состояние комбатанта в свете социальной психопатологии и с использованием методов междисциплинарного подхода⁶⁶⁰.

Увеличение количества душевных болезней было зарегистрировано уже в войнах, которая вела Россия в последней трети XIX и начала XX века⁶⁶¹. В начале же Первой мировой войны в России ожидалось уменьшение количества душевнобольных как результат антиалкогольных мероприятий правительства – на уровне 0,15% всего состава армии. Однако на самом деле их количество значительно превысило ожидаемые цифры, уже к лету достигнув 0,5% состава армии и приняв летом 1916 г. форму «массовых психических заболеваний» в районе боевых действий⁶⁶².

Чаще всего в специальной литературе освещалась тема травмоневроза или психоневроза, вызванного «снарядным шоком». Этим видом психического расстройства были поражены 31–45% всех душевнобольных⁶⁶³. В отечественной психиатрии господствовала механогенная точка зрения на причину травмопсихоневроза, по сравнению с западной психиатрией, где

г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 465–474.

⁶⁶⁰ *Боброва Е.Ю.* Основы исторической психологии. СПб., 1997. С. 66–86; *Поршнева О.С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2005; «Стены и мосты». Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 19–21, 24.

⁶⁶¹ *Преображенский С.А.* Материалы к вопросу о душевных заболеваниях воинов и лиц, причастных к военным действиям в современной войне. Пг., 1917. С. 5–8; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 20, 39.

⁶⁶² *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 33, 591–592об.; Д. 561. Л. 119, 120; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 867. Л. 3об.–4, 19–19об., 32–33, 111–118об.; Д. 908. Л. 56–57; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375, 293об., 917; Д. 3863. Л. 81; *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 65; *Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж.* Клиническая психиатрия. В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 379; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 32; *Вашиетко Н.П.* О влиянии современных условий жизни на заболевания нервной системы // Киевский медицинский сборник, выходящий при научном обществе врачей Юго-Западной железной дороги. 1925. № 2. С. 145–149; Указанные данные противоречат утверждению Б.Н. Миронова об уменьшении количества психически больных в период войны. См.: *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2014. С. 207–208.

⁶⁶³ *Фридендер К.* Указ. соч. С. 315–325; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 7–8; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 27, 32, 35–37; *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 149, 150.

господствовала психогенная точка зрения⁶⁶⁴. Объяснялось это тем, что в России из-за слабого физического состояния призывного контингента применялся высокий порог душевных заболеваний с пограничными состояниями, что позволяло не учитывать в статистике большое количество «здоровых» воинов с психопатологическими отклонениями⁶⁶⁵. В результате жертвы психических травм продолжали оставаться в армии в качестве здоровых, в отличие от пострадавших от психогений в армиях западных стран⁶⁶⁶. Таким образом, на Русском фронте существовали регистрируемые больные вследствие «шелшока», и солдаты, испытывавшие психические отклонения, но остававшиеся в строю.

Первый вид психической болезни определяется в современной науке как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), или боевой стресс, являющийся реакцией организма человека на воздействие ряда факторов вооруженной борьбы с противником и сопровождающих его социально-бытовых условий⁶⁶⁷. Среди этих факторов были уже проанализированные особенности восприятия технических условий ведения боевых действий, особенно от артиллерии, пулеметов, самолетов, газов. Действовали такие

⁶⁶⁴ *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 35–37; *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; *Гаккебуш В.М.* Что же вызывает воздушная контузия – нейроз или органическое поражение нервной системы? // Современная психиатрия. 1915. № 9–10. С. 389–405.

⁶⁶⁵ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002. С. 837; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 27–29; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 6; Например, врач С.А. Чугунов не углядывал психических изменений («психика не затронута») у солдат, пораженных газовой атакой. См.: *Чугунов С.А.* К вопросу о расстройствах со стороны психики и нервной системы после отравления ядовитыми газами, применяемыми германцами // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 239; *Добротворский Н.М.* Душевные заболевания в связи с войной (по литературным данным за 1915–1918 гг.) // Научная медицина. 1919. №. 3. С. 380; *Гервер А.В.* Травматические заболевания нервно-психической сферы воинов // Русский врач. 1915. № 40. С. 937.

⁶⁶⁶ *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 16, 18; *Люстрицкий В.В.* Профилактика душевных заболеваний в действующей армии // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922. № 1. С. 215–216.; *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; Из общества психиатров в Петрограде. Заседание 3-го октября 1915. Доклад «Психозы военного времени» // Русский врач. 1915. № 44. С. 1052–1053; *Гервер А.В.* О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 793 – 800; № 35. С. 817–821; № 36. С. 841–844; *Свядоц А.М.* Неврозы (руководство для врачей). СПб., 1998. С. 24; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 152–153.

⁶⁶⁷ *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 3–4; Военная психиатрия. Под. Ред. С.В. Литвинцева, В.К. Шамрея. СПб., 2001. С. 206; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 608–609.

стрессогенные факторы, как «звуковые удары» при взрывах, сама «атмосфера большого сражения» с его нечеловеческими видами поля боя. Особой силой и длительностью обладали вредные воздействия, к которым относились всеобъемлемость военных действий, громадный фронт, крайнее истощение и переутомление, вызывавшееся недоеданием, недосыпанием, инфекциями и т.п. обстоятельствами. Важным психотравмирующим фактором было также длительное пребывание воинов в зоне боев, свыше 3 лет, после которых практически у всех воинов наблюдается в той или иной мере личностная дезадаптация к боевому стрессу⁶⁶⁸.

У подверженных стрессу в результате боев наблюдались многочисленные болезненные проявления в виде сужения внимания, дезориентировки, гнева или вербальной агрессии, отчаяния или безнадежности, неадекватной или бессмысленной гиперактивности, паники, частичной или полной амнезии важных аспектов перенесенного тягостного боевого впечатления. У множества солдат, причем как непосредственно больных, так и у здоровых, наблюдались нарушения засыпания, поверхностный сон, раздражительность или вспышки гневливости, снижение сосредоточения, повышенный уровень бодрствования в виде страха, ужаса, беспомощности, сверхнастороженности, стойкого психического напряжения⁶⁶⁹.

При анализе этиологии военных психозов, вызванных психогенными причинами, а не собственно поражающими боевыми факторами, следует

⁶⁶⁸ *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 48; *Гервер В.А.* Указ. соч. // *Русский врач.* 1915. № 34. С. 795–798; № 35. С. 612, 817–821.

⁶⁶⁹ *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Современная клиническая психиатрия. М., 1997. С. 192, 194–195, 197; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. Том 1. М. 1998. С. 41, 413–414; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 600; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 168; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 30; *Мельников А.В.* К вопросу о смертельной контузии, нанесенной артиллерийским огнем // *Научная медицина.* 1919. № 4–5. С. 518–529; *Добротворский М.Н.* Обзор литературы по вопросу о травматическом психоневрозе (1915 – 1918 гг.) // *Научная медицина.* 1919. № 1. С. 130–131; *Добротворский Н.М.* Душевные заболевания в связи с войной (по литературным данным за 1915–1918 гг.) // *Научная медицина.* 1919. № 3. С. 378; *Вырубов Н.А.* К постановке вопроса о психозах и психоневрозах войн // *Психиатрическая газета.* 1915. № 5 (1 марта); *Никитин М.П.* Война и истерия // *Сборник, посвященный 40-летней деятельности Россолимо.* М., 1925. С. 422–423.

учитывать совершенно необычную, по сравнению с прежними войнами, ситуацию, в которую попал русский комбатант. Эта ситуация обуславливалась как характером современной войны, общей для комбатантов всех воевавших стран, так и специфическими обстоятельствами, характерными только для русской армии и только в эту войну. Именно реакция личности на эти обстоятельства и позволяет выявить социальную составляющую чисто психопатологической реакции, столь важную для историка. И контингент призванных на войну, и стрессовые условия, проанализированные в 2–5 главах, являлись специфическими только для Русского фронта Первой мировой войны, что и определяет исторический характер психических отклонений русского комбатанта этого времени.

Не менее чем на 80–85% русская армия состояла из крестьян с присущим им особым крестьянским менталитетом, не способным к адаптации перечисленных трудностей. Прежде всего, это касалось факторов, влияющих на ностальгию: разрыв контактов с семьей, друзьями и общиной. Действовали проанализированные выше факторы подрывавшие коренные основания крестьянской ментальности: абстрактный характер военных действий, утрата «полкового братства», не совпадающий с сезонностью характер ратного труда в виде напряженных боев, постоянных переездов и переходов и тягостным сидением в окопах⁶⁷⁰.

Особенностью Русского фронта Первой мировой войны являлось именно нарастание здесь психогенных реакций⁶⁷¹, что и являлось наиболее вредоносным фактором для данного состава русской армии. По существу, Первая мировая война явилась для русской армии психосоциальным стрессом, примеров которому мало знала история. Русская армия испытала в

⁶⁷⁰ Гервер В.А. Указ. соч. // Русский врач. 1915. № 35. С. 817; Макаров В.Е. Коэффициент ритма как показатели устойчивости энергетического равновесия // Журнал невропатологии и психиатрии. 1926. № 4–5. С. 25–31; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 45об., 63; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 494об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 124; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 91об., 102, 552; Д. 1673. Л. 110об., 113, 121, 327об., 871; Гервер В.А. Указ. соч. // Русский врач. 1915. № 34. С. 797–798.

⁶⁷¹ Китаев-Смык Л.А. Указ. соч. С. 609–610; Иванов Ф.И. Указ. соч. С. 57.

ходе военного опыта современной технической войны глубокий социокультурный кризис⁶⁷², что вызвало состояние социальной изоляции, тревоги, депрессии, развивающееся при попадании индивидуума в условия чужой культуры. Такое состояние в литературе называется культуральным шоком, оно развивается у любых людей при радикальном изменении условий жизни⁶⁷³. По характеру культуральный шок можно также охарактеризовать как стресс основного состава русской армии, обусловленный культуральной дезадаптацией (аккультурационный стресс) к условиям современной войны.

С точки зрения психопатологии, культуральный шок выражался в пролонгированной депрессивной реакции. Этому депрессивному состоянию соответствует симптоматика в виде в виде тревоги, беспокойства, напряженности и гнева. Данная патологическая реакция может восприниматься субъектом как личное несчастье⁶⁷⁴. Депрессивными реакциями были затронуты фактически все солдаты русской армии с «угнетенными настроениями», зафиксированными в цензурных отчетах и охватывавшими 30% и выше личного состава. У значительной части наличествовали, однако, и такие показатели тяжелой фазы депрессии, как расстройства психомоторики (заторможенность или ажитация), отчетливое снижение аппетита. Наличие же суицидальных настроений, а также бреда и галлюцинаций свидетельствует о наличии у части солдат крайне тяжелой фазы депрессии. В этом случае депрессивный эпизод иногда воспринимается тяжелее, чем боль от рака на поздней стадии⁶⁷⁵. Депрессивное состояние, которому подверглись на войне солдаты, касалось таких существенных сторон ментальности, как отношение к труду, собственности, богатству,

⁶⁷² Булдаков В. П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914-1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015; Юрьева Л.Н. Указ. соч. С. 8; Китаев-Смык Л.А. Указ. соч. С. 9.

⁶⁷³ Юрьева Л.Н. Указ. соч. С. 13.

⁶⁷⁴ Попов Ю.В., Вид В.Д. Указ. соч. С. 198–199; Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Указ. соч. С. 585, 589; Юрьева Л.Н. Указ. соч. С. 20, 21, 24; Прозоров Л. Указ. соч. С. 22; Иванов Ф.И. Указ. соч. С. 4; Попов Ю.В., Вид В.Д. Указ. соч. С. 197; Китаев-Смык Л.А. Указ. соч. С. 30, 432.

⁶⁷⁵ Попов Ю.В., Вид В.Д. Указ. соч. С. 140, 143–144; Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Указ. соч. С. 323–324.

бедности, образу природы, трактовки пространства и времени, социальных страхов и других негативных эмоций⁶⁷⁶.

В материалах цензуры сохранились десятки тысяч выписок из солдатских писем, показывающих реакцию личности на современную войну как основную травмирующую ситуацию. В письмах солдат широко воспроизведена в качестве важнейшего этиологического фактора стрессов атмосфера больших сражений с описанием боя как «страшного суда», «замка смерти», из которого если кто и возвратился, то останется навсегда «изувечен» позицией⁶⁷⁷.

Еще более значимой для солдат-окопников в качестве угнетающей травмы было сидение в окопах в состоянии вечной «тоски» и «скуки», нежели в бою, означавшем некоторую определенность. По сравнению с «боевыми психозами» в окопах остроты переживаний меньше, но срок больше. Отсюда – истощение нервной системы, упадок сил, тревожное чувство ожидания⁶⁷⁸. Широко представлены в письмах упомянутые выше раздражители, касающиеся неопределенности во времени, бесполезности самого пребывания на фронте⁶⁷⁹.

Симптомы реактивных состояний, вызванных обстоятельствами войны многочисленны. Но чаще всего проявлялась ностальгия, как форма реактивного состояния, возникающая у лиц, чьи связи с родиной прерваны полностью или частично. Она характерна для 90% всех писем солдат. Ностальгия характеризовалась подавленным, тоскливым, слезливым настроением⁶⁸⁰ с нарушением сна, аппетита⁶⁸¹. Широко представлены в

⁶⁷⁶ Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Указ. соч. С. 315, 321–322; Хелл Д. Ландшафт депрессии / Пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М., 1999. С. 13, 18, 28, 35; Юрьева Л.Н. Указ. соч. С. 15.

⁶⁷⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 218; Д. 3863. Л. 187, 293 об., 303, 303 об.; ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 102; д. 1673. Л. 848 об.

⁶⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 45 об., 63; ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 494 об.; ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 124; ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 91 об., 102, 552; д. 1673. Л. 110 об., 113, 121, 327 об., 871; Преображенский С.А. Указ. соч. С. 99.

⁶⁷⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 75, 85, 364.

⁶⁸⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 39 об.; д. 2934. Л. 9 об.

письмах, фольклоре идеи меланхолического настроения в виде самообвинения, греховности, самоуничужения, никчемности, ненужности⁶⁸². Цензура зафиксировала даже «злостно-ироничный взгляд на солдата», так называемую «улыбающуюся депрессию» с характерным сопровождением в виде резкой критики начальства. Многие из солдат испытывали ощущение какого-то издевательства над собой, полагали, что кто-то стремится их «добить» и для этого бросают то на один фронт, то на другой, а оставшихся в живых хотят «отяготить налогами». Все это рождало чувство глубокой личной не заслуженной обиды⁶⁸³.

Наряду с идеями самообвинения обычным для депрессивного состояния является ожидание своей и своих родных и близких гибели. Это подтверждается огромным количеством писем, в которых выражаются опасения за свои семьи, хозяйство, страх стать «нищим»⁶⁸⁴. Имеют место среди участников войны симптомы деперсонализации и дереализации в виде представления души как «не своей, чужой, казенной, общей», собственного существования «рядом с душой», или «оторванности от души» во время атаки, представления себя «будто в гробу»⁶⁸⁵. Широко были развиты среди солдат и суицидальные настроения, являющиеся признаком крайне тяжелой формы депрессии. Имеют яркие картины генерализованного тревожного чувства, когда «настоящее надоело, прошлое забыто, будущее – в тумане». Есть картины депрессивных ощущений в стихах. От идей греховности, самоуничужения, беспросветности, суицида легко переходили к

⁶⁸¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 76, 246 об.; ф. 2067. Оп. 1. Д. 2930. Л. 65 об.; Люстрицкий В.В. Указ. соч. С. 215-219.

⁶⁸² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 146; Гервер А.В. Указ. соч. С. 799; Федорченко С. Народ на войне. Киев, 1917. С. 30, 50; Преображенский С.А. Указ. соч. 29, 108.

⁶⁸³ РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 161; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 218; ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 261 об., 272, 361 об.; д. 3856. Л. 188; д. 3863. Л. 58; Царская армия... С. 30, 32, 33, 39, 73; Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 133.

⁶⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 223, 12 об.; ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 484 об., 516; ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 257 об.; д. 2932. Л. 438; д. 2934. Л. 505; д. 2935. Л. 39; ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 16-16 об.; д. 1673. Л. 902.

⁶⁸⁵ Войтоловский Л. Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 133; Федорченко С. Указ. соч. Киев, 1917. С. 126; то же. М., 1990. С. 69, 73, 75, 81, 127, 132.

пацифистско-пессимистическим сетованиям, что «человечество сошло с ума и потому занялось самоистреблением»⁶⁸⁶.

На волне отчуждения от целей войны проявлялись в широких размерах дисфорические (то есть гнева и ненависти) чувства, выражавшиеся, в частности, в поиске врагов. Эти идеи активно сочетались с идеями преследования. Солдатам казалось, что их преследуют и немцы, и русские в качестве «внутренних врагов», предателей. В целом в сознании солдат родилось огромное количество «внутренних врагов», существование которых в той или иной мере объяснялись социальными проблемами и определило исходную ситуацию «войны всех против всех», которая вскоре разыгралась на просторах России⁶⁸⁷.

Как это и бывает при депрессиях, все патологические переживания сопровождались тягостными соматическими ощущениями. Есть высказывания, характерные для больных ипохондриков, чувствующих «гниение» своего тела. Многие ощущали на сердце «камень», «витальную тоску». К этим ощущениям следует отнести и потерю аппетита, или чувство пищи «как трава». Надо полагать, именно это было настоящей причиной жалоб на «плохую пищу», а не злонамеренность интендантов⁶⁸⁸.

В качестве выхода из депрессивного состояния в письмах содержится множество высказываний, имеющих характер навязчивых идей. Подавляющая часть их относится к ожиданиям мира. Порою ожидания мира приводили прямо к галлюцинаторным явлениям⁶⁸⁹. Часто пожелания мира

⁶⁸⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 420; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 138 об.-139, 142, 160 об.; Д. 2932. Л. 169; Д. 3863. Л. 30, 56, 70, 303, 421 об.; Царская армия... С. 33, 71.

⁶⁸⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 34, 106 об., 123 об., 191-191 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47 об., 62; Д. 1184. Л. 18, 116, 123, 164, 165, 168, 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16 об., 22 об.-23, 110 об., 128, 253, 305 об.; Д. 905. Л. 14 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 171 об., 350 об.; Д. 2935. Л. 229, 278 об., 362, 382; Д. 3845. Л. 333; Д. 3867. Л. 762 об.; ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193 об.; ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 141 об., 541 об.; Д. 1673. Л. 213, 282 об.; Федорченко С. Указ. соч. Киев, 1917. С. 134; то же. М., 1990. С. 316.

⁶⁸⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 53; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 76; Д. 3863. Л. 12, 375; Царская армия... С. 29; Войтоловский Л. Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 74; Булдаков В.П. Указ. соч. С. 27.

⁶⁸⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 83, 194, 388, 435; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 34, 39 об., 106 об., 123 об., 191-191 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47 об., 62, 163 об.; Д. 1184. Л. 18,

носили форму бреда особого значения. Так, приближение мира «доказывалось» стремлением самого противника к миру в виде сдачи в плен, отсутствием у него резервов. Встречался бред параноидный, то есть с идеями неблагоприятного воздействия на больного, преследования, ущерба. Есть примеры образного бреда с фантазиями, грезами, так называемый чувственный бред в виде ожидания, что скоро Австрия и Германия «рухнут и падут в ноги нашему государю», умоляя его помириться на любых условиях. Особенно много было слухов о непосредственных датах «скорого» мира: то к Рождеству, то к Новому году, но чаще всего, в соответствии с крестьянской ментальностью, ожиданием конца трудовых будней, – осенью⁶⁹⁰.

К бредовым идеям могут быть отнесены и выше охарактеризованные при депрессивном психозе идеи самоуничтожения, виновности, греховности, преследования, громадности и отрицания (всеобщая гибель, мировые катастрофы), инсценировки, то есть специально задуманной и ведущейся войны для всеобщего истребления. Широкое распространение этих идей посредством слухов можно рассматривать как проявление индуцированного бреда. Для этого существовали все предпосылки: травматическая ситуация в виде войны, ослабленная и истощенная психика малограмотных, склонных к подражанию, солдат, длительность воздействия пассионариев, индукторов бреда, непрерывный, массивный и кумулятивный характер психической травматизации, аффективная окрашенность бреда, разброс передаваемых психотических вспышек – бреда, иллюзий, галлюцинаций, обманы чувств

22об., 53, 116, 117, 123, 164, 165, 168, 369, 921; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 12, 16об., 22 об.-23, 110об., 128, 253, 305об.; Д. 905. Л. 14об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 76, 171об., 350об.; Д. 2935. Л. 229, 278об., 362, 382; Д. 2936. Л. 247; Д. 3845. Л. 333, 467об.; Д. 3863. Л. 12, 354, 375; Д. 3867. Л. 762об.; Ф. 2116. Оп. 1. Д. 281. Л. 92–92об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 99, 141 об., 541об.; Д. 1673. Л. 213, 261, 282об., 292об., 293; Федорченко С. Указ. соч. Киев, 1917. С. 134; то же. М., 1990. С. 316; Царская армия... С. 29; Войтоловский Л. Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 74; Булдаков В.П. Указ. соч. С. 27.

⁶⁹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Л. 505. Л. 435; ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 109 об., 122, 136-136 об., 158, 260, 271, 362 об., 391, 816; д. 3863. Л. 574 об.; ф. 2116. Оп. 1. Д. 69. Л. 18, 39-39 об., 45-45 об., 69; 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 192 об., 261.; ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73.; Преображенский С.А. Указ. соч. С. 127; Справочник по психиатрии. М., 1985. С. 45.

(касается якобы плохой пищи, уже «заключенного мира»), истерии. Индуцированный бред, принадлежащий к группе социо-аффектогенных психозов, по существу содержит большое количество форм психической индукции, как правило, относящихся к норме, что делает его чрезвычайно эффективным в отношении большинства «здоровых» солдат, подвергшихся психосоциальному стрессу. Индуцированный бред лежит в основе «массового переживания» населения в переломные исторические эпохи⁶⁹¹. Выход же из депрессии был связан с выбором солдатскими массами стратегии жизни, характеризующейся демократизмом, оппозиционностью, идеологическим радикализмом и политическим романтизмом⁶⁹², что имело место во время революции.

⁶⁹¹ Погибко Н.И. Индуцированные психозы. М., 1972. С. 24, 34-35; Эрисман Ф.Ф. Психология масс// Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности профессора Г.И. Россолимо. 1884–1924. М., 1925. С. 70–74.

⁶⁹² Юрьева Л.Н. Указ. соч. С. 48–49; Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Указ. соч. С. 333.

Глава четвертая

Дисциплина и мораль в русской армии

§ 1. Преступление и наказание в русской армии

1. Бегство в плен и борьба с ним

Наиболее серьезным проявлением падения моральной устойчивости на Русском фронте являлись дисциплинарные правонарушения, включая и воинские преступления. Проблема преступности в годы Первой мировой войны стала в последнее время актуальной. Это связано с валом работ в связи со столетием «Великой войны», общим вниманием к ее социальной истории, в том числе и социальной девиации в военное время. На Западе вопрос о преступности в годы войны рассматривается как часть проблемы послевоенного насилия⁶⁹³. В литературе стран участниц Первой мировой войны широко анализируются виды воинской преступности, их количество, меры наказания⁶⁹⁴. Некоторые исследования в западной литературе о дисциплине в русской армии носят обобщающий характер, хотя и основаны на архивных материалах⁶⁹⁵. В отечественной литературе мало популярная

⁶⁹³ *Shumann D.* Op. cit. S. 32; *Schumann, Dirk.* Political violence in the Weimar Republic, 1918–1933: fight for the streets and fear of civil war. New York : Berghahn Books, 2009. P. XVI.

⁶⁹⁴ *Emsley Clive.* Soldier, Sailor, Beggarman, Thief. Crime and the British Armed Services Since 1914. Oxford University Press, 2013; *André Loez, Nicolas Mariot (dir.),* Obéir/désobéir. Les mutineries de 1917 en perspective. La Découverte, coll. « Recherche », 2008; P. 14–18; *Jahr, Christoph.* Gewöhnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998.

⁶⁹⁵ *Simmons Paul.* Discipline in the Russian Army in the First World War. Author, Publisher, University of Oxford, 2006; *Simmons Paul.* Combating Desertion and Voluntary Surrender in the Russian Army During the First World War // Other Fronts, Other Wars?: First World War

тема преступности в России в Первой мировой войне в последнее актуализировалась в связи с полемикой о причинах Февральской революции. Некоторые авторы указывают на нарастание преступности уже перед мировой войной. Однако в других работах утверждается, что количество правонарушений в годы войны уменьшилось и, следовательно, не могло влиять на подготовку революции⁶⁹⁶. В этом споре не учитывается, однако, роль собственно воинских и общеуголовных преступлений на театре военных действий, их значение для криминализации страны в целом накануне «великих потрясений». Такое невнимание к процессам, происходившим в годы войны, укладывается в тренд части отечественной историографии, обеляющей русскую армию от негативных процессов, приписывая их только тылу, где и готовился «нож в спину» «Великой войны»⁶⁹⁷.

В данной главе преступность на Русском фронте рассматривается в свете современной войны, каковой являлся мировой конфликт 1914–1918 гг. В такой войне связь между массовой политикой и массовым убийством, созданная через механизмы универсальной военной воинской повинности⁶⁹⁸, проявляется также и в «праве на преступление» каждого участника войны. Этому способствует и всеобщий призыв, вобравший в себя все контингенты мужского населения, включая и преступный, и особенное положение армии на театре военных действий, ее решающее значение в экономике и внутренней жизни на театре военных действий. К тому же современная война дает массу новых видов преступлений, поскольку резко увеличивается стремление избежать различного рода тягот. Наконец, проведение военно-

Studies on the Eve of the Centennial. Edited by Joachim Вьргсшвентнер, Matthias Egger and Gunda Barth-Scalmani Brill, 2014. P. 41–61.

⁶⁹⁶ *Миронов Б.Н.* Почему люди бунтуют: Русская революция 1917 года в контексте современных теорий революции // «Стены и мосты». Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 19–21, 24; *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Права в российской историографии в век информации. 2-е изд. М., 2014. С. 203–204.

⁶⁹⁷ *Нарский И.В.* Указ. соч. С. 494–498; *Стариков Н.В.* 1917. Разгадка русской революции. М., 2013; *Никонов В.* Крушение России. М., 2011 и др.

⁶⁹⁸ *Sanborn J.A.* Op. cit.

хозяйственных операций на театре военных действий создает серьезную почву для злоупотреблений, хищений, причем не только со стороны собственно военных, но также военно-общественных учреждений, отдельных граждан. Военный опыт в сфере преступности мог сказаться на переходе армии и населения от состояния войны с внешним противником к внутреннему военному конфликту в ходе Гражданской войны, а затем и к мирному существованию, что важно при изучении России первых десятилетий XX в.

Важность данной темы в свете выяснения причин коллапса армии и всего государственного порядка России в 1917 г. усиливается самим характером воинского преступления. В юридической литературе уже давно обращено внимание, что воинское преступление фактически неотделимо от покушения на общественно-государственный порядок⁶⁹⁹, что резко отличает его от обычного преступления (за исключением собственно государственных преступлений), направленного на безопасность частных лиц и учреждений.

Первая мировая война застала российское общество в процессе модернизации. Этот процесс, как и во всех странах на этой стадии, сопровождался увеличением преступности. Если за последние 14 лет XIX века преступность в России, измеряемая числом осужденных, увеличивалась ежегодно менее чем на 1%, то за первые 9 лет XX века она возрастала ежегодно более на 7%, или в 7 раз быстрее. Преступность нарастала вплоть до начала Первой мировой войны⁷⁰⁰. Масштабы довоенной преступности

⁶⁹⁹ *Фалеев Н.И.* Цели военного наказания. Спб., 1902. С. 30.

⁷⁰⁰ *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 61–62 // *Остроумов С.С.* Указ соч. С. 82; *Елисеев С.А.* Общие черты имущественной преступности в царской России // *Вестник ТГПУ.* 2006. Выпуск 11 (62). Серия: Гуманитарные науки (юриспруденция). С. 40; *Тарновский Е.Н.* Война и движение преступности в 1911 – 1916 г.г. // *Сборник статей по пролетарской революции и праву.* Пг.: Изд-во Наркомюста. 1918. № 1–4. С. 100–122; *Гернет М.Н.* *Преступность и самоубийство во время войны и после нее.* М., 1927; *Миронов Б.Н.* Преступность в России в XIX – начале XX в. // *Отечественная история.* 1998. № 1. С. 24–42; *Зориков А.Н.* Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. // *Революция и человек.* М., 1997. С. 5–19; *Гилинский Я.И.* Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. Монография. СПб., 2000.

были даже больше, так как они скрыты среди многочисленных видов мелкой преступности, в частности «хулиганства»⁷⁰¹. Особенно широко распространялась детская преступность, обгонявшая рост преступности среди взрослых⁷⁰². Но и в самой армии накануне мировой войны нарастало количество воинских преступлений: дезертирства, солдатских бунтов и т.п., что потом, в 1917 году, будет рассматриваться как один из предвестников падения армейской дисциплины⁷⁰³.

В начавшейся войне уже к концу ее первого года в армии начались серьезные правонарушения. Их можно разделить на нарушения специальных обязанностей военной службы и нарушения общеуголовные, но связанные с исполнением обязанностей военной службы⁷⁰⁴. Общая причина воинских преступлений состояла в неприятии реалий современной войны в основном традиционалистским составом (крестьяне, мещане, ремесленники) русской армии. Из воинских преступлений наиболее массовым был уход в плен. Уже с августа 1914 г. командование стало фиксировать «улепетывание» пехоты⁷⁰⁵. Сильный уход в плен наблюдался во время «великого отступления». Особенно встревожили начальство Юго-Западного фронта данные о потерях лиц, пропавших без вести во второй половине августа, составлявших в некоторых армиях до 40% общего числа потерь. При этом отмечалось, что

⁷⁰¹ *Frank Stephen P.* Op. cit.; *Weissman N.B.* Op. cit.; *Зырянов П.Н.* Указ. Соч. С. 243–252; *Эдельштейн А.О.* Опыт изучения современного хулиганства // *Хулиганство и поножовщина.* М., 1927. С. 31.

⁷⁰² *Русская школа.* 1915. № 3. Отдел критики и библиографии. С. 20; *Мышкис В.С.* Малолетние преступники в Петербурге. Спб., 1914; *Золотарев С.А.* Четыре смены молодежи (1905–1925). Из наблюдений педагога. М., 1926. С. 4; *Известия Всероссийского союза городов.* 1916. № 29–30. С. 13; *Казанцев П.Н.* Забота о сиротах и беспризорных детях // *Известия ВСГ.* 1916. № 52–53. С. 121; *Бельский Павел.* Преступность и дети // *Психология и дети.* 1917. № 1. С. 48–49; *Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью.* 1914. № 1. С. 10–11; *Neuberger Joan.* Hooliganism: crime, culture, and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: University of Calif. Press, 1993.

⁷⁰³ *Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год.* Пг., 1916. С. 20–21; «*Разведчик*». 1917. № 1403–1404. 15 октября 1917 г. С. 507–509; № 1405–1406. 30 октября 1917 г. С. 524–525.

⁷⁰⁴ *Военно-уголовное право: Учебник.* Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». М., 2008. С. 36.

⁷⁰⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 591об.; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 592; Д. 561. Л. 24, 143.

отступлений с боем в этот момент вообще не было⁷⁰⁶. Причины этого явления военное начальство видело в слабости пополнений, но чаще всего – в «преступном сговоре», предшествовавшем массовым сдачам противнику⁷⁰⁷. В целом переходы в плен продолжались вплоть до последних дней войны. Погодное (учитывая незначительное количество боев за 1917 год) количество военнопленных русской армии показывает фактически нарастание данной тенденции. За 1914 по официальным (ГУГШ) данным они составили 192009 чел. сдавшихся в плен и пропавших без вести, в 1915 г. – 1365581, в 1916 г. – 1505822, а в 1917 г. – 574859 из общего количества 3638271 чел. (23,66 % всего количества призванных в ряды армии). За 1914–17 гг. это составило 5,3%; 37,5%; 41,4%; 15,8%⁷⁰⁸. Как видно, количество сдавшихся в плен постоянно нарастало. Их уменьшение в 1917 г. объясняется только тем, что для стремившихся к «уходу от войны» такая возможность появилась с ослаблением, а потом и фактическим прекращением самих военных действий с приходом к власти большевиков⁷⁰⁹.

В связи с массовостью побегов в плен власти сразу встали и перед проблемой квалификации этого вида «ухода от войны». Для проверки обстоятельств ухода в плен (а также и поведения в плену служащих русской армии) в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) было создано специальное бюро. Сначала военные власти обвиняли в побегах евреев и поляков. Но когда выяснилось, что в плен сдавались и представители коренного населения России, встал вопрос о принятии общих мер по

⁷⁰⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 362, 383об.

⁷⁰⁷ Приказ по 37-й пехотной дивизии № 122 от 10 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 182.

⁷⁰⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 13; Ф. 2000. Оп. 2. Д. 6. Л. 122, 130; Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 32; Санитарная служба... С. 8, 79, 92, 142.

⁷⁰⁹ Уход в плен в годы Первой мировой войны резко контрастирует с подобным явлением в Великой Отечественной войне, где погодное количество военнопленных РККА показывает очевидную тенденцию на убывание: 2335482 чел. в 1941 г., 1515221 – в 1942, 367806 – в 1943, 167563 – в 1945 и 68637 – в 1945 гг. В процентном соотношении (к общему количеству военнопленных) это дает 52,4; 33,9; 8,3; 3,8; 1,5 // Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 250.

изменению всего морально-психологического настроения в армии⁷¹⁰. Не видя эффекта от мер воспитательного характера, власти попытались задействовать систему мер наказания против перебежчиков. Однако на деле имевшиеся законы (статьи 243–246 Устава о воинских наказаниях), согласно которым перебежчики подлежали смертной казни, не применялись. В связи с массовостью этого вида воинского преступления военные власти на местах не вели должного расследования, вообще их скрывали, опасаясь личной ответственности перед высшим начальством. Тогда военное начальство вместо недоступных для наказания перебежчиков попыталось подвергнуть возмездию их семьи с конфискацией имущества и выдворением в отдаленные районы страны. Однако такие меры было трудно применить по закону, требовавшему для их обоснования доказательства политической благонадежности самих членов семей лиц, сдавшихся в плен⁷¹¹. В результате единственной репрессивной мерой оказалось утвержденное 9 марта 1915 г. повеление Николая II о водворении в Сибирь на жительство всех нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен неприятелю⁷¹². А для уменьшения побегов во время самой войны 15 апреля 1915 г. был утвержден закон (в порядке ст. 87 чрезвычайного законодательства) о лишении продовольственных пайков семей нижних чинов, сдавшихся в плен⁷¹³.

На самом деле и этот закон слабо работал, так как мог быть применен только в случае фактически установленной добровольной сдачи в плен или побега со службы, что было трудно осуществить без необходимого расследования. К тому же при лишении семей пайков возникло множество ошибочных решений, что было усугублено случаями возвращения в строй пропавших без вести. Возможность репрессий ближайших родственников,

⁷¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 140–141, 188–189, 230–232, 246; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 362, 383об.

⁷¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 35–36об.

⁷¹² РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 200–202; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 11, 12, 124, 128, 115–115об.

⁷¹³ Особый журнал Совета министров от 15 апреля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 13–18, 97–97об.

лишение пайков жен не уменьшило количество сдающихся в плен, что можно объяснить слабостью супружеских связей солдат в патриархальной семье.

Единственная законодательная мера, которую пытались провести военные власти к перебежчикам, заключалась в их заочном осуждении. Правда, в этом случае наказание виновных все равно откладывалось до окончания войны. Но в этом случае власти полагались на устрашающий эффект закона на потенциальных перебежчиков, нежели на смертный приговор к лицам, уже осуществившим этот побег⁷¹⁴. Но и сам заочный суд невозможно было осуществить согласно военным законам, принятым в эпоху «великих реформ», по которым любой военнослужащий, предстающий перед судом, имел право на защиту и, следовательно, лично присутствовать на суде. Заочное рассмотрение дел перебежчиков даже в явных случаях и при несомненности улик отвергалось представителями военно-судебного ведомства, не желавших руководствоваться в судопроизводстве «субъективными понятиями»⁷¹⁵. Военное руководство считало, что ссылка военнопленных в Сибирь, лишение пайков членов их семей и оглашение факта побега на родине достаточны для пресечения сдач в плен. Дознание же о побеге переносилось на послевоенный период⁷¹⁶. Однако эта мера также не оказала воздействие на перебежчиков, считавших, что после войны они смогут вообще избежать наказания по ожидавшейся всеобщей амнистии, как это было в прошлых войнах.

Не надеясь на послевоенные судебные решения в отношении сдающихся в плен, военные власти попытались ввести устрашающие меры для перебежчиков в виде их расстрелов во время самих сдач⁷¹⁷. Но эта мера

⁷¹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 256–256об.

⁷¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 146–146об., 165–166.

⁷¹⁶ Приказ по 8-й армии № 788 от 16 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 121; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 121–121об.; 146–146об., 148.; Д. 1067. Л. 260–263об.

⁷¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 2, 156–156об., 185, 217–218об.; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 360, 420; Д. 561. Л. 227–227об.; Д. 544. Л. 350; Д. 561. Л. 117об.; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 38.

зависела от активности войскового начальства, не желавшего становиться «палачами». Все приказы о необходимости пресечения сдач в плен полны требований к нижестоящим войсковым начальникам «оставить гуманные соображения», «безмилосердно расстреливать забывших присягу», не останавливаться ни перед какими суровыми мерами и т.п.⁷¹⁸ В результате применение оружия против сдачников в плен носило эпизодический характер и не привело к ликвидации этого вида воинского преступления⁷¹⁹. Редкие предложения по организации заградительных отрядов, штрафных частей наткнулись на отсутствие необходимого количества конвоиров, невозможность эффективно использовать штрафные отряды в условиях позиционной войны. Отсутствовал и опыт репрессивной политики как части современной войны. Опыт же привлечения воинских частей для репрессий в 1906 г. его участники, испытавшие психологическую травму, оценивали как негативный⁷²⁰. Проблема бегства в плен так и не была решена до конца войны. Ее острота была снижена, во-первых, в связи с переходом к позиционной войне, сделавшей технически невозможными массовые сдачи в плен, а во-вторых – с перемещением акцента в воинских преступлениях на другой вид ухода от войны – дезертирство.

2. Дезертирство как «уход от войны»

Если в случае ухода в плен армия вынуждена была решать проблему наказания преступников после войны, то в случае дезертирства армия стала одновременно перед проблемой и наказания и продолжения использования

⁷¹⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 152, 219–219об., 223, 225, 237–238; 223, 225; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7965. Л. 177об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 50–52; Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 38–39.

⁷¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 69об., 170–170об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 98; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 347; Д. 2937. Л. 473об.–474.

⁷²⁰ См. например показания командира 223-го пехотного Одоевского полка, подавлявшего волнения в Сибири в 1905–1906 гг. РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 9–9об.

дезертиров в военной службе. Формально дезертирство это отлучка из военной части. Однако степень его опасности для обороны, а следовательно, и виновности, зависели от срока отлучки нарушителя, количества таких попыток, времени (в мирное или военное) и места (в тылу или «ввиду неприятеля»). Существовали различные формы дезертирства: побег из части, кратковременная самовольная отлучка и бродяжничество, при котором солдат, не покидая часть формально, фактически постоянно ходил по этапам, госпиталям и т.п., избегая таким образом строя.

В отечественной литературе ставится вопрос о проценте дезертиров от количества самовольщиков, временно покинувших часть⁷²¹. Критерием такого различия правонарушения от воинского преступления является предание правонарушителя под следствие, дознание, суд, наказание по решению суда. В западной литературе дезертирами признаются только те, кто был осужден за этот вид воинского преступления. Во время войны в России военное командование относило к дезертирам всех задержанных по обвинению в дезертирстве, а также призванных, но уклонившихся от несения военной службы. К числу дезертиров следует прибавить задержанных жандармско-полицейскими управлениями на путях сообщений внутри России. Согласно данным военных и гражданских учреждений, до 1 марта 1917 г. было задержано на фронте и в тылу 442605 чел.⁷²² Это не означает, конечно, что все это количество реально были изъяты из рядов армии, поскольку по истечении 1–2 месяцев большинство из них возвращались в строй. Однако опыт уклонения от воинской службы получили сотни тысяч солдат.

⁷²¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 61–62

⁷²² Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 26; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 409–410; Д. 4461. Л. 56–57, 101–102, 145–146, 189–190, 235–236, 278–279, 322–323, 366–367, 410–411, 452–453, 494–495, 534–535; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 267. Л. 26, 297–297об., 391–391об.; Д. 350. Л. 406–407; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 322–323об., 378, 483, 502, 524об., 624об., 662–663; Д. 3861. Л. 54об.–55., 160об.–161, 207об.–208, 255об.–256, 281, 302–303, 353об.–354; *Christoph Jahr. Gewöhnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918. Göttingen, 1998. S. 150, 168.*

Дезертиры являлись серьезным фактором общей преступности в стране, как на фронте, так и в тылу. На театре военных действий они участвовали в незаконных «реквизициях», погромах, прямых грабежах, «промотании» казенного имущества, пьянстве, разврате. Во внутренних районах России дезертиры, среди которых было множество известных еще до войны хулиганов, терроризировали местное население, выступали зачинщиками антивоенных беспорядков, продовольственных бунтов и т.п. Дезертиры были зримой частью фронтовиков, поддерживавших массовое недовольство войной среди населения. Таким образом, преступные действия дезертиров были в наибольшей степени связаны с антиобщественными и антигосударственными настроениями и выступлениями накануне революции.

Как и в случае с побегами в плен, начальство пыталось заставить существующие законы. Формально они были достаточно строгими, предусматривая наказания в районе военных действий от 5 до 20 лет каторги вплоть до смертной казни. За побег вне района военных действий предусматривалось наказание в виде ареста в несколько месяцев. Однако на самом деле всякий побег, даже в районе военных действий, наказывался арестом всего в несколько месяцев. Причинами такой мягкости наказания были массовость дезертирства, несовершенство военных судов, не справлявшихся с таким количеством дел, нехватка солдат в строю, в результате чего командиры вместо отдачи дезертиров под суд отправляли их вновь на передовую линию. Немалую роль в создании условий для дезертирства играли общая дезорганизация на железных дорогах, путаница в бюрократической переписке по идентификации дезертиров, а также низкий уровень развития многих солдат-крестьян, действительно терявшихся в ходе продолжавшейся маневренной войны, постоянных перебросок по железной дороге или пешим строем на необъятных просторах Русского фронта.

Власти поставили сначала целью отделить дезертиров, с умыслом покинувших строй, от самовольщиков, случайно отставших или не

явившихся вовремя в свои части⁷²³. По новой редакции закона от 14 января 1916 г. под понятие «побег» попадали самовольные отлучки с целью вовсе уклониться от службы. Наказания за побег без различия района совершения преступления теперь предусматривали от 4 лет каторжных работ до смертной казни. Самовольщики же наказывалось дисциплинарным взысканием от 3 месяцев до 4 лет. Проблемой, однако, оказалось именно доказательство умысла побега, в результате чего на практике все дезертиры подлежали административному наказанию в несколько месяцев ареста. Но даже будучи осуждены как совершившие преступление с умыслом и получившие большие сроки, они все равно направлялись в армию, с предположением «искупить кровью» свое преступление и с возможностью отбыть наказание после войны⁷²⁴.

При неработающих правовых нормах по наказанию дезертиров, власти сосредоточили все силы на их поимке и новой отправке на фронт. Для этого были задействованы жандармско-полицейские управления внутри России, организованы контрольные участки по пути в тыловые районы армии, созданы корпусные, дивизионные, полковые, этапные участки, подвижные военно-полицейские заставы и команды, распределительные пункты, выполнявшие роль фильтрационных лагерей⁷²⁵.

Но и эти меры не срабатывали, в основном по причине отсутствия помощи местных прифронтовых гражданских властей вследствие пассивности и малочисленности, или даже небескорыстного потворства дезертирам. Не хватало конвоиров, а количество задержанных на распределительных пунктах достигло такого уровня, что они сами стали источником беспорядков⁷²⁶. На Северном фронте проблему пытались решить

⁷²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 266–266об.; Ф. 1932. Оп. 1. Д. 4. Л. 244–247; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 18–18об., 37–37об.

⁷²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 20, 38–39об., 35об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 297.

⁷²⁵ РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 413–414; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 64, 65–67; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 456, 48–48об., 412, 484–484об.

⁷²⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 50–50об.; Д. 3861 Л. 404–404об.; Революционное движение в армии... С. 220–227.

путем создания в запасных батальонах нештатных рот, а в них – команд для содержания «выясняемых» (в уклонении от службы) и «подозреваемых» (в совершении иных, кроме побега, преступлений). Идея была в том, чтобы создать в командах «подозреваемых» суровый режим, какой существовал в дисциплинарных частях, с тяжелыми работами, телесными наказаниями, самым скудным вещевым снабжением, и таким образом поставить дезертиров перед необходимостью предпочесть этим тяжелым условиям в тылу добровольную отправку на фронт⁷²⁷. Но и этот проект кончился неудачей. Его осуществление привело к разбуханию запасных батальонов до 15–20 тыс. чел. в каждом, превращению их в пункты концентрации преступного элемента, где имел место активный обмен опытом уклонения от службы, сговора об уходе в плен или даже бунта против начальства после отправки на позицию. Некоторые воинские начальники называли этот проект созданием «армии дезертиров в тылу». Особенно это было опасно для Петроградского военного округа с его двумя десятками запасных батальонов, солдаты которых, покидая части, заполнили столицу в качестве дезертиров, составив основной контингент участников беспорядков наряду с рабочими⁷²⁸. Для борьбы с дезертирами начальник Петроградского военного округа ген. С.С. Хабалов предложил предавать их военно-полевому суду с немедленным приведением приговора в действие⁷²⁹. Однако против этого выступил штаб Северного фронта, видя в такой инициативе Хабалова, ставленника петроградской бюрократии, действие «темных сил», стремившихся контролировать столицу империи, в чем военные им препятствовали⁷³⁰.

⁷²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1196. Л. 132; Ф. 2003. Оп. 3. Д. 2686. Л. 60; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 57–57об., 233–234, 277–279, 391–391, 404–404об., 408, 415–416об.; Д. 555. Л. 32; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–8об.

⁷²⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 415–416об.; Д. 555. Л. 33; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–8об.

⁷²⁹ РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 297. Л. 111–111об., 121–122; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 245–246.

⁷³⁰ РГВИА. Ф. 2032. Д. 297. Л. 121–122, 125; *Флоринский М.Ф.* Кризис Государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 192–207. Подробно о проблеме дезертирства в Русской армии в годы Первой мировой войны см.: Асташов А.Б.

3. Членовредительство и военно-медицинский контроль над телом

В современной войне технические условия дают возможность проявиться еще одной возможности ухода от войны – членовредительству. Казалось бы, военный строй, как инструмент современной войны, предполагает необходимое обеспечение контроля над телом через систему определенных уставов, строевых, гимнастических и т.п. упражнений. Так «физика тела» обеспечивала его дисциплину для ведения военных действий. Однако в России, с ее отсталостью в промышленном развитии, не существовало в достаточной степени «послушных тел», а пришедшие на место обученных солдат ополченцы, не знакомые с машинным трудом, такой привычкой к послушанию не обладали. В результате, кроме сдач в плен и дезертирства, военнослужащие применяли такой способ ухода от войны, как членовредительство, делавшее невозможным участие в ней самого тела. В этом случае перед военными властями вставал вопрос о расширении контроля над телом посредством медицинских мер⁷³¹. Вопрос военно-медицинского контроля над телом стал, таким образом, частью проблемы мобилизации общества в современной войне, что и отразилось во фронтовой повседневности.

Членовредительство являлось широко распространенной практикой в русской армии и в довоенное время и проявлялось в основном при приеме на военную службу. Практика промысла членовредительства в ходе призывной системы была богатой, насчитывала массу способов искусственно вызываемых болезненных состояний различных органов, специализируясь территориально, даже этнически. Особенно увеличивалась такая практика в

Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.

⁷³¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 201–203, 240.

военные годы⁷³². Еще больший всплеск членовредительства произошел с начала мировой войны, что являлось следствием всеобщей мобилизации⁷³³. Практика этого вида воинского преступления значительно расширилась. Кроме искусственных болезней кожи, тканей, симуляции механических травм, подделывались болезни внутренних органов, раны, искусственные венерические, глазные, зубные, множественные (комбинированные) болезни и т.д.⁷³⁴ Появились специалисты по вызыванию различных болезней, включая искусственное заражение сифилисом и триппером⁷³⁵. Существенно продвинулась вперед интернационализация и этническая специализация членовредительства⁷³⁶. Специалисты-членовредители блестяще знали статью 54 Расписания болезней, проявляли профессионализм и замысловатость в манифестировании искусственных болезней и симуляции недугов. Такие приемы ставили в тупик специалистов-медиков из военного ведомства⁷³⁷, на которых оказывалось громадное давление при осмотре и постановке диагноза больных в пользу их освобождения от службы. Профессионалы по вызыванию членовредительства были очень популярны, имели обширные

⁷³² *Оппель В.А., Федоров С.П.* Наставление к определению вероятности саморанения огнестрельным оружием («самострела»). Пг.: «Тип. Копер. Т-Ва «Вестник», 1920. С. 4; *Шибков А.И.* Введение в учение о членовредительстве. Ростов на Дону: Издание Краевого Управления Здравоохранения на Северном Кавказе. Б.г. С. 8–9.

⁷³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 31; *Попов Н.Ф.* Редкий случай членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 3. С. 288; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. 131–133; *Глебов Д.А.* К вопросу о симуляции новобранцев // Сибирский врач. 1915. № 5–6. С. 49–50.

⁷³⁴ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 10; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 207–221; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 36–48; *Свионтецкий И.О.* Х-образные раны ладони, как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 4. С. 450–454; *Бердяев А.Ф.* Нечто новое в способах членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1914. № 10. С. 343–345; *Кудряшов А.И.* Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. №. 9. С. 131–133.

⁷³⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 543. Л. 21.

⁷³⁵ *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131–132

⁷³⁶ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 8–9; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131.

⁷³⁷ *Домбровский Э.И.* Смещение яичка под кожу паховой области. Членовредительство или порок развития? // Военно-медицинский журнал. 1914. № 11. С. 477.

списки способов по уклонению от службы вследствие болезни, пытались их даже опубликовать⁷³⁸.

Определенная статистика количества случаев членовредительства и симуляций отсутствует. Но согласно отрывочным сведениям, их количество было значительным: по несколько десятков на батальон, или до 12% из партий, прибывавших на исследование в окружные госпитали для прохождения экспертизы. Для пресечения членовредительства на подступах к фронту в госпиталях вводили строгие порядки с обысками, тщательным присмотром⁷³⁹. Среди членовредителей власти особенно выделяли евреев, в партиях которых на исследовании находили почти у 2/3 очевидные следы искусственных болезней. Особенностью наличия искусственных болезней у евреев была их обратимость, не оставлявшая сильного вреда для здоровья. В отличие от них солдаты-крестьяне Великороссии, совершая членовредительство путем порубов пальцев, рук и т.п., легче шли на нанесение серьезного вреда для здоровья. Как правило, членовредители ссылались на случайность нанесения ран при проведении хозяйственных работ, что крайне трудно было доказать. Следствие по этим делам часто затягивалось, а после февраля 1917 г. и вовсе прекращалось⁷⁴⁰.

Столь широкая практика членовредительства была вызвана громадным преступным контингентом, оказавшимся в армии и распространявшим на фронте весь довоенный опыт симуляции для уклонения от обязанностей перед обществом, или для получения незаслуженных льгот. Для противодействия таким формам преступности нужна была особая организации врачебной экспертизы. Сначала эту функцию взяли на себя госпитали военных округов. Но в своей деятельности они столкнулись с массой проблем. Не было даже руководств по обнаружению самих

⁷³⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 319; Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 562–562об.

⁷³⁹ Кудряшов А.И. Указ. соч. С. 131–132.

⁷⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 283об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 31; Соколовский К.К. К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 212; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2, 17–17об.; Д. 208. Л. 66–66об., 96–99; Д. 248. Л. 3, 19об., 39–39об., 48, 75об. 109; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4530. Л. 89, 31.

болезней⁷⁴¹, правильно поставленной судебно-медицинской экспертизы при выявлении симулянтов и членовредителей, что требовало иногда проведения целых научных опытов⁷⁴². Понижение порога болезней в войне, а также изменение редакции многих статей Расписания болезней литеры «А» требовали быстрой перестройки дела экспертизы. Множество симулянтов и членовредителей умудрялись обойти экспертизу госпиталей, заручившись справками у платных врачей, и таким образом или получали большие отпуска после выздоровления, или были вообще освобождены от прохождения дальнейшей службы⁷⁴³.

Больше всего случаев членовредительства приходится на самострелы. Впервые они были зафиксированы в Русско-японскую войну. В мировую войну этот вид членовредительства был отмечен уже с самого начала военных действий. Начальство воспринимало самострелы как следствие произвольных случаев среди паникеров, трусов, относя их к «не настоящим солдатам». С осени 1914 г. явление самострельства приобрело широкий характер, в отдельных случаях даже касалось офицеров и доходя до 5 человек в полку ежедневно. Для получения огнестрельных саморанений солдаты умышленно выставляли пальцы левой (в основном) или правой (в указательный палец) руки. Летом, во время отступления, началась новая волна самострельства, не взирая на судебные преследования членовредителей⁷⁴⁴. Их количество доходило до 50–80% от всех раненых, а

⁷⁴¹ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 10–16; *Домбровский Э.И.* Указ. соч. С. 485; РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 213. Л. 10; *Свионтецкий И.О.* Указ. соч.; *Бердяев А.Ф.* Указ. соч. С. 343–345; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 36–48; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 133.

⁷⁴² *Михайлов Н.Н.* Двадцать пять случаев искусственного повреждения роговой оболочки у испытуемых новобранцев татар по данным Самарского местного лазарета за 6 лет с 1908 г. по 1914 г. // Военно-медицинский журнал. 1914. № 11. С. 556–571.

⁷⁴³ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 18; начальник штаба Северного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевич – главному армий Северного фронта ген. Н.В. Рузскому // РГВИА. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 158–158об.; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131, 132.

⁷⁴⁴ Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37, 53, 350, 534; Д. 561. Л. 188, 199, 200, 206, 207; 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 254; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2, 17–17об.; Д. 954. Л. 2, 63–63об., 78об.; *Милостанов Н.* О самострельстве и диагностике самострельных ранений // Врачебно-санитарный сборник Украинского военного округа. Харьков, издание украинского окружного военно-санитарного управления, 1924. С. 29.

способы получения ран стали более замысловатыми, ставя в тупик полковых врачей. Тем более удивляло получение таких ранений при отсутствии боев⁷⁴⁵.

Соккрытие практики членовредительства объяснялось тем, что 60–70% ранений приходились на конечности. Однако приблизительное количество членовредителей можно рассчитать как разность между количеством «легкораненых» в верхние конечности на русском фронте в 45–55%⁷⁴⁶ и количеством таких случаев в других армиях в годы войны – в 25–35%⁷⁴⁷. Эта разница в 10 и более процентов составляет в абсолютных цифрах около 200 тыс. и выше «палечников»⁷⁴⁸.

Для пресечения этого вида воинского преступления военное начальство изменило соответствующие статьи 126 и 127 Свода военных постановлений. С ноября 1914 г. умышленное нанесение себе ранений наказывалось смертной казнью или каторжными работами от 2 до 20 лет, а перед лицом неприятеля – смертной казнью. Однако, судя по документам, эти наказания

⁷⁴⁵ *Онпель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 3; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37, 53, 350, 534; Д. 561. Л. 188, 199, 200, 206; 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496об.; Д. 3863. Л. 254; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 375; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2об.; Д. 954. Л. 2–2; Приказ Верховного Главнокомандующего № 194 от 16 октября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 3–4; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 10–11; *Фурманов Д.* Дневник (1914–1915–1916). М.: Московский рабочий, 1929. С. 125, 126; *Онпель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 22–23; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 8–9.

⁷⁴⁶ *Савин В.Н.* Первые 100000 больных и раненых нижних чинов, прошедших через Пресненский распределительный госпиталь в Москве за время с 3/X 914 г. по 20/VII 1915 г. // *Русский врач.* 1917. № 3. С. 53; Характер ранений среди госпитальных больных Петрограда Всероссийского земского союза // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины.* 1916. № 9. С. 1149; *Онпель В.А.* Указ. соч. С. 42.

⁷⁴⁷ *Adamson P.B.* A comparison of ancient and modern weapons in the effectiveness of producing battle casual ties // *J. roy. Army Cps.* 1977. V. 123. P. 99; *Старокадомский Л.* Русско-японская война // *Энциклопедический словарь военной медицины.* М.: Государственное издательство военной медицины. Том 4. 1948. Стб. 1199; *Онпель В.А.* Очерки хирургии войны. Л.: Наркомздрав СССР, Государственное издательство медицинской литературы, ленинградское отделение, 1940. С. 42; *Опокин А.А.* Хирургия военно-полевых ранений (Опыт империалистической и гражданской войн). Томск, 1931. С. 471; *Шейнис В.* Хирургическая помощь во французской армии в мировую войну 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1938. С. 72; *Кричевский Я.Н.* Санитарная служба французской армии во время мировой войны 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1939. С. 223; *Wiimett H., Orr M. D.* An Orthopedic Surgeon's Story of the Great War. Lincoln, Nebraska, U. S. A. December 1921. P. 51; *The medical Department of the United States Army in the World War. Vol. XI. Surgery. Part one.* Prepared under the direction of maj. gen. M. W. Ireland. Washington, 1927. P. 4–5.

⁷⁴⁸ Россия в мировой войне 1914–1918 года (В цифрах). М., 1925. С. 25, 30.

практически не применялись, а следствие по ним затягивалось вплоть до Февральской революции, когда по всем подобным делам стали выносятся оправдательные приговоры. Попытка наказания семей членовредителей также не имела успеха, как и применение этой меры к семьям сдатчиков в плен. Поэтому начальство некоторых фронтов приняло ряд собственных мер. На Юго-Западном фронте с осени 1915 г. поезда с «палечниками» останавливали, членовредителей подлечивали в ближайших госпиталях и отправляли вновь в окопы. Этот приказ вызвал, однако спор среди части военных, полагавших нахождение таких инвалидов на фронте бессмысленным, требующим даже для них самих помощи⁷⁴⁹, опасным в пропагандистской войне с противником в случае их попадания в плен, и несправедливым по отношению к действительно получившим такие раны честным бойцам. Выходом из этого в 1916 году стало принятие решения, по которому легко раненые оставались при полковых обозах 2-го разряда под наблюдением за ними полкового врача⁷⁵⁰.

Но главной проблемой оставалась врачебная экспертиза случаев самострельства в полках, отчего зависела передача дел в военно-полевой суд. При этом само доказательство умысла нанесения огнестрельных саморанений не являлось сложным из-за наличия на коже и одежде характерных следов от пороха⁷⁵¹. Но в вопросе причин и следствий

⁷⁴⁹ Расписание А. Болезней, и телесных недостатков, по которым призываемые к отбыванию воинской повинности освобождаются навсегда от службы в постоянных войсках как совершенно к ней неспособные. М., 1916. С. 11.

⁷⁵⁰ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 29; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 4, 375, 380–381, 395; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 175об.; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 11; Приказание войскам гвардии и войскам 1-го и 30-го армейских корпусов № 128 от 29 июля 1916 г. // РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 341.

⁷⁵¹ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 5, 21; *Опель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 22–23; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 207; *Новиков В.Н.* К вопросу об отеке конечностей после травмы // Русский врач. 1916. № 48. С. 1140–1141; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. // Врачебная газета. 1916. № 9. С. 131, 132; *Соколовский К.К.* Указ. соч. // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 42; *Дьяконов П.П.* Случаи членовредительства с целью уклонения от военной службы // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1081; *Милостанов Н.* Указ. соч. С. 30–32;

огнестрелов полковые врачи занимали отнюдь неоднозначную позицию. Только часть из них проявляли инициативу в быстром раскрытии этого вида воинского преступления. Многие врачи были сторонниками крайне тщательного изучения каждого случая членовредительства, часто уклоняясь от заключений, подводивших самопальщиков под суд⁷⁵². Эти врачи, как правило, разделявшие концепции «общественной медицины» о роли социальных условий в болезнях, рассматривали нарушителей как жертв окопной жизни, испытавших психоз и не несущих за это уголовной ответственности⁷⁵³. Кроме того, они ставили в пример практику ограждения солдат от огульного обвинения в членовредительстве, существовавшую в армиях союзников, где предпочитали защиту даже виновного в членовредительстве обвинению верных своему долгу бойцов. Но базой для такой практики борьбы с членовредительством на Западе были особые комиссии на фронте с возможностью обвиняемому доказать свою невиновность. Независимость и компетенция такой судебной экспертизы обеспечивалась необходимым врачебно-экспертным персоналом на фронте, материально-технической базой, специальной литературой по борьбе с самострелами⁷⁵⁴, чего не было на Русском фронте. Особая же позиция врачей и деятелей «общественной медицины» в русской армии, нехватка необходимого персонала, а главное – несравненно большее количество самих случаев самострелов в условиях России приводили к затягиванию расследований, а часто и к прямому оправданию членовредителей. Это стало ясно в 1917 году, когда членовредители и «укунтуженные» (новая форма симуляции) стали вести себя нагло по отношению к больничному персоналу,

Колкутин В.В., Соседко Ю.И. Судебно-медицинская экспертиза при подозрении на членовредительство и симуляцию. М.: «Юрлитинформ», 2004. С. 36–44.

⁷⁵² *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 11, 31; *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 5–10, 14–15, 16, 20–21, 24.

⁷⁵³ Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1149; *Рубашев С.М.* Об огнестрельных ранениях кисти и пальцев // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 24, 29.

⁷⁵⁴ *Мокин Н.* Об огнестрельном ранении и переломах костей кисти и пальцев рук и их планомерном лечении. Врачебно-санитарные известия Российское общество Красного креста Юго-Западного фронта. 1917. 12, С. 86–87.

вынужденному ухаживать не за фактическими больными и ранеными, а за уклоняющимися от своего долга⁷⁵⁵.

Представленный материал⁷⁵⁶ показывает такую особенность фронтовой повседневности, как зависимость совершения членовредительства и предотвращения этого преступления от общего состояния военно-медицинского дела в стране, общественной позиции врачебного персонала по вопросам дисциплинарного контроля в армии. Опыт же самого контроля «над телом» оказался востребованным уже в армии Советской России в годы Гражданской, Зимней (Финской) и Великой Отечественной войн. Только в последней войне удалось изменить методы такого контроля в ходе фронтовой повседневности, в которой тело было приведено к послушанию для войны и труда⁷⁵⁷.

⁷⁵⁵ Повеление Верховного Главнокомандующего русской армии от 4 октября 1914 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 153; *Свионтецкий И.О.* Указ. соч. С. 452; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 30–31; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 31; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2об., 17–17об.; Д. 208. Л. 2–3, 63, 96–96об.; Д. 954. Л. 1–157; начальник гарнизона Невеля – главному начальнику Двинского военного округа от 26 апреля 1917 г. // РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 300. Л. 34.

⁷⁵⁶ Подробно анализ борьбы с членовредительством на Русском фронте см. в: *Асташов А.Б.* Русский фронт... С. 495–515; *Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // *Новый исторический вестник.* 2012. № 34(4). С. 6–18; *Асташов А.Б.* Членовредительство как фактор инвалидизации русской армии в годы Первой мировой войны // *ИНВАЛИДЫ И ВОЙНА. Инвалиды Первой мировой войны: Исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «ИНВАЛИДЫ И ВОЙНА. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки».* М., Изд-во МНЭПУ, 2013. С. 102–109.

⁷⁵⁷ Отчет о съезде хирургов Красной армии Северного фронта (20 по 25 октября 1919 г.) // *Врачебный вестник. Научный медицинский журнал Вологодского Губернского Отдела Здравоохранения и Рижского военного Госпиталя.* Апрель – июль 1921 г. Вологда: Р.В.Ц Вологда. Типография «Северосоюза», 1921. С. 101; *Григорьев А.* Советско-финляндская война 1930–1940 гг. // *Энциклопедический словарь военной медицины.* М.: Государственное издательство военной медицины, 1950. Т. 6. Стб. 198; там же. Т. 2. М., 1947. Стб. 1412; *Усольцева В.В.* Статистика и характеристика огнестрельных повреждений кисти и пальцев // *Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.* Т. 18. М.: Медгиз, 1950. С. 29; *Колкутин В.В., Авдеев А.М., Соседко Ю.И., Ермоленко Э.Н.* М.И. Авдеев – выдающийся ученый и организатор судебно-медицинской экспертизы. М.: Медицина для всех, 2001. С. 22–50.

4. Преступление и проступок в контексте социальной истории войны

Широко развитые антивоенные настроения, попытки ухода от войны вели к валу правонарушений, ставших неотъемлемым элементом фронтовой повседневности. Одним из серьезных правонарушений на фронте являлись братания. Кроме указанных проявлений крестьянско-православной ментальности, братания имели, очевидно, преступный аспект, заключающийся в создании условий для подрывной работы противника. Так, согласно данным русской контрразведки, немцы в ходе братаний вели переговоры о совместной сдаче в плен, распространяли пропагандистскую литературу «пораженческого» характера, фотографировали русские позиции и т.п. Особенно усилились братания в конце 1917 г., представляя, в сущности, инструмент разложения армии⁷⁵⁸.

В основном братания на Русском фронте происходили самовольно и стихийно. Ближайшее начальство знало о братаниях и фактически снисходительно относилось к ним как к форме отдыха солдат от трудной службы. Однако у высшего военного руководства братания вызывали беспокойство⁷⁵⁹. Для пресечения братания применяли ст. 244 Военного устава о наказаниях, трактовавших эти действия как «сношения с неприятелем» «без злого умысла», за что полагалось разжалование в рядовые. По измененной редакции этой статьи устанавливалось наказание в виде исправительных работ до 6 лет, или до 20 лет каторги, если во время братания происходила передача секретных данных⁷⁶⁰. Но из-за массовости участников братания эти статьи не применялись. Единственной эффективной

⁷⁵⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 172; Д. 2934. Л. 163, 177; Д. 3856. Л. 50об., 60; Д. 3863. Л. 526об., 584, 613, 662; *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 42–45; *Френкин М.* Указ. соч. С. 676–679.

⁷⁵⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 111, 112, 113.

⁷⁶⁰ *Воинский устав о наказаниях.* СПб., 1899. С. 95; *Огнев Д.Я.* *Воинский устав о наказаниях.* Издание 6-е. Пг., 1916. С. 310.

мерой пресечения братания оставалась стрельба артиллерии по участникам братаний⁷⁶¹, что происходило, однако, от случая к случаю⁷⁶².

В целом командование удивительно мягко относилось к братаниям. Даже после явного массового характера братаний в апреле 1916 г.⁷⁶³ военные власти заняли уклончивую позицию в деле их пресечения. Главком армиями Северного фронта ген. Н.А. Куропаткин в июне 1916 г. не доложил в Ставку о пасхальном братании, «чтобы не тревожить государя», считая, что предполагаемое успешное наступление в мае «сметет всю вредную накипь, образовавшуюся от сидения в окопах»⁷⁶⁴.

Меры властей в отношении пресечения братания вообще запаздывали. Власти не учитывали динамику нарастания нарушения этого вида воинской дисциплины, его устойчивого характера, совпавшего с массовыми проявлениями других видов преступности. На Западном фронте мирового театра войны уже после Рождества 1914 г. началась борьба с братаниями путем жесткого контроля над частями, участвовавших в этих акциях, срыва перемирий, смены братающихся частей, обстрела участков братания артиллерией. В русской армии неадекватные меры командования позволили братаниям превратиться из способа временного ухода от войны в средство ее, войны, прекращения⁷⁶⁵ вплоть до требования мира любой ценой⁷⁶⁶.

Из нарушений, хотя и не преследовавшихся в рамках воинских преступлений, нужно остановиться также на пьянстве, мошенничестве, разврате, очевидно подрывавших боеспособность армии. С начала войны были приняты строгие меры для недопущения пьянства в армии. В то же

⁷⁶¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 146–148об.; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 618. Л. 105–105об.; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Ч. 1. Л. 157об; Ч. 2. Л. 510.

⁷⁶² Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 37; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 616. Л. 209; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 13–14; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 576. Л. 32.

⁷⁶³ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 576. Л. 32.

⁷⁶⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 9.

⁷⁶⁵ Ashworth, Tony. Op cit. P. 7, 76–99, 202, 225–226; Pedroncini G. Les mutineries de 1917. P., 1967. P. 310–311.

⁷⁶⁶ См. многочисленные наблюдения над ситуацией на Русском фронте летом и осенью 1917 г. глазами военных цензоров и комиссаров различных фронтов: РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 230–236, 259, 283, 286–287об., 334–334б, 340, 389; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 978. Л. 454–455; Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 45–65.

время имели место масса нарушений установленных правил потребления алкоголя. Это касалось, прежде всего, офицеров в прифронтовых городах, где контроль за потреблением спиртного и борьба с пьянством были возложены на жандармов⁷⁶⁷. Но с весны 1915 г. появились указания на пьянство и среди солдат, включая Петроград. Эти случаи участились во время «великого отступления» летом 1915 года⁷⁶⁸. В 1916 г. размеры пьянства еще более возросли вследствие ослабления контроля над удаленными фронтами (Румыния), ситуацией в Румынии с ее большими запасами вина, возросшей усталостью войск⁷⁶⁹.

Пьянство хотя само по себе не подпадало под военно-уголовную статью, однако с ним была связана масса воинских преступлений: дезертирство, торговля казенным имуществом и т.п. Пьянству в армии способствовали местные жители, охотно предлагавшие солдатам алкоголь в обмен на дефицитные предметы первой необходимости. Полиция практически не принимала никаких мер в прифронтовых городах⁷⁷⁰. Размах пьянства серьезно увеличился во время Пасхи 1916 г.⁷⁷¹, и на Новый год и Рождество 1917 года⁷⁷². После Февральской революции пьянство на фронте и вообще в армии резко возросло, стало показателем развала в вооруженных сил, приближения коллапса фронта и государства.

На грани преступности в армии были такие деяния, как игра в карты, болтливость, неосторожное сообщение сведений, составляющих военную тайну. В наибольшей степени это касалось информации, которую сообщали военные в своих письмах (до 40% всей корреспонденции). Никакие

⁷⁶⁷ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 17об., 18, 19, 20–20об., 62–62об.

⁷⁶⁸ РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 201. Л. 154; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 310, 314–315; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 65об.

⁷⁶⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 38, 141–141об., 253–253об.

⁷⁷⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 194; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 35, 37, 39–40об., 48, 49, 53, 54, 60–62, 63–63об., 67, 68–69, 144–144об., 147об., 154, 167об., 214, 221, 263, 265–265об., 67.

⁷⁷¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 274; Д. 3856. Л. 81об., 270об., 279об.; Д. 2934. Л. 140, 248, 174, 167, 248, 175; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 215; Д. 1040. Л. 182–183; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 187–187об., 177; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 318об.

⁷⁷² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 154об.–155, 205, 228, 244об., 255об., 256, 274, 280–280об., 295, 295об., 322; 351–351об., 370об., 342об., 371.

напоминания, угрозы, административные меры здесь не исправляли ситуацию⁷⁷³.

Значительную группу воинских преступлений составляли деяния, затрагивавшие одновременно воинский порядок, боевую дисциплину, и противозаконные интересы населения, причем как прифронтовой полосы, так и тыла. Одним из таких видов воинских преступлений являлось мародерство. Особенно неприемлемым для командования было «массовое мародерство» на передовой линии, когда солдаты, принимались «шарить» в неприятельских окопах и в мешках раненых и мертвых на поле боя прямо в разгар сражения, даже забывая выгнать отстреливающегося врага. Именно этим часто объяснялись срывы атак, большие потери⁷⁷⁴. Следовавшие и после боя сбор «трофеев», обирание убитых и раненых, причем как «своих», так и «чужих», производили разлагающее действие на войска⁷⁷⁵. Наказание за это преступление было изъято из Воинского устава о наказаниях еще в 1911 г. Авторы соответствующей статьи оправдывали снятие с убитого сапог, амуниции, платья «насущной потребностью» и «отсутствием» хозяина взятых вещей. Поэтому юридически мародерство приравнивалось к простой краже, наказывавшейся штрафом в 300 руб. по Мировому уставу. В единичных случаях применялась ст. 1644–46 Уложения о наказаниях за грабеж или разбой с правом главковерха ужесточать наказание вплоть до смертной казни⁷⁷⁶. Как видно, разработчики Устава о наказаниях не приняли в расчет массовый характер этого вида преступления. После установления позиционной войны с осени 1915 г. волна мародерства прекратилась. Однако теперь воинские имущественные преступления перекинулись на гражданское население прифронтовой области.

⁷⁷³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74об., 79об., 87об., 105, 105об., Л. 330; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 363, 370об., Д. 2935. Л. 93; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 970.

⁷⁷⁴ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 448–448об.; Департамент Полиции МВД – и.д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба ген. М.Н. Леонтьеву от 12 мая 1916 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8207. Л. 40–40об.

⁷⁷⁵ РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 4; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 54, 77, 78–78об., 83–85, 86.

⁷⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 80–81, 83–85.

Сообщения о массовых грабежах имений оккупированных территорий появились уже в первые месяцы войны⁷⁷⁷. После оставления Восточной Пруссии начались грабежи имущества на территории самой России, в частности в отношении евреев, поляков и других жителей западных окраин. Особенно сильно были распространены грабежи во время отступления войск, они сопровождались насилием, истреблением посевов, лесов, разгромами винных складов и т.п. Многие из грабежей солдаты производили совместно с местными жителями, которые видели в таких действиях акты социальной справедливости против «эксплуататоров» (помещиков, евреев и др.), а помощь солдат в их глазах представлялась как проявление социальной солидарности. Население порою больше боялись русских воинских команд, чем неприятельских разъездов⁷⁷⁸. Особенно усердствовали в грабежах казаки⁷⁷⁹. Вопрос о мародерстве, грабежах населения был поднят и в Государственной думе⁷⁸⁰. В результате в армиях стали предавать суду мародеров и грабителей из числа военных⁷⁸¹, применять розги⁷⁸². Разгромы имений, расхищение имущества в прифронтной зоне продолжались вплоть до революционного 1917 года⁷⁸³.

Большую роль в прекращении мародерства собственно военных сыграло развитие меновой торговли во время братаний, спекуляция военным имуществом. Множество видов воинских преступлений происходило при участии населения. Одним из них было промотание (т.е. продажа с надеждой получить вновь из казны) воинского обмундирования. В прифронтных

⁷⁷⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 19–20, 22, 31–31об.

⁷⁷⁸ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 1739. Л. 4–4об., 9–9об., 48, 82–83об., 271, 243; Оп. 2. Д. 91. Л. 79–80; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 288; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 412, 490; Ф. 2196. Оп. 1. Д. 483. Л. 18.

⁷⁷⁹ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 88. Л. 191–192; Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 10–10об., 38–39, 42–47; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 503–503об.

⁷⁸⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 87–87об.

⁷⁸¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 49–49об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2916. Д. 317–317об.

⁷⁸² Ляхов М.Н. Указ. соч. С. 19.

⁷⁸³ РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 296–296об.; Д. 152. Л. 71–71об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 91. Л. 43, 45, 61–62; Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 120; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 347, 348, 520–520об.; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 281. Л. 766.

городах прямо на базарах торговали солдатским товаром⁷⁸⁴. Все солдатские вещи местное население получало у дезертиров, которые вошли в тесное сотрудничество с этапным начальством, получавшим от этой операции немалую мзду⁷⁸⁵. Первоначально в скупке воинских вещей обвиняли евреев. Однако чем дальше от фронта и ближе к 1917 году, тем чаще в скупке вещей принимали участие широкие слои населения внутренних районов⁷⁸⁶. По мере усиления социально-экономического кризиса осенью 1916 г. скупка вещей у солдат приобретала все больший размах⁷⁸⁷. Скупка населением солдатских вещей вела к другим правонарушениям: дезертирству, пьянству, разврату, разбою. Такая деятельность наносила громадный ущерб государству, способствовала сплочению солдатского и гражданского элемента, участвовавшего в этой форме присвоении государственного имущества.

Власти предпринимали самые разные меры для прекращения скупки воинского имущества: вводили патрули на вокзалах и базарах, штрафовали и даже выселяли в Сибирь скупщиков и т.п.⁷⁸⁸ Были пересмотрены соответствующие статьи наказаний Свода военных постановлений. Теперь за промотание имущества вместо 1–2 месяцев военной тюрьмы виновным грозил срок от 1 до 2,5 лет тюрьмы, вплоть до военной каторги в 4–8 лет⁷⁸⁹. Планировалось даже предание военно-полевому суду как виновных в промотании имущества, так и скупщиков⁷⁹⁰. Но ни грозные статьи наказаний, ни попытки пресечь сам процесс скупки вещей на вокзалах и железнодорожных станциях не достигали результата. Не действовали и штрафы по отношению к населению, особенно когда выяснилось, что в

⁷⁸⁴ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 57–57об.; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 56, 72–72об., 79, 90–91об., 120, 168–168об., 251; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 20; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 805. Л. 132, 501.

⁷⁸⁵ РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 75; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 484–484об.; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 280–280об.

⁷⁸⁶ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 66; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 89; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 62; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 58.

⁷⁸⁷ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 2.

⁷⁸⁸ РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 223–224; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 8, 12, 13–13об., 19, 25, 39, 63, 84.

⁷⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 91.

⁷⁹⁰ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 10–10об.

скупке принимают участие не только евреи, но и «истинно русские люди»⁷⁹¹. Фактически скупщиков покрывали как военные, так и гражданские власти на местах⁷⁹².

Промотание вещей в значительной степени основывалось на сходимости интересов солдат и гражданского населения. Многие вещи солдаты привозили домой при поездке в отпуск, а основными продавцами этих вещей были женщины, в основном солдатки, что затрудняло репрессии против солдатских семей. Единственной действенной мерой власти считали борьбу с профессиональными скупщиками⁷⁹³. По своему размаху эти меры походили на комплекс мер с мешочничеством в годы Гражданской войны, что оказалось возможным уже при другой социально-политической системе.

Большой вред армии приносило распространенное на театре военных действий «мошенничество» в виде торгово-хозяйственных махинаций при поставках в армию продовольствия, вещей и т.п. Первоначально в этих действиях обвиняли евреев, но позднее в этом виде преступлений были замечены военные, представители населения из великорусских губерний. В частности, нижние чины переодевались и выдавали себя за офицеров, пытались получить на складах дефицитные товары, алкоголь и т.п.⁷⁹⁴ Получило развитие фактическое мошенничество и среди многочисленных общественных организаций, обслуживающих армию. В массовых хищениях, невыполнении принятых на себя обязательств перед казной обвиняли Всероссийские Земский и Городские союзы, их объединенный отдел Земгор, военно-промышленные комитеты. Однако существует немало свидетельств о преступной бесхозяйственности, спекуляции, невыполнении социальных

⁷⁹¹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 9а–9аоб.; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 479; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 19–23, 34.

⁷⁹² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 78–78об.

⁷⁹³ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 29, 32, 32об., 34, 66–67, 104–105.

⁷⁹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 110, 113; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 152. Л. 28–28об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1035. Л. 89–89об., 93; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 168–168об.

функций со стороны государственных организаций – «Северопомощи» и «Югопомощи»⁷⁹⁵.

Проблема преступности коснулась во время войны и самого состава армии. Этому способствовала особенность мировой войны, требовавшая всеобщего тотального личного призыва. В такой войне становится актуальным привлечение на дело обороны ресурсов даже таких групп, которые в мирной ситуации являются вредными для общества и изолируются. Для современной войны с ее всеобщим призывом характерно несение тягот, которые в обычной жизни рассматриваются как наказание: крайне тяжелые, «каторжные», условия работ с крайне высокой степенью риска для здоровья и для жизни. Но на войне такое «наказание» вынуждены терпеть как раз обычные, «невиновные», люди. Тем более несправедливым является избегание тягот современной войны для преступных элементов.

Впервые вопрос о привлечении уголовных элементов к несению службы встал в самом начале войны по отношению к военнослужащим, проходившим наказание в военно-тюремных учреждениях: военных тюрьмах и дисциплинарных батальонах. 23 июля 194 г. царь утвердил доклад Военного министра, согласно которому в строй направлялись заключенные военно-тюремных учреждений (кроме разряда «худших»). Им было предоставлено право «доблестною и усердною своею службой во время войны облегчить свою участь и даже получить совершенное помилование»⁷⁹⁶. Из военно-тюремных учреждений уже в первые месяцы войны были высланы на фронт фактически все (свыше 5 тыс.) заключенных и подследственных, а сам штат тюремной стражи подлежал расформированию⁷⁹⁷. Формально считалось, что царь просто приостановил дальнейшее исполнение судебных приговоров над обитателями военно-дисциплинарных учреждений. Военное начальство с удовлетворением

⁷⁹⁵ РГВИА. Ф. 14348. Оп. 1. Д. 1.

⁷⁹⁶ Правила о порядке постановления и исполнения приговоров над военнослужащими в районе театра военных действий; Прил. 10 к ст. 1429 Военно-судебного устава: РГВИА. Ф. 2126. Оп. 2. Д. 232. Л. 1об.

⁷⁹⁷ РГВИА. Ф. 2126. Оп. 2. Д. 232 Л. 3–4об., 6аоб., 10–11, 14–23, 25–29.

констатировано, что не прошло и месяца, как стали приходить письма, что бывшие заключенные отличились и награждены знаками отличия военного ордена⁷⁹⁸.

Летом 1915 г. в связи с большими потерями встал вопрос о посылке в армию осужденных или состоящих под судом из состава гражданских лиц, лишенных по закону права защищать родину. Еще ранее вопрос этот подняли сами уголовники, но эти просьбы были оставлены без последствий. Теперь военное ведомство предлагало отправить в армию лиц, находившихся под следствием, под судом, осужденных, а также находившихся уже в тюрьме и в ссылке⁷⁹⁹. Также предложено было отправить на фронт лиц, состоявших под надзором, освободившихся из заключения, но пораженных в правах, задержанных военнообязанных, совершивших мародерство в прифронтовой полосе, заключенных из эвакуированных территорий. Это касалось как новобранцев, так и запасников и ратников ополчения перечисленных категорий правонарушителей. В августе 1915 года начальник штаба главкомархива ген. М.В. Алексеев выступил за эту меру при условиях, если будут хорошие отзывы тюремного начальства и если бывших уголовников распределят по войсковым частям равномерно, во избежание концентрации в частях порочных людей. Инициатива военного ведомства была поддержана и в Главном штабе с уточнением, чтобы из допущенных в войска были исключены осужденные за разбой, грабеж, вымогательство и присвоение и растрату чужого имущества, кражу и мошенничество, ибо такого рода элемент «развращающе будет действовать на среду нижних чинов и несомненно будет способствовать развитию в армии мародерства»⁸⁰⁰. Вопрос этот вскоре был представлен на обсуждение в Министерство Юстиции и, наконец, царю в январе 1916 г.⁸⁰¹. Подписанное 3 февраля 1916 г. (в порядке ст. 87 Основных законов) положение Совета Министров позволяло

⁷⁹⁸ РГВИА. Ф. 801. Оп. 30. Д. 14. Л. 42, 45об.

⁷⁹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1221. Л. 2–3об., 342

⁸⁰⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 242–242а; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 805. Л. 1.

⁸⁰¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 805. Л. 239, 249об.

привлекать на военную службу лиц, состоящих под судом или следствием, а также отбывающих наказание по суду, за исключением тех, кто привлечен к суду за преступные деяния, влекущие за собою лишения всех прав состояния, либо всех особенных, лично и по состоянию присвоенных. То есть, закон касался лиц, отбывших или отбывающих наказания за наиболее тяжкие преступления⁸⁰². Реально речь шла, конечно, о предоставлении отсрочки для таких лиц до конца войны.

Далее встал вопрос о призыве лиц, состоящих под полицейским надзором и также не подлежавших призыву. Опасения были в том, что некоторые из этих лиц могли специально совершить правонарушение и, будучи подвержены следствию, суду или даже надзору, избежать военных тягот. Опасались также посылки в армию крайне неблагонадежного политического элемента. Правда, за время войны таких поднадзорных было всего около 1800 чел., за исключением лиц, высланных за шпионаж, германофильство, принадлежность к военно-революционным и террористическим, анархическим и другим «более серьезным революционным организациям». Реально предполагалось, что вопрос об освобождении будут решать губернаторы и градоначальники⁸⁰³.

Вскоре был поднят вопрос и о привлечении к делу обороны бывших уголовников, отбывших наказание за тяжкие преступления. Ранее они были лишены права отбывания воинской повинности⁸⁰⁴. В Главном штабе насчитывали таких лиц в 23 возрастах около 540 тыс. Даже если вычесть из них выбраковку по физическому состоянию, оставалось около 360 тыс. человек бывших уголовников⁸⁰⁵. Но оставались опасения в отправке их на фронт. В октябре 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев высказал предложение об использовании таких уголовников в особых военно-рабочих командах на особо тяжелых работах на пользу армии: по испытанию и

⁸⁰² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1221. Л. 1–2, 16–16об.

⁸⁰³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1221. Л. 16–16об., 46–47.

⁸⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1221. Л. 146.

⁸⁰⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 139. Л. 14.

применению удушливых газов, на химических предприятиях, в отрядах по постройке и усовершенствованию передовых окопов и искусственных препятствий под огнем противника, а также на некоторых тяжелых работах на заводах. Однако зам. министра внутренних дел С.А. Куколь-Яснопольский полагал и эту меру мало осуществимой. В качестве аргументов он находил, что для содержания команд из «порочных лиц» потребовалось бы большое количество конвойных, как для поддержания среди них дисциплины и порядка, так и, в особенности, для недопущения ими новых преступлений и побегов со службы. С другой стороны, опасались, что нахождение подобных команд в сфере огня противника, т.е. среди действующих войск первой линии, отразится на духе этих войск в «самом нежелательном направлении». Наконец, невозможно было бы посылать бывших уголовников на заводы, где потребовались бы чрезвычайные меры охраны, и была возможность вредного влияния остальную рабочую массу⁸⁰⁶.

Осенью же вновь был поставлен вопрос о посылке на фронт лиц, находившихся под жандармским надзором. Однако в Главном штабе опасались разлагающего влияния неблагонадежных элементов на войска, а с другой стороны – указывали на их незначительное количество⁸⁰⁷. При этом армию беспокоили и допущенные в нее уголовники, и проникновение неблагонадежных лиц, часто являвшихся «авторитетами» для уголовников. Когда с сентября 1916 г. в запасные полки Омского военного округа стали поступать «целыми сотнями» лица, допущенные в армию по закону 3 февраля 1916 г., то среди них оказалось много лиц, о которых были весьма неблагоприятные отзывы жандармской полиции. По данным командующего округом, эти лица (в том числе и видные революционные работники РСДРП, ПСР) вели пропаганду против войны, отстаивали интересы рабочих и крестьян, убеждали сослуживцев не исполнять приказаний начальства в случае привлечения к подавлению беспорядков и т.п. Генерал категорически

⁸⁰⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 139. Л. 5об., 14.

⁸⁰⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 136. Л. 30.

высказывался против их посылки на фронт, поскольку они «нравственно испортят самую лучшую маршевую роту», и убедительно просил избавить войска от преступного элемента⁸⁰⁸. Однако бывшие уголовники продолжали поступать в войска, включая передовую линию⁸⁰⁹. Этот элемент сыграл определенную роль в волнениях в армии накануне революции⁸¹⁰. Апогеем декриминализации воинских преступлений явился указ Временного правительства «об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», принятый Временным правительством 17 марта 1917 года⁸¹¹.

Исходя из анализа приведенного материала о состоянии дисциплины в русской армии можно сделать следующие выводы. В годы Первой мировой войны русская армия оказалась перед лицом массы воинских преступлений. Их номенклатура охватывала все проявления воинских преступлений на фронте и одновременно являлась показателем дестабилизирующего влияния воинской преступности на социально-политическую ситуацию в стране в целом. Власти на фронте не способны были противопоставить преступности ни адекватные дисциплинарные меры, ни военно-судебные кары. Особенностью воинских преступлений, кроме их массовости, была также крайне слабая осознанность нарушителями своих деяний при очевидном нарастании криминализации, как самой армии, так и общества. Недостаточное же фиксирование преступлений военно-судебными органами подчеркивает неспособность военно-судебной машины справиться с кризисом армии и одновременно скрытый антигосударственный характер этого аномичного для общества процесса. Фактически в течение войны постоянно нарастала безнаказанность по отношению к воинским лицам, совершившим преступление. Тем самым у остальных групп военнослужащих укреплялось ощущение не только о возможности избежать наказания за преступление, но и стремление к уничтожению самих общественных

⁸⁰⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 136. Л. 204об., 213–213об., 215об.

⁸⁰⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 56об.

⁸¹⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 41об., 43об.

⁸¹¹ Собрание узаконений № 63 от 19 марта 1917 г.

институтов, определяющих правовые нормы. Во время революции 1917 г. негативные процессы в армии закончились формальными актами декриминализации преступных деяний. Знаменитый «Приказ № 1» по существу являлся в этом смысле легализацией отказа от военной дисциплины⁸¹².

§ 2. Солдатские массы в информационном поле войны

1. Пропаганда на Русском фронте

Для успеха военных действий в современной войне армия нуждалась в эффективном идеологическом контроле. Для этого необходимо было задействовать имеющиеся средства информации, использовать соответствующую литературу, создать систему морально-политического воспитания и т.п., которая стала бы действенным инструментом повседневной практики убеждения⁸¹³.

В деле морально-политической подготовки армейского контингента существовали проблемы, которые существовали в репрезентации общих целей войны и представленных в пропагандистских проектах. Важнейшими из них является идея помощи славянским народам, особенно православным, в борьбе против «германизма», донесение для населения нейтральных стран позитивного образа России, укрепление дружественных отношений с союзниками в ходе защиты общих ценностей. В такой деятельности большое место играла бы пропаганда, которая требовала отказа от привычных

⁸¹² Подробно о преступности и борьбе с нею в русской армии в годы Первой мировой войны см.: *Асташов А.Б.* Русский фронт... С. 415-544; *Асташов А.Б.* Россия XXI. Воинские преступления как фактор криминализации России в Первой мировой войне // *Россия XXI.* 2016. № 5. С. 62-81; *Асташов А.Б.* Преступление и право в русской армии (1914 – февраль 1917 года) // *Вестник Тверского государственного университета.* 2012. № 18. Серия: «История». Выпуск 3. С. 52–78.

⁸¹³ *Аронсон Э., Пратканис Э. Р.* Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

стереотипов, а с другой – использования креативных приемов идеологической деятельности в соответствии с законами массовой коммуникации.

В ходе военно-политической пропаганды во время Первой мировой войны Россия в ее начале использовала массированное, с многомиллионными тиражами, распространение листовок, обращенных главным образом к народам Австро-Венгрии. Однако такая технически оснащенная пропаганда проигрывала в своем содержании. Ее основной концепт состоял в донесении народам Австро-Венгрии якобы родственных с Россией ценностей в виде славянского единства, религиозного родства (в отношении Восточной Галиции), а также смутных обещаний терпимости в области этнокультурных и этнополитических различий и дальнейшего продвижения реформ, на путь которых встала Россия.

Этим идеям австро-германская контрпропаганда противопоставила критику этнической политики России в Восточной Галиции, реальности российской жизни в области обеспечения прав и свобод своего собственного населения и сомнения в возможности осуществления новой геополитической политики, учитывавшей свободу и независимость славянских народов, входивших в состав Российской империи. Традиционные же образы России с ее хтоническими символами «родины-матери», ожидавшей возвращения в свое «лоно» славянских народов, мало действовали. Невысокая эффективность русской пропаганды была обнаружена во время «великого отступления» 1915 года, все тяготы которого легли как раз на славянские народы западных окраин империи, что и сказалось в их выборе не в пользу России⁸¹⁴. Показателем уязвимости русской пропаганды являются репрессивные меры, принятые по отношению к распространителям листовок со стороны Австро-Венгерской армии вплоть до смертной казни. В русской армии опасались даже самого приближения парламентариев со стороны

⁸¹⁴ Подробнее см.: *Асташов А.Б.* Русская пропаганда среди славянских народов в Первую мировую войну // К 80-летию Роальда Федоровича Матвеева: Сб. науч. Статей. М.: РГГУ, 2008. С. 33–41.

противника. Велика была роль австро-германской пропаганды, призывов сдаваться в плен и в ходе «великого отступления». В русской армии срочно принимались меры по организации бесед офицеров и священников с солдатами именно по содержанию прокламаций врага, усилению наблюдения за поляками, которых в первую очередь обвиняли в побегах⁸¹⁵.

Если русская пропаганда по отношению к славянским народам страдала переоценкой своей эффективности, то в отношении к германской армии, напротив, наблюдалась недооценка как своих действий, так и ответных мер. В России пропаганда основывалась на разделении объектов действий на «свои» и «чужие» народы, что и делало якобы возможным идеологическое воздействие только на родственные в этнической и идеологической области народы. Законы пропаганды, позволявшие вести такую идеологическую деятельность среди любых армий и народов в расчет не принимались. В результате пропаганда на германскую армию с использованием листовок с тиражом от нескольких сот до нескольких тысяч экземпляров, значительно уступала идейному воздействию на славянские народы и армии с миллионами листовок разового тиража. Ведение же немцами пропаганды на русских вообще оценивалось в моральных категориях как абсурдные, нечестные, подлые и т.п.⁸¹⁶ Попытки некоторых штабов использовать в войне листовок мотивы социальной борьбы, вплоть до разжигания классовой ненависти немецких солдат и рабочих к помещикам и капиталистам, а также солдат к офицерам, не получили большого распространения на русском фронте⁸¹⁷. Возможно опасались ответных действий противника, полагая более уязвимыми собственные позиции в социальной плоскости, что и показал позднее успех большевистских идей.

⁸¹⁵ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 87, 568об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4100. Л. 97–97об.; Д. 3855. Л. 157, 59, 70, 77, 78–78об., 80, 89–89об., 91; Ф. 2134. Оп. 1. 965. Л. 2; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 120; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1614. Л. 71.

⁸¹⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 556. Л. 41; Д. 557. Л. 514; Д. 739. Л. 61, 62, 85, 95, 97, 98, 103.

⁸¹⁷ *Асташов А.Б.* «Сдавайтесь скорее»: Русская пропаганда на германском фронте в Первую мировую войну // *Источник.* 1999. № 5. С. 54–60.

Весьма малый успех обнаружился и в проведении пропаганды России на нейтральные страны. Дело было в нехватке координации ведомств, вторичности и слабости идейного арсенала в пользу защищаемых в войне ценностей, недоверии к активным формам ведения идеологического воздействия путем кинематографа, радио и т.п. Применявшиеся же традиционные меры влияния путем элементарного подкупа газет оказались совершенно неэффективными и уязвимыми для контрпропаганды⁸¹⁸.

Главным в морально-идеологическом обеспечении военных действий являлась пропаганда в отношении самой русской армии. Проблемы здесь ощущались и до войны и коренились в невысоком уровне образования, отсутствии массовой культуры⁸¹⁹, в разобщенности культурных миров⁸²⁰. В значительной степени «борьба менталитетов», где традиция упорно боролась против современности⁸²¹, объяснялась постоянным окрестьяниванием городского населения⁸²². Эта ситуация локальности миров, засилья крестьянского менталитета была воспроизведена в дореволюционной армии⁸²³.

Трудности пропагандистской работы в армии объяснялись отсутствием в России развернутой идеологии⁸²⁴. Не было сотрудничества власти с обществом в продвижении общенациональных концепций как инструмента

⁸¹⁸ Подробно см.: *Асташов А.Б.* Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организации, средства, методы // Европейские сравнительно-исторические исследования. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 101–123.

⁸¹⁹ *Яковкина Н.И.* История русской культуры XIX век. СПб., 2002. С. 284–285; *Березовая Л.Г., Берлякова Н.П.* История русской культуры. В двух частях. Часть 2. М., 2002. С. 181, 205; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 386.

⁸²⁰ *Ларин Е.И.* Массовое сознание и массовая культура (на примере российского общества). Автореферат дисс.... канд. филос. наук, Ростов-на-Дону, 2000. С. 19.

⁸²¹ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1999. С. 337–338; *Свифт Э.* Указ. соч. С. 304–306, 347.

⁸²² *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1999. С. 317, 322–326, 341, 342; *Свифт Э.* Развлекательная культура городских рабочих конца XIX – начала XX века // Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2001. С. 303.

⁸²³ *Bushnell Y.* Op. cit. P. 565–576; *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1999. С. 386.

⁸²⁴ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л., 1978. С. 30–37.

формирования национальной идентичности⁸²⁵. Существовала серьезная разобщенность власти и общества в работе по подготовке населения к ожидаемым военным испытаниям⁸²⁶. В результате школа, молодежь не прошли необходимой военной подготовки⁸²⁷. При существовании невысокого образовательного уровня Россия значительно уступала западным странам в количестве экземпляров журналов и газет на душу населения⁸²⁸. В русской истории вообще отсутствовала традиция использования печатного слова, а аналоги западных «Пенни-газет» появились только в начале 20 в. (газета «Копейка»). В 1905–1907 гг. печать хотя и показала себя как «мать революции» (П.А. Столыпина), но обществу не удалось сделать ее «отцом порядка», т.е. инструментом устойчивых преобразований.

Наиболее действенным, современным на время Первой мировой войны считалась печать. Ее механизм в литературе определяется как процесс массовой коммуникации. Главным в процессе коммуникации является система отправления и приема информации⁸²⁹. Целью такой коммуникации является инициирование желания непосредственного действия для осуществления одного из элементов пропаганды⁸³⁰. Но именно здесь была масса противоречий. Прежде всего, существовала трудность в корреляции пропаганды, определявшейся идеологией, и агитации, представленной в приказах, наставлениях перед боем или в печати⁸³¹. Агитация требовала

⁸²⁵ Horn J. Op. cit. P. 2; Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 165–179.

⁸²⁶ Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. 1. М., 1910. С. VII–VIII, 11–24, 31–40, 136; кн. 2. М., 1911. С. 5–7, 49–66, 143–154.

⁸²⁷ Война и культурные задачи // Дети и война. Сборник статей. Киев, 1915. С. 69. Дж. Санборн попытку ввести военное образование молодежи в России считает доказательством существования нации, не выясняя, однако, насколько успешными были эти попытки // Sanborn J. A. Op. cit. P. 134–137.

⁸²⁸ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1999. С. 389–390.

⁸²⁹ Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986. С. 22, 23, 63, 65.

⁸³⁰ Маргулис Н. «Слово наше – это сила и оружие»: Литературная пропаганда в «испанском конфликте» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских исследователей. М., 2002. С. 173.

⁸³¹ Ларин Е.И. Указ. соч. С. 12, 15; Почепцов Г. Психологические войны. М.; Киев, 2002. С. 14.

жертвенности от солдат. Но цели агитации могли быть достигнуты, только если основная солдатская масса разделяла ценности, представленные в пропаганде⁸³². Кроме того, необходим был и аппарат канала коммуникации, готовность реципиентов правильно понять передаваемые сигналы и в соответствии с ними действовать. А это зависело от образования реципиентов (солдат), их нравственных параметров, и, главное, социальных установок, задававшихся их довоенным менталитетом. Лишь при необходимом сочетании этих компонентов коммуникационной цепи можно получить эффект воздействия.

В деле организации военной печати были проблемы и до войны. Она адресовалась чаще к офицерам, нежели солдатам. Материал не подчинялся какой-либо программе, наряду с образовательными статьями были статьи о психологии, воспитании воинов, боевой подготовке. Это было следствием отсутствия в армии воспитательных органов. Во время русско-японской войны появившиеся газеты действовали при штабах армий, но тираж их был незначительным, 1,5–6 тыс. экз., с периодичностью 2–3 номера в неделю. В годы революции военная печать значительно уступала даже нелегальным революционным изданиям, которых насчитывалось 33⁸³³.

Во время мировой войны власти пытались исправить дело с военной печатью, ставя целью обеспечить патриотической пропагандой все воинские чины⁸³⁴. За годы войны были созданы газеты при штабах всех фронтов (3 издания) и армий (13 изданий). Газеты имели официальную (обзоры боевых действий, перемещения по службе) и неофициальную (рассказы, письма, стихи, фотографии) части⁸³⁵. Но у газет был небольшой тираж, а всего на

⁸³² *Маргулис Н.* Указ. соч.

⁸³³ *Белогуров С.Б.* Военная периодическая печать в России начала XX века // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 81–83; Советская военная печать (исторический очерк). М., 1960. С. 3–4.

⁸³⁴ *Потанов Н.М.* Печать и война. М.; Л., 1926. С. 45–46; РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 962. Л. 20.

⁸³⁵ *Белогуров Б.С.* Указ. соч. С. 84; Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М., 1959. С. 211–212; *Гужва Д.Г.* Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны. Новосибирск, 2009. С. 31.

каждый полк приходилось 2–3 десятка экземпляров, к тому же они часто запаздывали, до недели и больше⁸³⁶. Редакции газет находились при военно-цензурных отделениях. Содержание газет отличалось официозным характером, в них было мало собственно «пропагандистских» статей, зато изобилие штампов в отношении противника. Отсутствовали инородческие газеты, были и трудности с печатанием: не было штатных военных корреспондентов, не хватало типографий, а существующие частные типографии военные не решались использовать для своих целей⁸³⁷.

Кроме военной печати допускались на фронт и гражданские газеты и журналы, как правило, «патриотического» направления⁸³⁸. Попадала на фронт и печать военно-общественных организаций, с мизерным, правда, тиражом и носившая сугубо деловой характер⁸³⁹. Чтобы держать армию вне политики, военные власти не допускали на фронт либеральную гражданскую печать даже весьма умеренного направления⁸⁴⁰.

Существовавшая же система пропаганды с использованием органов армейской печати оказалась неэффективной. Солдаты вообще критически относились к поступавшим в части военно-штабным газетам, использовали их для конвертов, считали их малоинформативными, сухими, «соской для взрослых» или просто лживыми. Цензора прямо подчеркивали, что газеты «не влияли коренным образом на образ мышления толщи войсковых масс»⁸⁴¹. Причина была в самих особенностях прохождения сигнала к потребителю,

⁸³⁶ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1337. Л. 115; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1203. Л. 10; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1311. Л. 105–110, 114; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 962. Л. 20, 49.

⁸³⁷ Дунайский вестник. 1917. № 5; № 6 // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 151; РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 150. Л. 15об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1344. Л. 3; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1203. Л. 19–21; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1344. Л. 3; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 962. Л. 77; *Гужва Д.Г.* Указ. соч. С. 34–38.

⁸³⁸ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1311. Л. 1–1об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 110–112.

⁸³⁹ Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М., 1959. С. 210–215.

⁸⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 783. Л. 1–7, 29, 31–40, 77–89; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 319об.; Д. 4211. Л. 45–46; *Потанов Н.М.* Указ. соч. М.; Л., 1926. С. 19–20; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 129–129об.

⁸⁴¹ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1311. Л. 114об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 161; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 124; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 403; 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 508об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 2. М.: Л., 1927. С. 206.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 54.

солдатам, находившихся в сложных социальных связях, в условиях многофакторного стресса, вызванного войной⁸⁴². Сама техника чтения, по складам, малограмотного солдата не позволяла схватывать конечную мысль автора (пропагандиста). Она утрачивалась в коммуникативном процессе доставки информации. При этом в тексте содержались слова, имевшие более важный смысл в ряду крестьянского традиционалистского сознания: «мир», «земля», «родина». Блокировке усвоения информационного продукта способствовало также чтение текстов вслух, принародно, что провоцировало слухи, разговор⁸⁴³, являвшиеся частью коммуникативного процесса традиционного общества. Это, в свою очередь, рождало характерные для толпы формы распространения и усвоения информации посредством коллективного внушения. Отсюда такие проявления настроений, как паника, ожидание «скорого» мира, «видение» врага не впереди, а сзади. Система распространения и восприятия слухов образовывала устойчивый канал информации, зону самотранслируемого сообщения, успешно конкурировавшую с существовавшими механизмами пропаганды. Для этой системы слухов были характерны такие механизмы управления, как удивление и тайна, оперирование терминальными темами и событиями, готовность к решительным действиям для превращения слухов в реальность, ориентация на будущее, даже фантастическое⁸⁴⁴.

Армия, внешнеполитическое ведомство пытались осуществить и собственные проекты использования печати в пропаганде. Но они оказались неудачными. Дело было в нехватке опыта государственных структур по организации проектов в области массовой культуры, а также в неспособности наладить диалог с общественными силами, независимыми от власти, как это

⁸⁴² Ларин Е.И. Указ. соч. С. 15; Почепцов Г. Психологические войны. М.; Киев, 2002. С.15.

⁸⁴³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 66об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 965. Л. 20–20об.

⁸⁴⁴ Не случайно и соответствие этой формы фронтовой культуры футурологическому социальному проекту большевиков, отвечавшему всем социальным чаяниям солдатских масс, носителям революционного сознания: Почепцов Г. Теория коммуникации. М., 2001. С. С. 393–401; Почепцов Г. Психологические войны. М., Киев, 2002. С. 18, 31; Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 180, 229–240; Боров В.Ю., Коваленко А.В. Указ. соч. С. 300.

было в других воевавших странах⁸⁴⁵. Так военные власти и отдел печати МИД пытались организовать сотрудничество со сторонниками национал-либерального проекта «Великая Россия» П.Б. Струве, С.А. Котляревским и др. Однако осуществлению этого проекта в жизнь помешало неприятие для властей сотрудничества с либералами даже столь умеренного патриотического направления⁸⁴⁶.

Кроме печати военные власти попытались использовать привычные в армии способы влияния на солдатские массы через брошюры, листовки, беседы с солдатами⁸⁴⁷. Использовались также необычные формы пропаганды, характерные скорее для обработки противника. Так, с января 1915 г. военно-цензурные отделения стали распространять листовки против ухода в плен в виде фиктивных писем, якобы полученных от русских пленных и обращенных к солдатам русской армии⁸⁴⁸. Но такая конспиративная пропаганда в рядах собственной армии встретила противодействие армейского начальства. Чтобы «поднять дух армии», пробудить «сознательное отношение к войне и к ее целям»⁸⁴⁹, планировалось привлечение издательств патриотического и религиозно-нравственного направления: Скобелевского комитета, комитета Фесенко, Комитета народных изданий, Трофейной комиссии, Чрезвычайной следственной комиссии и др. Намечалось также организовать книжный склад при Ставке, возобновить работу 8-го отделения ГУГШ по воспитанию и образованию войск⁸⁵⁰. Единственным результатом этих мер стало распространение многочисленных брошюр по пути на фронт⁸⁵¹.

⁸⁴⁵ АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 65. Л. 24–25об.

⁸⁴⁶ АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 65. Л. 15–17; *Пайнс Р.* Струве: правый либерал 1905–1944. М., 2001. С. 278–279.

⁸⁴⁷ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 32.; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 957. Л. 5, 6.

⁸⁴⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6452. Л. 37–49; Ф. 2019. Л. 1. Д. 557. Л. 40, 47; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 832. Л. 3, 5–6.

⁸⁴⁹ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 382об.–383.

⁸⁵⁰ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 129–129об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6435. Л. 25–26об.

⁸⁵¹ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1311. Л. 25, 97, 98, 102об., 103об.; Ф. 2031. Оп. Д. 1227. Л. 175–175об.

Большинство пропагандистских брошюр были предназначены в качестве материала для бесед офицеров и священников с личным составом. Но и здесь было много проблем: не хватало офицеров, способных быстро разбираться «в известных вопросах», для чего пришлось даже получать инструкции у командующих армий. Офицерам ставилась задача при беседах с солдатами не углубляться на «скользкий путь» внутренней политики, а также осторожно трактовать вопросы о мире. Но главное начальство запрещало вообще не давать сами брошюры солдатам, боясь неправильного толкования поднимаемых в пропаганде вопросов⁸⁵².

Были попытки использовать в пропаганде и кинематограф. Однако этому препятствовали организационные сложности в согласовании отвечавших за это дело ведомств и частных кинофирм, не пользовавшихся доверием у властей. Из-за технических проблем кончилось неудачей даже попытка распространения открытых писем с изображениями георгиевских кавалеров⁸⁵³. Существовавшая же на фронте развлекательная массовая культура не носила политического характера. Солдаты устраивали бесплатный кинематограф, домашние постановки, что начальством разрешалось, но «без ущерба для боевой готовности частей»⁸⁵⁴.

Принимаемые меры по пропаганде через печать, брошюры, листовки беседы не могли остановить сломить сопротивление настроений солдатской массы, в основе которых были традиционалистские ценности и социальные чаяния. Призывы «держат позицию» наталкивались на жалобы о дороговизне, нехватке хлеба, на требования социального равенства⁸⁵⁵. Призывы газетных пропагандистов дальше воевать солдаты отвергали, считая, что «это все аристократия делает»⁸⁵⁶. Солдаты противопоставляли

⁸⁵² РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 965. Л. 1–2, 20–20об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1227. Л. 273, 181; Д. 369. Л. 28.

⁸⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6447. Л. 1–61; Д. 6452. Л. 1–84; Ф. 2019. Оп. 1. Д. 716. Л. 27, 35.

⁸⁵⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 554.

⁸⁵⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 55об., 63об., 66.

⁸⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 126.

газетной пропаганде естественный язык устной речи⁸⁵⁷. По их мнению, в газете писали «голую ложь да глупости», и «хоть и русскими буквами, но на немецком языке»⁸⁵⁸. Это несоответствие языка пропаганды ожиданиям солдат-крестьян проявлялось и в приказах с их казенно-бюрократическим стилем⁸⁵⁹. Невосприимчивы солдаты были и перед кампанией шпиономании⁸⁶⁰, что явилось следствием отсутствия вообще ненависти к внешнему врагу.

Неудача пропаганды силами военного ведомства стала очевидной зимой 1916–1917 гг. Об этом ясно говорится в переписке представителей военного и гражданского ведомств, пытавшихся предпринять отчаянные усилия по активизации антиреволюционной пропаганды путем бесед командиров частей с младшими офицерами, унтер-офицерами и наиболее развитыми рядовыми. На совещаниях в декабре 1916 г. в Совете министров срочно выработывался план снабжения армии книгами и газетами, организации соответствующих библиотек, были выделены средства на сумму в 1 млн. руб. Однако такая деятельность была расплывлена между гражданскими и военными структурами, а в ГУГШе даже не знали о существовании планов Совета министров. На апрель 1917 г. средства оказались неосвоенными, а доставленные книги и газеты уже не соответствовали новым настроениям в армии, в результате чего с фронта поступило предложение уничтожить тиражи литературы⁸⁶¹. Такой финал пропаганды на солдатские массы объяснялся тем, что на фронте нарастала совсем другие, антивоенные и революционные настроения⁸⁶².

⁸⁵⁷ Почепцов Г. Психологические войны. М.; Киев, 2002. С. 17.

⁸⁵⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 54, 66об.

⁸⁵⁹ Жишов Э.Б. Язык военно-революционных документов эпохи Великого октября (В сопоставлении с языком дореволюционной военной документации 1914–1917 гг.). Автореферат кандидата филологических наук. М., 1974. С. 12, 15–17.

⁸⁶⁰ Войтоловский Л. Указ. соч. С. 65.

⁸⁶¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4211. Л. 15–20об., 45–46; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6434. Л. 18–18об.

⁸⁶² Подробно о пропаганде в русской армии в годы войны см.: Асташов А.Б. Массовая культура на фронте в годы Первой мировой войны // Массовая культура и массовое сознание: История и современность. Сборник статей. М., 2004. С. 53–74; Асташов А.Б.

2. Морально-религиозные аспекты антивоенных настроений в армии

Одним из способов поддержания морально-политического контроля над военнослужащими были религиозно-патриотические практики. В литературе на основе анализа небольшого круга источников говорится об ослаблении религиозности солдатских масс в ходе войны⁸⁶³. Проблема изучения религиозности на войне упирается и в неразработанность истории Русской православной церкви в 1914–1918 гг., за исключением нескольких статей⁸⁶⁴, отсутствие или трудная доступность к массовым источникам, мемуарам по этой теме. В работе Дж. Санборна проблема религиозности рассматривается в свете концепции мобилизации общества для «массового убийства» как способа сплочения нации, «отправляющейся на войну»⁸⁶⁵. В настоящем исследовании главное внимание сосредоточено на деятельности так называемых отказников, как показателе антивоенных настроений в армии.

В годы войны обострилась проблема согласования усилий государства и общества по идеологическому обеспечению военных действий. В России эта проблема существовала острее, чем где бы то ни было, поскольку религиозно-православная доктрина составляла сердцевину государственной идеологии. Эта проблема обнаружилась еще до войны при разработке закона о всеобщей воинской повинности в 1912 г.⁸⁶⁶ Ее корень состоял в противоречивости самой государственно-христианской концепции

Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: «Спецкига», 2012. С. 65–86.

⁸⁶³ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 182–185.

⁸⁶⁴ Костриков А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2. С. 145–198.

⁸⁶⁵ Sanborn J. A. Op. cit. P. 4.

⁸⁶⁶ Нелипович С.Г. Альтернативная служба в России во время Первой мировой войны // Российская государственность XX века. Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерощкина, 16 декабря 2000 г. М., 2001. С. 133–141.

оправдания войны с помощью религии, против чего выступили ряд религиозных христианских конфессий (духоборы, евангельские христиане, баптисты и др.), а также религиозно-анархистские группы (толстовцы, малеванцы и др.). Вопрос о несовместимости воинской повинности и религиозных убеждений обострился в ситуации нарастания отказов от военной службы, был поддержан рядом думских фракций, стоявших на позиции гражданского пацифизма и выступавших против милитаризации общества, проводившейся царской властью⁸⁶⁷.

Власти категорически отказывали требованиям пацифистов, а самых радикальных из них, отказников, ссылали в Восточную Сибирь на 18 лет, то есть на весь срок службы, включая запас. Вследствие принятия закона о веротерпимости в 1905 г. наказание для отказников сократили до 4–6 лет каторжных работ⁸⁶⁸. Разработанный деятелями гражданского и религиозного пацифизма думский проект закона о замене призыва на альтернативную службу⁸⁶⁹ вызвал бурные дебаты в Государственной думе. В ходе его обсуждения не удалось примирить аргументы сторонников свободы совести⁸⁷⁰ с требованиями мобилизации общества в современной войне⁸⁷¹. Принятый в результате компромисса между Государственной думой⁸⁷², Военным министерством⁸⁷³ и Особой междудементальной комиссией при ГУГШ законопроект об альтернативной службе (на срок в 8 лет в рабочих

⁸⁶⁷ См. подробную справку об отказах, составленную К.С. Шохор-Троцким: ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 11. Л. 10–17; *Sanborn Joshua A.* Op. cit. P. 183–184.

⁸⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 21. Л. 41–42.

⁸⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 11. Л. 17; Д. 21. Л. 50.

⁸⁷⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.) СПб., 1912. Стб. 1160–1165, 1172–1173.

⁸⁷¹ То же. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.) СПб., 1912. Стб. 372–376, 389, 387–390; то же. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 1166, 1174, 1178–1179; то же. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 376–377, 380–381.

⁸⁷² То же. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб.: Гос. тип., 1912. Стб. 1182.

⁸⁷³ То же. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 287–290, 386, 386–387, 395.

командах лесного и других ведомств⁸⁷⁴) так и не был представлен на рассмотрение законодательных учреждений.

В годы войны православная церковь, военное духовенство стали одним из главных морально-политических инструментов духовной мобилизации армии. При этом обнаружился ряд недостатков военного духовенства как института. Среди фронтового духовенства наблюдалась малая образованность,⁸⁷⁵ отмечался низкий авторитет священников не только со стороны офицеров, но и у рядовых военнослужащих⁸⁷⁶. Плохо была поставлена материальная обеспеченность священников⁸⁷⁷. Они имели небольшой опыт публичного отстаивания защищаемых государственно-патриотических идеалов⁸⁷⁸.

Деятельность военного духовенства в годы Первой мировой связывают с организационными усилиями протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского⁸⁷⁹, выдвигенца амбициозной главы «военной партии» вел. кн. Николая Николаевича. За время войны военное духовенство было значительно перестроено, увеличившись по количеству с 730 до нескольких тысяч чел.⁸⁸⁰ Много труда было положено на разработку методов церковной

⁸⁷⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 42–44об.

⁸⁷⁵ *Байдаков А.В.* Православное духовенство русской армии и флота (вторая половина XIX – начало XX века). Дис... к. и. н. М., 1995. С. 174–175; *Ивашко М.И.* Военное и морское духовенство России (XVIII – начало XX Военное Ведомство.): Историографическое исследование. М., 2005. С. 47; *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 145–146.

⁸⁷⁶ *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 156–157; *Ивашко М.И.* Указ. соч. С. 111, 113; *Бонч-Бруевич В.* Волнения в войсках и военные тюрьмы. М., 1919. С. 76–77; *Вестник военного и морского духовенства* (далее: ВВМД). 1914. № 15–16. С. 558–562; № 19. С. 662.

⁸⁷⁷ *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 154–155; *Ивашко М.И.* Указ. соч. С. 52.

⁸⁷⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб.: Гос. тип., 1912. Стб. 362.

⁸⁷⁹ *Кульчицкий А.М.* Военное духовенство и I Мировая война. Реформы отца Георгия Шавельского. Дипломная работа (Машинопись). М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2000.

⁸⁸⁰ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 93; *Поляков Г.* Военное духовенство России. М., 2002. С. 281; *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 144; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1972. Л. 98; *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // *Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка.* М., 2008. С. 752–753; *Сенин А.С.* Армейское духовенство России в первую мировую войну // *Вопросы истории.* 1990. №10. С. 159–165.;

работы в армии, включая создание материальной основы в виде церковной литературы, пособий по ведению занятий с солдатами. Не забывались и обычные функции фронтовых священников: служба, проповеди в частях, напутствие раненых, отдание последних почестей погибшим⁸⁸¹.

Однако многое из задуманного не удалось. Оставалась нехватка священников в сражающихся частях и в запасных батальонах⁸⁸², что особенно ощущалось при наплыве необученных и колеблющихся в политико-нравственном отношении новобранцев. Качество священников, большинство которых составляли приходские «батюшки», оставляло желать лучшего. Часть священников отправлялась на фронт с огромным нежеланием, не желая покидать доходные места в храмах⁸⁸³. Вскоре выяснилась слабая идеологическая подготовка священников, столкнувшихся с массой солдат и офицеров, не проявлявших духовного рвения. Священники «не обладали способностью говорить изустно», доказывать христианам необходимость убивать⁸⁸⁴, а необходимого печатного материала часто не хватало. Фронтальная реальность не оставляла достаточно времени для проведения священниками бесед с солдатами. Много времени занимали формальные обязанности церковной службы, обряды и т.п. Не прибавляло авторитета священникам их двойственное положение, которое они занимали в армейской иерархии. Среди офицеров они не пользовались уважением, хотя квартировали именно при штабе полка, редко находились в частях, имели мало контактов непосредственно с личным составом⁸⁸⁵. В результате

Фирсов С. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 550.

⁸⁸¹ ВВМД. 1914. № 20. С. 693–698; 1915. № 2. С. 39; № 22. С. 681; *Кандидов Б.* Церковный фронт в годы мировой войны. М.: Атеист, 1929. С. 23, 88.

⁸⁸² РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9451. Л. 35–52, 83; *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства. Справочные материалы. М., 2008. С. 39–40; *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 93.

⁸⁸³ РГИА. 806. Оп. 5. Д. 9254. Л. 31; См. переписку о священниках храма лейб-гвардии 4-го стрелкового императорской фамилии полка: РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9254. Л. 35, 46–47, 52, 64, 70–71; *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 147–153.

⁸⁸⁴ ВВМД. 1914. № 19. С. 664.

⁸⁸⁵ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 270; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9463. Л. 34; Д. 9904. Л. 111–114.

священники, даже имевшие боевой опыт, не решались противодействовать бунтовщикам из солдат во время волнений, занимали в ходе беспорядков уклончивую позицию⁸⁸⁶.

В целом за годы войны церкви не удалось приспособить свою христианскую доктрину для военной агитации, сделать из солдат «христовых воинов». Не помогли здесь идеи и программы, сформулированные командой Шавельского⁸⁸⁷. Сама церковь в годы войны подвергалась общественной критике за недостаточный вклад в дело обороны⁸⁸⁸. Несмотря на усилия многих священников на фронте⁸⁸⁹, военному духовенству не удалось поддерживать достаточно долго высокий морально-боевой дух войск, успешно противостоять массовому дезертирству и антивоенным настроениям солдат⁸⁹⁰.

Неудача военно-духовной работы в значительность степени объяснялась широким распространением антирелигиозных настроений, что отмечено в солдатской корреспонденции. Одни солдаты воспринимали боевую православную философию «позаоблака»⁸⁹¹, другие критиковали священников как якобы стоящих на стороне Германии. Возмущение вызывало бездействие «духовных пастырей» перед лицом страданий солдат на фронте и их семей в тылу. Были и указания, что «попы» – лентяи и трусы, не желающие ехать на передовую позицию⁸⁹². Нарастали высказывания, свидетельствующие о разочаровании Богом⁸⁹³, особенно перед лицом

⁸⁸⁶ О поведении во время солдатских волнений в 223-м Одоевском полку иеромонаха о. Пантелеймона, священника 221-го Рославльского полка, георгиевского кавалера см.: РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 9.

⁸⁸⁷ *Афанасий, архимандрит*. Указ. соч. С. 12.

⁸⁸⁸ *Рункевич С.Г.* Великая отечественная война и церковная жизнь. Книга первая: Распоряжения и действия святейшего синода. В 1914–1915 гг. Пг., 1916. С. 329, 332–333, 335.

⁸⁸⁹ ВВМД. 1915. № 22. С. 680.

⁸⁹⁰ *Байрау Д.* Указ. соч. С. 766–767; *Мозговой С.А.* Военное духовенство // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 208.

⁸⁹¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 307.

⁸⁹² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 83, 150, 284об., 644.

⁸⁹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 363.

усиления жестокостей на войне⁸⁹⁴. В годы войны заметно упала набожность, широко распространялись циничные взгляды на церковь, духовные символы и ценности⁸⁹⁵, совершались богохульные действия⁸⁹⁶, подвергались атаке нормы христианской морали, не соответствовавшие, с точки зрения солдат, реалиям нечеловеческой войны⁸⁹⁷.

Об упадке религиозных чувств говорит и статистика упоминаний подобных проявлений в письмах. Так, если в начале войны одной из важнейших тем была молитва родных за родственников, посланных на фронт, то через год, в 1915–16 г. упоминание о молитвах в письмах приводится в 5 раз меньше, а непосредственно перед революцией – уже в 10 раз меньше. Стремительно падает и количество упоминаний о Христе по сравнению с первым годом, в 2 раза, а перед революцией – больше почти 9 раз. «Царица небесная», бывшая в начале войны защитницей солдат на фронте, к концу 1916 – началу 1917 г. вообще перестала упоминаться в письмах фронтовиков. Так же меньше, в 2–3 раза по сравнению с началом войны, упоминаются перед революцией «Бог», «небесные силы», «благословение», «грехи»⁸⁹⁸. Именно со времени мировой войны произошел массовый отход от религии, характерный для времени революции и после нее.

Антирелигиозные настроения в армии обусловили и распространение антивоенных настроений, показателем чего явилась деятельность гражданских пацифистов и особенно отказников из числа «сектантов». Основной контингент отказников составляли христианские группы инославных вероисповеданий («сектанты»). Часть из них – малеванцы, духоборы, толстовцы, «духовные христиане» – стояли на позициях радикального пацифизма, что проявилось в значительном росте отказов от

⁸⁹⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 247об.

⁸⁹⁵ *Войтоловский Л. Указ. соч.* М.; Л., 1928. Т. 1. С. 135.

⁸⁹⁶ Там же. С. 71.

⁸⁹⁷ То же. Л., 1927. Т. 2. С. 71; М.; Л., 1928. Т. 1. С. 128. *Федорченко С.З. Указ. соч.* М., 1990. С. 71.

⁸⁹⁸ См. приложение 1.

военной службы⁸⁹⁹. Для отказников Первая мировая война представлялась переломным моментом в достижении их религиозно-анархических идеалов⁹⁰⁰. Отказники основывали свои шаги учением Христа, не позволявшем убивать кого-либо, даже врага⁹⁰¹. Они не только проявляли готовность понести страдания за свои убеждения, но и стойко переносили всевозможного рода издевательства и мучения при защите своих взглядов⁹⁰². Как правило, на процессах отказников им давали по 12 лет каторги. За время войны до 1 апреля 1917 года было осуждено только военно-окружными судами 837 человек по статье 127–1 Устава о воинских наказаниях⁹⁰³. Однако по свидетельству Г. Шавельского это движение охватило несколько тысяч человек. К тому же во многих случаях власти старались не доводить дело до суда, ограничиваясь дисциплинарными взысканиями над отказниками, или направляя их в тыл в небоевые части⁹⁰⁴.

Власти и церковь значительно активизировали борьбу против «сектантов», огульно обвиняя их в антирусской, даже прямо прогерманской деятельности, якобы ведущейся на средства противника с целью «подорвать православную веру»⁹⁰⁵. В начале 1915 г. благочинные в армии активизировали слежку за «вредными учениями» в частях. Во второй половине 1916 г. к усилиям благочинных, главных священников фронтов в борьбе с «антимилитаристской пропагандой» присоединились Департамент

⁸⁹⁹ *Бонч-Бруевич В.* Из мира сектантов. Сборник статей. М., 1922. С. 234–235, 242.

⁹⁰⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 312–314, 325–329; ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 122. Л. 1–1об.; РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 30, 34–36, 63–65.

⁹⁰¹ *Булгаков В.* Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого. М., 1917. С. 75; РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 23; ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 21. Л. 20–21.

⁹⁰² См. примеры такого поведения: ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 21.

⁹⁰³ См.: *Кандидов Б.* Указ. соч. С. 151.

⁹⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8072. Л. 2–4.

⁹⁰⁵ *Космодамянский Петр.* Штундобаптизм пред судом современных событий. Тамбов: Электро-типография губернского правления, 1915. С. 14, 30–33; *Афанасий, архимандрит.* Об отсутствии патриотизма у штундо-баптистов. Харьков: Епархиальная Типография, 1915. С. 9–13; *Иванов Д.Л.* О войне и воинском звании (критический разбор учения русских сектантов-рационалистов о войне и воинском звании). К миссионерской полемике. Петроград, 1915; *Кальнец М.А.* Война и сектанты. Одесса, 1916; *Восторгов И.* Вражеский духовный авангард. «Немецкая вера». К вопросу о сущности русского сектантства. М.: Русская печатня, 1914. С. 1–4, 7.

полицейскому МВД, губернаторы и градоначальники. Власти были уверены, что за «рационалистическими сектами» скрываются политические организации. В армии стали изымать вообще все библейские тексты, включая и рукописные. В декабре 1916 г. на фронт были посланы специальные агитаторы, как из духовных, так и светских лиц, «обладающих даром красноречия», для «отпора сектантским лжеучениям». Некоторые из агитаторов вели свои лекции и беседы в военном мундире⁹⁰⁶.

Несмотря на преследования, проповедь отказничества получила большой отклик в солдатской среде наряду с антивоенными настроениями. Слабость отпора со стороны священников, нерешительность военного начальства, мужество, проявленное «сектантами» в их готовности «пострадать за Христа», давали им возможность довольно долго и легально развивать свои взгляды в частях⁹⁰⁷. Проповедь отказников встречала сочувствие со стороны солдат⁹⁰⁸, порою «предупредительное» отношение со стороны офицеров⁹⁰⁹, понимание даже в военно-окружных судах⁹¹⁰ и благосклонное внимание у населения и общества⁹¹¹. По свидетельству деятелей отказничества, проповедь пацифистов усилилась, накануне Февральской революции и стала одной из причин ее мирного, «бескровного» характера в виде «военной забастовки»⁹¹². Даже учитывая стремление

⁹⁰⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10005. Л. 1–1об., 4–4об., 5–5об.; 7–7об., 9–9об., 11–12об., 13, 16–17, 25–26об., 33–33об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 93–93об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 504об.; Д. 1198. Л. 123об.; *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 270–271.

⁹⁰⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 325.

⁹⁰⁸ ОР РГБ. Ф. 345. Картон. 54. Д. 43. Л. 37об., 76; *Свенцицкий В., свящ.* Война и Церковь. Ростов-на-Дону, 1919. С. 4; *Попов Е.И.* Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. V. Tchertkoff, Purleigh, Essex, England, 1898. С. 40.

⁹⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 345. Картон. 54. Д. 43. Л. 37об., 75, 87об.; Д. 48. Л. 22; Картон 57. Д. 20. Л. 21.

⁹¹⁰ *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* «Милые братья и сестры...» Страницы истории толстовского движения 1914–1917 // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1989–1990. М., 1993. С. 154–155, 160–161.

⁹¹¹ ОР РГБ. Ф. 345. Картон. 54. Д. 43. Л. 29об.

⁹¹² *Булгаков В.* Лев Толстой и наша современность (о путях к истинному возрождению). М.: Общество истинной свободы в память Л.Н. Толстого, 1919. С. 10; *Клибанов А.И.* Сектантство и строительство вооруженных сил Советской республики (1918–1921 гг.) // Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки). М., 1969. С. 199–200; *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* Указ. соч.

отказников преувеличить роль отказничества, можно сделать вывод о значительном влиянии пацифизма на антивоенные настроения в армии⁹¹³, ставших важной причиной Февральской революции⁹¹⁴. Апогей отказничества пришелся на 1917 г., когда антивоенные настроения стали доминировать в армии и в России⁹¹⁵.

С. 158–159; Речь И.М Трегубова на 2-м Пленуме международного крестьянского совета (Крестинтерна) в апреле 1920 г. // ГМИР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 102. Л. 4–5; *Гордеева И.А.* Георгий Гапон, Иван Трегубов и идея всеобщей мирной стачки: к интеллектуальной истории политических проектов религиозной общественности // Революционаризм в России: символы и цвета революции. 100-летию первой русской революции посвящается. Сборник статей. М., 2005. С. 41–61.

⁹¹³ См. дела военно-цензурных отделений с докладами и выдержками писем с фронта по Северному фронту: РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1180–1185; по Западному фронту: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904; по Юго-Западному и Румынскому фронтам: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2933–2938, 3853, 3856, 3862, 3863, 3868.

⁹¹⁴ *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 175–214; *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 56–75; Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М., 2010. С. 3–8

⁹¹⁵ Подробно о проблеме религиозности на Первой мировой войне см.: *Асташов А.Б.* Политика власти в отношении отказничества от военной службы по религиозным соображениям накануне и во время первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 3. С. 49–61; *Асташов А.Б.* Свобода совести и мобилизация российского общества в годы Первой мировой войны и Октябрьской революции // Проблемы социальной и политической истории России. Сборник научных статей. Под общей ред. Д.и.н. проф. Р.Г. Пихои. М.: Издательства РАГС, 2009. С. 279–289.

Глава пятая

Становление гражданских позиций в солдатских массах

§ 1. Воюющий человек на Русском фронте и его связи с тылом

Боеспособность, боевой дух русских солдат неразрывно были связаны с ощущением порядка в их семьях, хозяйстве и в целом в тылу. Забота о крестьянском хозяйстве занимала большое место в письмах с фронта домой. Солдат, в сущности, воспринимал свое пребывание на фронте как временное, а себя – как главу семьи, находящегося в отлучке. Солдаты в письмах постоянно наставляли жен, родственников в правильном ведении хозяйства, тщательном учете и контроле расходов и т.п.⁹¹⁶ Весной главной темой писем были вопросы о севе, семенах под будущий урожай, а осенью – об уборке хлебов и сена, продаже или приобретении скота и т.п.⁹¹⁷ Солдаты выражали сильное желание помочь по дому, сожалели о потерянном времени, проведенном вне хозяйства⁹¹⁸. Тем более обидно было отсутствие хозяев при слухах об обогащении деревни. Обостряли хозяйственные заботы у солдат-крестьян и наблюдения за разваливавшимся хозяйством таких же крестьян в Румынии, Галиции и на других занятых территориях⁹¹⁹.

Деревня постоянно держала солдат-фронтовиков в курсе сельскохозяйственных работ, благодарила за помощь в работах солдат-отпускников, а также общественные организации, земства. В целом деревня была довольна хорошим урожаем⁹²⁰, что вызывало у солдат опасение новых

⁹¹⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 190.

⁹¹⁷ Черепанов А.И. Указ. соч. С. 11; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 262.

⁹¹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296.

⁹¹⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 293.

⁹²⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 160, 222об., 171об., 180; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 209об.

мобилизаций, лишавших хозяйства работников, обостряло желание солдат самим в нем участвовать⁹²¹. Чем больше поступало из деревни сообщений об успехах в урожае, тем чаще солдаты говорили о «разорении деревни»⁹²², опасении быть «обобранными с ног до головы». Солдат, посетивших во время отпусков деревню, поражали «у всех безнадежно-унылые лица», серая тоска, отсутствие работников⁹²³. Жаловались солдаты и на неудовлетворенность семей пайковым довольствием, а также на их неаккуратную выплату⁹²⁴.

Однако происходившие в стране политические и социально-экономические процессы не обеспечивали такого спокойствия. Тревога за домашние дела особенно остро проявилась с весны 1916 г. Вести с тыла сделались главной причиной угнетенных настроений на фронте. Среди общего неурядицы солдат тревожило опасность разорения, невозможность обеспечения армии вооружением, но особенно – дороговизна и нехватка предметов первой необходимости. Солдаты прямо стали связывать готовность к борьбе на фронте с «порядком в России». А с лета 1916 г. в армии появились мрачные прогнозы о возможности выдержать до 1917 года⁹²⁵.

И далее с осени 1916 г. цензура констатировала, что неурядицы в тылу «отравляли чувство долга к родине». С поздней осени 1916 г. армия стала чаще интересоваться внутривойсковыми событиями. Заботы о собственном тыле и доме иногда провоцировались множеством сообщений о подобных трудностях в Германии. Все чаще солдаты ожидали из тыла бед, неудач⁹²⁶. Тревожность среди войск наблюдалась и в начале 1917 г.⁹²⁷

⁹²¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 247; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 482.

⁹²² *Войтоловский Л.* Указ. соч. 1927. Т. 2. С. 248; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 345об.

⁹²³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 84; Д. 2937. Л. 282; Д. 3863. Л. 398–398об.

⁹²⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111, 136, 283.

⁹²⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 2, 125об., 199, 904. Л. 246об., 135об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 173об. –174, 271об.; Д. 3856. Л. 84; Д. 2934. Л. 30об., 285об.

⁹²⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 805; Д. 2937. Л. 414–414об., 399; Д. 3863. Л. 3, 41, 53, 212, 296–296об., 302.

⁹²⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 240об., 406, 357, 463об.–464.

Особенно боязнь разорения своего хозяйства у солдат-крестьян вызвали сообщения в декабре 1916 г. о продовольственной разверстке. На фронте распространялись слухи о реквизиции хлеба в деревнях в разных губерниях. В ответ в тыл посыпались советы «не давать ни одного фунта», прятать хлеб, зарывать его в землю, требовать повышения цен. Такие письма цензура рассматривала как проявление «противогосударственных поступков»⁹²⁸.

Больше всего солдат беспокоила дороговизна на предметы первой необходимости. Частота упоминания в письмах этого явления в предфевральский период была почти в 40 раз больше по сравнению с первым годом войны. Но впервые масштаб этой проблемы обнаружился из писем солдат с осени 1915 г. в связи с массовым призывом ратников ополчения 1 и 2 разрядов. Цензура отмечала широкое распространение «настроения не о войне». В наибольшей степени озабоченность дороговизной проявляли солдаты-крестьяне, а также солдаты жители непроизводящих губерний. С этого же времени положение в деревне, дороговизна занимала внимание у 70–80% солдат.

Проявления озабоченности дороговизной коррелировало с ходом сельскохозяйственных работ, когда встал вопрос о нехватке рабочих рук. На всех фронтах цензура отмечало «сильную озабоченность» «сумасшедшей дороговизной», распространение толков о ней вплоть до каждой части и каждого письма. Новый всплеск внимания к дороговизне произошел во время пика сельскохозяйственных работ в августе-сентябре 1916 г. Цензоры отмечали в письмах просто «воплль о все растущей страшной дороговизне». Тема эта звучала еще острее на фоне осеннего социально-экономического кризиса в стране. Эта ситуация сохранялась до февраля 1917 г.⁹²⁹

Озабоченность дороговизной, «тыловой пессимизм» влияли на настроения солдат-крестьян. Военное начальство считало, что не военные

⁹²⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 167об., 293, 267об., 357об.

⁹²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 9, 12об., 31, 150, 163об., 168об., 171об., 186об.; Д. 1184. Л. 4, 57, 117, 123, 237, 274об., 409, 430, 463, 481об.—482, 509об., 516; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16об., 41об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 105; Д. 2934. Л. 505; Д. 2935. Л. 39, 268об.

тяготы, а именно проблемы тыла, опасения за личное хозяйство являются причиной мирных, а то и антивоенных настроений большинства солдат. Беспокоило военные власти и распространение этих настроений на строевых офицеров, особенно младших, семьи которых из-за дороговизны оказались в крайне тяжелых условиях жизни. Цензура подчеркивала, что солдатские настроения идут в унисон с озлобленностью населением, что было видно из жалоб в армию на дороговизну в городах, на многочасовое стояние в очередях («хвостах») и т.п.⁹³⁰ «Страшные картины» повсеместной дороговизны в тылу приносили в армию приезжавшие из отпусков⁹³¹. Высшее руководство армией неоднократно обращало внимание руководства страны на дороговизну, отражавшуюся на настроении армии⁹³².

Через озабоченность дороговизной армия стала живо интересоваться вопросами внутренней политики, чего раньше фактически не наблюдалось. Беспокоило военное начальство внимание армии к деятельности законодательных учреждений, особенно к их левым представителям⁹³³. Дороговизна и конкретно затрагивала солдат на театре военных действий: из-за наличия больших материальных ценностей в прифронтовой зоне от реквизиций, пленных, товаров, добытых мародерством и т.д. В результате этого цены на продукты повышались, от чего страдала как раз пехота и рабочие роты, которые не в состоянии были купить добавочные продукты в свободной продаже. Тем более это было невозможно сделать солдатам с их 75 коп. жалованья и военным рабочим с содержанием в 52 коп. в день. Особенно трудно было обеспечить продуктами воинские части в Галиции, Персии и в других удаленных от России районах⁹³⁴. Собственное недостаточное довольствие усиливало и ответную заботу о своих семьях, в

⁹³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 223, 12об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 123об., 484об., 516; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 263, 336об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 202об., 203, 209; Д. 2932. Л. 438.

⁹³¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 203.

⁹³² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 58–59; Д. 1184. Л. 131.

⁹³³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 209; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335, 336об., 356.

⁹³⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 111, 256, 263об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 42, 37, 43, 119, 167.

глазах солдат терпевших совсем неоправданную нужду⁹³⁵. Повод этому давали многочисленные жалобы на фронт в поисках защиты от дороговизны. Они дополнялись сообщениями своим родственникам, посланным на фронт, и о других проблемах: реквизициях скота, посылках на оборонные работы и т.д. Весь этот «общий ропот» о дороговизне создавал у солдат представление, что власти не способны справиться с трудностями в тылу, обвиняли в этом «мясоедовых да сухомлиновых»⁹³⁶.

Кратким перерывом с нагнетанием тревожности в связи с дороговизной в тылу явились ожидания успехов после Брусиловского прорыва, после чего, полагали, возмутятся за «внутренних немцев», «христопродавцев», «мародеров». Тем большим был эффект одновременно от неудачи летнего наступления и начала экономического кризиса осенью 1916 г. И вновь начальник штаба Ставки М.В. Алексеев в своем письме в Военное министерство 30 августа 1916 г. ставил вопрос о принятии «мер смелых, решительных и широко построенных» против дороговизны⁹³⁷.

С августа 1916 года борьба с дороговизной стала трактоваться как прямая война с «домашними мародерами» с помощью солдат. Такая война даже больше отвечала ожиданиям солдат, поскольку она звала на борьбу с очевидным противником, несла непосредственную пользу. Повод ждать помощи с фронта давали своим родственникам сами солдаты, часто помогая им предметами первой необходимости, продуктами⁹³⁸.

С октября вопросы дороговизны внутри страны обсуждались практически в каждом письме с фронта. В ответных письмах с тыла родственники называли положение внутри России как «разврат», «гадость».

⁹³⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 692; Д. 3863. Л. 281, 92об., 354; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 345об.

⁹³⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 3, 16–17, 23, 60об., 26–29, 39–39об., 41об., 47, 52об., 69, 74об., 88, 100, 103, 102об.–103, 113, 128, 157, 157об., 171, 174, 180, 189об., 190; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 30об., 45об.

⁹³⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 203об., 206, 219об., 222, 223, 228об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 281–281об., 197, 413, 444; Д. 2935. Л. 28об., 41, 43–44, 133; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. Л. 52–53.

⁹³⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 254, 257об., 260, 282, 287, 756; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 162, 306, 362–362об., 382, 591, 631об.; 684, 756.

Все больше солдаты винили в этом войну. Но с этого времени они стали прислуживаться и к слухам о забастовках на почве недовольства дороговизной. В армии нарастал гнев против спекулянтов и властей, их не сдерживающих. Вал писем из тыла с жалобами на дороговизну был настолько мощным, что начальство ставило вопрос о запрещении выдавать такие письма солдатам. Ослабление недовольства дороговизной происходило только в периоды ожидания мира, как это случилось в декабре 1916 г. Но и далее в последние месяцы перед революцией письма в армию были полны жалоб на «чудовищную дороговизну», в них сквозили усталость, апатия, недовольство «правлящими сферами», желание скорейшего заключения мира как радикальной меры. Постоянно упоминалось в этих письмах о многочисленных беспорядках на продовольственной почве⁹³⁹.

Дороговизна затрагивала практически все категории солдат. Прежде всего, она касалась солдат-крестьян, как богатых, так и бедных, страдавших от потери рабочих рук из-за дороговизны наемных работников, почему солдаты и стремились в отпуски. Особенно страдали семьи солдат, в которых не было работников, способных поддерживать хозяйство, и они надеялись только на пайки. Также были недовольны дороговизной семьи солдат, жившие в непроемких районах, то есть в центральных и северных промышленных областях, включая столицы. Нужду терпели офицеры, семьи которых жили исключительно на их жалованье, а также семьи военнослужащих из «интеллигентных классов». Все эти семьи страдали от отсутствия регулирующих мер, широко применявшихся во всех воевавших странах. Об этом знали и писали в своих письмах солдаты, сравнивая порядки в социальной сфере в России и в Германии. Но недовольны были и солдаты из производящих районов страны, где крестьяне

⁹³⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299об., 309, 312, 329об., 360–360об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 805об., 808–808об., 882, 878об.–879, 925; Д. 2937. Л. 45, 61, 10, 109об., 375; 323, 318об., 335, 336, 388об., 399; Д. 3863. Л. 1об., 2, 89, 243, 341.

наоборот, наживались на спекуляции и поэтому были недовольны мерами правительства по ее сдерживанию⁹⁴⁰.

Главное значение проблемы дороговизны, неустройства тыла заключалось в том, что она полностью заменила собой собственно вопросы войны. Если раньше солдаты обычно жаловались домашним на трудности жизни на фронте, то теперь, с осени 1916 года, именно письма на фронт стали источником пессимизма и тревоги среди солдат. Особенно негативно солдаты восприняли введение продразверстки зимой 1916–1917 гг., считая ее прямым покушением на свое хозяйство. Сообщения об этом тем более были тяжелы, что они совпали с резким кризисом продовольственного снабжения ряда областей, включая столичные регионы, в необычайно снежную зиму. Эти события объединили всю армию в особом внимании к слухам о бунтах, прежде всего в городах. На фронте стали распространяться представления о «конце света» в результате дороговизны. Солдаты желали только конца войны и наступления мира⁹⁴¹.

Через дороговизну резко обострилась привязанность солдат к дому⁹⁴². Начался пересмотр навеянных пропагандой понятий о родине, требовавшей защиты в войне. Как никогда для солдат стало понятно, что «родина – это дом и близкие, а не учебник Иловайского»⁹⁴³. Тоска по родине нарастала по мере затягивания военных действий. Тяжелое впечатление на армию произвела волна беженцев в 1915 г., усилив желание увидеть своих родных. Семейная тема стала преобладающей в письмах с осени 1915 г. Скука стала восприниматься именно как тоска по родным, по семье. И главной темой

⁹⁴⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 201, 209об., 296, 282, 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 399; Д. 2935. Л. 271, 582, 632, 769об.

⁹⁴¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 150–150об., 203об., 196об. 259об., 199об., 262, 288об., 369.

⁹⁴² *Симаков В.И.* Новейший военный песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 9; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 61–62, 69, 70; *Войтоловский Л.* Указ. соч. 1927. Т. 2. С. 79, 259; 1928. Том 1. С. 134–135.

⁹⁴³ *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 96; М., 1990. С. 11; Царская армия... С. 25; *Симаков В.И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, казаков, рекрутчину, любовные и т.п. Пг., 1915. С. 8, 13; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 2. Л., 1927. С. 33.

писем были родные, жена, хозяйство. Количество таких писем постоянно нарастало вплоть до 1917 г.⁹⁴⁴

Сведения из деревни говорили о царящей там скуке, отсутствии молодежи, что для солдат представлялось как «гибель», «разорение» не только крестьянского хозяйства, но всего крестьянского мира. В этой ситуации война представлялась бессмысленной, а служба – без пользы. Особенно обмен жалобами на солдатское житье, с одной стороны, и на тягости деревенской жизни – с другой, учащались во время праздников, вызывая новые вопросы о конце войны, о мире, о восстановлении довоенной жизни⁹⁴⁵.

Чувства ностальгии, тоски по родине, бывали у крестьян и раньше, во время отходничества, время которого обычного укладывалось в годичный цикл, связанный с рождением ребенка и получением паспорта для поездки на работы. Подобная тоска начала проявляться у солдат уже с зимы 1916 г. Главными темами писем становились вопросы о жизни, семье и заботы о ней, о поведении жен и родных, о домашних делах, об отпусках и т.п. Но особенно «тоска и отчаяние» стали захватывать массу солдат осенью 1916 г., после года пребывания вне дома крестьян-фронтовиков, в основной своей массе взятых на фронт именно осенью 1915 года, т.е. по истечении обычного цикла отходничества. Письма этого времени полны выражения крайнего отчаяния, особенно остро переживавшегося осенью, в период, когда заканчиваются сельскохозяйственные работы, то есть вообще заканчивался и вновь начинался цикл семейной жизни. Ситуация обострялась еще больше в связи с отсутствием отпусков. Тем более остро переживалась тоска фронтовиками, по три года не видавших родных. В этой ситуации главными ценностями были не победа, а желание увидеть «дорогую жену и дорогого сыночка». Война представлялась тюрьмой, неволей, в то время как семья,

⁹⁴⁴ *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 248; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2–2об. 79, 105, 100; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6, 12а.

⁹⁴⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111, 203, 246об., 282, 287, 299, 345об., 356; Д. 905. Л. 28; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 744; Д. 3863. Л. 190, 224.

дом ассоциировались с «волей»⁹⁴⁶. С наступлением осенних дождей скука в окопах и тоска по семье еще более усиливались. Цензура констатировала тяжелое, подавленное настроение солдат в связи с желанием повидать семью, но объясняла такое настроение исключительно погодой. Солдаты прямо выражали отчаяние, нежелание жить, а лучше «идти к германцу и голову положить»⁹⁴⁷.

Проанализированный материал показывает особенность фронтовой повседневности солдат в виде постоянной заботы о доме, хозяйстве. Это явилось дополнительным основанием к желанию солдат уйти с фронта, что подчеркивало их несоответствие явлению «рабочий войны», требуемому войной нового типа.

§ 2. Гендерные основания морального кризиса русской армии

Современная война, ее тяготы, отчуждение обостряет желание релаксации в интимном плане, ставит вопрос о связи солдата с его семьей. В отечественной военно-исторической антропологии гендерный аспект рассматривается только при характеристике фронтовой морали, прежде всего женщин⁹⁴⁸. В западной историографии широко изучается проблема освобождения чувства от статусной иерархии семейной жизни, канализирования или блокирования сексуальной энергии, превращения ее в

⁹⁴⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 78об., 113, 124об., 125; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 183об.–184, 303, 374, 183, 303об., 279, 614.

⁹⁴⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 257, 314–315, 431–432об., 402об.; Д. 3863. Л. 22, 163, 263, 263об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335, 354.

⁹⁴⁸ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 160–170; *Сенявская Е.С.* 1941–1945: фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 100–102, 184, 186–188, 194–196; *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 93–94.

перверсии, психические болезни и т.д.⁹⁴⁹ В данной главе сделана попытка выяснить влияния сексуального опыта, полученного в ходе фронтовой повседневности, на социальное поведение русского солдата.

В историко-антропологическом подходе необходимо учитывать временное пребывание на современной, тотальной войне человека, имеющего свой довоенный социальный опыт и находящегося в процессе решения социальных проблем, в том числе семейных. Этот опыт коснулся всего состава армии, состоявшей в начале войны на 70% из женатых мужчин, а в 1917 г. – на 30%⁹⁵⁰. Особенность семейного опыта подавляющего большинства жителей России начала XX века заключалась в переходном состоянии семьи, от большой к малой, включавшей только супружескую пару и их детей⁹⁵¹. Большая, патриархальная семья формировалась и функционировала на основе хозяйственных, а не личностных (любовных, сексуальных, родительских), как в современном обществе, отношений. Это подтверждается многочисленными фольклорными данными, описаниями быта крестьян⁹⁵². Сексуальную жизнь женатых мужчин в деревне можно характеризовать как неудовлетворенность, а их сексуальное поведение как не самостоятельное, не обладавшее внутренней ценностью⁹⁵³. Сексуальный опыт женщин представлялся как «компенсаторное насилие»⁹⁵⁴, широко распространенное в деревне⁹⁵⁵. Отрицательный брачный опыт имели и

⁹⁴⁹ Leed E.J. No Man's Land: Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 45, 114, 156–161.

⁹⁵⁰ Рассчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 49; РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–8; д. 147. Л. 192–204; Д. 148. Л. 82–90; Д. 149. Л. 370–376, 410–445, 447–466.

⁹⁵¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. 1. СПб., 1999. С. 227, 229, 243, 249, 266–269.

⁹⁵² Щекин М.В. Как жить по-новому. Кострома, 1925. С. 15–17; Внуков Р. Указ. соч. С. 25; РГАЛИ. Ф. 1518 (фонд В.И. Симакова). Оп. 4. Д. 9. Л. 26, 27, 71, 94, 95, 121, 142, 150, 214; Симаков В.И. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913. Стб. 285–308.

⁹⁵³ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996. С. 171–173.

⁹⁵⁴ Трошин А.А. Социальная деструкция как объект культурологического анализа. Автореферат дисс. к.ф.н. М., 1999. С. 20.

⁹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 9. Л. 74, 122, 231.

женщины, рассматривавшие свое замужество как наложничество⁹⁵⁶. Подчиненное по отношению к мужчинам положение женщин, а следовательно и сексуальный опыт, закреплялись как в обычном, так и в гражданском праве⁹⁵⁷. Стремление молодежи сделать любовные отношения основой брака далеко не всегда были успешны⁹⁵⁸, что являлось проявлением груза традиций в брачно-семейных отношениях⁹⁵⁹. Особенности семейного быта в деревне определяли и противоречивое поведение женатого мужчины: между попытками завести «добавку на стороне» и признанием неудовлетворенности своего семейного статуса, что часто вело к пьянству⁹⁶⁰. Неженатая молодежь воспринимала ограничения в интимной сфере как диктат взрослых в корыстных целях. Наложение возникавшей из этой ситуации конфликта отцов и детей на социально-экономические и политические противоречия носило потенциально взрывной характер и являлось особенностью всего общественного настроения сельской России эпохи войн и революций⁹⁶¹.

Поскольку сексуальные отношения инкорпорированы в производственные и социальные отношения в деревне, то и сексуальный опыт солдат-крестьян, составлявших подавляющую часть русской армии, можно рассматривать как часть социального опыта в условиях мировой войны, причем как в деревне, так и на фронте. Солдат-крестьянин, женатый или холостой, продолжал считать себя частью разорванной семьи. Длительность войны поставила ее члена в ситуацию пересмотра своего семейного положения. В годы войны была воспроизведена ситуация ухода крестьянина в отход, своеобразным аналогом которого являлась война. Во

⁹⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 1518 оп. 2. Д. 31. Л. 2об.; Оп. 4. Д. 7. Л. 124, 131, 137, 178–187; Д. 9. Л. 126, 189; *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 309–372.

⁹⁵⁷ *Анчарова М.* Женская доля. М., 1917. С. 13; *Аншелес И.И.* Брак, семья и развод. М., 1925. С. 16.

⁹⁵⁸ *Голубых М.* Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 187.

⁹⁵⁹ *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 245–282; *Голубых М.* Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 212; *Очерки быта деревенской молодежи.* М., 1924. С. 47, 86–87.

⁹⁶⁰ *Внуков Р.* Указ. соч. С. 14–16, 19–23.

⁹⁶¹ *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 243–252; *Weissman N.B.* Op. Cit.; *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 553–570.

время отходничества крестьяне часто получали новый сексуальный опыт в своих отношениях с добавочными женами⁹⁶². Нечто подобное повторилось в годы войны, когда солдаты, нуждавшиеся в релаксации в условиях крайне напряженного ратного труда, получили возможность приобрести новый сексуальный опыт.

Театр военных действий создавал огромное предложение в сфере интимных услуг. Прежде всего, это – женщины-окопницы, прибывшие по нарядам из прифронтовых деревень, нанятые на окопные работы⁹⁶³. Как правило, это были незамужние, вдовы или бездетные молодые женщины⁹⁶⁴, иногда развратного поведения⁹⁶⁵. Значительную часть представителей сексуальных услуг составляли беженки различных национальностей⁹⁶⁶, осевшие в большом количестве на театре военных действий. Для их поведения была характерна зависимость от солдат, у которых они искали защиту себе, а также своим детям⁹⁶⁷. Особую группу представляли беженки-подростки, являвшиеся легкой добычей отставших команд, дезертиров и т.п. полупреступного армейского контингента. Часть женщин предоставляли профессиональные сексуальные услуги, а некоторые из них, как считали в контрразведке, делали это в качестве прикрытия для ведения шпионажа⁹⁶⁸. Большая группа женщин легкого поведения скрывалась под маской сестер милосердия, или «полковых дам»⁹⁶⁹. Ряды проституток пополнили женщины, впервые занявшиеся этим ремеслом, включая девочек 12-14 лет⁹⁷⁰. Большим интересом со стороны мужчин пользовались женщины авантюрного, неуравновешенного характера, приезжавшие на фронт в качестве

⁹⁶² Внуков Р. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.

⁹⁶³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 298.

⁹⁶⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 268об.

⁹⁶⁵ Женский вестник. 1916. № 3. С 61–62; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. Л. 133; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 120.

⁹⁶⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 355об.

⁹⁶⁷ Войтоловский Л. Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 192–193, 253.

⁹⁶⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 446об.; Русское общество защиты женщин в 1915 году. Пг, 1916. С. 48.

⁹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 353.

⁹⁷⁰ Войтоловский Л. Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 25.

«добровольцев», «волонтеров» от всевозможных государственных, общественных и благотворительных организаций⁹⁷¹. Как и во время Русско-японской войны, на театре военных действий появилось множество как законных, так и «гражданских» жен офицеров и солдат, порою живших всего в 4–5 км от позиций⁹⁷². Особенно много их было из ближнего тыла⁹⁷³. Еще больше сексуальных услуг предоставлялось в прифронтовых городах, внутренних районах страны. В литературе того времени это называли «падением нравов». Повсюду наблюдалась необычная тяга к военному мундиру со стороны женщин всех состояний⁹⁷⁴. Города были полны свободно промышляющими проститутками всех возрастов⁹⁷⁵. Подростковая и детская проституция в некоторых прифронтовых районах серьезно потеснила профессиональную сферу этой деятельности⁹⁷⁶. Рост сексуальной активности выразился и в повышении рождаемости внебрачных детей⁹⁷⁷, в увеличении венерических болезней среди женщин даже достаточных классов, неппроституток⁹⁷⁸. Многие из указанных явлений морального упадка среди войск и гражданского населения имели место и в годы Русско-японской войны. Однако это касалось относительно небольшого воинского контингента и населения в прифронтовых городах, а также в местностях вдоль Транссибирской магистрали, в отличие от Первой мировой войны, где этим явлениям были подвергнуты громадные территории Русского фронта и прифронтовых местностей, затронув многомиллионные массы войск и населения⁹⁷⁹.

⁹⁷¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 508об.; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 18.

⁹⁷² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 67; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 393; Д. 3845. Л. 354–354об.

⁹⁷³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 393.

⁹⁷⁴ См. например: Женщина. 1916. № 2. С. 12–13.

⁹⁷⁵ Борьба с детской проституцией в Петрограде. Пг., 1916. С. 5.

⁹⁷⁶ Российское общество защиты женщин в 1915 г. Пг., 1916. С. 61–62.

⁹⁷⁷ Общественный врач. 1916. № 10. С. 547.

⁹⁷⁸ Иванов. В.В. Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг., 1916. С. 17; Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебным вопросам в связи с условиями настоящего времени. М., 1917. С. 69.

⁹⁷⁹ Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 80–83.

Во время войны среди военнослужащих армии наблюдался чрезвычайный всплеск половой активности. Это выражалось как в суждениях о роли секса на войне⁹⁸⁰, так и в соответствующем поведении. В переписке содержится множество сведений о массовом «гулянии с бабами и девками»⁹⁸¹, широком общении любовного характера, охватившем многие части⁹⁸². Зафиксированы были случаи прямого разврата, оргий, насилия с обширной географией от Галиции до Франции⁹⁸³.

Особенно тревожило командование, гражданское начальство случаи сексуальных контактов солдат с женщинами-окопницами, являвшихся разносчиками венерических болезней во многих прифронтовых губерниях⁹⁸⁴. Результатом этих опасений явился вообще отказ от услуг женщин в земляных работах на фронте, что вызвало серьезные проблемы в мобилизации трудовых ресурсов для окопных работ.

Получив новый сексуальный опыт, солдаты поставили вопрос об изменении своего семейного статуса, создании фиктивных или настоящих семей⁹⁸⁵. Вопросы женитьбы подогревались и широкой практикой посещения женами, включая и гражданскими, солдат и офицеров в армии⁹⁸⁶. Путаницу в этом вопросе создавали и власти, то разрешая выписывать жен на позиции,

⁹⁸⁰ *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.;Л., 1928. Т. 1. С. 171; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 39–40; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50 л. 12об.

⁹⁸¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 446об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 353; Д. 1184. Л. 117об., 136об., 299об.–300; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 80, 196; Д. 3845. Л. 371–371об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 402–402об.; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 27; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 220.

⁹⁸² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 9, 80, 61об., 123, 135об., 331об., 434, 518; Д. 1181. Л. 77об.; Ф. 2067. Оп. Д. 3863. Л. 289об.; Д. 3845. Л. 104об

⁹⁸³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 76; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 176; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 72об.; Д. 2935. Л. 33, 365; Д. 3845. Л. 33, 282; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 168, 647об., 790об.; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 612; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 6об.–7; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 41.

⁹⁸⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. Л., 133, 133об., 136об., 171, 198; Д. 53. Л. 204об., 233–233об.

⁹⁸⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 8; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 135; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 377; Приказ начальника штаба 3 армии по отделению дежурного генерала № 46205 от 29 марта 1915. Секретный // *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 38.

⁹⁸⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179. Л. 53; Д. 1184. Л. 146об., 287; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104об., 354–354об.

то запрещая⁹⁸⁷, то выдавая отпуск солдатам, вступающим в брак на родине⁹⁸⁸. Влияли на такое поведение и сведения о том, как живут русские военнопленные с австрийками⁹⁸⁹, о браках русских солдат во Франции⁹⁹⁰. Практически все слухи о разрешении жениться сопровождались «точными» сведениями о предоставлении на это многомесячного отпуска, даже материального поощрения⁹⁹¹.

Сексуальная активность военнослужащих привела к значительному росту венерических болезней на театре военных действий⁹⁹². Зимой 1917 г. в сводках цензуры сообщалось, что «заболевание сифилисом принимает угрожающий характер», распространение венерических болезней в действующей армии сравнивали с тифом⁹⁹³. Среди источников заражения венерическими болезнями в армии называли женщин-окопниц, уличных женщин-проституток различных национальностей, зараженных чуть ли не поголовно еще до войны⁹⁹⁴. Вероятность заражения усиливалась и общим распространением среди русского сельского населения бытового сифилиса⁹⁹⁵. На фронте распространению венерических болезней способствовало плохое положение с гигиеной⁹⁹⁶, а в некоторых случаях – сознательное желание солдат заразиться, чтобы получить отпуск домой⁹⁹⁷. Впрочем, судя по письмам и воспоминаниям, многие из заболевших не только не стыдились

⁹⁸⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 207об.

⁹⁸⁸ Там же. Л. 545об., 571.

⁹⁸⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 17об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 365; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179. Л. 53.

⁹⁹⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 175об.

⁹⁹¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 621, 629.

⁹⁹² Там же. Л. 41об., 80, 347.

⁹⁹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 185об., 191об., 342.

⁹⁹⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 197об.; Д. 3863. Л. 295; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 372; *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 12, 18, 19.

⁹⁹⁵ *Энгельштейн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890-1905) // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология.* Самара. 2000. С. 217–220, 231–234.

⁹⁹⁶ О ситуации на фронте в этом отношении см., например: *Степной Николай.* Записки ополченца // *Степной Н.* Собрание сочинений в десяти томах. Том второй. М., 1931. С. 185–186.

⁹⁹⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 283об.; *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929. С. 315–316, 329.

своей болезни, но даже гордились ею и продолжали свои сексуальные похождения⁹⁹⁸. Очевидно, с этого времени начинается поворот в общественном сознании в вопросах морали, которым обычно сопровождается эпоха перемен.

Кроме боеспособности армии, были опасения широкого распространения венерических болезней по всей стране вследствие массовой демобилизации «армии сифилитиков»⁹⁹⁹. Угроза положения на лечебно-венерическом фронте вызвала взрыв активности ученых-химиков, врачей-терапевтов, деятелей «общественной медицины»¹⁰⁰⁰, депутатов Государственной думы с целью решения этой проблемы¹⁰⁰¹. Этот вопрос стал также предметом переписки Совета Министров и Главного Штаба¹⁰⁰².

Центральным в сексуальном опыте солдат во время войны является, однако, его влияние на формирование новых установок в решении семейных проблем, собственного семейного статуса в гражданской жизни после войны. Сексуальный опыт на войне привел к самоутверждению в интимном плане не только молодых, но и взрослых солдат. Обострилось недовольство своим наличным семейным статусом. Это видно в широком распространении чувств, негативных по отношению к женщинам, латентной мизогинии

⁹⁹⁸ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 90об., 402об.; *Оськин Д.* Указ. соч. С. 315–316.

⁹⁹⁹ *Богров С.Л.* К применению сальварсана фирмы В.К. Феррейн в Москве (Бензарсана) // Русский журнал кожных и венерических болезней. Т. XXXII. 1916. № 9–12. С. 95; *Иванов В.В.* О борьбе с венерическими болезнями в военное время (Доклад Обществу русских врачей в Петрограде 14 января 1916 г.) // Врачебная газета. 1916. № 5. С. 73–74; *Шевелев А.* Венерические болезни и война 1914–1918 г.г. // Известия народного Комиссариата здравоохранения. 1925. № 1. С. 19; Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. М., 1926. С. XLVIII–L, 212–213.

¹⁰⁰⁰ Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Пг., 14–18 апреля 1916 г). М., 1917. Отдел I. С. 61–62; Врачебная газета. 1917. № 21. С. 380; № 31. С. 477.

¹⁰⁰¹ *Иванов В.И.* Арсол – русский сальварсан, изготовленный лабораторией И.И. Остромысленского в Москве, и результаты его применения для лечения сифилиса // Врачебная газета. 1916. № 17. С. 264–266; *Богров С.Л.* Указ. соч. С. 95; *Иванов В.В.* О борьбе с венерическими болезнями в военное время (Доклад Обществу русских врачей в Петрограде 14 января 1916 г.) // Врачебная газета. 1916. № 5. С. 77; *Иванов В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг., 1916. С. 16–18; Русский журнал кожных и венерических болезней. Т. XXXI. 1916. Март–апрель. С. 121–123.

¹⁰⁰² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1217. Л. 110, 148.

(женоненавистничество). Это выражалось в отсутствии на театре военных действий каких-либо выражений любви и верности своим женам в песнях или стихах. Впрочем, это являлось продолжением пренебрежительного настроения к женщине, подруге, бытовавшего в деревенском фольклоре при уходе молодых людей в армию. Впрочем, и среди женщин не проявлялось особого ожидания верности со стороны мужа на войне¹⁰⁰³. Имеющиеся же образцы любовной стихотворной лирики в годы Первой мировой не подтверждают существование верности в интимных делах партнеров на фронте, так как характерны для городской, гражданской, но не фронтовой культуры¹⁰⁰⁴.

Еще более выразительным проявлением мизогинии является отсутствие в русской армии положительного представления о женщине как о «боевой подруге». Это проявилось в резком осуждении сестер милосердия, якобы оказывавших плохой уход за рядовыми ранеными солдатами, по сравнению с офицерами¹⁰⁰⁵. Но чаще всего медсестер обвиняли в «разврате», в занятии «проституцией» на фронте¹⁰⁰⁶. В солдатской корреспонденции, фронтовом фольклоре сохранилось множество таких свидетельств и обвинений¹⁰⁰⁷. Многие из этих инвектив касались не собственно медсестер, а тех общественных организаций, в которых они работали и показной патриотизм которых представлялся незаслуженным укором в глазах страдавших на войне солдат¹⁰⁰⁸. Также антивоенный оттенок носили уговоры знакомых и родных

¹⁰⁰³ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 7. Л. 126; Д. 8. Л. 75; Д. 22. Л. 87; Д. 7. Л. 127; Д. 22. Л. 65, 103, 226.

¹⁰⁰⁴ Иванов А.И., Щербинин П.П. Женщина и война в поэзии и повседневности в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2001. С. 38–131.

¹⁰⁰⁵ Войтоловский Л. Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 221.

¹⁰⁰⁶ РГВИА. Ф. 2000.оп. 3. Д. 5369. Л. 65–65об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 21, 98; Д. 2934. Л. 31об., 32; Д. 2935. Л. 52об.–53; Д. 3863. Л. 209.

¹⁰⁰⁷ Войтоловский Л. Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 205, 221; Степун Ф. Указ. соч. С. 303; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 111об., 518; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 51, 52об.; Д. 3845; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 199; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 75; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 363об., 364; Д. 3845. Л. 288; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 42об.; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 74об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 59об.; Д. 2935. Л. 50об.; Д. 2932. Л. 21–21об., 98, 252об.–253, 334, 514; Д. 2934. Л. 364об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 140об.

¹⁰⁰⁸ Там же. Л. 334.

девушек и женщин не идти в сестры милосердия¹⁰⁰⁹. В этом осуждении медсестер вмешивалась одновременно и недоступность женщин для солдат в отличие от офицеров, и представление их в качестве «изменниц»¹⁰¹⁰. Пренебрежительно рисуется в стихах-частушках статус медсестры, бывшей «прачки Лукерьи», ставшей «сестрой милосердия»¹⁰¹¹, наподобие того, как становились прапорщиками солдаты из простонародья, «из Володей». Эту неприязнь к сестрам милосердия, вообще на присутствие женщин на войне, солдаты распространяли и на царственных особ¹⁰¹². В 1917 г. подобное неодобрительное отношение к женщинам на фронте коснулось «женских батальонов смерти»¹⁰¹³.

От осуждения женщин на войне солдаты вскоре перешли к порицанию женщин в тылу. Сначала это коснулось беженок, обвиненных в разврате¹⁰¹⁴. Но вскоре критике стали подвергаться и жены, оставшиеся в тылу. Солдаты, очевидно, судили о своих женах по женщинам, замеченным в супружеской неверности на театре военных действий. Эти подозрения сочетались с озабоченностью сохранения своего хозяйства. Далее в письмах стали нарастать чувства ревности, подозрения измены жен, а то и прямое возмущение по поводу их «распутного поведения». Тем более остро такие сведения воспринимались на фоне сведений об участии в крестьянском хозяйстве пленных из числа австрийцев и немцев¹⁰¹⁵. Такие слухи¹⁰¹⁶ имели

¹⁰⁰⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 579; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 185. Л. 509; Д. 2932. Л. 458об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 42об.

¹⁰¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 250об., 251об.

¹⁰¹¹ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 21. Л. 79; см. вариант: *Степун Ф.* Указ. соч. СПб., 1995. С. 303.

¹⁰¹² *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 288, 333, 336–343.

¹⁰¹³ *А.Д.* Батальоны смерти и дело жизни // Известия Всероссийского Совета Крестьянских депутатов. 1917. 2 июля; *Анчарова М.* Батальоны смерти // «Женское дело». 1917. № 15. С. 1–2.

¹⁰¹⁴ *Степун Ф.* Указ. соч. С. 272.

¹⁰¹⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 284; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 278.

¹⁰¹⁶ *Федорченко С.* Указ. соч. М., 1990. С. 316. См. также фольклорные данные о половых связях русских женщин с пленными австрийцами и немцами: РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 5. Л. 95; Д. 17. Л. 7; Д. 21. Л. 80; Д. 22. Л. 40, 44; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 274об.;

некоторое обоснование, так как в сельскохозяйственных работах в имениях помещиков пленные действительно составляли 15–30% всех работников и могли контактировать с солдатками¹⁰¹⁷. В этих случаях солдаты обвиняли своих жен в пособничестве врагу, требовали от местного духовенства «выступить со своей проповедью и усюестить баб»¹⁰¹⁸. Вопрос о прекращении использования пленных в сельском хозяйстве был поднят и командованием некоторых армий¹⁰¹⁹. Неверность жен солдаты видели даже в женских протестах против дороговизны, считая, что «бабы от рук отбились, вздумали помогать немцам»¹⁰²⁰. Обвинения в разврате с австрийцами в деревне коснулись и девушек. Но скорее речь шла о ревности по отношению к молодежи, действительно обретшей большую свободу в деревне во время войны, включая и интимную сферу.

Наиболее важным аспектом внимания солдат-крестьян, основной части армии, было приковано к переменам, которые произвела война в крестьянском хозяйстве. Новации в деревне были связаны с новым статусом молодых женщин, жен фронтовиков. Это было следствием резко возросшего их участия в общекрестьянском труде, возможности получать дополнительный заработок на оборонных заводах, при продаже продуктов сельского хозяйства, а также в связи с получением пайков за мужей, ушедших на фронт. По существу, женщины, члены малой семьи, стали основной частью семейно-крестьянского в общей массе труда традиционной семьи, роль которой значительно снизилась¹⁰²¹. Это отразилось и в перераспределении доходов, а также и прав в семье в пользу своих жен, по сравнению с обычной, подавляющей долей старших членов

Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47об., 62, 939об.; Д. 1184. Л. 18, 116, 164, 165, 168, 278; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 22об. –23, 110об., 253; Д. 905. Л. 14об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 217об.; Д. 3845. Л. 104об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193об.; Федорченко С. Указ. соч. М., 1990. С. 316.

¹⁰¹⁷ Хрящева А. Крестьянство в войну и революцию. М., 1921. С. 18, 25.

¹⁰¹⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 284, 334–334об.

¹⁰¹⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 295–295об.

¹⁰²⁰ РГВИА. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 96об.

¹⁰²¹ Ардашев Н.Н. Великая война и женщины русские. М.: Тип. Ф.Я. Пригорина, 1915. С. 6–7, 11; Анчарова М. Женская доля. М.: Д. Я. Маковский, 1917. С. 8.

традиционалистской семьи, «стариков». Попытки последних отстаять свой привычный статус, в частности путем распределения пайков для всей большой, а не малой, т.е. солдата и его жены и детей, семьи, натолкнулась на противодействие мужей-фронтовиков. Столь же яростно защищали солдаты своих жен и в вопросе сбора податей. Иногда солдаты прямо призывали своих жен-солдаток отказаться платить налоги. Остро реагировали солдаты и на сообщения о столкновениях женщин с полицией в городах. По существу, это было проявлением той же защиты своих жен, трудившихся в городах, или спекулировавших там продуктами. Проявляли солдаты озабоченность и в связи с новыми трудовыми реквизициями женщин на окопные работы¹⁰²². Таким образом, явочным порядком усиливались права и функции малой семьи в деревне в лице жен-солдаток, чему активно способствовали их мужья советами, а то и прямым руководством своим хозяйством с фронта.

Крайне тревожил солдат вопрос «разложения семейных устоев» в целом, домашние ссоры, когда «две бабы и не могут жить в ладу»¹⁰²³. И здесь речь шла о кризисе патриархальной семьи, т.е. малой семьей, и большой, традиционной. По существу в деревне образовался серьезный конфликт между членами большой патриархальной семьи. В этом конфликте солдаты совершенно определенно встали на защиту своих жен, детей, как части малой семьи перед лицом большой. Теперь уже по-другому представлялась солдатам и роль в семье стариков, которые «нас на муку послали». Среди солдат-крестьян стало распространяться стремление переменить свой семейный статус, по-другому определить свою половую роль в семье, построить семью на индивидуальных, «человеческих» началах, вплоть до разводов и отвержения старого брака, построенного на патриархальных,

¹⁰²² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 412; РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 226; Д. 23. Л. 8, 22; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 168, 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 128; *Смирнов В.* Отношение деревни к войне // Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С. 83; *Языков А.* Общественная помощь призванным и их семьям // Труды Костромского научного общества. Вып. 5. Кострома, 1916. С. 5; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1934. Л. 71; Д. 3845. Л. 96; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 143; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 49об., 50об., 51об.–52. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 545.

¹⁰²³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 110, 289об.

традиционных началах¹⁰²⁴. Начавшаяся именно со времени Первой мировой войны сексуальная революция несла в себе, таким образом, мощный заряд реформаторства в сфере семейных отношений. Для бойца это означало необходимость покинуть фронт, заняться мирным социальным переустройством семьи, хозяйства и всей жизни¹⁰²⁵.

§ 3. Русская армия в контексте социально-политического кризиса

Рождению солдата-гражданина, его социально-психологической детерминации способствовал поиск врагов, круг которых был крайне велик. Количество врагов солдат, их типы, роль и значимость изменялись по мере ухудшения социально-экономической ситуации внутри России и морально-психологического климата на фронте. Среди многочисленных врагов солдат выделялись представители профессий, владевшие, в глазах солдат, тайными нитями войны: знаменитые купцы, банковские деятели, инженеры, ответственные за организацию трудовых реквизиций на фронте. К ним примыкали интенданты, зауряд-чиновники, поголовно обвинявшиеся в воровстве¹⁰²⁶. Особенно доставалось ответственным за дороговизну: торгашам, спекулянтам, купцам, капиталистам¹⁰²⁷. В части писем наряду с торговцами, прятавшими товары первой необходимости, критике подвергались и крестьяне, делавшие запасы хлеба¹⁰²⁸. Солдаты считали всех

¹⁰²⁴ Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 70; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 146об.; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 18об.; Д. 1184. Л. 284, 334; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 802об.–803.

¹⁰²⁵ Подробно о гендерных аспектах фронтовой повседневности русских солдат см.: Асташов А.Б. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. актуальные проблемы изучения. М.: Российская Энциклопедия, (РОССПЭН), 2007. С. 367–382; Асташов А.Б. Русский фронт... С. 616-662.

¹⁰²⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 418, 418об.; Д. 2937. Л. 49об.–50

¹⁰²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 123, 123об., 139, 150об., 179об, 200; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 227об., 542об.–543, 575об., 509об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 110, 136, 304об., 305об., 326; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 43об., 362, 382; Д. 2937. Л. 26об., 49, 203, 255–256; 116, 362, 381; Федорченко С.З. Указ. соч. Киев, 1917. С. 134.

¹⁰²⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 49.

лиц, наживавшихся на войне, предателями, ведущими настоящую войну против своих граждан¹⁰²⁹. Для характеристики этой части солдатских врагов использовались возникшие во время войны определения с социально-милитаристским оттенком: «домашние мародеры», «кулаки в тылу» и т.п. Постоянным рефреном в письмах было требование от правительства разобраться с купцами или готовность самим с ними расправиться¹⁰³⁰.

Среди внутренних врагов упоминались и помещики, и вообще владельцы земли, вечные враги крестьян. По мнению солдат, помещики являлись одними из виновников войны с целью «известить солдат-крестьян», чтобы забрать всю землю. Даже на фронте солдаты-крестьяне отмечали единство командиров и помещиков фронтовой полосы, имения которых охранялись во время постоев войск, в отличие от хозяйств «бедного мужика», подвергавшихся разорению. Признаки особой выгоды именно для помещиков солдаты видели в способах проведения реквизиции, продразверстки через земства, где заправляли те же помещики, и что трактовалось как возвращение крепостного права. Порою антипомещичьи настроения солдат вызывали беспокойство военного начальства. Но в целом это – не частая тема солдатских писем. Скорее, солдаты-крестьяне не выделяли специально помещиков из всей массы собирательного образа внутреннего врага из числа «богатеев»¹⁰³¹. Антипомещичьи и антидворянские настроения оживились только в годы революции¹⁰³².

Вызывали недовольство солдат и крестьяне, оставшиеся в деревне, главным образом – старших возрастов. Пользовались этим в первую очередь ратники второго разряда, надеявшиеся вообще избежать призыва, как это

¹⁰²⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 272; Д. 2937. Л. 116.

¹⁰³⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 281об.; Д. 2935. Л. 271; Д. 3863. Л. 272об.; Д. 2937. Л. 203; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287.

¹⁰³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 110об., 122, 144, 150об., 156об., 218об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 512об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 349; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 329; Д. 2934. Л. 282–282об., 285; Д. 2935. Л. 362об.; Д. 3856. Л. 86об.; Д. 3863. Л. 11–12, 86; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 895; Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 196.

¹⁰³² Революционное движение в русской армии. М., 1968. С. 83; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 52об., 54об.

было в прежние войны. С точки зрения фронтовиков, крестьяне, остававшиеся в деревне, богатели за счет семей окопников. Поэтому их призыв в армию рассматривался как проявление справедливости. Враждебно относились фронтовики и к дезертирам, перебежчикам к врагам¹⁰³³. Враждебно относились солдаты-окопники и к беженцам, производившим огромные опустошения при своем движении во внутренние губернии, при этом не желавшим работать, но способствовавшим дороговизне жизни, распространению болезней среди населения¹⁰³⁴.

Порою солдаты-окопники относили к внутренним врагам чуть ли не всех жителей деревни, включая и членов своей семьи, даже жен¹⁰³⁵. Порицали окопники и молодежь, среди которых царила сильная распущенность нравов в отсутствие старших возрастов, а также проглядывалось желание затянуть войну¹⁰³⁶. Таким образом, порицая кризис всех моральных устоев в деревне, солдаты-крестьяне распространяли понятие о внутреннем враге на весь семейно-социальный уклад в деревне¹⁰³⁷. Окопниками владели одновременно жгучее стремление вернуться домой, в семью, и желание переменить устоявшиеся там порядки. Объективной причиной такого противопоставления солдат-крестьян крестьянскому традиционному миру являлось втягивание крестьянского хозяйства в общенародный хозяйственный организм, работавший в особых условиях во время войны и воспринимавшийся как чуждый, даже враждебный его, солдата, миру.

¹⁰³³ Революционное движение в армии... С. 210; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 106об.; Ф. 2048. Оп.1. Д. 904. Л. 16об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 361об.; Д. 3863. Л. 691об.; Д. 2931. Л. 171об.

¹⁰³⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 16–7, 60–60об.

¹⁰³⁵ Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 70; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 96об.; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47об.; Д. 1184. Л. 18, 116, 164, 165, 168, 278; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 22об.–23, 110об., 253; Д. 905. Л. 14об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 434; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193об.; Федорченко С.З. Указ. соч. М., 1990. С. 316.

¹⁰³⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 128, 152.

¹⁰³⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 168, 284, 295–295об., 284, 334, 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 128; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 181; Д. 2937. Л. 434.

Как и на других фронтах Мировой войны, солдат возмущали «окопавшиеся», то есть избегнувшие по тем или иным причинам попадания на фронт. Возмущались фронтовики тем, что видели в ближнем тылу, который, по их мнению, был заполнен «людьми протекции», корыстными и непорядочными, Солдаты резко осуждали тех, кто устраивался на должности, приносящие освобождение от воинской повинности. Вызывало ярость, что это было доступно, прежде всего, богатым, которые поступали за деньги на всевозможные заводы военно-промышленного назначения, пристраивались к делу по снабжению армии¹⁰³⁸.

Солдаты, возвращавшиеся из отпусков, говорили о «пляске воровства и прочих бесчинствах» в тылу, о «нравственном провале», о потере человечности, «зверстве». Возмущало солдат отношение тыла к калекам, ехавшим на родину без гроша в кармане и без куска хлеба, отсутствие жалости и уважения к положившим за родину свое здоровье. Озlobляло солдат сплошное «веселье» «вольной публики», заполненность увеселительных мест, скупка в магазинах дорогих товаров, что после окопов казалось «жутким»¹⁰³⁹.

В число врагов включались и забастовщики, подрывавшие обороноспособность страны¹⁰⁴⁰. Недовольство солдат распространялось и на полковых священников, забывших все заповеди¹⁰⁴¹, игравших «в одну дудку» с офицерами и относившихся к солдатам как «к навозу»¹⁰⁴². Поиски «врагов» распространялись солдатами и на правящие круги. Однако это не касалось царской четы, как это порою утверждается в литературе на основании отдельных высказываний солдат или даже представителей гражданского

¹⁰³⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29.

¹⁰³⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 308; Д. 2935. Л. 291; Д. 3863. Л. 27, 61, 293об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 9; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 63; Д. 2937. Л. 160–160об.; Д. 3863. Л. 11–12, 303–303об.

¹⁰⁴⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171об.

¹⁰⁴¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 150.

¹⁰⁴² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 79–80.

населения¹⁰⁴³. Скорее от верховной власти ожидали «скрутить акул», начать меры против дороговизны¹⁰⁴⁴. Исключение представляет антиромановские, антицаристские высказывания о Николае II и его «своре», о царице, «самой грязной женщиной в мире», во время самой революции¹⁰⁴⁵.

Чаще обвиняли правительство, но главным образом за непринятие мер против купцов, за бездействие, что играло на руку «германцу»¹⁰⁴⁶. Но наибольшее и всеобщее недовольство, прямую ненависть солдат, всей армии вызывали городовые, жандармы и сельские стражники. При этом, на самом деле жесткие действия полиции внутри страны обуславливались поставленными перед ней задачами, вызванными войной. Кроме соблюдения порядка, эти задачи включали борьбу со спекуляцией, дезертирством, многочисленными правонарушениями солдат в отпуске, контроль за населением на оборонительных работах, реквизициями, выселениями и т.п.¹⁰⁴⁷ Практически везде эти действия полиции рассматривались как вредные для солдат, а также их семей¹⁰⁴⁸. По мнению солдат, полиция, вместо защиты населения от «внутренних врагов», вела себя крайне жестко, наживаясь на взятках, а главное – была освобождена от военной службы¹⁰⁴⁹. Полиция представала как очевидный вооруженный враг. Всеобщим требованием солдат было посылка полиции, жандармов на фронт вместо раненых солдат с фронта. По мере усиления дезертирства именно полиция

¹⁰⁴³ Царская армия... С. 32, 108; Чаадаева О. Указ. соч. С. 57, 64; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 47–51; Аксенов В. Царь в кривом зеркале. Образы монарха и их народная интерпретация в 1914–1917 годах // Родина. 21014. № 11. Ноябрь. С. 31–35; Ахун М.И., Петров В.А. Указ соч. С. 25; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 762об., 327об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 205; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 142.

¹⁰⁴⁴ Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 68; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 346; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 381; Д. 3863. Л. 150.

¹⁰⁴⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 392.

¹⁰⁴⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 512об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287об., Л. 115. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 465об.–466, Л. 276об.; Революционное движение в армии... С. 293; Царская армия... С. 31, 32.

¹⁰⁴⁷ Циркуляр тов. Министра МВД А. Степанова № 70990 от 27 июня 1916 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 85–86.

¹⁰⁴⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 300.

¹⁰⁴⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 153; Д. 2936. Л. 67; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111.

стала ярким врагом всего бродяжного солдатского элемента. Ненависть к полиции отражала, таким образом, и антивоенные настроения, и социальные представления о причинах войны¹⁰⁵⁰.

К концу 1916 г. ненависть к агентам правительства, ответственным за внутренний порядок, резко выросла. Это было видно из многочисленных актов расправы с жандармами по пути следования поездов, стычек с городскими в прифронтовых городах. В армии широко распространились слухи о подготовке полиции к беспорядкам, вооружении ее пулеметами, которые якобы повсеместно устанавливались на крышах зданий в крупных городах. Одновременно усилились желания, просьбы и взаимные обещания солдат и членов их семей постоять за себя, не дать в обиду друг друга. Солдаты в своих письмах просили родных перечислить все обиды, штрафы, наказания, которые их семьи терпели от стражников, готовясь, таким образом, к часу расплаты¹⁰⁵¹.

Актуализации темы «внутреннего врага» способствовали и сами власти. Поиск виновных в военных неудачах в лице Ренненкампа в 1914 г. вскоре перерос в поиск ответственных за поражения лета 1915 г., что породило дело Сухомлинова. Солдаты в письмах активно включились в эту кампанию, требуя повесить виновного, «погубившего русскую армию», а заодно и других генералов, ответственных за сдачу крепостей, напрасные жертвы лета 1915 г. Сквозной темой этой поиска врагов являлась не стихавшая за всю войну кампания по шпиономании. В конце 1916 г. начались поиски «темных» сил, среди которых называли крупных спекулянтов, ответственных за рост дороговизны¹⁰⁵². Для солдат казалось логичным начать принимать решительные меры против купцов, «расправляться с мародерами» и т.п. Такие требования стали раздаваться все громче со времени осеннего социально-политического кризиса в октябре 1916 г. В этом причина

¹⁰⁵⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 808об.–809; Д. 2937. Л. 49.

¹⁰⁵¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 67; Д. 2937. Л. 115, 405; Д. 3863. Л. 199об., 293, 337.

¹⁰⁵² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 269. Л. 12–15об.

формирования в армии прочного интереса к делам внутренней политики, в основе которого было требование разобраться со всей массой врагов солдат¹⁰⁵³.

В предреволюционные месяцы требование применить решительные меры к внутренним врагам стали превалировать. Усилилось возмущение правителями, которые не заботятся о солдатских семьях, не обеспечивают «душевный покой» солдат. В письмах с фронта были постоянные укоры правительству в неумении наладить мероприятия, регулирующие цены, как это было сделано в других воевавших странах. Администрацию обвиняли в том, что она не обращает внимания на то, как «дерут» обывателя, что она даже ладит с торговцами или умышленно бездействует. В декабре появились высказывания о «немецкой измене в верхах», в войсках открыто обсуждали вопросы высшей политики, отставку Штюрмера и т.п. В армии широко распространялась речь Милюкова в Государственной думе, читали речи других лидеров думской оппозиции. В целом цензура отмечала недовольство правительством вплоть до обвинения его в измене¹⁰⁵⁴.

Широко обсуждалось в армии убийство Распутина. Среди офицерства этот акт вызвал радость как избавление от еще одной «темной силы». Шумиха, поднятая в либеральной печати, однако, мало привлекала солдат. Для них главным было само ослабление власти, что усилило ожидание перемен от Государственной думы. При этом крайне редко встречались высказывания, которые можно было бы трактовать как проявления классового сознания. Но солдаты всегда ожидали крупного поворота событий, часа возмездия¹⁰⁵⁵.

В попытках обобщения образа врага первоначально солдаты шли по обычному сценарию – обвинению евреев, «жидов», что поддерживалось

¹⁰⁵³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287, 219, 221об., 308об., 324; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 31; Д. 2935. Л. 809; Д. 2937. Л. 49, 101об., 158об.

¹⁰⁵⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 336об., 359, 360об., 362; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 465об.–466; Д. 3863. Л. 39, 95, 150, 96, 221, 219об.

¹⁰⁵⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 212, 250, 204, 218, 226, 41, 204, 243об., 396; Д. 2935. Л. 174–174об.

консервативными кругами в России. Однако такое перенесение образа врага на отдельный народ не выдержало испытания войной. Уже в 1915 и тем более в 1916 г. этническая составляющая врага исчезла, уступив место социальной подкладке в обобщенном определении «внутреннего врага», «внутреннего немца»¹⁰⁵⁶. В целом к началу 1917 г. в сознании солдата-крестьянина стало доминирующим чувство вражды к большому кругу сил, угрожавших ему, его крестьянскому миру. Эти силы были многообразны и определялись понятием «они», а чаще – «тыл» вообще – который спекулирует, «обирает сирот и вдов», развратничает, не поддерживает фронт, в то время как солдаты должны его защищать. Возмущало особенно возможность наживаться на войне, желая ее продолжения. Удручало и общее положение в стране, когда «грабится вся Россия», грабят все друг друга. Понятие врага стало распространяться на все население, когда все заслуживали «повешения», начиная от Сухомлинова, и оканчивая мужиком-спекулянтом, наживающемся на дороговизне на хлеб¹⁰⁵⁷. По существу, уже до 1917 г. возникла ситуация «войны всех против всех», где, однако, у солдата-крестьянина было больше всего врагов и права воевать внутри России.

Особенность отношения к врагам в начале 1917 г. заключалась в очевидной готовности начать с ними борьбу¹⁰⁵⁸, а заодно навести порядок в собственных семьях, «переменить всех жен»¹⁰⁵⁹, «разобраться с родственниками»¹⁰⁶⁰ и т.д. «Тылу и врагам фронтовых солдат» назначались и сроки: «до осени»¹⁰⁶¹. В качестве способов войны с «тылом» хотели привлечь

¹⁰⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 34, 123об., 191–191об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 52об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 278об., 382; Д. 2937. Л. 473; Д. 3863. Л. 249; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 141об., 187об., 541об.; Д. 1673. Л. 213, 282об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. 1927. Т. 2. С. 173, 183, 265–267.

¹⁰⁵⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 676об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304–305; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 384об.; Д. 2935. Л. 362об.; Д. 2937. Л. 30об.; Д. 3845. Л. 362об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 1. Л., 1928. С. 170–171; *Царская армия...* С. 97.

¹⁰⁵⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 594.

¹⁰⁵⁹ *Федорченко С.З.* Народ на войне. Гранки // РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 146об.

¹⁰⁶⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 168об.

¹⁰⁶¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 357.

модели, опробованные на войне, используя в борьбе против «тыловых мародеров» реквизиции, конфискации и т.п.

«Внутренний враг», «внутренний немец», противопоставлялся внешнему врагу, «германцу». Это видно из резкого увеличения цитирования в солдатских письмах образов, связанных с теми качествами, которые солдаты связывали с «немецкостью»: хитростью, действием сзади, изнутри, мимикрия под привычные социальные группы, разъедающие и губящие привычный крестьянский традиционный мир. Такие упоминания в письмах о «внутренних немцах» увеличились по сравнению с первым годом войны в 3 раза, а накануне революции в 4 раза. И наоборот, упоминание о «германцах», как конкретных внешних врагах на фронте, уменьшилось накануне революции в 2 раза по сравнению с 1914–15 гг.¹⁰⁶²

Сначала с внутренним врагом предполагалось разобраться после войны¹⁰⁶³. Но со времени усиления социально-экономического кризиса в 1916 г. борьба с внутренним врагом стала выходить на первое место¹⁰⁶⁴. По мнению солдат, борьба внутри есть лишь необходимая операция для обеспечения успешного противостояния с внешним врагом¹⁰⁶⁵. Борьба с внутренним немцем рассматривалась в широкой плоскости. В представлениях солдат, внутренний немец не давал возможности сплотиться, подрывал самое ценное – крестьянский мир, хозяйство, семью, уничтожал все права, делал всех в стране врагами друг другу¹⁰⁶⁶. Особенно очевидным был социальный смысл борьбы с лета 1916 г., когда стало больше призывов не судить, а «прямо бы вешать» «купцов-негодяев»¹⁰⁶⁷. С осени 1916 г. вести с фронта под впечатлением сообщений из тыла стали носить угрожающий

¹⁰⁶² См. приложение 1.

¹⁰⁶³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 384об.; Д. 2935. Л. 362об.; Д. 3845. Л. 357; Д. 3863. Л. 149об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 510; Д. 1184. Л. 575об.

¹⁰⁶⁴ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 134об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 465.

¹⁰⁶⁵ РГВИА. Ф. 2031. оп. 1. Д. 1181. Л. 178. Ф. 2067. Оп. 1. Д. Д. 2934. Л. 377об.; 3863. Л. 574, 763об.

¹⁰⁶⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 81аоб., 179об., 287об., 326.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 268об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 200, 218, 226об.; Федорченко С. З. Ук. соч. М., 1990. С. 50.

¹⁰⁶⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 362.

характер¹⁰⁶⁸. Волна беспорядков в тылу, а также убийство Распутина¹⁰⁶⁹ вели к постепенному переводу возмущения в прямую готовность к решительным действиям. Современники говорили о гнетущей атмосфере, сложившейся в обществе и в армии в конце 1916 – начале 1917 гг., все ожидали себя «на пороге великих событий»¹⁰⁷⁰. На фронте стали распространяться представления, что не только война вообще, а всё «надоело» и «осточертело» и что «пора уже кончать». Начались прямые угрозы и призывы к действию против внутреннего врага. Большинство из них, в сущности, предвещали социальную революцию, которая превзойдет своим масштабом Первую русскую революцию, охватит всю страну, перекинется в Германию, а возможно и в другие страны¹⁰⁷¹. Свои угрозы солдаты направляли даже в официальные фронтовые газеты, требовали окончить «кровопролития» и обещали «свести счеты» со своими врагами в тылу¹⁰⁷², «повыбивать всех панов»¹⁰⁷³.

Из представленного в данной главе материала можно сделать следующие выводы. Поиск и ранжирование «внутренних врагов» в армии происходил по степени их причастности к главному вопросу – о дороговизне, то есть угрозе для их, солдатских масс, семей и хозяйств внутри России. При этом родственники, члены семей в России активно влияли на позицию солдат, стремившихся защитить свои хозяйства и семьи. Именно это стало главным фактором в формировании гражданских позиций солдатских масс. Этот процесс совпал с общественно-политическим кризисом внутри России с осени 1916 г. Его первой фазой являлся моральный кризис и нарастание бунтарских настроений в самой армии в конце 1916 г.

¹⁰⁶⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 484об.

¹⁰⁶⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 252.

¹⁰⁷⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 16, 18, 41, 158об., 298, 363–363об.

¹⁰⁷¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 27об.–28., 412, 417; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299об.

¹⁰⁷² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335., 299об.; 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 174–174об., 435, 917; Д. 2937. 27об. –28; Письма в «Армейский вестник» // Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 55–55об., 66–66об.; Д. 2936. Л. 234а. –234боб.; Д. 3863. Л. 33–34.

¹⁰⁷³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 349.

§4. Моральный кризис русской армии и анатомия солдатского бунта

Моральный кризис в русской армии имел ряд аспектов: пожелания мира от победного до «во что бы то ни стало»; крайнюю усталость до безразличия; военные бунты; отказы воевать. Указанные элементы или их сочетания то проявлялись, то затухали в течение каждого из трех лет войны. Так, ожидания мира появились в русской армии уже с первых месяцев войны, что было связано с общей уверенностью в скоротечную войну. Однако с усилением боев в Польше поздней осенью 1914 г. появилась масса сообщений о желании мира у множества солдат, и даже офицеров. Особенно это касалось старых солдат, пришедших на службу задолго до начала военных действий. Пожелания мира сопровождалось многочисленными сдачами в плен¹⁰⁷⁴. Всего за 1914 г. цензурой зарегистрировано 7 сообщений о пожеланиях мира на различных фронтах.

Высказывания, правда, не столь категоричные, о пожелании мира в первой половине 1915 г. сохранялись (всего 6) при увеличении сдач в плен. Незначительный рост мирных настроений наблюдался все лето 1915 г. (всего 19 сообщений). Вызывалось это как тяжелыми боями при отступлении, так и тоской по дому в период уборки урожая. По сведениям цензуры, такими настроениями были охвачены 20–30% состава армии, правда в основном из тыловых частей. Что же касается передовых частей, то здесь, в разгар тяжелой ратной работой, сравнимой с привычной работой на селе в конце лета, «солдаты забыли думать о мире»¹⁰⁷⁵. Особенно жаждали мира солдаты кадровой армии, то есть взятые в армию еще до начала войны¹⁰⁷⁶.

¹⁰⁷⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 435; Д. 561. Л. 45, 56, 136, 189, 143, 189, 190об.

¹⁰⁷⁵ Начальник канцелярии главного управления снабжений Юго-Западного фронта – генерал-квартирмейстеру Юго-Западного фронта от 9 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 59; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 18, 20, 20, 35; Д. 2935. Л. 4, 71об.–72; Д. 3855. Л. 60.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 1. Л., 1928. С. 8, 296–297; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 281.

¹⁰⁷⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 467об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 193–193об., 207.

Действовали и сезонные, привычные для крестьян факторы ожидания отдыха осенью после тяжелых летних работ. Однако воцарившееся затишье на фронте, приход осенью значительного количества запасников и ратников, готовых к боям, сгладили общие впечатления о боеспособности армии. Это выразилось в понижении количества пожеланий мира – 5 за сентябрь и 3 – за октябрь.

Поздней осенью 1915 года пожелания мира стали увеличиваться, что было следствием сезонного фактора восприятия военных действий. По некоторым армиям (4-я) количество писем с пожеланиями мира было не намного меньше патриотических писем: 7% против 10%. Всего же в ноябре по различным армиям зафиксировано 7 высказываний за мир¹⁰⁷⁷. Зато за декабрь таких высказываний насчитывалось 21. По некоторым армиям мирными настроениями было охвачено 11% корреспондентов. Правда, в это время мир признавался только «почетный», хотя отмечены и письма с пожеланием мира без победы. И все же мирное настроение в войсках не было устойчивым, носило очаговый характер, быстро гасло, например, при посещении царем отдельных частей¹⁰⁷⁸.

В 1916 г. нарастание слухов, толков, разговоров о мире продолжались. Повторилась картина 1915 г., с некоторым ослаблением весной – летом и непременным усилением к осени, достигнув опять пика в декабре. Цензура констатировала теперь четкое разделение на желающих продолжения войны, как правило, это были солдаты на позиции, и остальных, солдат тыла, желавших только одного мира. Озабоченность властей разговорами о мире значительно возросла. В таких разговорах видели падение духа, начатки разложения армии¹⁰⁷⁹. Но все же в первой половине 1916 г. тяга к миру не

¹⁰⁷⁷ *Войтоловский Л.* 1927. т. 2. с. 171. 281; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6, 31; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 22об. 584об., 585об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 12; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 114; Д. 3845. Л. 40.

¹⁰⁷⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52, 68об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 362об., 368об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 261; 2932. Л. 158, 170об., 211об., 225.

¹⁰⁷⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39об., 52, 88; Ф. 2067. Оп. 1. 2931. Л. 362, 390.; Д. 2932. Л. 308; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 292об., 293, 309.

означала желания его немедленного заключения, а лишь только как прекращения тягот войны.

С марта 1916 г. количество пожеланий мира значительно увеличилось, что подтверждается появлением специальной рубрикой «о мире» в сводках цензуры. Это означало, что пожелание мира приобрело устойчивый характер. В некоторых армиях (7-й) мирные настроения были отмечены в 29% писем. И все же, по мнению цензуры, при частоте высказываний за мир преобладала «здоровая философия» мира через победу¹⁰⁸⁰.

В течение весны 1916 г. мирные настроения не затихали, а цензура стала разделять «толки о мире» от «жажды мира» при общем количестве их упоминаний на фронтах (10 случаев в апреле). В отличие от 1915 г., пришедшие недавно из запаса ратники страстно ожидали мира, хотя и через победу, называя конкретные сроки его достижения, как правило, осенью¹⁰⁸¹. В мае, накануне наступления, отмечено было 27 высказываний о пожелании мира, который, как казалось корреспондентам, станет следствием непрямого военного успеха. Усиливали такие надежды сообщения с тыла, где «везде бунтуются»¹⁰⁸².

В июне высказывания о мире резко сократились, что являлось следствием как наступления на фронте, но также соответствовало сезонным колебаниям крестьянско-солдатской ментальности с ощущением необходимости отдавать летом все силы труду. Но уже в конце июня разговоры о мире вновь усилились, что было следствием тяжести боев. В июле цензура отмечала: «желание мира громадное». Опять стали назначаться даты мира – в октябре, или просто осенью. Это было логично для солдат-крестьян, взятых осенью 1915 г. в армию и отдавших, как они считали, необходимый долг родине. Усилило ожидание мира вхождение в войну

¹⁰⁸⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 418об., 422об., 442–442об.; Д. 2932. Л. 436; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 127, 152.

¹⁰⁸¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. 41об., 31об., 49, 55об., 54, 82, 122; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 793об.

¹⁰⁸² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 6, 9об.; Д. 3856. Л. 118об., 122, 136; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 79.

Румынии, силу которой как союзника солдаты явно переоценивали. С сентября количество писем с мирным настроением составило 15% корреспонденции в 12-й армии, при том, что значительная часть корреспондентов мечтала о мире «во что бы то ни стало»¹⁰⁸³. И все же основная часть солдат верила в мир только через наступление и победу.

Как и осенью 1915 г. в октябре 1916 г. было отмечено резкое повышение мирных писем, сопровождавшихся тревогой за положение своих семей. Практически со второй половины октября в солдатской среде стали развиваться стойкие антивоенные настроения, солдаты проклинали тех, «кто затеял эту войну», желали «сами мир сделать». В это же время стали громко слышны голоса пацифистов, принципиальных противников войны¹⁰⁸⁴.

В ноябре продолжалось увеличение мирных настроений (32 зарегистрированных сообщений по сравнению с октябрём). Цензура отмечала, что значительное число авторов писем желают мира «во что бы то ни стало», связывают его достижение с переменами во внутренней политике. Но подлинный взрыв мирных настроений произошел в декабре 1916 г., когда в сводках фронтов и армий было зарегистрировано 75 сообщений о мире. Вопрос о мире поднимался в половине солдатских писем. Это была реакция на обсуждение германских мирных предложений и ответных акций союзников, царского правительства. Разговоры о мире происходили на фоне слухов о кризисе внутри России, бунтах, забастовках и т.п. Теперь «мир» понимался, в сущности, как часть крупных социальных проблем всей страны, решение которые возможно только с участием солдат¹⁰⁸⁵.

Однако не следует переоценивать антивоенные настроения. Большинство солдат еще были готовы держать фронт, ожидали мира как

¹⁰⁸³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 22об.; Д. 1184. Л. 467об., 585об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 186, 189, 228об., 252, 262об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 2–2об., 6, 257об.–258; Д. 2935. Л. 64, 113, 109об., 122, 260, 264, 265.

¹⁰⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 211; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 45, 46об. 53, 115116об.–117; Д. 2956. Л. 234об.; Д. 2935. Л. 794, 801об.

¹⁰⁸⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 329об., 353, 354, 359; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 79; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 2об., 91, 166об., 159, 200, 206, 236; Революционное движение в армии... С. 274.

следствие победы над врагами¹⁰⁸⁶. Но властей, однако, тревожило, что активизация антивоенных настроений сопровождалась уменьшением бодрых писем. Еще больше беспокоил очевидный раскол в армии между желающими немедленного мира, и готовыми сражаться за победу, надежду на которую еще не теряли накануне нового, 1917 года¹⁰⁸⁷.

В начале года отмечалось значительное уменьшение высказываний о мире, тем более мира немедленного. Однако для характеристики настроений солдат в части мирных пожеланий надо принимать во внимание введение в это время фактически повальной офицерской цензуры писем, а главное – попытки самими солдатами претворять «мирные» тенденции в жизнь в виде прямых отказов воевать, наступать, или даже «самим мириться», а «не на бумагах разных»¹⁰⁸⁸.

В марте, уже после совершения революции, тенденция перехода от слов к делу сохранялась. Наряду с сообщениями, что солдаты «резко перестали интересоваться войной», все больше поступало извести о непосредственном обсуждении вопросов о мире с противником в ходе братаний¹⁰⁸⁹. А в апреле было зарегистрировано всего 7 сообщений о мире, который, однако, стал рассматриваться в плане борьбы с контрреволюцией, «буржуями», т.е. в виде углубления революции. Мир теперь делался самими солдатами в ходе братаний, расправы со своей артиллерией, мешавшей общению русских солдат с противником и т.д.¹⁰⁹⁰ В целом нарастание мирных настроений за годы войны видно из роста количества упоминаний о «мире» в солдатских письмах в 2 раза по сравнению с первым годом войны, и в 3 раза – накануне революции¹⁰⁹¹.

¹⁰⁸⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 426; Д. 3863. Л. 87. 203, 206, 206об., 212об., 213об.

¹⁰⁸⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 202об., 224, 202об., 229, 225, 179.

¹⁰⁸⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 279об., 284; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 205. Л. 221; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 247, 344, 355; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 142об.–143.

¹⁰⁸⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 38; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 584, 584, 408об.

¹⁰⁹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 652; Д. 3868. Л. 244; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 67, 54.

¹⁰⁹¹ См. приложение 1.

Русская армия испытывала проявления морального кризиса и в виде неспособности функционировать в повседневной фронтовой жизни, вызванной серьезными физическими и психологическими нагрузками. Уже в начале войны наблюдались психологические срывы в настроении войск при самом объявлении о выходе на позиции¹⁰⁹². В письмах сообщалось о случаях паники, членовредительства, «внезапного умопомешательства» в результате впечатлений от тяжелых боев¹⁰⁹³. Эпизодичность таких срывов, возможно, объясняется отсутствием систематического цензурного мониторинга в первый год войны. Зимой 1915 г. цензура зафиксировала только в 0,3% писем желание мира как конца страданий¹⁰⁹⁴. Даже весной 1916 года настроение ряда армий оценивалось как «бодрое»¹⁰⁹⁵. Одновременно с этим отмечалось наличие «угнетенных» настроений в некоторых частях¹⁰⁹⁶. Накануне майского наступления начальник штаба Ставки ген. М.В. Алексеев был озабочен необходимостью «упрочения нравственных устоев в войсках, уверенности, доверия к своим начальникам». Особенно настораживала критика солдатами «безнадежных атак». По существу, это предостережение о наступающем кризисе осталось не услышанным¹⁰⁹⁷.

Весенне-летнее наступление 1916 г. и последовавшие за ним тяжелые бои приблизили духовный слом армии¹⁰⁹⁸. Цензура, даже сообщая о случаях бодрого настроения, подчеркивала «повышенное отношение к личной безопасности», отсутствие веры командиров в успех наступления¹⁰⁹⁹. С конца лета стали поступать крайне пессимистические отзывы с фронта о «напрасных жертвах», «упадке духа», «потере веры в будущую жизнь» и

¹⁰⁹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 38.

¹⁰⁹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. 207; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 30–31.

¹⁰⁹⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47об.

¹⁰⁹⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. 39об.

¹⁰⁹⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 56.

¹⁰⁹⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 161. Л. 326–330об.

¹⁰⁹⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 285об.

¹⁰⁹⁹

т.п.¹¹⁰⁰ Понижение духа армии постоянно отмечалось всю осень 1916 г.¹¹⁰¹ Угнетенное настроение цензура констатировала и в декабре. Особенно пугали даже не негативные переживания, а ощущение безразличия с суицидальным оттенком, ожиданием «конца» или бунта. Индифферентное отношение к своему делу рассматривалось как крайняя мера уныния. Упаднические настроения, ожидания чего-то худшего, распространялись и в начале 1917 г.¹¹⁰²

Наиболее очевидным проявлением морального кризиса в армии были солдатские бунты против начальства, отказы идти в бой, прямые покушения на командный состав. Волнения призывников при мобилизации запасных происходили еще осенью 1914 г.¹¹⁰³ Но это обычно рассматривается как часть русской культуры прощания перед уходом в армию. Больше тревожили начальство случаи убийства командиров, в основном, за плохое обращение с солдатами или за трусость во время боя¹¹⁰⁴. Случаи прямых бунтов против офицеров и командования, отказов ходить в атаки участились осенью 1915 г., что являлось, в сущности, первым проявлением морального кризиса в армии¹¹⁰⁵. Почти все акты непослушания сопровождались применением оружия. Волнения в виде бунтов, драк с офицерами, затронули несколько частей. Они имели место осенью 1915 г., в феврале 1916 г.¹¹⁰⁶, и даже в июне 1916 г.¹¹⁰⁷. Бунтарские настроения подогревались слухами изнутри России о волнениях на продовольственной почве¹¹⁰⁸. В октябре 1916 г. отказы войск

¹¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 262; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 749; Д. 2937. 3об., 99об., 40, 38, 27об.–28, 115.

¹¹⁰¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 200об.

¹¹⁰² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 200об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 328; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 917; Д. 2937. Л. 419; Д. 2936. Л. 234аоб.; Д. 3863. Л. 16, 146, 303–303об., 363–363об.

¹¹⁰³ Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 11–13; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2904. Л. 99.

¹¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. 618.

¹¹⁰⁵ Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 95–96, 100.

¹¹⁰⁶ Революционное движение в армии... С. 137–139, 153–154.

¹¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 253об.

¹¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 435.

идти в атаку охватили полтора десятка полков на Северном фронте¹¹⁰⁹, что являлось показателем серьезности морального кризиса. В этом же месяце произошли волнения 181-го пехотного запасного полка в Петрограде при поддержке рабочих¹¹¹⁰. В конце октября вспыхнуло восстание 406-го пехотного Щигровского полка, отказавшегося продолжать наступление¹¹¹¹, произошли волнения в Гвардейском корпусе. Но наиболее крупным было восстание на пересыльном пункте в Гомеле, в котором приняли участие представители самых различных частей, ранее замешанных в беспорядках, а также дезертиры, «бродяжничавшие» и «штрафные» солдаты¹¹¹². Восстание переросло в столкновение солдат и матросов с полицией¹¹¹³. Через несколько дней подобное восстание произошло на распределительном пункте в Кременчуге. В нем участвовали масса дезертиров, которые громили магазины, взяли в осаду тюрьму, гауптвахту, канцелярию пункта. Начавшееся следствие выявило огромный масштаб разложения на пункте: разгул солдат, неповиновение начальникам и т.п. События в Кременчуге встревожили начальство Юго-Западного фронта¹¹¹⁴.

Обеспокоенное резким увеличением преступности на фронте командование попыталось ввести чрезвычайные меры. На Северном фронте в октябре 1916 г. в случае серьезности преступлений было предписано передавать дела прямо в военно-полевые суды. Номенклатура таких преступлений включала применение силы к начальникам, сопротивление исполнению приказаний, членовредительство, дезертирство, сдачу или

¹¹⁰⁹ Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 73, 87, 89, 90; Казаков М.И. Солдатский бунт // Вопросы истории. 1973. № 4. С. 208–209.

¹¹¹⁰ Революционное движение в армии... С. 207; Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 73, 87, 89, 90.

¹¹¹¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 256.

¹¹¹² Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 95–96, 100; Ахун М. К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 90–91; Революционное движение в армии... С. 212–216.

¹¹¹³ Приказ главкома армиями Западного фронта ген. А.А. Эверта от 8 ноября 1916 г. // Ахун М. Указ. соч. С. 91–92; Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 100.

¹¹¹⁴ Революционное движение в армии... С. 220–227.

подговоры к сдаче в плен, попытки братания¹¹¹⁵. Но эти меры уже признавались запоздалыми, не имели решающего значения для погашения кризиса в армии. Уже через несколько недель резкая вспышка волнений, главным образом отказов идти в наступление, произошла в середине ноября на Юго-Западном фронте в ряде полков. Зачинщиками волнений считали новые пополнения, с резко антивоенными взглядами. Волнения отличались организованностью, атакующим по отношению к начальству характером, крайней дерзостью¹¹¹⁶, что облегчалось и тактикой действия «скопом», «снятием» других частей. Волнения Белгорайского полка грозили перекинуться на другие части. Они произвели сильное впечатление на армию, оставив по себе мифы, как «попрыгались офицеры», а солдаты отказались стрелять в бунтовщиков¹¹¹⁷. В эти же дни на Юго-Западном фронте произошли волнения солдат 7-го стрелкового полка, которые также закончились привлечением участников к военно-полевому суду, сроками заключения и смертной казнью для ряда участников. И вновь волнения были отмечены жестким противостоянием с начальством, не справлявшимся с солдатами¹¹¹⁸.

В декабре 1916 г. солдатские волнения продолжались. В ряде полков произошли конфликты из-за недостатка пищи, отказы идти в атаку¹¹¹⁹. В конце декабря вспыхнули волнения во 2-м и 7-м Сибирских стрелковых корпусах в районе Рижского плацдарма¹¹²⁰. И здесь волнения отличались

¹¹¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 153.

¹¹¹⁶ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 91. Л. 86–87; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 30–31, 102–105; *Ахун М.* К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 92–94.

¹¹¹⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3868. Л. 36–36об.

¹¹¹⁸ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 91. Л. 85–85об., 86–87; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 72–73.

¹¹¹⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 77, 124–125, 151об., 153об.

¹¹²⁰ История первой мировой войны. 1914—1918. Т. 2. М., 1975. С. 304–309. *Казаков М.И.* Солдатский бунт // Вопросы истории. 1973. № 4. С. 207–208. *Ахун М.* К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 94–95; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 106–108.

резким противостоянием с начальством, грозили перекинуться на другие корпуса, привели к многочисленным судебным расследованиям с привлечением нескольких сотен человек в качестве обвиняемых. Впоследствии командиры некоторых полков оценивали эти события как похожие на революционные выступления периода Февральской революции¹¹²¹. Волнения сказались на срыве наступления на Северном фронте¹¹²².

В начале 1917 г. волнения, хотя и спорадические, стали распространяться по всему фронту. Они касались протестов против начальства, плохого обеспечения и т.п. Продолжались и отказы идти в бой в полках 2-го и 21-го Сибирских армейских корпусов, 102-й пехотной дивизии¹¹²³. Даже во Франции имели место бунты в рядах Особой пехотной бригады¹¹²⁴.

В ходе волнений образовались общие черты, приемы, явления, характерные для солдатского бунтарства. Особенно опасным военные и гражданские власти считали соединение, взаимную поддержку солдатских и рабочих выступлений, заимствование эффективной тактики «снятия» рабочими одного завода рабочих другого с целью принуждения к забастовке, общую ненависть рабочих и солдат к полиции¹¹²⁵.

Более серьезными, чем вспышки недовольства, представлялись командованию прямые отказы идти в наступление или даже на передовую. Потеря контроля над частями, неуверенность в солдатах проявились еще летом 1916 г. в июле 1916 г., что не позволило развить успех Брусиловского прорыва¹¹²⁶. Практически перед каждым боем офицеры были вынуждены прикладывать массу психологического, пропагандистского,

¹¹²¹ Казаков М.И. Указ. соч. С. 208; Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 110; Черепанов А.И. Указ. соч. С. 13.

¹¹²² Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 626–627. Черепанов А.И. Указ. соч. С. 14–15; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года / Сост. А.М. Зайончковский. М., 1923. С. 129.

¹¹²³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 79, 252, 347об.; История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 34.

¹¹²⁴ Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 118.

¹¹²⁵ Революционное движение в армии... С. 207.

¹¹²⁶ РГФИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 83. Л. 408.

дисциплинарного и иного воздействия, чтобы заставить солдат идти в наступление. В сущности, солдатская масса получила рычаги давления на командование, выдвигая определенные условия своего участия в наступлении – начиная от довольствия и кончая политическими требованиями. Это объясняет смысл многочисленных сообщений об отказах идти в атаку, под которыми надо понимать процесс «уговаривания» солдат, обещая им те или иные выгоды в деле обеспечения довольствием, последующего отдыха и т.п. Таким образом, «уговаривание» солдат возникло не в 1917 году, как это принято считать, а за много месяцев до революции. Причиной этому были многочисленные нехватки в обеспечении солдат, плохие условия повседневной фронтовой жизни. Получив такой мощный инструмент давления на начальство, солдаты постоянно увеличивали свои пожелания в той мере, в какой возрастала необходимость отдыха или нехватка продовольствия, предметов первой необходимости, и далее вплоть до политических требований¹¹²⁷.

Наиболее громкий резонанс получили волнения в 223-м пехотном Одоевском полку 56-й дивизии 34-го корпуса Особой армии Юго-Западного фронта. Эти волнения привлекли большое внимание начальства, оставили после себя большее количество документов. Причина такого внимания к событиям в полку заключалась в том, что эти волнения произошли не в момент наступления, когда обычно выдвигались требования солдат, а в момент обычной смены полков. Другой причиной обеспокоенности начальства был сам факт распространения волнений на Юго-Западный фронт, т.е. расширение географии протестов как показатель угрозы для стабильности всей армии. Тревожили начальство неожиданность и неясность причин волнений¹¹²⁸.

¹¹²⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 252, 347об.; История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 34; Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 118.

¹¹²⁸ Показания командира 223-го пехотного Одоевского полка полковника Ивашиненко // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 11–12.

В деле волнений 223-го Одоевского полка наиболее полно представлен комплекс наложившихся друг на друга особенностей фронтовой повседневности, характерных для всей русской армии к началу 1917 г. Здесь соединились и особенности позиционной войны, боевые и бытовые условия жизни солдат, и их настроения в период острого социально-экономического кризиса в стране¹¹²⁹. Сама позиция, которую полк занимал с осени 1916 г. на западном берегу р. Стоход¹¹³⁰, не отвечала необходимым требованиям обороны¹¹³¹, была непомерно растянута, создавалась в условиях сложного грунта, постоянного оползавшего, что делало сообщение с тылом труднодоступным, а окопы невозможными для пребывания в них пехоты. Попытки исправить позицию требовали усиленных земляных работ с неясным успехом в перспективе¹¹³². Ситуация ухудшалась отсутствием второй укрепленной полосы, что подвергало выдвинутые вперед части дополнительному огню, а солдатам не давало возможности отдохнуть. Природные условия не давали возможности изменить позицию, которую полковое начальство вообще не признавало нужным оборонять, предлагало бросить ее, на что не соглашалось командование дивизии и корпуса. Не действовали на решение начальства ни напрасные жертвы в полку осенью 1916 г., ни успешные действия противника с уводом в плен целых рот¹¹³³, ни последующие «легкие победы» немцев уже зимой 1916 г.¹¹³⁴ Все доклады и предложения полкового начальства отклонялись. Командование даже не посещало позиций, постоянно требуя продвижения вперед¹¹³⁵.

Ситуация на участке была еще ухудшена долгим нахождением дивизии, куда входил Одоевский полк, на позиции, по сравнению с резервными

¹¹²⁹ Показания командира 34-го корпуса В.П. Шатилова // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 40.

¹¹³⁰ РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Опись. Предисловие.

¹¹³¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 41.

¹¹³² Показания комдива 153-й пехотной дивизии И.З. Макаева // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 93.

¹¹³³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 3об.–4.

¹¹³⁴ Приказ по Особой армии № 327/73 от 9 декабря 1916 г. (По отделу генерал-квартирмейстера) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8–8об.

¹¹³⁵ Показания полковника Ивашиненко // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 3.

частями, месяцами избегавшими передовой. Солдаты полка находились по 3 месяца на позиции, и почти месяц на передовой. При этом, пребывая вне передовой, «на отдыхе», они были обязаны работать на укреплениях, посещать занятия. Нехватка времени посетить полковую походную церковь, устроить праздник, хоть какой-нибудь отдых вели к крайнему утомлению солдат, а частая смена нахождения на передовой или в резерве, учениях и работах не давала возможности офицерам установить надлежащий контроль над военнослужащими¹¹³⁶.

Недостатки позиционного строительства дополнялись и проблемами в руководстве обороной участка Одоевского полка. Они объяснялись нехваткой помощников, даже наблюдательных пунктов у некоторых комбатов, сбоем телефонной связи, что говорило о недостатках порядка несения службы в окопах, включая слабое следование полковому уставу и службы в бою. Имело место незнание офицерами соседних участков, ходов сообщения, неумение наладить существовавшую систему связи. Сбои в контратаках являлись следствием серьезных недостатков на дивизионном уровне. Имели место случаи отсутствия на месте членов штаба, включая комдива. При этом свои обязанности штабные офицеры возлагали на младших командиров¹¹³⁷. В результате проблем организации обороны позиции, отсутствия должного старания командного состава имели место потери в полку по 500–2000 человек в каждом бою¹¹³⁸. Это потребовало введения только с 4 ноября по 24 декабря в состав полка почти 3 тыс. новоприбывших¹¹³⁹. Многие из них оказались из состава дезертиров и даже прежде судимые. Часть пополнений прибыли из Сибирских приисков после отбывания уголовных наказаний, и даже среди своих товарищей получили прозвище «каторжников». Такой состав обновлений был вызван спешкой

¹¹³⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 40об., 41, 93.

¹¹³⁷ Приказ по Особой армии 9 декабря 1916 года. № 327/73. // Ф. РГВИА. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8.–10.

¹¹³⁸ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 3–4об., 28, 34, 78–78об., 145.

¹¹³⁹ Показания начальника штаба 56-й пехотной дивизии ген. Г.Е. Мандрыки // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 56об.

вливаний, нехваткой времени на их дробление, изучение настроений. Принятая форма наружной проверки начальством построения пополнений оказалась обманчивой. Проявившиеся же вскоре неодобрительные замечания о поведении новоприбывших не получили должной реакции, что объяснялось нехваткой кадровых, опытных офицеров. А новых офицеров даже командир полка часто не знал в лицо, как и офицеры – своих солдат¹¹⁴⁰. Впрочем, и весь офицерский состав полков дивизии был крайне ослаблен, насчитывая по 1–2 офицера на роту¹¹⁴¹. В частях полка отсутствовала спайка между нижними чинами и офицерами. Общее неустройство могло быть временно погашено предоставлением отдыха, переводом в резерв, что являлось общим ожиданием. Но вместо этого солдаты продолжали нести службу на позиции и выполнять окопные работы¹¹⁴²

Ситуация в Одоевском полку, как и во всей дивизии, зимой 1916–1917 г. отягощалась нехватками продовольственного и вещевого снабжения. Солдаты часто получали ненавистную чечевицу, долго оставались без теплой одежды¹¹⁴³. Даже офицеры были недовольны своим положением. Часто они размещались в плохо обустроенных землянках без полов, с нехваткой света и плохими печами. Питание офицеров было поставлено неудовлетворительно в связи с отсутствием офицерской столовой, пища часто доставлялась на позицию холодной, а на свои деньги офицеры практически не могли ничего купить из-за отсутствия или дороговизны продуктов. Были проблемы и с отдыхом и развлечением. Неустройство быта, отсутствие гигиенических мер, в том числе бань, приводило к частым простудам¹¹⁴⁴.

Следствие по волнениям, проведенное после Февральской революции, отметило существование накануне волнений тревожного настроения солдат,

¹¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5об., 6об., 26об., 41об., 43об.; Показание командира 1-го батальона 223-го пехотного Одоевского полка штабс-капитана П.П. Нечаева // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 29об.

¹¹⁴¹ Приказ по Особой армии № 132/14 от 7 февраля 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 11об.

¹¹⁴² РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5., 4об., 6об.

¹¹⁴³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 93.

¹¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 11об.–12.

озабоченных положением в тылу, участием их семей, а также слухами о «темных силах» внутри России и мирных инициативах Германии. Многие из этих опасений и тревог отразились в требованиях в ходе волнений в полку. Для предотвращения слухов в полку военное начальство проводило беседы с частями, убеждало не верить сообщениям из тыла и т.п.¹¹⁴⁵

Особенно нервная обстановка в полку сложилась накануне волнений, с конца декабря, когда появились требования смены полка с позиции, выдвинутые 14 декабря соседями одоевцев – 222-м пехотным Красненским полком. Власти крайне слабо реагировали на этот инцидент, не провели следствия и никого не наказали¹¹⁴⁶. В самом Одоевском полку тоже имели случаи неповиновения, в частности самовольный уход с работ¹¹⁴⁷. Но и здесь не было реакции ни полкового, ни дивизионного начальства. Это подстегнуло нарастание других требований вплоть до неповиновения командиру в одном из батальонов. Между тем напряжение на позиции нарастало, что было вызвано сбоем в системе смены полков. В результате в некоторых батальонах начался ропот, оспаривание распоряжений командиров к подготовке выхода на позицию, а затем их отмена. Своими двусмысленными и путаными приказами полковое начальство давало повод солдатам истолковать эту ситуацию как победу их нежелания идти на позицию. Это подтверждала вялая реакция начальства на эти инциденты, оправдание судом случаев оскорбления нижними чинами ротного командира в других частях дивизии¹¹⁴⁸. Ситуацию усугубляли просьбы полковых властей к корпусному и армейскому начальству предоставить отдых частям дивизии, отвести их в резерв. Таким образом, предполагалось обновить состав полков, усилить спайку коллектива. Однако солдаты расценивали это как потворство их требованиям, которые постоянно нарастали вплоть до

¹¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 4–7, 30.

¹¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5, 45–45об., 56об., 145.

¹¹⁴⁷ Показания командира 609-го пехотного полка // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 100.

¹¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5об.–6об., 10, 28, 57, 93об.

политических¹¹⁴⁹. Назначение на выход на позицию, препирательство солдат, отмена и вновь назначение на позицию то одного, то другого полка дивизии привели к сговору представителей всех полков не идти на смену друг другу, добиваясь смены всего корпуса¹¹⁵⁰.

Волнения в Одоевском полку произошли 18 января и касались выхода на позицию только 1-го батальона. Однако при попытке построиться, начались угрозы в адрес остальных батальонов с требованием не идти на позицию. Во время событий всем практически распорядилась небольшая решительная группа солдат, угрожая по всем вышедшим в строй открыть огонь. Попытки командира полка возглавить батальон во главе со знаменосцем провалились, как потерпел неудачу специально вызванный генерал Огородников и даже священник Рославльского полка, выполнявший обязанности дивизионного благочинного и проявивший явную робость перед солдатами¹¹⁵¹.

Казалось бы, солдаты предъявляли нелогичные требования и высказывания, одновременно выражая желание «служить», «не отдать ни одной пяди земли русской немцу», отрицая, что они «бунтовщик», но при этом кричали «долой правительство» и отказывались идти на позицию. Однако при всей кажущейся абсурдности можно обнаружить ряд признаков, которые показывают полную осмысленность их намерений, организованность. Ряд особенностей такого поведения был возможен только при глубоком кризисе царской армии в конце ее существования. На первое место в солдатских бунтах, заняв самую радикальную позицию, вышло пополнение, маршевики. В конкретном случае Одоевского полка это были солдаты из рабочих сибирских приисков, соединивших в своем протесте и известную «вольность» сибиряков, бунтарские настроения тыловой России, отягощенной испытаниями войны, и применявшие методы рабочих в борьбе

¹¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 10об., 30.

¹¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5об.84, 8585об. 145об.; Показания комдива 56-й пехотной дивизии ген. Е.А. Российского // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 51; РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 27, 5об., 7об., 30об.

¹¹⁵¹ Начальник штаба 56-й пехотной дивизии – командиру 34 армейского корпуса от 18 января 1917 г. // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5, 7–9, 26, 29, 31,

за свои права. В поведении пополнений особенно выделялась их деморализаторская тактика по отношению к остальным подразделениям полка, приемы «снятия» бастующими рабочих других предприятий, продолжавших работать. В данном случае это касалось принуждения других рот присоединиться к протесту. Такое поведение опиралось на пассивную агрессию большинства солдат, которые распространяли антиофицерские слухи, не принимали рациональные аргументы командования, зато «словно под гипнозом» следовали указаниям радикального меньшинства¹¹⁵². Полное подчинение маршевикам выказал и унтер-офицерский состав, отказавшись противодействовать бунтарям в подразделениях, или даже принимая участие в волнениях. Таким образом, можно констатировать на примере одного полка разложение, явную неработоспособность существовавшей строевой, дисциплинарной структуры, уступившей место разделению солдат на группы «кадровиков», запасных и молодых составов, при подавлении первых, пассивности (или скрытой поддержке волнений) вторых и активности третьих. Во время волнений оказался совершенно не действенным, утратившим какое-либо влияние на солдатскую массу офицерский состав. Сами офицеры, как правило, молодые, не контролировали ситуацию, не имели помощников в массе солдат, которых часто даже не знали в лицо. Бунтовщики или прямо применяли силу по отношению к офицерам, или ограничивались пренебрежительно-угрожающим к ним отношением. Запуганные офицеры даже были вынуждены переодеваться в солдатскую форму, чтобы узнать настроение массы бунтующих солдат¹¹⁵³.

Волнения в полку отличала высокая степень организации, сплоченность, дисциплинированность, какой не удавалось добиться даже в боевой обстановке. Участники волнений проявляли поразительный коллективизм, всегда стояли друг за друга, проявляли упорство, никого из зачинщиков не выдавали. Всех объединяла одна общая «дорогая идея», а в отношении

¹¹⁵² РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 8, 9, 10об., 27об., 42об.

¹¹⁵³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 8, 10об., 11–11об., 26об.–27об., 29об., 30, 145.

казненных солдаты впоследствии заявляли, что они умирают «за общее дело», осуждали участников расстрела¹¹⁵⁴.

В волнениях Одоевского полка проявились и такие методы солдатского бунтарства, как действие «скопом», анонимность, чему помогало расположение землянок в лесу и в темноте. У солдат, по-видимому, был предварительный план, во всяком случае – сговор нескольких батальонов. Были приняты все необходимые меры безопасности для проведения акции. Солдаты выставили охранение, патрули вокруг своих подразделений, не пропуская офицеров. Если же представителям командования удавалось проникнуть в среду солдат, то те применяли тактику бойкота, обструкции, «неведения» и т.п. В другие полки были посланы агитаторы, разведчики, чтобы парализовать там агитацию офицеров для послушания и противодействия бунту. Эта пропаганда одоевцев не пропала даром. Во время волнений власти все время опасались, что события перекинутся на всю 56-ю дивизию¹¹⁵⁵.

Волнения в Одоевском полку, явившиеся крупнейшими солдатскими волнениями, выявили ряд важных характеристик всей русской армии, свойственных для фронтовой повседневности предреволюционной армейской массы. Одной из важнейших из них являются утрата контроля командованием над солдатскими массами, паралич дисциплины в войсках. Командиры на местах, вплоть до начальников дивизий, во время волнений ощущали себя отрезанными от солдатских рядов, уповали только на верховное командование, делая его главным арбитром в конфликте. И наоборот, бунтари, солдатские группы получили мощные ресурсы сопротивления в виде пополнений, инфицированных бациллами недовольства и непослушания внутренней России. Во время волнений

¹¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 10; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 117; начальник КРО штаба Особой армии – командиру 223-го пехотного Одоевского полка от 21 января 1917 г. Совершенно секретно. Лично в собственные руки // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 156.

¹¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 8–9, 10об. –11об., 29об., 37об.–38, 43, 83, 82, 98об., 98.

солдаты проявили организованность, явившуюся следствием совместного пребывания или на фронте, или в тылу, в запасных батальонах, в так называемых «первичных группах». Волнения солдат отличались решимостью, по существу носили глубоко антивоенный характер. В ходе волнений были использованы и опробованы формы и методы антивоенных выступлений, а также защиты своих интересов, характерные для революции в 1917 г.

Солдатские волнения конца 1916 – начала 1917 г. имели большое значение в подготовке Февральской революции. Волнения разыгрались на значимых для этого периода войны направлениях: на Северном и Юго-Западном фронтах. Несмотря на то, что в волнениях приняли участие только отдельные полки, ход выступлений затрагивал большие участки фронта до дивизий и корпусов, что очень хорошо ощущали военные власти, опасаясь превращения волнений в фактор дестабилизации всей русской армии, всего Русского фронта. Особенность армейских волнений на Русском фронте, по сравнению с «моральным кризисом» во французской армии летом 1917 г., состояла в их более сильной связи с волнениями внутри России¹¹⁵⁶. Именно эти опасения сделали возможным давление верховного командования, пытавшегося избежать распространения восстания Петроградского гарнизона на остальную армию, что привело к отречению царя.

Размах морального кризиса, приведшего на последнем его этапе к солдатским бунтам, дает основание рассмотреть вопрос о его роли в подготовке Февральской революции. В литературе есть категорические утверждения о нахождении центра революции внутри России, а никак не на фронте¹¹⁵⁷. Однако именно армия, как на самом фронте, так и в тылу, представляла контингент, сыгравший главную роль в революции. Запасные батальоны, стоявшие в прифронтовых городах, частично состояли из

¹¹⁵⁶ *Pedroncini G.* Les mutineries de 1917. P., 1967. P. 310–311. Ситуация на французском фронте отличалась от ситуации на русском фронте, тем, что во Франции волнениям противостояла английская армия, которая была более стойкой, чем русская, где вообще было трудно определить абсолютно надежные участки.

¹¹⁵⁷ *Нарский И.В.* Указ. соч. С. 495; *Стариков Н.В.* Указ. соч.; *Никонов В.* Указ. соч. и др.

фронтовиков, находились под давлением дезертиров и эвакуированных с позиций, не желавших оказаться вновь на передовой линии¹¹⁵⁸. Особенно это касается Петроградского гарнизона. В нем значительную часть составляли так называемые эвакуированные с фронта, которые, после нахождения в запасных частях, вновь должны были направиться на фронт. Находясь в запасных частях, они приносили в прифронтовой город бациллы мятежа и недовольства. Не желая вновь попадания на фронт, они активно участвовали в беспорядках, приведших в конечном итоге к Февральской революции¹¹⁵⁹.

Но и сам гарнизон, состоявший из новобранцев, в значительной степени испытывал нежелание идти на фронт, что являлось питательной почвой для различных воинских преступлений: дезертирства, членовредительства. Солдаты запасных частей постоянно общались с дезертирами в столице или в составе воинских караульных команд по городу, или при нахождении дезертиров в самих частях до суда¹¹⁶⁰.

Не избежали косвенного соприкосновения с фронтовой повседневностью и рабочие. Почти на треть они комплектовались рабочими, получившими отсрочку. Только уникальная ситуация нехватки специалистов позволяла даже явным саботажникам оставаться на заводах. Даже будучи уволенными, они попадали в запасные воинские части, находившиеся в том же районе, где были их предприятия. Значительной группой среди рабочих были солдаты, взятые с фронта. Продолжая работать в тылу, такие рабочие в качестве прикомандированных солдат или военнообязанных, не желали отправки на фронт¹¹⁶¹. В результате подавляющее большинство рабочих

¹¹⁵⁸ *Асташов А.Б.* Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции // Вестник РГГУ. История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 5. С. 71–91.

¹¹⁵⁹ *Тарасов К.А.* Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизона (февраль 1917 – март 1918 г.). СПб.: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 22–23.

¹¹⁶⁰ *Асташов А.Б.* Военные суды в Петроградском гарнизоне накануне Февральской революции // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 5–15.

¹¹⁶¹ Начальник Главного артиллерийского управления – начальнику Генерального штаба от 1.9.1916 г. // РГВИА. Ф. 504. Оп. 40. Д. 28. Л. 264–265.

широко поддерживали антивоенные настроения, что являлось проявлением общей солидарности рабочих и солдат.

Рабочие, крестьяне, общественность, городские слои были связаны многими нитями с действующей армией. В письмах с фронта содержится множество сообщений о призывах активнее защищать свои права: на улицах городов, в деревне, в запасных батальонах. Солдаты не только призывали активнее отстаивать свои права, но и прямо заявляли о готовности поддержать выступления в тылу жен, родственников, солдат тыловых частей. В свою очередь такие сообщения с фронта были вызваны жалобами на передовую о тяготах жизни в тылу. Жителям городов прибавляли смелости в их протестах слухи о многочисленных волнениях, бунтах солдат на фронте¹¹⁶². Наконец, не надо забывать и важнейший аргумент победы революции, который помог убедить руководство армии, лично царя, пойти на уступки восставшим в Петрограде: боязнь перенесения революции на фронт, неуверенность в послушании солдатской массы¹¹⁶³. Таким образом, можно говорить о значительном, косвенном или непосредственном, влиянии армии на подготовку Февральской революции, или даже прямом в ней участии¹¹⁶⁴.

¹¹⁶² *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: «Новый хронограф», 2014. С. 660–663; *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Письма с войны 1914–1917. М.: Новый хронограф, 2015. С. 676, 684–686, 688–689, 691–695, 697, 700–738.

¹¹⁶³ Ганин А.В. Указ. соч. С. 238–246.

¹¹⁶⁴ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис М.: РОССПЭН, 2014. С. 715–756, 834–842.

Заключение

Военный опыт солдатских масс, полученный в рамках фронтовой повседневности в Первой мировой войне, оказал многомерное воздействие на трансформацию ментальности солдатской массы, основного контингента русской армии – солдат-крестьян. Важнейшим условием такого влияния было несоответствие социально-экономического уклада России, самого состава русской армии новому характеру современной, технической войны. Довоенная армия России, хотя и испытывавшая перемены после введения всеобщей воинской повинности, все еще оставалась в значительной степени под влиянием груза традиционализма. Во время войны традиционалистский состав армии еще более усилился в процессе вхождения в войну новых контингентов военнослужащих, менее испытывавших опыт модернизации: ополченцев второй очереди, не имевших опыта пребывания в действующей армии мирного времени, и новобранцев. Группы же, в наибольшей степени воспринявшие опыт модернизации (кадровая армия, довоенное офицерство), постоянно уменьшались, а группы с незначительным опытом модернизации – к 1917 г. все более преобладали.

Основную часть пополнений армии отличал специфический социальный опыт. Ополченцы являлись представителями наиболее патриархальных слоев крестьянства, видевших в развитии своего семейного хозяйства главный смысл жизни, неохотно участвовали в военных действиях. Молодые новобранцы впитали в себя опыт протестных настроений, полученных в послереволюционные годы, а также антивоенных настроений, полученных в гражданской жизни во время самой войны. Таким образом, прошлый социальный опыт армии в целом не способствовал включению солдатской массы в необходимый ритм современной технической войны.

Главным содержанием военного опыта, полученного солдатскими массами, явились боевые и военно-хозяйственные практики в ходе строительства оборонительной полосы, ее обеспечения и собственно военных действий (ратного труда). Опыт строительства и эксплуатации масштабной урбанизированной в своей основе военно-хозяйственной полосы (фронта) стал крупным достижением России. Но по сравнению с передовыми позициями других стран участниц войны, оборонительная линия на Русском фронте несла одновременно и оперативную, и военно-хозяйственную функцию. В то же время в силу материально-технической отсталости России позиционная линия была менее обеспечена вооружениями, боезапасами и техническими средствами, в целом не отвечала уровню индустриальной войны, задававшемуся противником. В результате на фронте русской армии на менее квалифицированный состав пришлось более трудная организация современной, технической войны, по сравнению с армиями других театров военных действий. Постоянно задаваемые особенности строительства, эксплуатации, трудовых практик, сырьевого обеспечения ратного труда потребовали громадного напряжения русской армии: солдат, офицеров, администраторов, обслуживавших эту оборонительную полосу. Тяготы современной войны было трудно выдержать при наличии имевшихся ресурсов, данного человеческого контингента, традиций ратного труда, привычных форм трудовой дисциплины, характерных для основной части армии – солдат-крестьян.

Фронт представлял собой особую военно-хозяйственную среду временного характера, оказавшую громадное влияние как на стратегию и тактику военных действий, так и на формирование новых устремлений человека, сформированного во время войны. Военный опыт, таким образом, с точки зрения новой локальной истории, предстал как опыт форсированного вхождения крупных социальных групп (прежде всего крестьян-фронтовиков) с традиционалистским опытом в зону действия индустриальной войны. Тяготы военного противостояния привели к глубокой трансформации

социальных представлений основной группы армии – солдат-крестьян, мещан, ремесленников, носителей в значительной степени традиционных ценностей. В ходе войны обнаружилось несоответствие большинства этих представлений реалиям войны. Это касалось даже таких проверенных столетиями, привычных для ментальности русской армии качеств, как выносливость, полковое братство, готовность к ритму военных действий в рамках сезонного распорядка труда и отдыха. Были поставлены под вопрос такие традиционные ценности солдат-крестьян, как полезность, временная и пространственная упорядоченность жизненного цикла, привычные представления о противнике, вера в устоявшуюся воинскую иерархию, морально-религиозные устои. Практически все ценности традиционалистской, крестьянской в своей основе ментальности, с начала войны питавшие стойкость солдатских масс, были подвержены эрозии, или прямо утратили свою актуальность в ходе войны нового типа.

В результате в ходе войны имело место широкое развитие у комбатантов угнетенных и антивоенных настроений, подпадающих под описание депрессивных состояний. Это свидетельствовало о культуральном шоке вследствие столкновения разных культур – в данном случае традиционалистской ментальности и практик военных действий, вызванных современной технической войной. Большинство ресурсов для противостояния в современной войне оказались неэффективными, среди них пропаганда, военно-религиозное обеспечение, что проявилось в широко распространенных антивоенных настроениях, представленных в успешной деятельности такой референтной группы, как пацифисты-отказники. Дала серьезный сбой и система военной иерархии – как подготовленная еще до войны в виде кадрового офицерства, так и формация офицеров военного времени, выпавшая из общей цепи субординации между кадровым офицерством, прямым начальством и солдатами. Полковое братство, являвшееся одной из основ боеспособности русской армии, утрачивалось перед лицом быстро изменявшегося состава солдат и офицеров.

Крупным изъяном, не позволившим пресечь негативные процессы в армии, являлись дисциплинарные практики, не соответствующие ситуации большой войны. Русская армия испытала взрыв преступности. Впитав в себя миллионные массы мужского населения страны, подверженного криминальным тенденциям еще до войны, русская армия представляла в годы войны всю гамму криминализации – в виде дезертирства, ухода в плен, мародерства, пьянства, хулиганства, половых преступлений и т.п. Армия явилась важнейшим виктимизирующим фактором общества накануне «красной смуты». Страдавшая от недостатка исполнительской дисциплины, начиная от начальников и кончая солдатами, армия не была в достаточной степени обеспечена правовыми реформами в годы войны, надлежавшей системой судопроизводства. Начальствующий состав не сумел обеспечить выполнение даже имевшихся законов.

Кроме негативных аспектов военный опыт русской армии привел к формированию установок солдат, позволивших им совместить выход из войны с началом процесса борьбы за социальные преобразования. В работе выявлена связь фронта и тыла на почве защиты гражданского населения от социальных невзгод периода войны. Втягивание крестьянского хозяйства в экономику мировой войны позволило выйти из пределов чисто крестьянской ментальности, определить курс солдата-крестьянина на включение его в развивающиеся социально-политические процессы. Длительное общение с населением, взаимодействие с контингентами союзнических и чужих армий на театре военных действий позволили выйти из привычных локалистских представлений, поставили вопрос о национальной идентичности, актуализировали задачу ускоренного развития страны, способствовали возникновению планов более эффективно распоряжаться своей судьбой.

Большое значение в смене установок солдата-гражданина сыграл моральный кризис армии, постоянно нараставший с самого начала военных действий и обострившийся в конце каждого военного года. В конце в 1916 г. амплитуда морального кризиса оказалась наиболее высокой, совпав с

социально-экономическим кризисом в стране. Это произвело резонансный эффект на кризисное состояние армии и общества к началу 1917 г. Этот кризис не мог быть урегулирован идеологическими, административными, дисциплинарными мерами. А с другой стороны – его исход виделся как естественный в общей смене социально-политического порядка, в отличие от других воевавших стран, также испытывавших кризисное состояние.

Важное влияние на дальнейшую судьбу, формирование направленности действий солдата-гражданина имели обстоятельства, формы, методы солдатского «бунта». Солдатские бунты совпали с активизацией социальных протестов внутри страны, и в этом смысле ими были подготовлены. Солдатские волнения были также следствием и резкого ухудшения состава армии – полного доминирования солдат-ополченцев и новобранцев и утраты контроля над личным составом со стороны кадровых солдат, унтер-офицеров и офицеров. Большую роль сыграло и окопное товарищество, которое в условиях Русского фронта объединило солдат в борьбе не с внешним, как это было в других воевавших странах, а с внутренним врагом. Наконец, солдатский бунт был вполне осмысленным, хорошо организованным, питался опытом протестных выступлений рабочих, других слоев гражданского населения, а главное – проходил, в сущности, в одних и тех же формах по всему фронту, что и сделало эту сторону морального кризиса крайне опасной для военного руководства.

Полученный военный опыт солдатской массы в рамках фронтовой повседневности сыграл значительную роль для подготовки революции 1917 г. – как в ходе создания социально-политических проектов, так и в формировании системы символов и отношения к различным формам бытия – от праздников до похорон. Важнейшим результатом военного опыта в годы Первой мировой войны явилось обретением солдатами гражданско-политических позиций. Солдат-гражданин получил представление о своем месте в системе социально-политических отношений, обрел противников в виде многочисленных врагов, что было представлено в зародившемся еще до

1917 г. понятии «буржуй», и тем самым разорвал общий круг традиционных отношений, связывавших его с конкретным местом, встал перед проблемой решения общенациональных задач. Тем самым в лице основной социальной силы общества – солдат-фронтовиков – на окончательном этапе войны был запущен механизм глубоких социальных перемен, направленных на трансформацию всей системы традиционных отношений, включая общину, патриархальную семью, архаическую политическую систему, идеологию, мировоззрение.

Приложения

Приложение 1.

Распределение ненамеренных свидетельств (высказываний, явлений, фактов и т.п.) в письмах солдат за годы войны¹¹⁶⁵

	8.14. –9.1915.	9.15–4.1916.	5–9.1916	10.16–2.1917
Бедный	1	12	15	27
Беспорядки	0	4	5	9
Благословение	15	4	0	1
Бог	168	97	70	78
Божий	21	15	22	13
Бодрый	0	102	36	59
Бороться	4	1	3	4
Борьба	0	18	6	15
Братание	0	3	0	5
Бумага	5	12	14	7
Бунт	0	0	10	7
Вдоволь	4	13	10	9
Внутренний	0	48	22	20
Враг	29	192	147	87
Высокий	6	16	11	12
Герман, -ия	49	50	79	44
Герой, героич	6,	17	16	14

¹¹⁶⁵ Источники: за первый год войны – солдатские письма из книги: Молостцова М.Е. Указ. соч.; за период с сентября 1915 по март 1917 г. – цензурные отчеты и выдержки из писем солдат из материалов Главной военной цензуры: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Указанные источники были переписаны и просчитаны на частотность в программе Word. Частотность определяется отношением количества упоминаний фактов и явлений на количество слов в тексте за данный период. Количество слов в текстах за периоды равны: 28134, 129112, 45102, 39473, 47067, что соотносится как: 1; 4,6; 1,6; 1,4; 1,7.

Гнилой	0	2	7	9
Голод	9	18	25	70
Госпиталь	5	52	71	59
Господь	85	22	19	23
Гости	14,	8	4	5
Государство	0	42	38	49
Государь	5	75	48	53
Грех	7	4	1	4
Грешный	7	7	0	1
Грустный	11	6	3	5
Грязь	7	11	16	20
До конца	2	12	5	8
Довольный	5	43	45	50
Довольство	3	110	28	64
Дом	133	88	74	98
Домашний	32	34	16	28
Домой	26	22	17	23
Дороговизна	0	41	38	43
Дорого	50	60	69	64
Дорожать	5	9	12	14
Дух	12	113	64	54
Жалоба	0	163	103	68
Жидов	0	3	5	2
Жиды	0	1	5	3
Жизнь	25	33	28	51
Забота	17	14	14	23
Заключение	4	50	21	18
Засилье	0	10	20	8
Земля	61	33	45	29
Зло	9	32	17	32

Измена	1	34	20	19
Кланяться	6	0	0	0
Конверт	5	9	11	4
Купцы	0	3	10	5
Лапти	0	2	18	1
Лошадь	28	0	7	4
Мародер	0	1	5	2
Министр	1	5	5	10
Мир	45	188	82	204
Молитва	33	11	5	5
Морда	2	4	5	2
Мясо	8	15	27	34
Надежда	4	26	19	20
Надоело	2	22	4	30
Наказ	8	1	8	7
Напитки	0	12	10	2
Наступать	28	9	3	8
Наступление	11	78	29	21
Начальство	3	37	29	37
Небесный	7	2	1	0
Нельзя	33	26	37	45
Немец	8	53	46	49
Немцы	23	107	91	123
Неприятель	6	19	48	19
Нервный	0	6	3	9
Несчастье	12	3	9	14
Обидно	2	0	3	12
Обувь	5	60	32	27
Одежда	2	78	37	52
Озлобление	0	7	5	1

Окончательный	0	33	15	13
Отечественный	13	18	12	13
Отечество	12	6	7	7
Отпуск	3	62	47	32
Офицер	11	131	103	129
Патриот	1	22	5	6
Пахать	5	0	0	0
Пашня	5	0	0	0
Пессимистический	0	4	2	1
Пицца	19	133	106	89
Плохой	39	71	67	119
Победа	6	183	112	85
Подати	2	0	1	1
Подвиг	4	3	3	2
Подъем	1	22	16	2
Подъем духа	0	7	7	1
Поклон	12	2	2	0
Посылка	21	18	33	32
Почта	13	109	76	87
Правительство	0	5	8	23
Православие	2	2	4	0
Предмет	0	17	6	5
Придется	27	14	13	10
Пришлось	12	8	7	7
Проклятье	4	36	25	32
Пропадать	0	8	23	13
Простить	13	0	2	4
Противник	11	35	28	18
Пьянство	5	34	31	33
Разорение	2	1	2	0

Революция	0	0	2	5
Родина	16	79	42	63
Родной	29	36	24	25
Рыба	2	3	18	30
Сахар	7	14	38	47
Сапоги	9	32	21	33
Свирепый	1	2	4	4
Семейный	9	12	8	13
Семья, семье	12	18	15	17
Сестры	10	6	19	21
Сеять	0	3	0	1
Скука	10	4	1	1
Славяне	0	4	1	0
Спекулянт	0	9	9	6
Страдать	9	17	14	32
Страх	1	4	7	7
Страшный	25	33	36	30
Сходились	2	1	0	2
Судьба	14	8	1	7
Табак	4	8	43	12
Терпение	17	27	16	41
Тиф	4	11	10	15
Тоска	3	17	8	9
Тревога	1	6	2	12
Тыловой	0	27	16	6
Тяжелый	19	25	36	54
Уверенность	1	77	39	17
Угнетенность	0	26	12	17
Удовлетворение	0	40	7	8
Ужас	9	16	27	27

Умереть	3	6	8	3
Упадок	0	13	0	8
Упорный	2	12	9	4
Усталый	1	8	5	6
Хитрый	7	3	3	2
Хлеб	18	35	55	116
Хозяйство	6	16	13	12
Холод	18	10	12	33
Хорошо	93	162	177	159
Хранить	12	3	4	2
Хрестьяне	3	0	0	0
Христос	35	7	2	7
Царь	22	54	24	39
Царица	9	0	0	0
Царя	8	27	13	14
Цинга	0	0	4	1
Чай	13	17	16	18
Чаю	22	123	67	63
Чая	3	19	28	14
Честь	4	5	2	11
Эпидемия	0	42	30	20

Статистические материалы о «настроениях» солдатских масс

12-я армия за 25.2.–1.4.1916: «бодрое»; «угнетенное»; безразличное» (в процентах)¹¹⁶⁶

Части	25.2. –15.3.1916	15.3. –1.4.1916
4 кавалерийская дивизия	23; 0; 77	23; 1; 76
43 корпус	46; 27; 27	19; 8; 73
Уссурийский корпус	19; 1; 80	18; 3; 79
Латышские батальоны	23; 1; 66	12; 1; 77
7 корпус	4; 1; 95	5; 1; 91
6 корпус	7; 3; 90	3; 4; 93
13 корпус	1; 8; 91	2; 3; 95

1-я армия за 1–14.05.1916¹¹⁶⁷

Части	Просмотрен о	Уничтожен о	Вцо штаб а арми и	Помарк и	бодры е	угнетенны е	безразличны е
13 арм. корп.	733	97	64	79	20	11	435
28 арм. Корп.	1611				1611		
6 кавказ. корп.	2211	134	0	0	2047	30	0
78 пех. Дивизи я	3931	0	83	-	33	13	3885
тыл армии	22182	255	693	573	11379	125	9157

12-я армии за 4.1916¹¹⁶⁸ (в процентах)

Части	Бодрое	Угнетенное	безразличное
-------	--------	------------	--------------

¹¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1.Д. 1184. Л. 122.¹¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1.Д. 1184. Л. 163.¹¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1.Д. 1184. Л. 200.

4 кавалерийская дивизия	20	1,5	70
Латышский батальон	18	5,5	79
43 арм. корп.	12	4	81
124 пех. Дивизия	9	1,5	91
37 арм. корп.	7	0,5	75,6
7 арм. корп.	5	9	83
6 арм. корп.	2,5	1	77

12-я армия за 1–15.6.1916¹¹⁶⁹ (в процентах)

Части	Бодрые	угнетенные	безразличные
43 арм. корп.	20	1,3	78,7
6 арм. корп.	13	0,2	86,8
4 кавалерийская дивизия	12	5	83
Латышский батальон	8	0,6	91,4
47 арм. корп.	5	-	95
124 пехотная дивизия	4,5	0,1	95,4
7 арм. корп.	3	0,3	96,7

Части	бодрое	угнетенное	Безразличное
4 кавалерийская дивизия	16	1,6	82,4
6 арм. корп.	13	1,4	85,6
43 арм. корп.	11	1,5	83,5
Латышский батальон	12	0,4	87,6
124 пехотная	6	-	94

¹¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 266.

дивизия			
7 арм. корп.	3	1	96

12-я армия за 16–31.6.1916 (в процентах)

Части	бодрое	угнетенное	Безразличное
6 арм. корп.	24	0,89	75
7 арм. корп.	2,5	0,31	97
37 арм. корп.	3,3	0,1	96,6
43 арм. корп.	22	1,2	77
4 кавалер дивизия	15,25	1,36	83
124 пех. Дивизия	1,3	-	98,7
Латышский батальон	2,9	0,2	96,9

12-я армия за 1.06. –15.8.1916¹¹⁷⁰ (в процентах)

Бодрые

Части	1.06	15.06	1.07	15.07	1.08	15.08.1916
6 арм. корп.	13	13	24	15,4	5,7	22,4
7 арм. корп.	3	3	2,5	5,2	2,02	3,1
37 арм. корп.	1,5	5	3,3	21,8	16,54	13,1
43 арм. корп.	11	20	22	25,7	12,8	12,7
4 кавал. Дивизия	16	12	15,25	11,5	11,17	10,8
124 пех. Дивизия	6	4,5	1,3	2,5	1,6	1,42
Латышские стрелки	12	8	2,9	2,9	5,8	18,8

Угнетенные

¹¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 415.

Части	1.06	15.06	1.07	15.07	1.08	15.08.1916
6 арм. корп.	1,6	0,2	0,89	0,3	0,7	13,8
7 арм. корп.	1,4	0,3	0,31	0,3	0,25	0,7
37 арм. корп.	1,5	-	0,1	0,3	0,03	0,3
43 арм. корп.	0,4	1,3	1,2	14,5	6,2	7,9
124 пехотная дивизия	0,4	0,6	0,2	-	6,2	7,9
Латышский батальон	-	0,1	-	-	-	3,5

Безразличные

Части	1.06	15.06	1.07	15.07	1.08	15.08.1916
6 арм. корп.	85,4	86,8	75,11	84,3	93,6	63,8
7 арм. корп.	95,6	96,7	97,19	94,5	97,73	96,2
37 арм. корп.	97	95	96,6	77,9	83,43	86,6
43 арм. корп.	88,6	78,7	76,8	59,8	91	79,4
4 кавалер. дивизия	83	83	83,39	88,5	85,76	84,8
124 пехотная дивизия	93,6	94,9	98,5	97,5	98,29	98,54
Латышские стрелки	88	91,9	97,1	97,1	94,2	77,7

12-я армия за 15.8–15.9.1916 (в процентах)

бодрые

угнетенные

безразличные

Части	15.8	1.9	15.9.	15.8	1.9	15.9.	15.8	1.9.	15.9.
42 арм. корп.	-	2,8	10	1,3	1	-	89,9	89	
6 арм. корп.	22,4	4,2	3,3	4,4	0,2	0,7	63,8	95,6	96,85
37 арм. корп.	13,1	12	13	0,3	0,6	0,15	86,6	87,94	87,85
43 арм. корп.	12,7	22,7	11	7,9	4,4	6,5	79,4	80,6	82,5
124див	-	1,97	1,4	-	-	0,12	98,03	98,48	88,8

12-я армия¹¹⁷¹ (в процентах)

бодрое; угнетенное; безразличное

	15.10	15.11.	1.12.1916	1.1.1917
бсск	7;2;91	6,4;1,3;92,5	6,1;1,3;89,8	6,1;1,3;89,8
7сск	3,6;1,1;95,3	4,2;0,7;95,1	4;0,8;95,2	8,1;2,2;89,5
37сск	6,;1,5;92,4	5,8;42,6;91,6	8,9;1,3;89,8	7,8;1,4;89,8
43сск	5; 0,8; 94,2	5,5; 2,2; 92,3	44; 3,3; 92,7	6,1; 2,6; 1,3
Латышские бригады	0,6;0,7;98,7	2,5;0,6;96,7	3,3;0;96,7	6,9;1,2;91,9

Бодрые – угнетенные (в процентах)¹¹⁷²

	1–8.1.1917	8–15	15–23	23–31
6 сиб. арм. корп.	16–0,9	13–2	11,5–2,3	7,4–2,5
2 сиб. арм. корп.	13–1	11–2	10,5–2	10,3–2,5

2-й сибирский армейский корпус за 22.2. –15.3.1917.¹¹⁷³

всего; бодрое; угнетенное; безразличное (абсолютные цифры; проценты)

	22.2. –1.3.1917	8–15.3.1917
--	-----------------	-------------

¹¹⁷¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 52–53об.

¹¹⁷² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 169.

¹¹⁷³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 247.

13 сиб. арм. корп.	250; 8,4;2,4;89,2	290;31;1,7;67,3
14 сиб. арм. корп.	230;7,8;2,6;89,6	285;28;1,4;70,6
15 сиб. арм. корп.	270;9,3;2;88,7	245;30,6;2,4;67
16 сиб. арм. корп.	340;9,4;1,5;98,1	280;30,2,5; 67,5
17 сиб. арм. корп.	218; 7,34; 1,84; 90,9	295; 27,1; 2,4;71,5
18 сиб. арм. корп.	290; 7,9; 2,1; 90	270; 33,4;1,9;64,7
19 сиб. арм. корп.	357; 8,9; 1,1; 90	435;17,9;0,2;81,9%
20 сиб. арм. корп.	335; 10,1; 0,6; 89,3	213;25,5;0,3;74,2
21. сиб. арм. корп.	194; 7,2; 0,5; 92,3	173;20,2;0,5;79,3
28 сиб. арм. корп.	219; 7,34; -; 92,7	207; 18,3; -; 81,7
80 сиб. арм. корп.	234; 7,7; 0, 8; 91,5	300; 21,6; -; 78,4
2 сиб. инж. Полк	200; 7,7; 4,8; 87,5	275; 31,3; 1,1; 67,6
4 осадню. артил. полк	400; 6,4; 4,5; 89,1	430; 21,2; 1,9; 76,9
4 сиб. артил. бригада	210, 8,5; 2,5; 89	85; 21,2; 2,3; 76,5
5 сиб. артил. бригада	227; 10,6; 2,2; 87,2	135; 37; 1,54 61,5
Мелкие части и госпитали	222; 6,3; 5,4; 88,3	390; 21,5; 1,5; 78

Западный фронт¹¹⁷⁴

	просмотре но	уничтоже но	с помарками	Бодрые	угнетенны е	безразличн ые
12.1915				30,25%	2,15%	67,6%
1.1916				49,28%	2,9%	47,82
2.1916				37,6%	1,7%	60,7%
3.1916				49,2%	4,1%	46,7%
4.1916				1651/12,5%	218/1,6%	11430/86,5 %
8.1916	187852	1966/1%	22795/12,1 %	119255/63,5 %	5966/3,2%	37870/2,2%

¹¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68, 73об., 97, 116, 144, 273.

Минские военно-окружные управления (из армии – в армию)¹¹⁷⁵

	просмотрено	Уничтожено	С пометками	Бодрое	Угнетенное
11.1916	34150–32752	721–673	1588–1930	1185–776	57–671
12.1916	44124–45818	1132–883	2286–2261	982–795	577–565
1.1917	38684–39438	124–136	291–320	38394–39127	166–175
2.1917	148936– 45976	3346–3259	3468–3279	990–996	9994–979
3.1917	38442–39406	8	122–831	38104–39036	32–330

1 армия (абсолютные цифры/%)¹¹⁷⁶

	просмотрено	уничтожено	с пометками	бодрые	угнетенные	безразличные
12.1915	5933	562/9,96 %	13107/22,0 7%	22811/38,4 %	1042/1,7%	
1.1916	62240	1100/1,8%	11300/18,5 %	18000/29,4 %	1200/1,9%	
2.1916	70367	2724/3,9%	10783/15,3 %	11540/16,1 %	944/1,3%	
3.1916	55000	1600/3,3%	9500/17,3%	4700/8,6%	250/0,5%	38950/70,3 %
4.1916	45000	1100/2,5%	8400/18,7%	5300/11,9%	350/0,8	29850/66,1

2-я армия¹¹⁷⁷

	просмотрено	Частично уничтожено	с пометками	бодрые	угнетенные	Безразличные
1.1916	18400	556			275	
2.1916	30789	2105			811	
3.1916	29805	1890			565	

¹¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 346об., 363об. –364.; Д. 905. л. 20об. Л. 30, 47об.¹¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 43,73,100,124, 148об.¹¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 80, 128об., 103об., 152об.,172, 200об., 220об., 283об. 283об., 300. 319, 349; Д. 905. Л. 8, 23об. 39, 59; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 196.

4.1916	113058	6773	612	43,3%	5,6%	51,6%
5.1916	41777			18436/47,8 %	1579/4,7%	18578/47,5 %
5.1916	42120			15326/36,9 %	2055/4,9%	24142/57,2 %
6.1916	61311			28389/46,3 %	1576/2,5%	31061/51,2 %
6.1916	47103			18705/42,4 %	2305/4	27062/53,6 %
7.1916				2921/72%	642/15%	561/13%
7.1916				5669/58,9	1288/11	3467/30
8.1916	6665–5363	32–11	1988–1285	4193–2917	651–127	
9.1916	17658	621	4258	5268	459	
9.1916	22876	845	5596	5859	434	
10.1916	17377	787	2791	4970	1062	
10.1916	23911	1024	4285	6595	740	
11.1916	71476– 40072	990–986	7246–5553	38979– 19767	2863–4673	
12.1916	117667	1276	5324	18372	3722	
12.1916	135369	2003	7754	41016	2963	
1.1917	211309– 66825	1612– 1280	5941–5645	13490–7824	1384–1419	
2.1917	85536– 84601	3262– 3143	5972–7253	18808– 15345	2275–5756	
3.1917	85234– 77218	1830– 1685	3037–2364	20391– 13961	1509–1769	
4.1917	42020– 89092	482–586	2606–1689	9847–6952	2897–2638	

3-я армия¹¹⁷⁸ (абсолютные цифры – проценты)

	безраз	бодрые	угнетен	резкие	без	с помар	уничт	итога
--	--------	--------	---------	--------	-----	---------	-------	-------

¹¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 49об. –50, 83об. –84, 106об. –107. 132, 155об. –156, 175об. –176, 250, 285об. –286. 351об. –352, 321об.–322., 302об.–303; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 196; 905. Л. 16, 45, 65.

	личные				помар			
12.1915	5447- 75,7	1526- 21,5	197-2,5	21-0,3	7091-88	7514- 10,5	125-5	8524
1.1916	7235- 92,6	388-5,0	186-2,3	6-1	6987- 89,4	798- 10,2	30-0,4	7815
2.1916	5942- 96,2	159-2,6	72-1,2	3-0,1	5653- 91,6	489-7,9	34-0,5	6176
3.1916	4838- 91,1	248-4,7	217-4,1	3-0,1	4778- 90,1	500-9,4	28-0,5	5306
4.1916	11644- 43	10491- 39	3522-13	818-6,9	22423- 83,4	4298- 15,9	178-7	26899
5.1916	8429- 73,9	1512- 13,3	559-4,9	574-5	9568- 83,8	1777- 6,7	67-6	11412
6.1916	3746- 27,1	2051- 14,8	7170- 51,9	455-3,2	10875- 78,6	387-2,9	321-2,3	13838
8.1916		3746- 2051	455-398			2642	321	20631
9.1916	9376	2705	1033					14806
10.1916	2416	12712	1418	165	16849	1781	136	18766
11.1916	1768	17972	988	158	19781	18581	215	21854
12.1916	2327	2127	654					25636
1.1917	15894- 80,3%	2153- 586	590-435	138- 0,7%	17849	1613	334	19796
3.1917	14311	4421- 4843	657-629	155				25016
4.1917			2320- 2712		26970- 15836	3861- 3260	114-188	46810

4-я армия (из армии – в армию)¹¹⁷⁹

	просмотрено	Уничтожено	помарки	бодрое	Угнетенное
1-15.10.1915.	7129-2928	10-9	1784-243	2733-1239	53-19
11.1915	109849-	788-119	8228-2898		

¹¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 2, 52, 53, 88об., 111об., 136об., 180об., 204об., 224, 273, 258, 292; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 196.

	31129				
12. 1915	123488– 55911	741–112	9098–4772	48085–21784	
1.1916	27967–18702	305–47	5217–3697	19817–11359	602–1278
3.1916	17556–13888	600–36	4966–3018	6622–5084	350–554
4.1916	16699–12146	70–38	3515–1852	11977–3987	768–678
5.1916	51240–30420	658–529	7634–2681	34154–15619	713–372
6.1916	41092–20807	65–27	3813–1434	19755–10134	1360–1207
7.1916	17961–11073	59–101	3159–1272	5831–2592	759–667
8.1916	38252–20251	314–126	4556–1845	14418–10322	460–477
9.1916	38911–23666	345–192	4270–1582	18951–11800	550–666

10-я армия (из армии – в армию)¹¹⁸⁰

	просмотрено	Уничтожено	помарки	бодрое	Угнетенное
1.1916	47733–28606	1531–438	9885–2276	45802–27636	400–543
2.1916	45345–18348	1868–581	6827–3187	43217–16955	260–812
3.1916	64034–36796	2599–1144	11637–5237	60428–33946	1007–1706
4.1916	71713–45304	2376–1329	9580–7331	67273–41241	2064–2734
5.1916	46858–31992	922–913	7186–4627	44815–29529	112–1550
6.1916	77598–26789	752–630	9384–2783	76376–25265	470–894
7.1916	42681–27373	392–538	4250–1832	41822–25366	467–1469
8.1916	53410–24108	495–413	3773–5364	51665–22359	1250–1336
9.1916	56509–25174	815–773	7174–2676	52565–21762	3129–2639
10.1916	51314–50734	909–684	5854–5015	19514–11990	1810–3277
10.1916	80240–49609	1321–1098	10425–5127	79541–40769	3899–3200
11.1916	79344–49242	1470–1345	8648–5873	48287–28718	3777–3852
12.1916	92490–61469	1657–1383	8799–5764	65474–41411	3695–3703
1.1917	140541– 75141	2383–1378	10487–5559	76523–39784	7665–6040
2.1917	115914– 100471	2193–1154	13638–8560	54990–48360	673–5705

¹¹⁸⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 91, 113об., 138об., 161, 182об., 206об., 226, 260. 294, 310об., 312, 326об., 357; Д. 905. Л. 18–18об., 28об. Л. 41об., 67, 104об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 196;

3.1917	129279– 100059	3069–1482	10627–7137	62662–45026	3954–4311
4.1917	293593– 132148	1432–446	7484–3130	38499–25406	5594–4681
5.1917	267233– 104966	1398–373	11444–3512	45051–27227	6906–5813

Особая армия (бывшая Гвардия) (из армии – в армию)¹¹⁸¹

	просмотрено	Уничтожено	С помарками	бодрое	Угнетенное
8.1916	14854-9318	153-101	1017-325	4947-2637	368-444

Юго-западный фронт

Военная цензура Бердичевской полевой почтовой конторы¹¹⁸²

	всего	разны е	недозволенн ые	бодры е	усталост ь, жажда мира	достаточно е довольстви е	недостаточн ое довольствие
21- 30.11.191 5		2537	182	93	31	26	56
1- 10.12.191 5	3573	2723	210	101	55	50	47
11- 20.12.191 5	3976	3227	144	103	62	49	26
21-	4467	3663	169	112	59	60	20

¹¹⁸¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 196.

¹¹⁸² В Бердичевской полевой обратной почтовой конторе стекались письма со всего Юго-Западного фронта. Количество ежедневно проходящих писем доходило до 350 тыс.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 373, 23–24, 28, 384–388об., 430–431об., 449–449об.; Д. 2935. Л. 186–186об., 482–482об.; Д. 2937. Л. 12–14, 84, 174; Д. 3845. Л. 257, 270, 302об.; Д. 3856. Л. 36–36об.

31.12.1915							
21-29.2.1916	4258	2516	107	177	24	95	18
1-10.3.1916	5143	3440	122	91	21	53	10
11-20.3.1916	6561	3731	217	151	43	117	31
1-10.4.1916	4547	3268	94	33	12	14	4
1-10.8.1916	1089 2	5825	213	153	37	-	-
1-10.9.1916	9597	5288	-	133	52	-	-
10-20.10.1916	-	-	131	87	43	194	83
21-31.10.1916	6453	2211		106	81	-	-
1-15.11.1916	7925	3138		172	115		

Приложение 3. Вооруженные силы и военно-техническое имущество в годы войны.

1. Таблица сравнения русских и германских сил по фронтам на 5.2.1916¹¹⁸³

	Россия			Германия				
	батальоны	штыки	эскадроны	шашки	батальоны	штыки	эскадроны	шашки

¹¹⁸³ М.В. Алексеев – Н.И. Иванову от 5.02.1916. Предложения о совещании в Ставке с союзниками // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1.д. 156. Л. 93-100 об.

Северный фронт	368	266432	263	32629	181	159280	128	19200
Западный фронт	917	624745	526	65137	382	336160	144	21600
Юго-Западный фронт	623	434981	458	56376				
Гвардия	61	60463	36	4599				

2. Таблица протяженности и военно-технического обеспечения фронтов в сравнении сил России и противника на 20.1.1917¹¹⁸⁴

	Протя Женность (версты)	Пехота (батальоны)	Кавалерия (эскадроны)	Легкая артиллерия (орудия)	Гаубицы (орудия)	Тяжелая артиллерия (орудия)
Северный	390	483–230	91–96	1209–750	164–430	464–590
Западный	480	613–340	166–96	1283–1000	159–280	261–390
Юго– Западный	470	913–531	198–66	1950–1210	185–670	252–490
Румынский	400	715–393	192–210	1472–1270	243–390	176–250
Итого	1740	2724–1494	647 – 468	5914–4230	751– 1770	1153–1720

3. Боевые средства стран участниц войны: начало войны – конец войны¹¹⁸⁵

	Франция	Германия	Россия
Легкая арт.	4500–10000	5500–15000	7112–7265
Тяжелая арт.	300–7500	2000–10000	795–2560
Минометы	0–3000	0–2600	Нет свед.
Винтовки и	3400000–	50000000–60000000	Нет свед.–

¹¹⁸⁴ Доклад начальника Ставки ВГК – главкомверху от 20.1.1917 № 614 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 297–299об.

¹¹⁸⁵ Мировая война в цифрах М.; Л.: Государственное военное издательство, 1934. С. 31

карабины	30000000		3500000
Пулеметы ручные и легкие	0–70000	12000–104000	Нет свед.
Самолеты	560–7000	300–14000	150–1000
Снаряды легкие	5000000– 38000000	7000000–40000000	6.000.000– 20.000.000
Снаряды тяжелые	1000000– 10000000	3000000–40000000 (вместе с легкими)	Нет свед.
Патроны	1300000000– 700000000	1000000000– 540000000	2800000– 1500000
Автомобили грузовые	6000–80000	0–55000	0–7000

4. Автотранспорт России в годы¹¹⁸⁶

	1910	Приобретено за 1914–1917	В наличие на 1.9.1917	Франция за 1914–1917
Легковые	3561 (все виды автомобилей)	3756	2700	51093 (все виды автомобильного транспорта)
Грузовые 1,5-2 т		13598 (все виды грузовиков)	2700	
Грузовые 3-5 т.			2300	
Легковые		7506		
Броневики		490		
Осветительные автомобили		10		

¹¹⁸⁶ Статистический сборник за 1913–17 гг. М.: Изд. ЦСУ, 1922. Вып. 2. С. 226, 228; Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918гг. Выпуск 1-й. М.: Издание IV Управления штаба Раб-командир. Красной армии, 1931. С. 128; Россия в мировой войне 1914–1918 (в цифрах) Издательство: Москва: Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики, 1925. С. 59; Сулейман Н. Тыл и снабжение действующей армии. Часть вторая. Фронт и армия. М.; Л.: Государственное издательство, отдел военной литературы, 1927. С. 472.

Омнибусы		51		
Санитарные		2173	1400	
Автомастерские		302	230	
Автодепо		45		
Автоцистерны		569	500	
Автокухни		234	100	
Тракторы			280	
Мотоциклы	1155		6000	
Самокаты			6000	
Итого		24978		

5. Наличие шанцевого инструмента в России в годы войны¹¹⁸⁷

	Имелось на 18.06.1914	требовалось	выслано на 1.06.1918.
Лопат саперных	1285426	9667332	5830494
Лопат малых	2248522	17409974	10225092
Топоров малых	538977	4276901	3118077
Топоров легких	683722	3313198	1829801
Топоров тяжелых	231388	2279499	1100403
Киркомотыг малых	481092	4984282	2822579
Киркомотыг легких	754019	2710629	1701027
Киркомотыг тяжелых	51982	1625831	857920

6. Наличие проволоки в России в годы войны¹¹⁸⁸

Заказ до войны	Заказ до 10.1917	Заказ за границей	В наличии на осень 1917
149,1 тыс. пуд	48000 тыс. пуд.	28000 тыс. пуд.	38696 тыс. пуд.

¹¹⁸⁷ Захаров М. Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну. Война и революция. Орган ЦС ОСОАВИАХИМА. 1931. Книга. 1. С. 55.

¹¹⁸⁸ Захаров М. Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну// Война и революция. 1931. Кн. 1. С. 52-53.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные источники

Законы, нормативные акты, инструкции

1. Замбрицкий В. Наставление для борьбы за укрепленные полосы. Часть I. Типо-Литография Штаба Особой армии, 1917. – X, 254 с.
2. Огнев Д.Ф. Воинский устав о наказаниях (СВП 1869 г., XXII, изд. 4), разъясненный решениями правительствующего сената и Главного военного суда, приказами по военному ведомству, циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления и проч. по 1 ноября 1914 г. / Исправил и дополнил А.С. Лыкошин. ПТг., 1914. – 365 С.
3. Огнев Д.Ф. Воинский устав о наказаниях (СВП 1869 г., кн. XXII, изд. 4), разъясненный решениями правительствующего сената и Главного военного суда, приказами по военному ведомству, циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления и проч. по 15 марта 1916 г. Изд. 6-е / Исправил и дополнил А.С. Лыкошин. Одобрено Главным военно-судным управлением. ПТг., 1916. – 355 С.
4. Положение о полевом управлении войсками в военное время. СПб., 1914. – 160 с.
5. Указания по инженерной подготовке атаки неприятельской позиции. (Устройство инженерного плацдарма). Штаб Верховного Главнокомандующего, 1916. – 16 с.

Сборники документов и статистических материалов

1. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М.: Институт Российской истории РАН, 2010. – 364.
2. Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Секретно. Пг.: Воен. Тип. Императрицы Екатерины Великой, 1915. – 637 с.
3. Мировая война в цифрах. М.; Л.: Государственное военное издательство, 1934. – 128 с.
4. Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918гг. Выпуск 1-й. М.: Издание IV Управления штаба Раб-командир. Красной армии, 1931. – 232 с.
5. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны, 1914 – февраль 1917. Сборник документов. М.: Наука, 1966. – 465 с.
6. Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 г. Сборник документов / Под ред. Л. С. Гапоненко. М.: Наука, 1968. – 621 с
7. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. Под общей редакцией Г.В.Кривошеева. Москва, "ОЛМА-ПРЕСС", 2001. – 608 с.
8. Россия в мировой войне 1914–1918 (в цифрах) Издательство: Москва: Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики, 1925. – 104 с.
9. Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. (Сборник документов). Куйбышев: Издание Куйбышевской военно-мед. академии Красной армии. 1942. – 464 с.
10. Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р.: 1918–1923. За пять лет работы Центрального Статистического Управления М. Типография

- М.К.Х., 1923. – XV, 481 с. (Труды Центрального Статистического Управления; Т. XVII).
11. Статистический ежегодник России 1914 г. Пг.: Издание ЦСК МВД, 1915. 1 отдел. Территория и население. Статистический ежегодник России 1914 г. – 611 с., 147 табл.
12. Статистический сборник за 1913–17 гг. М.: Изд. ЦСУ, 1922. – 8, 307 с. (Труды ЦСУ. Том 7. Вып. 2).
13. Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. М.: Изд-во НКЗ РСФСР, 1926. – 382 с.

Научная литература по специальным вопросам

1. Авдеев М.И. Пособие по судебной медицине для военных юристов и военных врачей. М.: Юриздат, Медгиз, 1943. – 110 с.
2. Баженов Н.Н. О значении стихийных бедствий в этиологии некоторых нервных и психических заболеваний // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1914. № 1–2. С. 1–9.
3. Беккер Н.М. Самоубийства в русской армии. Статистический очерк. Составил дивизионный врач 42-й пехотной дивизии статский советник Беккер и доложил в Киевском обществе ревнителей военно-санитарных знаний 16 мая 1914 г. Стеклограф. Б. м.; Б. г. – 46 с.
4. Бердяев А.Ф. Нечто новое в способах членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1914. № 10. С. 343–345.
5. Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здоровье. Труды научно-исследовательской секции ЦС ОСАВИАХИМА. Первая серия. Мировая война и народное хозяйство России № 44. М.; Л.: Гос. изд-во Отдел военной литературы, 1929. – 90 с.

6. Борьба с детской проституцией в Петрограде. Доклад Петроградского детского суда. (Всероссийский земский и Городской союзы. Совещание по вопросам призрения детей в связи с войной). Пг., 1916. – 8 с.
7. Бусыгина Н.П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 2. С. 52–76.
8. Вашетко Н.П. О влиянии современных условий жизни на заболевания нервной системы // Киевский медицинский сборник, выходящий при научном обществе врачей Юго-Западной железной дороги. 1925. № 2. С. 145–149.
9. Военная психиатрия. Под ред. С.В. Литвинцева, В.К. Шамрея. СПб.: ВМедА, ЭЛБИ–СПб., 2001. – 236 с.
10. Вырубов Н.А. К постановке вопроса о психозах и психоневрозах войн // Психиатрическая газета. 1915. № 5 (1 марта).
11. Гаккебуш В.М. Что же вызывает воздушная контузия – нейроз или органическое поражение нервной системы? // Современная психиатрия. 1915. № 9–10. С. 389–405.
12. Гервер А.В. Нейрастения и влияние войны на ее клиническую картину // Русский врач. 1916. № 10. С. 220–222; Русский врач. 1916. № 11. С. 241–245.
13. Гервер А.В. О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 793 – 800; № 35. С. 817–821; № 36. С. 841–844.
14. Гервер А.В. Травматические заболевания нервно-психической сферы воинов // Русский врач. 1915. № 40. С. 936–940.
15. Глебов Д.А. К вопросу о симуляции новобранцев // Сибирский врач. 1915. № 5–6. С. 49–50.

16. Грегори А.В. Работа перевязочного отряда 23пд за войну 1914–1917 года // Врачебный вестник. Научный медицинский журнал Вологодского Губернского Отдела Здравоохранения и Рижского военного Госпиталю. Апрель – июль 1921 г. Вологда: Р.В.Ц. Вологда: Типография «Северосоюза», 1921. С. 17–50.
17. Гиляровский в.А. О сущности изменений в нервнопсихической сфере после контузии на войне. Современная психиатрия. Москва. 1916. № 7. С. 403–433.
18. Добротворский М.Н. Обзор литературы по вопросу о травматическом психоневрозе (1915 – 1918 гг.) // Научная медицина. 1919. № 1. С. 130–136.
19. Добротворский Н.М. Душевные заболевания в связи с войной (по литературным данным за 1915–1918 гг.) // Научная медицина. 1919. №. 3. С. 378–386.
20. Домбровский Э.И. Смещение яичка под кожу паховой области. Членовредительство или порок развития? // Военно-медицинский журнал. 1914. № 11. С. 477–485.
21. Дьяконов П.П. Случай членовредительства с целью уклонения от военной службы // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1080–1082.
22. Иванов В.В. Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг.: Практ. медицина, 1916. – 20 с.
23. Иванов В.В. О борьбе с венерическими болезнями в военное время (Доклад Обществу русских врачей в Петрограде 14 января 1916 г.) // Врачебная газета. 1916. № 5. С. 73–74.
24. Иванов В.И. Арсол – русский сальварсан, изготовленный лабораторией И.И. Остромысленского в Москве, и результаты его применения для лечения сифилиса // Врачебная газета. 1916. № 17. С. 264–266.

- 25.Иванов Ф.И. Реактивные психозы в военное время. Л.: «Медицина», 1970. Л. Медицина 1970г. 168 с.
- 26.Идельсон Г.В. О нервных явлениях при отравлениях удушливым газом. Врач газ. 1917. № 6. С. 105–110.
- 27.Из общества психиатров в Петрограде. Заседание 3-го октября 1915. Доклад «Психозы военного времени» // Русский врач. 1915. № 44. С. 1052–1053.
- 28.Иосифов Г.М. К статистике ранений первого года войны с Германией. Сибирский врач. 1916. № 3–4. С. 15–18; № 5–6. С. 23–24.
- 29.Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия. В 2 т. Т. 1. М.: «Медицина», 1998. – 672 с.
- 30.Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический Проект, 2009. – 943 с.
- 31.Колкутин В.В., Авдеев А.М., Соседко Ю.И., Ермоленко Э. М.И. Авдеев выдающийся ученый и организатор судебно-медицинской экспертизы. М.: Медицина для всех, 2001. – 128 с.
- 32.Колкутин В.В., Соседко Ю.И. Судебно-медицинская экспертиза при подозрении на членовредительство и симуляцию. М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.
- 33.Кричевский Я.Н. Санитарная служба французской армии во время мировой войны 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1939. – 240 с.
- 34.Кудряшов А.И. Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. № 9. С. 131–133.
- 35.Люстрицкий В.В. Профилактика душевных заболеваний в действующей армии / Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922. № 1. С. 215–219.
- 36.Макаров В.Е. Коэффициент ритма как показатели устойчивости энергетического равновесия // Журнал невропатологии и психиатрии. 1926. №. 4–5. С. 25–31.

- 37.Марков Н.В. Об огнестрельных ранениях пальцев. Русский врач. 1915. № 9. 200–201.
- 38.Мельников А.В. К вопросу о смертельной контузии, нанесенной артиллерийским огнем // Научная медицина. 1919. № 4–5. С. 518–529.
- 39.Никитин М.П. Война и истерия // Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности профессора Г.И. Россолимо. 1884–1924. М., 1925. С. 420–423.
- 40.Новиков В.Н. К вопросу об отеке конечностей после травмы // Русский врач. 1916. № 48. С. 1140–1141.
- 41.Оппель В.А. Очерки хирургии войны. Л.: Наркомздрав СССР, Государственное издательство медицинской литературы, ленинградское отделение, 1940. – 400 с.
- 42.Оппель В.А., Федоров С.П. Наставление к определению вероятности саморанения огнестрельным оружием («самострела»). Пг.: Тип. Копер. Т-Ва «Вестник», 1920. – 24.
- 43.Осипов В.К. О контрреволюционном комплексе у душевнобольных // Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1926. №. 2. С. 85–95.
- 44.Попов Н.Ф. Редкий случай членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 3. С. 288–292.
- 45.Преображенский С.А. Материалы к вопросу о душевных заболеваниях воинов и лиц, причастных к военным действиям в современной войне: Дис. д-ра мед. наук. СПб., 1917. – 184 с.
- 46.Прозоров Л. Душевные заболевания и империалистическая война // Известия Народного Комиссариата Здравоохранения. 1925. № 1. С. 19–25.
- 47.Равкин И.Г. Преступные реакции у «травматиков» // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1926. № 3. С. 53–64.

- 48.Расписание А. болезней и телесных недостатков, по которым призываемые к отбыванию воинской повинности освобождаются навсегда от службы в постоянных войсках, как совершенно к ней неспособные. М.: Секретарь московского Городской по воинской повинности присутствия К.В. Кузнецов, 1915. – 12 с.
- 49.Расписание болезней, по которому воинские чины подлежат увольнению от службы навсегда или в отпуск (приказ по Воен. Ведом. 1913 г. № 289) и поразрядное расписание на пенсии по закону 25 июля 1914 г. Харьков, Издание Харьковского губернского земства, 1915. – 25 с.
- 50.Рубашев С.М. Об огнестрельных ранениях кисти и пальцев // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 24–35.
- 51.Русский журнал кожных и венерических болезней. Т. XXXI. 1916. Март–апрель. С. 121–123.
- 52.Савин В.Н. Первые 100000 больных и раненых нижних чинов , прошедших через Пресненский распределительный госпиталь в Москве за время с 3/X 914 г. по 20/VII 1915 г. . //Русский врач. 1917. № 2. С. 26–31; № 3. С. 52–58.
- 53.Свионтецкий И.О. Х-образные раны ладони, как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 4. С. 450–454.
- 54.Свядош А.М. Неврозы (руководство для врачей). СПб.: Питер Ком, 1998. – 448 с.
- 55.Скляр Н.И. война и душевные заболевания. // Современная психиатрия. 1916. № 2–3. С. 98–118; № 4. С. 157–174.
- 56.Соколовский К.К. К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 207–221.
- 57.Соколовский К.К. К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 36–48.

58. Соколовский К.К. Бинтование после заживших огнестрельных ранений, Российское общество Красного креста новый способ членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1917. № 1–4. С. 19–32.
59. Сухов А.А. Современное состояние учения о травматическом неврозе, вопросы его изучения и трактовки с точки зрения военной медицины // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 241–272.
60. Тальман. Санитарная служба армии США в мировую войну. Воениздат, 1939. – 256 с.
61. Трошин Г.Я. Травматический невроз по материалам текущей войны // Современная психиатрия. 1916. № 4. С. 137–157.
62. Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14-18 апреля 1916 г.). М., 1917. Отдел 1. Журналы заседаний. С. 1–89. Отдел 2. Рефераты и положения докладов. С. 1–105. Отдел 3. Постановления съездов. С. 1–21.
63. Труды чрезвычайного пироговского съезда (Москва, 4-8 апреля 1917г.). М., 1918. – 80 с.
64. Ушаков Г.К. Пограничные нервно-психические расстройства. М., 1978. М.: Медицина, 1978. – 400 с
65. Фриндлендер К. Несколько аспектов Shellshock,а в России // Россия и первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). С.-Пб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 315–325.
66. Характер ранений среди госпитальных больных Петроградского Всероссийского земского союза // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1148–1151.
67. Хелл Д. Ландшафт депрессии / Пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М.: Алетея, 1999. – 280 с.
68. Чугунов С.А. К вопросу о расстройствах со стороны психики и нервной системы после отравления ядовитыми газами,

- применяемыми германцами // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 222–240.
- 69.Шевелев А. Венерические болезни и война 1914–1918 г.г. // Известия народного Комиссариата здравоохранения. 1925. № 1. С. 14–19.
- 70.Шейнис В. Хирургическая помощь во французской армии в мировую войну 1914-1918 гг. Воениздат, 1938. – 147 с.
- 71.Шибков А.И. Введение в учение о членовредительстве. Ростов на Дону: Издание Кревого Управления Здравоохранения на Северном Кавказе, Б.г. – 35 с.
- 72.Шибков А.И. Лекции по судебной медицине. (учение о вещественных доказательствах в судебно-медицинском отношении). Ростов на Дону, Издание студпрофкома Медицинского факультета ДГУ, 1924. На правах рукописи. – 220 с.
- 73.Энциклопедический словарь военной медицины. М.. Государственное издательство военной медицины, 1946–1950. Т. 1–6.
- 74.Эрисман Ф.Ф. Психология масс // Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности профессора Г.И. Россолимо. 1884–1924. М., 1925. С. 70–74.
- 75.Adamson P.B. A comparison of ancient and modern weapons in the effectiveness of producing battle casual ties // J. Roy. Army Cps. 1977. V. 123. P. 99.
- 76.N. С полком в боях в окопах и в походе // Врачебная газета. 1916. № 6. С.109–112; № 11. С.163–165; № 12. С. 178–180.
- 77.*Sirotkina I. The Politics of Etiology: Shell Shock in the Russian Army, 1914–1918 // Madness and the Mad in Russian Culture. Angela Brintlinger and Ilya Vinitsky, eds. Toronto: University of Toronto Press, 2007. P. 117–129.*

Публицистика

1. А.Д. Батальоны смерти и дело жизни // Известия Всероссийского Совета Крестьянских депутатов. 1917. 2 июля.
2. Андрианов П. Клятвенное обещание. На память молодому воину о великом дне присяги. Одесса 1915г. – 48 с.
3. Афанасий, архимандрит. Об отсутствии патриотизма у штундобробптистов. Харьков: Епархиальная Типография, 1915. – 16 с.
4. Бонч-Бруевич. В. Из мира сектантов. Сборник статей. М.: Государственное издательство, 1922. — 330 с.
5. Булгаков В. Лев Толстой и наша современность (о путях к истинному возрождению). М.: Общество истинной свободы в память Л.Н. Толстого, 1919. – 32 с.
6. Булгаков В. Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого. М.: Издание Издательской комиссии Москов. Совета Солдат. Депутатов, 1917. – 235 с.
7. Булгаковский Д.Г. Русский солдат на войн в прежнее время и теперь. Петроград.,1916. Петроград: Книгоиздательство М.В. Попова, 1915. – 95 с.
8. Воловей Феодосий Стефанович. Война по учению божественного откровения и Христовой церкви / Прот. 46 зап. Пех. полка. Одесса, 1916. – 23 с.
9. Восторгов И. Вражеский духовный авангард. «Немецкая вера». К вопросу о сущности русского сектантства. М.: Русская печатня, 1914. – 16 с.
- 10.Иванов Д.Л. О войне и воинском звании (критический разбор учения русских сектантов-рационалистов о войне и воинском звании). К миссионерской полемике. Петроград: Скворцов, 1915. – 20 с.

11. Коммунисты и сектанты. М., 1919. – 16 с.
12. Космодамианский Петр. Штундобаптизм пред судом современных событий. Тамбов: Электро-типография губернского правления, 1915. – 47 с.
13. Настроение сектантов Киевской епархии и поведение их во время войны: (К вопросу о рус. сектантстве, как одном из видов нем. засилия в России). Киев: Киев. епарх. миссионер. совет, 1915. – 16 с.
14. Попелишев В.Е. Душа русского воина (историко-психологический очерк). Посвящается русскому юношеству. Пг., 1917. – 28 с.
15. Преображенский И.В. Душевная красота и доблесть русского солдата. Пг., 1916. – 96 с.
16. Свенцицкий В., свящ. Война и Церковь. Ростов-на-Дону, 1919. – 36 с.
17. Трегубов И.М. Сектанты коммунисты // «Правда». 20 июля 1919 г. № 158 в кн.: Коммунисты и сектанты. М., 1919.

Дневники, воспоминания, письма

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Олма-Пресс; Звездный мир, 2004. – 449 с.
2. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. Л.: ГИЗ, 1927. Т. 2. – 284 с.
3. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. М.; Л., Госиздат, 1928. Т. 1. – 344 с.
4. Дневник Штукатурова // Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. Москва. 1919. Выпуск I-й. С. 133–170.
5. Днепровский Александр. Записки дезертира: Война 1914–1918. Нью-Йорк: «Альбатрос», 1931. – 102 с.

6. Ляховъ М.Н. По Галиціи, три года назад. Казань, 1917: переиздание: Б.м.; Ляхов Ю.Б., 2002. – 20 с.
7. Матвеев Лука. Очерки войны. М.: Московская типография Росс. Фед. Сов. Респ., 1918. – 32 с.
8. Молостцова Е.В. Солдатские письма. Казань, Лито-типография «Умид», 1917. – 98 с.
9. Оськин Д. Записки прапорщика. М.: Федерация, 1931. – 349 с.
10. Оськин Д. Записки солдата. М.: Федерация, 1929. – 334 с.,
11. Письма с войны 1914–1917 / Составление, комментарии и вступительная статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса / М.: Новый Хронограф, 2015. – 800 с.
12. Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М.: ИРИ РАН, 1995. – 309 с.
13. Солдатские письма 1917 года. Подготовлены к печати О.Н. Чаадаевой с пред. М.Н. Покровского. М.; Л.: ГИЗ, 1927. – 167 с.
14. Степной Н.А. Записки ополченца / Н. Афиногенов (Н. Степной). Пг., 1917. – 88 с.
15. Федорченко С.З. Народ на войне. М.: Советский писатель, 1990. – 400 с.
16. Федорченко С.З. Народ на войне. Фронтовые записи. Киев: изд. подотд. Ком. Юго-Зап. фронта Всерос. зем. союза, 1917. – 140 с.
17. Фурманов Дм. Дневник (1914–1915–1916). М.: Московский рабочий, 1929. – 316 с.
18. Черепанов А. И. Поле ратное мое. М.: Воениздат, 1984. – 304 с.
19. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русская армия и флота. В 2 т. М., Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. т. 1. – 414 с.

Российский государственный военно-исторический архив

- Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1–2.
- Ф. 29. Канцелярия Военного министерства. Оп. 3/184.
- Ф. 338. Центральная научно-техническая лаборатория Военного ведомства. Оп. 1.
- Ф. 366. Военный кабинет министра председателя и политического управления Военного министерства. Оп. 1–2
- Ф. 391. Коллекция материалов Первой мировой войны. Оп. 1–2.
- Ф. 400. Главный штаб. Оп. 15, 19, 21, 23.
- Ф. 499. Главное интендантское управление. Оп. 2–3, 5, 12
- Ф. 506. Техническая часть Главного артиллерийского управления. Оп. 1–2.
- Ф. 801 Главное военно-судное управление. Оп. 18–19, 21–26, 28, 30.
- Ф. 918. Клиника душевных и нервных болезней.
- Ф. 970. Военно-походная канцелярия при Императорской главной квартире. Оп. 3.
- Ф. 1343. Петроградский военный округ. Оп. 2, 6, 8, 10.
- Ф. 1720. Казанский военный округ. Оп. 11.
- Ф. 1759. Киевский военный округ. Оп. 3, 4.
- Ф. 1923. Минский военно-окружной суд. Оп. 1.
- Ф. 1932. Двинский военный округ. Оп. 1–13, 15.
- Ф. 2000. Главное управление Генерального Штаба. Оп. 1-3, 9, 10, 15, 16
- Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 1–3.

Ф. 2004. Управление начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем. Оп. 1-4.

2005. Военно-политическое и гражданское управление при Верховном Главнокомандующем. Оп. 1.

2006. Управление полевого инспектора инженерной части при штабе Верховного Главнокомандующего. Оп. 1.

Ф. 2007. Полевой штаб казачьих войск. Оп. 1.

Ф. 2009. Особое делопроизводство при главном полевом интенданте Штаба Верховного Главнокомандующего. Оп. 1.

Ф. 2018. Управление главного полевого санитарного инспектора при штабе Верховного главнокомандующего. Оп. 1.

Ф. 2019. Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Оп. 1-2.

Ф. 2020. Канцелярия главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта. Оп. 1.

Ф. 2031. Штаб Главнокомандующего армиями Северного фронта. Оп. 1-2, 4.

Ф. 2032. Управление Главного начальника снабжений армий Северного фронта. Оп. 1.

Ф. 2033. Управление начальника военных сообщений армий Северного фронта. Оп. 1.

Ф. 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта. Оп. 1-2.

Ф. 2049. Канцелярия Главного начальника снабжений армий Западного фронта.

Ф. 2067. Штаб Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп. 1-2.

Ф. 2068. Канцелярия Главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта. Оп. 1.

Ф. 2070. Управление начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта. Оп. 1.

Ф. 2106. Штаб 1-й армии. Оп. 1–4, 8.

Ф. 2110. Штаб 2-й армии. Оп. 1–4, 6.

Ф. 2113. Штаб 3-й армии. Оп. 1–3.

Ф. 2118. Штаб 4-й армии. Оп. 1–4.

Ф. 2122. Штаб 5-й армии. Оп. 1–4, 6–7.

Ф. 2126. Штаб 6-й армии. Оп. 1–4, 7.

Ф. 2129. штаб 7-й армии. Оп. 1–3.

Ф. 2134. Штаб 8-й армии. Оп. 1–4, 7.

Ф. 2139. штаб 9-й армии. Оп. 1–3, 6.

Ф. 2144. Штаб 10-й армии. Оп. 1–3.

Ф. 2148. Штаб 11-й армии. Оп. 1–3, 6.

Ф. 2152. Штаб 12-й армии. Оп. 1–4, 9.

Ф. 2158. Штаб Особой армии. Оп. 1–3.

Ф. 13159. Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию нарушений законов и обычаев войсками Германии и Австро-Венгрии. Оп. 1, 4, 6, 7.

13835. Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро при Главном управлении Генерального Штаба. Оп. 1.

13836. Петроградское военное почтово-телеграфное контрольное бюро. Оп. 1.

16142. Военно-судные дела корпусных и армейских судов. Оп. 1–2, 4.

16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских войск. Оп. 1.

Российский государственный исторический архив.

Ф. 806. Духовное правление при Протопресвитере Военного и морского духовенства Синода. Оп. 5.

Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Оп. 10.

Ф. 1405. Министерство юстиции. Оп. 532.

РГВА

Ф. 54. Главное управление РККА (ГУРККА). Оп. 1.

Государственный архив Российской Федерации.

Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов. Оп. 4.

Российский государственный архив экономики.

Ф. 1562. Центральное статистическое управление. Оп. 21. (Отдел военной статистики).

Государственный музей истории религии.

Ф. 2. В.Д. Бонч-Бруевич.

Ф. 5. Е.М. Молоствова.

Ф. 7. М.С. Дудченко.

Ф. 13. И.М. Трегубов.

Ф. 16. К.С. Шохор-Троцкий.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея

Ф. 137. Военно-исторический музей.

Ф. 402. Старая Москва.

Ф. 424. Собрание документальных материалов периода буржуазно-демократических революций в России.

Российский государственный архив литературы и искусства

Ф. 423. Л.Н. Войтоловский.

Ф. 611. С.З. Федорченко.

Ф. 1518. В.И. Симаков.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 435. К.С. Шохор-Троцкий.

Исследовательская литература

1. Абаканович Н.В. Исторический обзор организации и устройства проволочной связи во 2-й армии в войну 1914 – 1918 г. // Военно-инженерный сборник. Кн. 1. М., 1918. С. 197–336.
2. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века М.: Наука, 2004. – 600 с.
3. Анисков В. Т. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль: Изд-во Вологод. ИПКИППК, 1998. – 286 с.
4. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 1996. – 304 с.
5. Аншелес И.И. Брак, семья и развод. М.: Госюриздат, 1925. – 232 с.
6. Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: СПГУТД, 2005. – 425 с.
7. Аранович А.В. Система вещевого довольствия русской армии накануне и в Первой мировой войне // Доклады академии военных наук СГУ. 2006. № 5. С. 85–90.
8. Аранович А.В. Система продовольственного довольствия войск накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых. 2005. № 1. Серия: Исторические науки. 2005. № 1. С. 18–26.
9. Ахун М. К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-

демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 90–95.

10. Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. – 130 с.
11. Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество, 1900–1941 годы: Статьи, документы. М.: Институт российской истории РАН, 1999. С. 51–76.
12. Байдаков А.В. Православное духовенство русской армии и флота (вторая половина XIX – начало XX века). Дисс.... канд. истор. наук. М., 1995. – 287 с.
13. Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол.: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 28–48.
14. Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 752–774.
15. Бахурин Ю. «Бить и стрелять беглецов...» Заградотряды в Русской армии в Первую мировую войну – правда или вымысел? // «Актуальная история» // http://actualhistory.ru/zagradotryady_ria
16. Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры. В двух частях. Часть 2. М.: ВЛАДОС, 2002. – 400 с.
17. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военного экономического потенциала. М.: Наука, 1986. – 238 с.
18. Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг.: (Обработка общественного мнения). М.: Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1928. – 168 с.

- 19.Борев В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986. М.: Наука, 1986. – 303 с.
- 20.Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
- 21.Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 969 с.
- 22.Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914-1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.
- 23.Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль: /Материалы всерос. науч. конф., сост. 14-15 нояб. 1995., г. Москва/. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 55–75.
- 24.Буржуазная массовая культура. Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. М.: Политиздат, 1985. – 432 с.
- 25.Введение в гендерные исследования: В 3 ч. // Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001.
- 26.Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 809 с.
- 27.Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. Спб.: «Дмитрий Буланин», 1996. – 801 с.
- 28.Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи / Р.Я. Внуков. Орел: О-во исследования Орловск. края, 1929 (тип. Изолятора). – 30 с.
- 29.Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с.
- 30.Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. М.: РОССПЭН, 2005. – 463 с.

31. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. М.: РОССПЭН, 2006. – 415 с.
32. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., Воениздат, 1993. – 368 с.
33. Волков С.В. Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 165–181.
34. Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война 1914–1918. М.: Наука, 1968. С. 145–147.
35. Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 87–91.
36. Гаркавенко Д.А. Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 г. М.: Наука, 1981. С. 30–45.
37. Геллнер Э. Мифы класса и пришествие национализма // Путь. 1992. № 1. С. 10–20.
38. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. – С. 320.
39. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 г.г. Кн. 1. Париж, 1937. – 169 с.
40. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т 1–2. Париж, 1939.
41. Гордеев Ю.Н. Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами в первой мировой войне 1914–1918 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1999. – 34 с.

42. Гордеева И.А. Георгий Гапон, Иван Трегубов и идея всеобщей мирной стачки: к интеллектуальной истории политических проектов религиозной общественности // Революционаризм в России: символы и цвета революции. 100-летию первой русской революции посвящается. Сборник статей. М.: РГГУ, 2005. С. 41–61.
43. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 446.
44. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. – 280 с.
45. Гужва Д.Г. Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны. Новосибирск, 2009. Новосибирск: Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт), 2009. – 168 с.
46. Данилов Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 22–39.
47. Добророльский С.А. Мобилизация армии // Военный сборник. №. 1. Белград. 1921. С. 93–110.
48. Дюркгейм Э., проф. социологии. СПб.: Н.П. Карбасников, 1912. – XXXII, 541 с.
49. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л.: Наука 1978. – 246 с.
50. Жишов Э.Б. Язык военно-революционных документов эпохи Великого октября (В сопоставлении с языком дореволюционной военной документации 1914-1917 гг.). Автореферат кандидата филологических наук. М., 1974. – 24 с.
51. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: ООО Издательство «Полигон», 2002. – 800 с.
52. Захаров М. Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну// Война и революция. 1931. Кн. 1. С. 52–60.

53. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) М. Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 302 с.
54. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. – 443 с.
55. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. – 256 с.
56. Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. монография. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 484 с.
57. Иванов А.И., Щербинин П.П. Женщина и война в поэзии и повседневности в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2001. Изд-во ТГУ 2001. – 130.
58. Ивашко М.И. Военное и морское духовенство России (XVIII – начало XX Военное Ведомство.): Историографическое исследование. М.: Издание Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского, 2005. – 194 с.
59. Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии» // Вопросы философии, 1967. № 7. С. 114–124.
60. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. М.: Логос, 2000. – 431 с.
61. История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М.: Изд. ОГИЗ, 1935. – 376 с.
62. История повседневности: сборник научных работ. С.-Пб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2003. – 207 с.
63. Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2). С. 143–144.
64. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов: 1917–1920 гг. М., 1988. С. Наука, 1988. – 280 с.
65. Кандидов Б. Церковный фронт в годы мировой войны. М.: Атеист, 1929. М.: Атеист, 1927. – 147 с.

66. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. М.: «Голос», 1994. – 358 с.
67. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический Проект, 2009. – 943 с.
68. Клибанов А.И. Сектантство и строительство вооруженных сил Советской республики (1918-1921 гг.) // Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки). М.: Наука, 1969. С. 188–208.
69. Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в Мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М., 1926. М.: Государственное военное издательство, 1926. – 176 с.
70. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., Наука. 1991. – 487 с.
71. Костриков А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2. С. 145–198.
72. Кочаков Б.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 205. Вып. 24. С. 60–86.
73. Кошман. Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. – 448 с.
74. Кульчицкий А.М. Военное духовенство и I Мировая война. Реформы отца Георгия Шавельского. Дипломная работа (Машинопись). М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2000. – 100 с.
75. Ларин Е.И. Массовое сознание и массовая культура (на примере российского общества). Автореферат дисс.... канд. филос. наук, Ростов-на-Дону, 2003. – 24 с.
76. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. ИПЛ, 1969. Т. 26. – 583 с.

- 77.Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 285–365.
- 78.Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. Пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона. М.: РОССПЭН, 2010. – 285 с.
- 79.Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 77–100.
- 80.Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. М., 1998. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1998. – 512 с.
- 81.Маловичко С.И. «Пространственный поворот» в историографии и новая локальная история // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Часть II. М., 2008. С. 439–442.
- 82.Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории (вступительная статья) // Новая локальная история. Выпуск 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 8–22.
- 83.Маргулис Н. «Слово наше – это сила и оружие»: Литературная пропаганда в «испанском конфликте» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских исследователей. М.: «АИРО-XX, 2002. С. 158–176.
- 84.Маркович Д. Социология труда. М, 1988. Москва.: Прогресс, 1988. – 632 с.
- 85.Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – 689 с.

86. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М: ООО «Издательство АСТ», 2002. М: ООО. Издательство АСТ, 2002. – 526, [2] с
87. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–113.
88. Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. Очерк. М.: Наука, 2002. – 686 с.
89. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Издательство: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. – 548 с.
90. Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. М.: РОССПЭН, 1999. С. 246–286.
91. Михеев С. Военно-исторические примеры. М.; Л., 1928. М.; Л.: Отдел Военной Литературы, 1928. – 196 с.
92. Мовчин Н. Комплектование красной армии. (исторический очерк). М: издание военной типографии Упр. Делами Наркомвоенмори РСФСР, 1926. – 292 с.
93. Мовчин Н., А.Г. Дезертирство военное // Большая советская энциклопедия. М., 1930. Том двадцатый. Стб. 834.
94. Мозговой С.А. Военное духовенство // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. – С. 208.
95. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.

96. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) М.: Новый хронограф. 2010. – 440 с.
97. Нагорная О.С. Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол.: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 534–552.
98. Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол.: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488–502.
99. Нелипович С.Г. Альтернативная служба в России во время Первой мировой войны // Российская государственность XX века. Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина, 16 декабря 2000 г. М.: РГГУ, 2001. С. 133–141.
100. Нелипович С.Г. «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западный фронт в кампанию 1916года. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.
101. Нелипович С. Г. Кровавый октябрь. 1914 года. М.: Минувшее, 2013. – 808 с. / Век двадцатый. (к 100-летию Первой мировой войны).
102. Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. М.: Квадрига, 2017. – 282 с.
103. Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М.: Издание Военной Типографии Управления Делами НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР, 1926. – 128 с.
104. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. Под ред. акад. В.В. Алексеева. М., 2000. Рос. акад. наук. Ур. отд-ние, Ин-т истории и археологии . М.: Наука, 2000. – 244, 2 с.

105. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. – 430 с.
106. Павлюченков С.Л. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. Русское книгоизд. т-во, 1996. – 302 с.
107. Пархоменко Т.А. Культура России и просвещение народа во второй половине XIX – начале XX века. М., 2001. М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. – 257 с.
108. Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А. Позиционная война. Пг., 1917. – 59 с.
109. Патрушев А.И. Теории модернизации и их модернизация // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 3. // Труды исторического факультета МГУ. Под ред. С.П. Карпова. Информационно-аналитический бюллетень центра теоретических проблем исторической науки. М. Изд-во МГУ, 2000. С. 50–68.
110. Переслегин С.Б. Приложение к книге Б. Г. Лиддел-Гарта «Стратегия» // Лиддел Гарт Б.Г. Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М.; СПб: АСТ, Terra Фантастика, 2003. С. 475–479.
111. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
112. Поляков Г. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. – 536 с.
113. Поршнева О.В. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: «РОССПЭН», 2004. – 366 с.
114. Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 158 с.
115. Потапов Н.М. Печать и война. М.; Л.: Воениздат, 1926. – 82,2 с.

116. Почепцов Г. Психологические войны. М.; Киев, Рефл-бук, Ваклер, 2002. – 529 с.
117. Почепцов Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 656 с.
118. Протасов Л.Г. Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем // История СССР. 1977. № 1. С. 34–41.
119. Пути сообщения на театре войны 1914–1918 г. Краткий отчет Управления путей сообщения при штабе Верховного Главнокомандующего. Ч.1. М., 1919. – 462 с.
120. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. – 496.
121. Райх В. Сексуальная революция. СПб.; М., СПб-М.: Университетская книга; АСТ, 1997. – 352 с.
122. Рашковская М.А., Рашковский Е.Б. «Милые братья и сестры...» Страницы истории толстовского движения 1914–1917 // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1989–1990. М.: Восточная литература, 1993. С. 154–168.
123. Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. – 576 с.
124. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2, испр. и доп. М.: ЛКИ, 2009. – 315 с.
125. Рожков А.Ю. «Казарма хуже тюрьмы»: Жизненный мир красноармейца 1920-х годов // Военно-историческая антропология: Актуальные проблемы изучения: Ежегодник 2005/2006. М., 2007. С. 257–284.
126. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В двух томах. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002. Т. 2. – 205 с.
127. Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.) /

- отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федеральное арх. агенство; Рос. ист. о-во. М.: [ИРИ РАН], 2014. – 712 с.
128. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. Ред. Ю.А Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 982 с.
129. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 1. / Отв. ред. А.В. Голубев. М.: ИРИ РАН, 2000. – 364 с.
130. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. – 618,4 с.
131. Роткирх Фон-Трак. Прорыв русского карпатского фронта у Горлицы–Тарнова в 1915 г. Пб., Государственное издательство, 1921. – 88 с.
132. Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь. Книга первая: Распоряжения и действия святейшего синода. В 1914–1915 гг. Пг.: Синод. тип., 1916.– 357 с.
133. Сазонов Л.И. Численность русской армии в войну 1914–1918 г. // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 г.г. Вып. первый. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 139–152.
134. Свифт Э. Развлекательная культура городских рабочих конца XIX – начала XX века// Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2001. С. 304–347.
135. Сенин А.С. Армейское духовенство России в первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. №10. С.159–165.
136. Сенявская Е.С. 1941–1945: фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. – 220 с.
137. Сенявская Е.С. Женщина на войне глазами мужчин. (Психологический экскурс в историю России) // Российская

- ментальность: методы и проблемы изучения. Мирвосприятие и самосознание русского общества. Вып. 3. М., 1999. С. 217–219.
138. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.
139. Сенявская Е.С. Психология войны XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
140. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке как историко-теоретическая проблема // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. // Труды исторического факультета МГУ. Под ред. С.П. Карпова. 8. Информационно-аналитический бюллетень центра по теоретическим проблемам исторической науки. М., 1999. С. 75–92.
141. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. – 232 с.
142. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН, 2017. – 421 с.
143. Степанов А.И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. С. 474–484.
144. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч.6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года / Сост. А.М. Зайончковский. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. – 138 с.
145. Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. – 616 с.
146. Сулейман Н. Тыл и снабжение действующей армии. Часть вторая. Фронт и армия. М.; Л.: Государственное издательство, отдел военной литературы, 1927. – 544 с.

147. Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизона (февраль 1917 – март 1918 г.). СПб.: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 376 с.
148. Трошин А.А. Социальная деструкция как объект культурологического анализа. Автореферат дисс. к.ф.н. М., 1999. – 24 с.
149. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. Вып. I. – 227 с.
150. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М. Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 561 с.
151. Фастовцов Г.А. Криминальная агрессия комбатантов с посттравматическим стрессовым расстройством (клинический и судебно-психиатрический аспекты). Дисс... докт. мед. наук. М., 2010. – 449 с.
152. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. М., 1999. – 261 с.
153. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции: Брестский мир. М.: ТЕРРА, 1992. – 656с.
154. Фирсов С. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: РХГИ, 1996. – 660 с.
155. Фонотов А.Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. М.: Наука, 1993. – 272 с.
156. Фонотов А.Г. Россия: инновации и развитие. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. – 431 с.
157. Френкин М. Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен, Изд. Logos, 1978 г. – 750 с.

158. Фрунзе. М.В. Избр. произв. М., 1965. М.: Воениздат, 1965. – 528 с.
159. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. – 478 с.
160. Хелл Д. Ландшафт депрессии / Пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М.: Алетейа, 1999. – 280 с.
161. Хмелевская Ю.Ю. Британская армия в 1914–1915 гг.: от эйфории патриотизма к психологии большой войны // Из британской истории нового и новейшего времени. Челябинск, Изд-во Челябинского государственного университета, 1992. С. 51–66.
162. Хрящева А. Крестьянство в войну и революцию. М., 1921. М.: ЦСУ РСФСР, 1921. – 47 с.
163. Цабель С.А. Фронт // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. «Энциклопедический словарь». Том XXXVIa. СПб., 1902. С. 816–817.
164. Царская армия в период мировой войны и февральской революции: (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань: Татиздат, 1932. – 239 с.
165. Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М.; Л., Соцэкгиз, 1935. – 79 с.
166. Чертков В., Шохор-Троцкий К. Докладная записка об отношении к отказывающимся по религиозным побуждениям от военной службы. М., 1917. – 11 с.
167. Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии: Монография. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2000. – 223 с.
168. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918гг.). М.: Воениздат, 1956. – 332 с.
169. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. – 418 с.

170. Щекин М.В. Как жить по-новому. Кострома, изд. автора, 1925. – 68 с.
171. Энгельстейн Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890-1905) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара. 2000. С. 217–268.
172. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
173. Эткинд А. Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее: Исторический альманах. 19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С. 275–319.
174. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2002. – 539 с.
175. Юрьева Л.Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев: «Сфера», 2002. – 224 с.
176. Яковкина Н.И. История русской культуры XIX век. СПб., 2002. СПб.: Лань, 2002. – 576 с.
177. Яковлев В.В. Позиционная война и краткие сведения о крепостях и их атаке и обороне. Пг., 1916. Петроград., Типография «Двигатель», 1916. – 58 с.
178. Яковлев В.В. Укрепление полевых позиций и конструкция фортификационных построек (по данным, полученным с фронта). Пг., 1915. Петроград, типография Главное военно-техническое управление. 1915. – 51 с.
179. Якупов Н.М. Революция и мир (солдатские массы против империалистической войны 1917 – март 1918 гг.). М.: Мысль, 1980. – 244 с.
180. Ashworth Tony Trench warfare, 1914–1918: The live and let live system. L.: Pan Books, 2000. – 288 p.

181. Beyrau Dietrich. *Krieg und Revolution: Russische Erfahrungen*. München: Brill Deutschland GmbH, Paderborn, 2017. – 311 s.
182. *Body Composition and Physical Performance: Applications for the Military Services* Publisher: National Academies Press, 1992. – 356 p.
183. Bradley J. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1985. – 422, 16 p.
184. Burbank J. *A Question of Dignity: Peasant legal Culture in Late Imperial Russia // Continuity and Change*. 10, 1995, P. 391–404.
185. Bushnell Y. *Peasant Economy and Peasant Revolution at the Turn of the Century: Neither Immigration nor Autonomy // Russian Review*, 47. 1988. P. 75–88.
186. Bushnell Y. *Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society// Journal of social history*. Summer 1980. V. 13. № 4. P. 565–576.
187. Christoph Jahr. *Gewöhnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914-1918*. Göttingen, 1998. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht 1998. – 419 S.
188. Eklof B. *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914*. Berkeley, CA, 1986. – XV, 652 p.
189. Ferro M. *Russia: Fraternization and Revolution // Meetings in No Man's Land: Christmas 1914 and Fraternization in the Great War*. London : Constable, 2007. P. 212–233.
190. Florinsky M. T. *The End of the Russian Empire*. New Haven, 1931. – 272 p.
191. Frank Stephen P. *Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914*. Berkeley: University of California Press, 1999. – XXII + 352 pp.

192. Gatrell P. A whole empire walking. Refugees in Russia during World War I. Indiana University Press, Bloomington, Indiana. 1999. – XIV, 317 p.
193. Gatrell, Peter. Russia's First World War: a social and economic history. L. Pearson Education ltd., 2005. – 318 p.
194. Golovine N.N. The Russian Army in the World War. 1931. – XV, 286 p.
195. Height, Health and History: Nutritional Status in the United Kingdom, 1750–1980. L.: Hardcover, 2006. P. 142–149.
196. Horn John. Introduction: mobilizing for «total war», 1914–1918 // State, society and mobilisation in Europe during the First World War. Cambridge, 1997. P. 1–18.
197. Johnson R. Peasant and Proletarian; J. H. Bater, Transience, Residential Persistence, and Mobility in Moscow and St Petersburg, 1900–1914 // Slavic Review. 39. 1980. P. 239–254.
198. Jukes G. The First World War: The Eastern Front 1914–1918. Essential Histories 13, Oxford: Osprey Publishing, 2003. – 94 p.
199. Kohn Stanislav and Meyendorff A.F. The Cost of the War to Russia: The Vital Statistics of European Russia During the World War, 1914–1917. New Haven, 1932. – XV, 219 p.
200. Korelin A.P. The Social Problem in Russia, 1906–1914: Stolypin's Agrarian Reform // T. Taranovski (ed.). Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge, 1995. 139–162.
201. Leed E.J. Fateful Memories: Industrialized War and Traumatic Neuroses // Journal of Contemporary History, Vol. 35, No. 1, Special Issue: Shell-Shock. Jan. 2000. P. 85–100.
202. Leed E.J. No Man's Land: Combat & Identity in World War 1. L.: Cambridge, 1979. – XII, 257 p.

203. Lincoln W.B. *Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918*. New York: Simon and Schuster, 1986. – 637 p.
204. Moon D. *Late Imperial peasants // Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honour of R. B. McKean*. Ian D. Thatcher: Bonus ... Manchester University Press, September 2005. P. 120–145.
205. Neuberger J. *Hooliganism: crime, culture and power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley: University of Calif. Press, 1993. – 324 p
206. Osborne E.B. (Ed). *The Muse in Arms*. L., 1917. P. London : J. Murray, 1917. – XXXVIII, 295 p.
207. Pallot J. *Land Reform in Russia 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford: Oxford University Press, 1999. – 272 p.
208. Pedroncini G. *Les mutineries de 1917*. P., Presses universitaires de France, 1967. – 328 p.
209. Popkins G. *Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, Provincial Boards and the Legal Appeals Process, 1891–1917 // Slavonic and East European Review*. 2000. 90–114 p.
210. Rosenberg W.G. *Reading Soldiers' Moods: Russian Military Censorship and the Configuration of Feeling in World War I // American Historical Review* 119, no. 3 (June 2014). P. 714–740.
211. *Russian Agriculture during the War: Rural Economy*, by Alexis N. ANTSIFEROV, Alexander D. BILIMOVICH, Michael O. BATSHEV and Dimitry N. IVANTSOV; *The Land Settlement*, by Alexander D. BILIMOVICH. 1930. – XI + 394 pages, index.
212. Sanborn J. A. *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925*. Northern Illinois University Press, 2003. – 288 p.

213. Schumann, Dirk. Political violence in the Weimar Republic, 1918–1933: fight for the streets and fear of civil war. New York : Berghahn Books, 2009. – 398 p.
214. Seregny S J. Russian Teachers and Peasant Revolution: Hie Politics of Education in 1905. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1989. – X+292 p.
215. Seregny S. J. Zemstvos, Peasants and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I Author(s) // Slavic Review, Vol. 59, No. 2. Summer, 2000. P. 290–329.
216. Shumann D. Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuitaet der Gewalt // Journal of Modern European History. 1. 2003. S. 24–43.
217. Sirotkina I. The Politics of Etiology: Shell Shock in the Russian Army, 1914–1918 // Madness and the Mad in Russian Culture. Angela Brintlinger and Ilya Vinitsky, eds. Toronto: University of Toronto Press, 2007. P. 117–129.
218. The Cost of the War to Russia, by Stanislas KOHN and Alexander F. MEYENDORFF. New Haven, 1932. – 215 p.
219. Twarog S. Heights and living standards in Germany, 1850–1939: the case of Wurtemberg // Richard Steckel and Roderick Floud, editors, Health and Welfare during Industrialization. National Bureau of Economic Research Policy Report. Chicago: University of Chicago Press, 1997. S. 285–327.
220. Waters E. Family, Marriage and Relations Between the Sexes // Critical companion to the Russian Revolution 1914–1921. L.; Sydney; Auckland, 1997. P. 359–369.
221. Wcislo F.W. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855-1914. Princeton, NJ, Princeton University Press1990. – P. 376.

222. Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia. The Question of Hooliganism. 1905–1914 // *Slavic Review*. Vol. 37, № 2. June 1978. P. 228–240.
223. Wildman A. The end of the Russian Imperial Army: The old army and the Soldiers revolt. March to April 1917. N. Y., Princeton, Princeton University Press, 1979. – 434 p.

Справочники и указатели

1. Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. – 752 с.
2. Нешкин М.С., Шабанов В.М. (сост.) Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М.: РОССПЭН, 2006. – 366 с.
3. Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995.
4. Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. – 922 с.
5. Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М., 1959.
6. The Oxford Handbook of War. Edited by Julian Lindley-French and Yves Boyer. Oxford Handbooks in Politics & International Relations. – 736 p.